

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

КАФЕДРА ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

ПРЕДМЕТ: ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

На правах рукописи

Иерей Павел Ефремов

**Мемуары и дневники из фондов Русского заграничного
исторического архива как исторический источник по истории Русской
Православной Церкви 1917-1927 гг.**

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата богословских наук

**Научный руководитель
профессор, доктор фил. наук
Кириллин В.М.**

Сергиев Посад

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ ИЗ ФОНДОВ РУССКОГО ЗАГРАНИЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА КАК ИСТОЧНИКОВЫЙ КОМПЛЕКС	38
1.1. История формирования и структура Русского заграничного исторического архива	38
1.2. Мемуары и дневники из фондов Русского заграничного исторического архива как предмет историко-источниковедческого анализа.....	57
1.2.1. Статистический и типологический анализ содержания дневниково- мемуарного комплекса Русского заграничного исторического архива	57
1.2.2. Контент-анализ событий истории Русской Православной Церкви в дневниково-мемуарном комплексе Русского заграничного исторического архива	69
Глава 2. МЕМУАРЫ ИЗ ФОНДОВ РУССКОГО ЗАГРАНИЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА С ИНФОРМАЦИЕЙ ОБ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	81
2.1. Изменения государственно-церковных отношений и жизни мирян и духовенства	81
2.2. Оценка полноты информации о жизни Церкви из мемуаров	196
Глава 3. ДНЕВНИКИ ИЗ ФОНДОВ РУССКОГО ЗАГРАНИЧНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА С ИНФОРМАЦИЕЙ ОБ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ	202
3.1. Информация из дневников фондов Русского заграничного исторического архива об изменениях в государственно-церковных отношениях и жизни мирян и духовенства	202
3.2. Анализ полноты изложения информации в дневниках.....	233
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	238
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	246

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	272
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	274
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	362

ВВЕДЕНИЕ

Нет ничтожных явлений. Как гора состоит из маленьких песчинок, так и широкие исторические картины создаются из мельчайших чёточек, отражающих жизнь.

(А.М. Хирьяков. Выписки из дневника (1919-1923) //

ГА РФ. Ф. Р5881.Оп. 2. Д. 805. Л. 3)

Актуальность. Изучение истории Русской Православной Церкви в первое послереволюционное десятилетие является одной из наиболее актуальных научных задач по нескольким причинам. Во-первых, история этого десятилетия стала одной из самых трагичных страниц в истории Церкви, на неё обрушились гонения, беспрецедентные по своей жесткости и охвату. Знание истории помогает потомкам сделать выводы о причинах возникновения исторических процессов и предотвратить повтор трагических событий в будущем. Во-вторых, продолжается выявление новых источников, в которых содержится информация об истории Церкви после революции. Одним из таких недостаточно исследованных источников являются источники личного происхождения: воспоминания, дневники, личные письма и т.д.

Многие авторы диссертаций и монографий описывают отношения Церкви и государственной власти в различных аспектах: с точки зрения работы антирелигиозных структур, с точки зрения функционирования отдельных органов власти, епархий, приходов, с точки зрения перемен в правовом статусе Церкви. Однако, очень немного сказано о том, как свершившиеся на государственном уровне преобразования Церкви сказались на повседневной жизни православного христианина: как верующие продолжали посещать богослужения, как они сохраняли религиозное чувство

в век поругания Церкви, как отстаивали своё право верить и исповедовать христианскую веру. Есть несколько исследований, посвященных изучению этих сюжетов в связи с деятельностью отдельных религиозных течений, приходов¹ или отдельных личностей², но очень редко говорится о верующих в целом.

Для современной исторической науки всё возрастающую актуальность приобретает проблема исследования человека, его внутреннего мира и его восприятия исторических событий. Такая постановка проблемы позволяет существенно расширить комплекс исторических источников, по-новому исследовать уже поставленные вопросы и обнаружить новые исследовательские задачи. «В исторической науке давно существует понятие “источники личного происхождения”»³, которое объединяет такие документы, как мемуары, дневники, письма, анкеты. Их объединяет ряд общих черт. Во-первых, каждый из них характеризуется наличием конкретного автора. Во-вторых, они репрезентируют реальность на основе тех фактов и событий истории, которые видел автор или о которых получил информацию от непосредственных очевидцев событий. В круг данного исследования входят дневники и воспоминания, благодаря которым становится возможным выявление новых фактов и обнаружение информации, которая имеет отношение к осмыслению происходивших

¹Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. - М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. - 352 с.; Краснов-Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты: в 3 т. - INSTITUT GLAUBE IN DER 2. WELT. CH-8700 KÜSNACHT, 1978. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/istoriya_rpc/levitin_shavrov_ocherki/; Одинцов М.И. Русские Патриархи XX в. (Судьба Отечества и Церкви на страницах архивных документов). - М.: РАГС, 1999. - 334 с.; Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917-1945. - СПб.: Лики России, 1995; Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. - СПб.: Сатисъ, 2006. - 590 с.

² Иоанн (Снычев), митр. Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. - СПб., 1993; Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника: В 2 кн. / Сост. И. Г. Менькова при участии диак. А. Мазырина и Е. И. Большаковой. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005—2006; Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862—1937) / Отв. ред. прот. В. Воробьев. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012; Литвинко, М.В. Государственная власть и Русская православная церковь в СССР в зеркале персональной истории : на примере общественной и церковной деятельности митрополита Гурия (Егорова) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Литвинко Михаил Васильевич; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар, 2018. - 175 с.

³ Кабанов В.В. Мемуары // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: Высшая школа, 2004. - С. 287.

событий их очевидцами. Для того чтобы приобщиться к этим знаниям, необходимо обратиться к широкому кругу источников - к опубликованным и неопубликованным мемуарам и дневникам, хранящимся в архивных фондах.

Революции 1917 года и последовавшие за ними коренные преобразования всех форм общественной жизни и существенные перемены в частной жизни вызвали феномен массового мемуаротворчества и широко распространившегося ведения личного дневника. Этот процесс был интенсифицирован в русском зарубежье благодаря созданию Русского Заграничного Исторического Архива (далее РЗИА), учредители которого сделали одной из своих задач сбор и сохранение материалов, в том числе источников личного происхождения, относящихся к жизни и творчеству бывших русских подданных, оказавшихся в эмиграции. Данное исследование сконцентрировано на исследовании дневникового и мемуарного наследия, хранящегося в архивах РЗИА.

Дефиниции. *Мемуары* – (фр. *mémoires* – воспоминания, лат. *memoria* – память) – это особый вид письменных исторических источников, который отражает восприятие описываемой исторической эпохи, исторических событий и лиц с точки зрения автора. На содержательном уровне мемуарные источники интересны уникальными сведениями, зачастую не встречающимися в других видах исторических источников, позволяющими увидеть картину исследуемых событий более многомерной, узнать об исследуемой личности или историческом событии нюансы и конкретные особенности. Косвенно свидетельства очевидцев также содержат информацию о проявлениях быденной идеологии, менталитета, уровня культурной жизни, позволяют понять обстановку, в которой возник мемуарный текст, историко-культурные причины, спровоцировавшие автора на его создание. В отличие от автора дневников, у мемуариста есть время для уточнения каких-либо фактов, возможность более взвешенно посмотреть на события прошедших лет. Мемуары композиционно и сюжетно организованы в единый связный текст. Как отмечают исследователи, наиболее информативны

мемуары, написанные на основе дневников⁴, более того «дневники зачастую служат источниками или заготовками воспоминаний, которые пишутся позже»⁵. В дневниково-мемуарном комплексе РЗИА хранятся дневники, послужившие позднее или должны были послужить материалом для написания воспоминаний.

Дневники – письменный источник, представляющий собой записи, которые автор вёл регулярно. Функция дневника – фиксация информации для дальнейшего анализа. Повторяющимся элементом этого типа источника является календарная дата, к которой относится запись. Дневники представляют собой записи с синхронной фиксацией событий: переживаемое событие фиксируется в тексте дневника или сразу, или спустя несколько дней, но не лет, как это бывает обычно в случае написания воспоминаний. «Дневники по своей природе более достоверны, нежели воспоминания, – отмечает П.А. Зайончковский. – Им присуща свежесть восприятия, а, следовательно, и более достоверное описание того или иного события»⁶. Дневники отличаются почти полным отсутствием так называемых ошибок памяти, каждая запись датирована, что позволяет получить достаточно точные сведения о времени, когда произошло описываемое событие. Дневники, как правило, более насыщены в сравнении с мемуарами психологической информацией, отображённые в них чувства более яркие и непосредственные. Важно и то, что «дневники, в отличие от большинства воспоминаний, пишутся языком, синхронным событию. Язык времени – вещь, ненамеренно присутствующая в дневниках, но обязательная для реконструкции эпохи в широком смысле слова»⁷. Дневниковому

⁴ Там же. С. 332.

⁵ Журавлев С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. Под ред. А.К. Соколова. — М.: Высш. шк., 2004. С. 141.

⁶ Зайончковский П.А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: в 13 т. Т. 1 / науч. ред. тома проф. П. А. Зайончковский, сост. Г.А. Главатских, Т.Г. Анохина, Г.А. Петрова. М: Книга, 1976. С. 5.

⁷ Журавлев С.В., Кабанов В.В., Соколов А.К. Дневники // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. Под ред. А.К. Соколова. — М.: Высш. шк., 2004. С. 331.

наблюдению подлежат различные явления личной и общественной жизни. Различаются дневники для фиксации ежедневных событий, дневники как рабочий материал для дальнейшего преобразования, дневники для размышления о происходящем, написанные только для себя, и дневники, изначально рассчитанные на обнародование. Отдельным видом дневниковых записей являются профессиональные дневники, в которых объектом наблюдения выступают профессиональная деятельность и протекающие с ней процессы, а также хозяйственные дневники, назначение которых фиксация хозяйственной жизни какого-либо лица или объекта.

В РЗИА встречаются дневники всех этих разновидностей. При работе с дневниками важно установить, кто автор дневника, с какой целью дневник был создан, необходимо установить насколько дневник сохранился в первоизданном виде (не были ли уничтожены его отдельные страницы или части).

Работая с мемуарами и дневниками как историческими источниками, следует держать фокус внимания на исследуемой проблеме. Характерной особенностью этого вида источников является фактографическая насыщенность, но также они очень психологичны. В случае дневников мысль автора может петлять, обрываться, сюжет рассказываемого события может быть утерян и передан частично. В случае мемуаров автор может отвлекаться на рассуждения об описываемых событиях, что-то утаивать для того, чтобы создать ту картину, которую он считает объективной и достоверной. Всегда важен вопрос о том, каков источник сведений автора дневника или мемуара: его личные наблюдения, слухи или какие-то иные источники. Проблема подлинности касается не только сведений в тексте, но и авторства. Имеет значение время и место создания текста, временная дистанция, отделяющая автора от описанных событий, исторические, культурные, социальные, политические, психологические условия возникновения источника. Если текст был создан автором, имеющим вес в какой-либо среде важно установить, как этот текст был воспринят, есть ли сведения об оценках его

содержания, можно ли говорить об определённой степени конъюнктурности текста. Имеет смысл исследовать, каким образом функционировал текст в культуре, был ли он опубликован.

Мемуары и дневники являются инструментом коммуникации, поэтому должны анализироваться в связи со смежными явлениями сфер культуры и политики, а также в контексте других документальных источников, научных и художественных текстов. Исследование мемуаров и дневников РЗИА не может проводиться в отрыве от истории, само его возникновение связано с событиями 1917 года и последующим массовым изгнанием из России значительной части общества. Ряд значимых документов, находящихся на хранении в РЗИА, принадлежат авторам, которые оставили существенный след в истории политики, культуры, религиозной жизни. Возникновение, пополнение фондов и судьба хранения и перемещения архива также является историей коммуникации разных лиц, наций, поколений, причастных к процессам, происходивших с комплексом.

Массовый источник – это источник, являющийся отражением какого-либо массового социального явления и исторического события. В данной исследовательской работе мемуары и дневники рассматриваются как массовый источник в контексте дневниково-мемуарного комплекса РЗИА, отражающий исторические события революции, Гражданской войны, распада Российской империи и образования нового государства, а также процесса эмиграции. Каждый из источников личного происхождения является уникальным, но их множественность образует мемуарно-дневниковый комплекс источников, имеющих исходный стимул создания в одном историческом событии – революции.

Дневниково-мемуарный комплекс – это комплекс дневников и мемуаров, исходным стимулом создания которого было какое-либо значимое историческое событие.

Источниковый массив — это совокупность текстов с определенными показателями: жанр, хронология, география, наличие искомой информации, -

сгруппированных вокруг интересующих исследователя вопросов. В контексте данного исследования источниковый массив – это та часть дневниково-мемуарного комплекса РЗИА, которая содержит информацию об истории Русской Православной Церкви в первое послереволюционное десятилетие.

Дневниково-мемуарная модель – это сконструированная автором исследования совокупность основных аспектов анализируемой проблемы, которые были сохранены памятью авторов мемуаров и дневников и отразились в созданных ими текстах. Дневниково-мемуарная модель имеет выражение в форме подсчитанных упоминаний в тексте ключевых понятий, отражающих исследуемый аспект темы. Полученная путём комплексного анализа дневниково-мемуарного комплекса, дневниково-мемуарная модель позволяет наиболее глубоко рассмотреть поставленную задачу и представить результат исследования в объективных цифровых показателях.

Российская эмиграция. В фокусе внимания настоящего исследования та часть дневниково-мемуарного комплекса РЗИА, которая сформировалась вследствие первой волны российской послереволюционной эмиграции. Волной эмиграции в исследовательской литературе называют период, в течение которого некоторый поток эмиграции начинается, развивается и завершается. Первая волна российской послереволюционной эмиграции приходится на 1918-20-е годы и в основном завершается к концу 20-х годов. Вторая волна относится к концу 20 - началу 30-х годов. Эмиграция из России имела место и до октябрьской революции, поэтому в нумерации эмиграционных потоков в исследовательской литературе есть разночтения. Также есть разные мнения о том, следует ли называть эмиграцию русской или российской.

В кандидатской диссертации речь идёт о первой волне *послереволюционной российской* эмиграции. Эта волна эмиграции начала своё движение после октябрьской революции, развивалась в течение 1920-х гг., и в основном завершилась к концу 1920-х годов. В национальном отношении она состояла не только из русских, но также из украинцев,

белорусов, армян, евреев и представителей других национальностей, для которых общим было их российское подданство, поэтому термин «российская эмиграция» представляется нам наиболее корректным. Далее термин *«первая волна послереволюционной российской эмиграции»* будет употребляться в более кратком варианте *«первая волна эмиграции»*. Социальный состав первой послереволюционной волны русской эмиграции был разнороден, в нём были представители различных социальных слоёв: аристократии, армии, духовенства, творческой, научной и рабочей интеллигенции, рабочих и крестьян.

В российской послереволюционной эмиграции первой волны выделяют несколько основных потоков:

1) Эмигранты из западных областей Российской империи (Москва, Санкт-Петербург и т.д.). Часть из них оказалась в эмиграции невольно после изменения государственных границ и образования новых государств (Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Польша выделились в отдельные государственные единицы, Западная Украина и Западная Белоруссия стали частью Польши).

2) Эмигранты из восточных областей Российской империи (Сибирь и Дальний восток). В основном, эта часть эмиграции образовалась в результате отступления и уничтожения армии А.В. Колчака. Наибольшая часть этого потока оказалась в Китае, затем отправилась в Австралию и Америку.

3) Эмигранты из южных областей Российской империи (Ростов-на-Дону, Кубань, Крым и т.д.). Этот поток следовал за отступающими частями армии генерала П.Н. Врангеля. Маршрут эмиграции с юга пролегал через Константинополь на Балканы и далее в Западную Европу и США.

Были и другие пути эмиграции: с временным возвращением в Москву и Петербург и дальнейшими поисками путей выезда из России, а также другие, но они не имели массового характера.

Тексты дневниково-мемуарного комплекса также отражают события, происходившие на указанных трёх обширных областях территории бывшей Российской империи.

Степень изученности проблемы. Исследование мемуаров и дневников Русского заграничного исторического архива как источника по истории Русской Православной Церкви до сих пор не становилось предметом исследования. РЗИА исследовали как источник по истории Русской Православной Церкви за рубежом, как целостный архивный комплекс и в иных контекстах. В то же время тема находится в фокусе целого ряда научных дисциплин: истории России, истории Русской Православной Церкви, источниковедения, архивоведения, документоведения, филологии. Междисциплинарное положение темы определяет многоплановость её историографии.

Историография проблемы. Выделим три основных направления: 1) исследование мемуаристики и дневников; 2) исследование истории Русской Православной Церкви в послереволюционное время; 3) исследования, посвящённые РЗИА.

1) Исследование мемуаристики в России началось в XIX веке. В течение XX века периоды интереса к мемуарам и дневникам сменялись его спадом. В 1920-е гг. особым интересом пользовались мемуары деятелей революции, их публикация имела идеологическое значение обоснования неизбежности падения самодержавия и революционных перемен. С 1930-х гг. советское источниковедение недооценивало источники личного происхождения как вид исторического источника так как, с одной стороны, не было разработано методики объективного анализа изложенной в воспоминаниях информации, с другой, историческая наука долгое время занималась изучением и реконструкцией значимых исторических процессов, не уделяя внимания истории глазами человека. После Второй Мировой войны и связанной с ней мемуарным взрывом, внимание учёных вновь обратилось к мемуаристике. В 1965 г. Б.Г. Литвак определили мемуаристику

как массовый источник, то есть «совокупность документов, отражающих единичный факт или явление, которые сами по себе могут иметь ограниченный интерес, но сгруппированные в комплекс позволяют выявить некую закономерность»⁸. С 1970-х гг. роль мемуаров как полноценных исторических источников становится выше, признаётся их ценность в описании не только малозначительных исторических событий, но и больших движений истории. Комплексы мемуарных источников рассматриваются уже как массовые источники. Л.А. Курносков отметил: «Учитывая массовость мемуарной литературы в XX в., наилучшим для историка-исследователя выходом будет не привлечение каких-то отдельных воспоминаний и свидетельств. Надо опираться на *комплексный подход, группируя содержание различных мемуаров вокруг интересующих исследователя вопросов* и пытаться создавать объёмное видение того, какими представлялись исторические события современникам и почему менялись их оценки с течением времени»⁹. В 1970-80-е гг. приходит время для обновления взгляда на мемуарные массивы, которые воспринимаются как источник для изучения массовых социальных процессов. Массивы мемуаров приобретают статус зеркала этих процессов: «Массовыми являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определённые общественные системы с соответствующими структурами. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а, следовательно, строение, свойства и состояние самих систем»¹⁰. Как отмечено В. Кабановым, острую необходимость приобретает привлечение новых источников, новое прочтение уже известных и разработка новых способов выявления информации в них. Поэтому возрастает значение источников личного происхождения. Мемуары, дневники, письма и

⁸ Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1979. – С. 6.

⁹ Курносков А.А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. 1976 / гл. ред. Н.И. Павленко. – М.: Наука, 1977. – С. 20. (Курсив мой. – П.Е.)

¹⁰ Источниковедение СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 13.

другие документы, которые прежде воспринимались как «второстепенные» и «субъективные» приобретают новый исследовательский статус¹¹.

В последнее время всё больший интерес вызывают мемуарные комплексы, объединенные по ряду объективных признаков: хронологическому, принадлежности авторов к определенной социальной среде, роду деятельности, политическому течению и другим. Ряд работ посвящён исследованию комплексов мемуаров, объединённых вокруг какого-либо признака.

В монографии Л.А. Колесниковой «Историко-революционная мемуаристика»¹² осуществляется системный подход к изучению воспоминаний посредством применения традиционных исторических методов (проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, текстологический) и количественных методов, разработана «мемуарная модель», то есть сформулированная автором исследования совокупность основных сторон рассматриваемой проблемы, которые были сохранены в памяти мемуаристов и нашли выражение в мемуарном тексте. Мемуарная модель имеет численное выражение в виде посчитанных упоминаний ключевых слов и понятий.

По мнению автора, мемуарная модель, полученная путем анализа массива мемуарных текстов, позволяет наиболее глубоко исследовать поставленную исследователем задачу. Л.А. Колесникова исходит из концепции «мемуарного взрыва», который в XX веке в России произошел дважды. Первый вызван русскими революциями и гражданской войной, второй – Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. Результатом «мемуарного взрыва» 1917-середины 1930-х гг. стал внушительный по объему, сложный по содержанию массив мемуарных источников, рассеянных по отечественным и зарубежным архивам и библиотекам»¹³. Его верхняя

¹¹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. Под ред. А.К. Соколова. — М.: Высш. шк., 2004. С.59-60.

¹² Колесникова Л.А. Историко-революционная мемуаристика (1917-1935). - Н. Новгород, 2004.

¹³ Там же. С. 24.

граница приходится, по мнению автора, на 1935 год, когда наблюдалось массовое недоверие к этому жанру в связи с беспрецедентным ростом репрессий, опасностью вести личные записи. Колесниковой изучена специфика мемуарных комплексов, разделенных по партийному признаку (эсеро-народнический комплекс и социал-демократическая мемуаристика), применена методика количественно-качественного анализа источниковых комплексов к конкретным материалам советской эпохи: в процентном соотношении подсчитано, сколько мемуарных текстов было написано авторами, принадлежащими разным партиям, получен обобщенный социально-психологический портрет русского революционера в целом, уточнены биографические данные некоторых участников революционных событий. Выбранная автором методика позволила получить определенные статистические данные, раскрыть некоторые социально-психологические стороны революционных явлений. Применяемый Л.А. Колесниковой и С.В. Павловской¹⁴ количественный метод анализа мемуарных комплексов позволяет увидеть содержащуюся в них информацию не в описательном ключе, а как *характеристику* определённого явления истории.

С.В. Павловская автор исследования, проблематика которого строится вокруг изучения «воспоминаний и дневников отечественных историков как исторического источника для изучения общественно-педагогической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX вв.». Мемуары учёных историков рассмотрены как носитель исторической информации, обладающий рядом уникальных черт. В числе методов, которые она использует для анализа этого мемуарного комплекса, количественный метод. Обосновывая применение этого метода, С.В. Павловская пишет: «Идеи о скрытой информации применительно к комплексу мемуарных текстов

¹⁴ Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Н.Новгород, 2006. – 26 с.; Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX веков : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09. - Нижний Новгород, 2006. - 293 с.

убедительно показали эффективность такого подхода к мемуарам. Информация, полученная из одного текста дневника или воспоминания историка, – уникальна, но такого же рода информация встречается и в текстах других историков. Применение количественных методов для изучения каждого текста даёт возможность выявить скрытую информацию, характерную для большинства текстов, которая выступает в обобщённом виде не как описание отдельного факта, но как характеристика явления истории, такую информацию можно получить только при рассмотрении дневников и воспоминаний как массовых источников»¹⁵.

И.М. Гарскова и Е.М. Симонженкова в совместной статье «О формализованной методике анализа комплекса мемуарных источников»¹⁶ изложили принципы методики численного анализа в отношении определённого вида источников личного происхождения и применили их. Работа ведётся на материале мемуарного комплекса, ставшего следствием мемуарного взрыва середины XX века. Множественность воспоминаний узников ГУЛАГа позволяет объединить их в комплекс, который в целом призван осмыслить массовые процессы, касающиеся уникальной личности человека. Эти исследователи предлагают метод анализа мемуаристики, основанный на использовании компьютерных технологий. После ознакомления с мемуарными источниками и первичной классификацией интересующие данные вводят в составленный в соответствии с исследовательским запросом алгоритм, в результате обработки данных учёный получает количественные результаты.

В фундаментальном сборнике «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под ред. П.А. Зайончковского в 13 томах собраны мемуары, то есть, воспоминания и дневники, начиная от самых первых, которые доступны для изучения историкам. В первом томе главный

¹⁵ Павловская С.В. Мемуары историков XX в. и их отношение к советской системе власти // Преподавание истории в школе. – 2012. - № 5. – С. 43-48.

¹⁶ Гарскова И.М., Симонженкова Е.М. О формализованной методике анализа комплекса мемуарных источников // Историческая информатика. – 2019. - № 1. – С. 169-188.

редактор озвучивает методологические установки, в том числе приведена классификация источников личного происхождения. Дневники и воспоминания исследователь разделил на 4 разновидности: «1) мемуары общего характера, освещающие эпоху в целом <...>; 2) мемуары, описывающие отдельные события внешней и внутренней политики, научной и культурной жизни страны и т. д.; 3) мемуары, относящиеся к характеристике и деятельности отдельных лиц (государственных и общественных деятелей, революционеров, представителей науки, литературы, искусства), автобиографии и некрологи, если они написаны в форме воспоминаний; 4) воспоминания о путешествиях, дневники путешествий»¹⁷. Представляют интерес пути решения спорных моментов, когда следует определить, относится ли источник к мемуарной литературе или к иному, не мемуарному, жанру, какой процент содержания личных воспоминаний следует считать критичным для использования источника личного происхождения как исторического источника. Согласно логике исследователя, нет строгой формулы, которая помогла бы отделить источник личного происхождения от другого жанра с мемуарными включениями.

В настоящее время источниковедческое изучение источников личного происхождения ведётся в нескольких направлениях. Продолжается традиционное как для исторического исследования, так и литературоведческого анализа изучение отдельных произведений. Широкое развитие получил подход, в основе методологии которого лежит восприятие источников личного происхождения как историко-культурного и социокультурного явления, представленное работами таких исследователей как С.С. Минц, А.Г. Тартаковский, в работах В.В. Кабанова, Л.А. Колесниковой, в коллективной монографии «Источниковедение новейшей

¹⁷Зайончковский П.А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: в 13 т. Т. 1 / науч. ред. тома проф. П. А. Зайончковский, сост. Г.А. Главатских, Т.Г. Анохина, Г.А. Петрова. М: Книга, 1976. – С. 9.

истории России: теория, методология и практика»¹⁸. В монографии проводится мысль о ценности мемуаров и дневников как исторического источника и необходимости их изучения в комплексе с другими группами источников. Применяемый Л.А. Колесниковой¹⁹ и С.В. Павловской²⁰ количественный метод анализа мемуарных комплексов позволяет увидеть содержащуюся в них информацию не в описательном ключе, а как *характеристику* определённого явления истории.

2) В изучении истории церковно-государственных отношений в СССР можно обозначить четыре направления: советская историография, эмигрантская, зарубежная и новейшая российская.

Советская историография изучения истории Церкви достаточно однообразна. В течение долгого времени Церковь характеризовалась как институт, который противостоит социалистическому государству и его целям. Антираелигиозная политика рассматривалась лишь в той мере, в которой было необходимо объяснить меры власти против реакционной и контрреволюционной деятельности Церкви. Во многих исследованиях существовавшие в СССР взаимоотношения власти и Церкви показаны как успешное осуществление гарантированного конституцией принципа свободы совести. Достаточно детально проработан советскими учёными вопрос эволюции советского законодательства относительно конфессиональных вопросов²¹.

К началу 1990-х назрела потребность в пересмотре знаний, касающихся истории Церкви в советское время. В период новейшей историографии изучения истории Церкви в XX в. были открыты документы, ранее не

¹⁸Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др. Под ред. А.К. Соколова. — М.: Высш. шк., 2004. - 687 с.

¹⁹ Колесникова Л.А. Историко-революционная мемуаристика (1917-1935). - Н. Новгород: Б.и., 2004. – 540 с.

²⁰ Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2006. – 26 с.

²¹Клочков В.В. Закон и религия: от государственной религии к свободе совести в СССР. - М., 1982; Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20-80-е годы XX столетия). - М., 1984; Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. - М., 1985; Иванов А.И., Лобазов П.К. Политика Советского государства по вопросам религии и церкви. - М., 1973; Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. - М., 1981.

известные науке, произошёл методологический переворот, началось изучение истории Церкви без давления идеологии. Одним из первых исследований, свидетельствовавших об этом повороте, стал коллективный труд «Русское православие: вехи истории»²², в котором были представлены негативно отдельные эпизоды государственной политики в отношении Церкви в СССР.

Благодаря открытым архивным документам стало возможным воссоздание объективной истории Русской Православной Церкви в XX веке. М.И. Одинцов ввёл в научный оборот материалы Архива Московской Патриархии, документы многих фондов ГА РФ, содержащих информацию о государственно-церковных отношениях, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, представил основанную на новооткрытых документах периодизацию отношения Церкви и советского государства²³.

Прот. Владислав Цыпин – автор одного из наиболее серьёзных исследований истории Церкви в XX веке²⁴. Разнообразные вопросы, относящиеся к истории Русской Православной Церкви в XX веке, поднимались в трудах церковных историков: О.Ю. Васильевой²⁵, А.Л. Беглова²⁶, М.Ю. Крапивина²⁷, С.С. Бычкова²⁸, А.Н. Кашеварова²⁹, С.Л.

²²Русское православие. Вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989.

²³Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести / сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и О. Марка. - М., 1989. - С. 29-71; Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917-1938 гг.). - М., 1991; Одинцов М.И. Русские Патриархи XX в. (Судьба Отечества и Церкви на страницах архивных документов). - М., 1999; Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. - М.: ЦИНО, 2002. - 312с.; Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917-1953 гг. - М, 2014. - 421 [1] с.: ил.

²⁴Цыпин В.А., прот. История Русской Православной Церкви 1917-1997 гг. - М., 1999.

²⁵Русская Православная Церковь: XX в. / О.Ю. Васильева, А. Л. Беглов, А. В. Журавский, Д. В. Сафонов, В. И. Петрушко, С. Л. Фирсов. - М., 2008; Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. М., 2004; Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства. 1943–1948 гг. М., 1999; Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь: Дни тревог и надежд. 1917–1941. Милан, 1999; Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Сборник документов / отв. ред. О.Ю. Васильева. М., 1996

²⁶Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР / Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории. - М., 2008. - 349 с.

²⁷Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917-1941 гг.). - Волгоград, 1993. - 100 с.; Крапивин М.Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (окт. 1917-конец 1930-х гг.). Монография. Волгоград, 1997. - 366 с.

Фирсова³⁰, М.М. Шкаровского³¹, свящ. А.В. Мазырина³². В монографии свящ. Г. Митрофанова «Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг.»³³ рассмотрены и охарактеризованы наиболее важные постановления и послания высшего церковного руководства Русской Православной Церкви, относящиеся к проблеме взаимоотношений центрального руководства Русской Православной Церкви с оказавшимися за рубежом и потерявшими возможность полноценного канонического общения с матерью-Церковью епископами, осуществлявшими руководство церковными общинами в эмиграции. По большей части, за исключением некоторых трудов М.М. Шкаровского, А.В. Мазырина, А.Л. Беглова, С.Л. Фирсова, авторы используют источники личного происхождения как иллюстративный материал. Вопрос о комплексном изучении мемуаристики как источника по истории Русской Православной Церкви в XX веке не ставился учёными, проблему исследования мемуаристики как источника по истории Русской

²⁸ Бычков С.С. Большевики против Русской Церкви. (очерки по истории Русской Церкви). 1917-1941 гг. Т.2). – М., 2006.

²⁹ Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917-1922). – М., 2005.

³⁰ Фирсов С.Л. «Время в судьбе: Святейший Сергей, патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века» СПб., 1999; Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство, 1918 - начало 1940-х гг. Очерки истории". ПСТГУ, 2014.

³¹ Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917-1945. - СПб.: Лики России, 1995. – 208 с.; Два эпизода борьбы с церковью в Петрограде (Публикация М.В. Шкаровского) // Звенья: Ист. альманах. - М.; СПб., 1992. - Вып. 2. - С. 556-579; Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. - СПб., Мемориал», 1999. - 399 с.; Шкаровский М.В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. - СПб.: Нестор, 1999. - 100 с.; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). - М., 1999. - 400 с.; Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. - СПб., 2006. - 590 с.; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М., 2010. – 478.

³² Мазырин А., свящ. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920–1930-х годах / Науч. ред. прот. В. Воробьев. М., 442 с.; Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника: В 2 кн. / Сост. И. Г. Менькова при участии диак. А. Мазырина и Е. И. Большаковой. М., 2005–2006.; Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году. Сборник документов из фонда Реввоенсовета Республики / сост. диак. А. Мазырин, В. А. Гончаров, И. В. Успенский. М., 2006. 304 с.; Лавров В. М., Лобанов В. В., Лобанова И. В., Мазырин А. В. Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М.: Русская панорама, 2008. 376 с.; Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. М., 2010, 2011. 424 с.

³³ Митрофанов Г. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920–1927 гг. СПб., 1995. 144 с.

Православной Церкви в послереволюционное десятилетие можно считать необследованной.

Эмигрантская историография сосуществовала с советской, она представлена такими именами как Н.А. Бердяев³⁴, А.Л. Краснов-Левитин³⁵, протопр. И.Ф. Мейендорф³⁶, Л.Л. Регельсон³⁷, протопр. А.Д. Шмеман³⁸. Анализ событий в этих трудах носит ретроспективный характер. А.Л. Краснов-Левитин как очевидец событий подробно пишет об обновленчестве. Н.Д. Тальберг и И.А. Стратонов³⁹ авторы небольших по объёму трудов, посвящённых краткой истории разделения Русской Православной Церкви на оставшуюся в Советской России Церковь и Русскую Православную Церковь за рубежом. Эти исследователи были современниками происходивших в первое послереволюционное десятилетие событий жизни Церкви и эмоционально реагировали на события, происходившие на их глазах. Н.Д. Тальберг занимает непримиримую позицию: основываясь на доступных ему указах высшей церковной власти, посланиях патриарха Тихона и декларациях местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергия, а также других достаточно широко известных православному сообществу документов, он доказывает, что оставшиеся в России члены Церкви, а также часть духовенства в эмиграции, в том числе митр. Евлогий, нарушили «волю высшей церковной власти – Всероссийского Церковного Собора»⁴⁰ и способствовали расколу Церкви. И.А. Стратонов⁴¹ также на основе церковных актов и указов послереволюционного десятилетия рассматривает Русскую Православную Церковь и оценивает её как чрезвычайно жизнеспособную организацию, сохранившую, несмотря на давление

³⁴ Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. – М., 2006.

³⁵ Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы: 1925-1941. – Париж, 1977; Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки истории русской церковной смуты. 1922-1946. – М., 1996.

³⁶ Мейендорф И.Ф., прот. Православие в современном мире. – М. 1997.

³⁷ Регельсон Л. Трагедия Русской церкви. – М., 2007.

³⁸ Шмеман А.Д., протопр. Церковь и церковное устройство. Сб.ст. – М., 2018.

³⁹ Стратонов И.А. Русская церковная смута. — Берлин, 1932. Стратонов И.А Происхождение современного устройства Русской Патриаршей Церкви. - Paris: YMCA press, 1933. - 15, [1] с.

⁴⁰ Тальберг Н.Д. Церковный раскол. – Париж: Изд-во «Долой зло», 1927. - С. 3.

⁴¹ Стратонов И.А. Русская церковная смута. — Берлин, 1932; Стратонов И.А Происхождение современного устройства Русской Патриаршей Церкви. - Paris: YMCA press, 1933. - 15, [1] с.

большевиков и на постигшие её расколы, «основные принципы церковного строя и исторически сложившиеся формы её устройства»⁴².

В новейшей зарубежной литературе, посвящённой истории Русской Православной Церкви в России в XX веке можно отметить несколько имён исследователей.

Д.В. Поспеловский – автор монографии по истории Русской Православной Церкви⁴³, основанной на широком круге источников. В работе английского исследователя В. Мосса «Православная церковь на перепутье (1917-1999)»⁴⁴ поставлена задача проанализировать основные ответвления современного православия. Он сконцентрировал своё внимание на истории выделения из Русской Православной Церкви православных церквей за рубежом в Польше, Украине, Финляндии, Эстонии, Латвии, Венгрии, Румынии и других странах. Финский учёный Луукканен⁴⁵ рассматривает политику советского государства в отношении Церкви как трансформирующуюся под влиянием действий конкретных персон, но не от общего вектора партии. В четырёхтомном исследовании В.С. Русака «Московский патриархат. XX век», посвящённом истории Русской Православной Церкви в XX столетии, введены в научный оборот новые для исторической науки источники, она даёт панорамное видение развития истории Русской Православной Церкви в России и за рубежом после революционных событий 1917 года.

Таким образом, можно говорить о развитии в исследовании истории Русской Православной Церкви после революционных перемен 1917 года. Однако интерес к мемуарам и дневникам лишь наметился, обращения к ним носят эпизодический и, как правило, дополнительный характер. От внимания

⁴²Стратонов И.А. Происхождение современного устройства Русской Патриаршей Церкви - Paris: YMCA press, 1933. – С. 1.

⁴³Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. - М.: Республика, 1995. – 512 с.; Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. Учебное пособие. - М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996. - 402, [1] с.

⁴⁴Мосс В. Православная церковь на перепутье (1917-1999) / В. Мосс; Пер. с англ. Ред. пер.: Т.А. Сенина. – СПб.: Алетейя, 2001.

⁴⁵Luukkanen A. The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917-1929. Helsinki, 1994. - P. 31-32

исследователей ускользает вопрос о человеке в истории, о переменах, произошедших в жизни православных христиан. Несмотря на то, что публикуются воспоминания и дневники людей, далёких от вопросов церковной политики, нет исследований, в фокусе внимания которых оказался бы повседневный быт православных людей, зачастую лишённых возможности посещать свою приходскую церковь, разлучённых со своими духовниками, испытывающих духовный дискомфорт от необходимости участвовать в коммунистических праздниках. Источники личного происхождения из РЗИА в отношении истории Церкви практически не проанализированы.

3) РЗИА попал в поле внимания исследователей с начала 1990-х, когда фонды этого архивного комплекса были рассекречены⁴⁶. Основные тенденции изучения РЗИА: изучение деятельности эмигрантских учреждений, изучение архивов персон, связанных с революционным движением в России, изучение русского православного зарубежья, изучение собственно архивного комплекса, его истории и содержания. Л.И. Петрушева первой среди исследователей осуществила научный анализ состава и содержания фондов РЗИА, хранящихся в ГА РФ⁴⁷. Первое комплексное исследование истории создания и существования, особенностей комплектации и структуры РЗИА осуществлено Л.В. Серковской⁴⁸. А.А. Попов занимается исследованием зарубежных и русских архивов, в том числе РЗИА, для изучения истории русского зарубежного православия, его

⁴⁶ Айвазян М.И. К вопросу о формировании фондов русской эмиграции 1917-1940 // Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. Кн.2. М., 1994. С.402-408; Козлов В.П. Выявление и возвращение зарубежной архивной России: Опыт и перспективы // Вестник архивиста. 1993. №6 (18). С.11-23; Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 19-29; Павлова Т.Ф. Архивы российской эмиграции // Проблемы изучения российского зарубежья: Сб. статей. М., 1993. С.78-85; Павлова Т.Ф. Перспективы собирания документов российской эмиграции. Опыт изучения документов и материалов Русского заграничного исторического архива в Праге и Донского казачьего архива // Проблемы зарубежной архивной России. М., 1996. С.58-66; Павлова Т.Ф. Предисловие // Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. М., 1999. С.5-28;

⁴⁷ Петрушева Л.И. Документы пражской коллекции в научно-справочном аппарате Государственного архива Российской Федерации // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов (Прага, 14-15 августа 1995 г.): Сб. докл. – Прага. – 1995. – Т. 1. – С. 91-97.

⁴⁸ Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): монография / Л. В. Серковская. - Воскресенск: Серебро Слов, 2015.

деятельности, приходской жизни, устройства органов печати, образования⁴⁹. Е.И. Пивовар осуществляет междисциплинарное исследование истории эмиграции и эмигрантских архивных документов⁵⁰. И.В. Сабенникова – автор первого обобщающего труда, посвящённого российской эмиграции 1917-1939 гг., рассмотренного в качестве целостного социокультурного феномена⁵¹, ею детально исследованы предпосылки возникновения РЗИА. К.А. Мазин специализируется на изучении эмиграционных процессов⁵². А.А. Пронин занимается изучением источников и исследований по истории российской эмиграции⁵³. Анализ проведённого А.А. Прониным исследования, а также историографический обзор обнаружил отсутствие работ, в которых бы рассматривалась история Русской Православной Церкви на основе материалов РЗИА.

Объектом работы являются дневники и мемуары из фондов Русского заграничного исторического архива («Пражский архив», РЗИА).

Предмет работы – источниковый массив (дневники и мемуары) из фондов Русского заграничного исторического архива, содержащий информацию о жизни Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг.

⁴⁹Попов А.В. Фонд Н.А. Троицкого в ГА РФ. Опыт архивного обзора / Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 1. – М.: ИАИ РГГУ, 1994. – 96 с.; Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания и использования / Материалы к истории русской политической эмиграции Вып. IV. – М.: ИАИ РГГУ, 1998 – 392 с.; Попов А.В. Российское православное зарубежье: История и источники. С приложением систематической библиографии. – М.: ИПВА, 2005. – 619 с.; Попов А.В. История русского зарубежного православия в отечественных и зарубежных архивах // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее (Труды Историко-Архивного Института Т. 36). – М.: РГГУ, 2005. – С. 130-150; Попов А.В. Приходская жизнь Русской Православной Церкви в эмиграции в отражении мемуаров русских зарубежных иерархов и священников // Нансеновские чтения 2012. – СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН; Информационно-культурный центр Русская эмиграция, 2014. – С. 176-186.

⁵⁰Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М: РГГУ, 2008. – 545 с

⁵¹Сабенникова И.В. Русская эмиграция (1917–1939): Сравнительно-типологическое исследование. – 2-е изд. – М. - Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 551 с.

⁵²Мазин, К.А. Эмиграционные процессы и формирование русского зарубежья в XVIII в.: автореферат дис. д. и. н. – М., 2010. – 41 с.; Мазин, К.А.

Российская эмиграция и российское зарубежье. XVIII век: политический и культурный феномен / К. А. Мазин; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский гос. обл. ун-т. – М.: МГОУ, 2009. – 382 с.

⁵³Пронин, А. А. Историография российской эмиграции: моногр. / А. А. Пронин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 188 с.; Пронин А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ: моногр. / А. А. Пронин. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 360 с.; Пронин, А. А. Источники по истории эмиграции из России: моногр. / А. А. Пронин. – Уфа: Издатель А. А. Словохотов, 2016. – 310 с.

Цель работы – исследовать комплекс мемуаров и дневников РЗИА на предмет его репрезентативности как источника по истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг.

Задачи исследования:

- 1) Исследовать историю формирования Русского заграничного архива, определить статус дневников и мемуаров в общем объёме документов архива;
- 2) Сформировать дневниково-мемуарный комплекс РЗИА из всего многообразия документов;
- 3) Выделить из дневниково-мемуарного комплекса тексты, которые являются источником по истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг., как источниковый массив;
- 4) Осуществить статистический и типологический анализ содержания дневниково-мемуарного комплекса РЗИА;
- 5) Осуществить контент-анализ текстов дневниково-мемуарного комплекса РЗИА;
- 6) Проанализировать содержание дневников и мемуаров РЗИА с помощью методов источниковедческой критики;
- 7) Проанализировать, насколько полно события истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 годах отразились в источниковом массиве дневниково-мемуарного комплекса РЗИА.

Хронологические рамки исследования охватывают первое послереволюционное десятилетие: 1917 год – год начала преобразования жизни Церкви после синодального периода, 1927 год – время легализации Церкви. К концу 1920-х гг. в основном завершилась первая волна русской эмиграции, и события, происходившие в 1930-е гг. не попали на страницы дневников и мемуаров российской эмиграции. Однако, при анализе определённых событий истории Церкви представляется необходимым выход за пределы обозначенной хронологии и обращение к событиям вне этих временных границ (история обновленчества, реакция на действия

заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского)).

Территориальные рамки исследования охватывают географические субъекты, данные о церковной жизни в которых содержатся в РЗИА: Москва, Петербург, юг России, Украина, Урал, Сибирь и Дальний Восток, Грузия, Абхазия.

Источниковая база.

Архивные фонды. Исследование сосредоточено вокруг комплекса фондов Русского заграничного исторического архива, включая Донской казачий архив. Во внимание принимаются только источники на русском языке, источники на французском, английском, украинском языке остаются вне поля зрения исследования. В 1923 г. при МИД Чехословакии в составе русского Земско-городского союза был образован Русский заграничный исторический архив. Его целью было собирание и сохранение культурного наследия, относящегося к до- и послереволюционной истории России, преимущественно, памятников письменности. В 1924 г. начался процесс передачи на хранение в РЗИА Донского казачьего архива, который был сформирован в России. В 1945 г. было принято решение о передаче РЗИА в дар АН СССР. Архив был перемещён в СССР, его фонды были распределены между различными архивохранилищами. Мемуаристика по преимуществу отложилась в ЦГАОР СССР, преемником которого стал ГА РФ. Часть документов попала в ЦГАЛИ СССР, сейчас РГАЛИ. Для систематизации фондов РЗИА в ЦГАОР СССР были созданы архивные коллекции. В фонд 5881 под названием «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов» вошли малокомплектные личные фонды, фонды, хранящие автобиографии и другие документы. В этом фонде три описи. Опись 1 носит название «Мемуары эмигрантов. 1864-1943 гг.», из этой описи в источниковый массив вошло 12 дел. Опись 2 носит название «Коллекция отдельных документов белоэмигрантов». Из неё в источниковый массив вошло 22 текста. Из личных фондов в источниковый массив было включено

24 текста. Также в источниковый массив вошел один текст из фондов РГАЛИ.

Так же в ГА РФ хранятся личные фонды разных представителей эмиграции. В РГАЛИ документы из РЗИА не объединены в коллекции.

Всего обработано 1416 архивных дел, это воспоминания и дневники представителей российской эмиграции, отобранные автором диссертации из всего корпуса документов РЗИА для создания дневниково-мемуарного комплекса и дальнейшего выделения источникового массива, тексты которого включают в себя информацию о жизни Церкви. Из дневниково-мемуарного комплекса в источниковый массив вошло 59 текстов, которые содержат информацию, относящуюся к истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг. Используемые источники дают достаточное источниковое основание для решения поставленных в диссертации задач.

Такие источники личного происхождения, как письма, не рассматриваются в данной работе по причине большого объема данного вида источников. Изучение писем из фондов Русского заграничного исторического архива как источника по истории Русской Православной Церкви может быть темой самостоятельного диссертационного изучения. Однако одно из писем к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) является и по форме, и по содержанию текстом воспоминаний Ольги Крюковой, оно также включено в состав источникового массива и проанализировано в тексте диссертации⁵⁴.

Вспомогательную роль в исследовании фондов РЗИА выполняли путеводители по архивам, в том числе межархивный путеводитель «Фонды Русского Исторического Архива в Праге»⁵⁵, который включает в себя перечень более 860 фондов из 17 различных архивохранилищ. В нём лаконично описаны фонды Донского Казачьего архива и Русского культурно-

⁵⁴ ГА РФ Ф. Р5919 оп.1 д.74. Фонд митрополита Евлогия (Георгиевского). Письмо Ольги Крюковой из Падуи (Италия). Автограф.

⁵⁵ Русский заграничный исторический архив (Прага). Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархив. путеводитель М.: РОССПЭН, 1999.

исторического музея в Праге, поступившие в СССР вместе с фондами РЗИА. Описание фондов РЗИА включает в себя сведения, касающиеся даты и источники их поступления в РЗИА. Путеводитель «Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции»⁵⁶ включает в себя данные о хранящихся в ГА РФ документах, принадлежавших учреждениям белогвардейских правительств, которые действовали на действовавших на территории бывшей Российской империи в 1919—1922 гг., а также о документах, относящихся к деятельности эмигрантских организаций за 1918—1946 гг. Эмигрантские фонды, поступившие в РГАЛИ, описаны в «Кратком путеводителе по бывшему спецхрану РГАЛИ»⁵⁷.

Методология исследования.

В данной работе собираются сведения о том, насколько Русский заграничный исторический архив информативен относительно событий истории Церкви 1917-1927 гг., какие факты получили освещение в документах его дневниково–мемуарного комплекса. За базовый принцип принимается понимание того, что источниковедение — это специальная самостоятельная область исторического знания. В отличие от исторического анализа источниковедческое исследование не ставит своей задачей объяснение и реконструкцию исторических процессов, но такой вид исторического познания может играть вспомогательную роль. Основной задачей является разработка методов и приёмов анализа источников, а также изучение их структуры и содержания.

Ряд методологических принципов является ключевым для проведения научного исследования: принцип истины, согласно которому истина является наибольшей исследовательской ценностью; принцип историзма, согласно

⁵⁶ Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель: в 6 т. Т. 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции / ред. С. В. Мироненко; сост. А. В. Добровская (отв. сост.), Н. И. Владимирцев, Б. Ф. Додонов, О. Н. Копылова и др. М., 2004. 793 с.; Т. 5. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000) / [сост.: М. Е. Голостенев и др.]; ред. С. В. Мироненко. М.: РОС-СПЭН, 2001. - 672 с.

⁵⁷ Краткий путеводитель по бывшему спецхрану РГАЛИ: (По состоянию на 01.10.93) / Рос. гос. арх. лит. и искусства; ред.-сост. С. Шумихин. - М.; Париж: Б. и., 1994. - 96 с.

которому исследуемое явление познаётся в историческом развитии; принцип объективности, согласно которому исследование должно быть подчинено объективной точке зрения и не испытывать влияния субъективной оценочности; принцип системности, согласно которому исследуемый предмет подвергается анализу с учётом его внутренних и внешних связей, в историческом контексте; принцип историографической традиции, согласно которому исследование проводится с опорой на результаты в выбранной научной области, описанной в историографическом обзоре.

Для достижения поставленной цели и задач были выбраны следующие методы: 1) всеобщие философские методы (анализ и синтез, индукция и дедукция); 2) общенаучные методы (описательный, сравнительный, метод классификации и типологизация); 3) исторические (периодизация; источниковедение – исследование источника в историческом контексте, установление достоверности источника, выявление информационного потенциала источника и его значения для научного знания).

Важным этапом анализа источника является его интерпретация и анализ его содержания. Для современного источниковедения характерно использование системного анализа мемуаров и дневников. Системная методика представляет собой синтез различных методов, позволяющих обратиться к материалу с нескольких точек зрения и использовать комплекс методов, а данные, полученные с их помощью, обобщить в заключительном анализе. Составляющими системного анализа стали методы: проблемно-биографический, содержательно-типологический, количественный метод, метод контент-анализа, метод источниковедческой критики.

Также применён метод С.В. Белковского по разделению информации в источниках личного происхождения на три типа: фактографическую, теоретическую и рефлексивную (психологическую).

Фактографическая информация отражает явления материального характера: действия групп, индивидов. Теоретическая информация образована совокупностью мнений, взглядов авторов мемуаров и дневников,

которые выражают восприятие исторических событий и явлений и предпринимают попытку истолкования причин и последствий произошедших событий, фактов, их сопровождающих, оценку деятельности общественных структур, социальных групп, критический анализ их деятельности. Теоретическая информация может быть ретроспективной и синхронной анализируемым событиям. По происхождению такого рода информация может непосредственно исходить от автора, а может быть передачей идей, воспринятых из другого источника. Как правило, в мемуарно-дневниковом комплексе РЗИА теоретическая информация об истории Церкви имеет несобственное авторство у людей, не вовлечённых непосредственно в церковную жизнь; собственные взгляд излагают люди, активно участвующие в жизни Церкви: прот. С Голубцов, И.В. Новицкий, арх. Феодосий (Алмазов) и другие.

Рефлексивной или психологической информации, как правило, в источниках личного происхождения много. Она представляет собой информацию об умонастроении автора текста, его психологическом состоянии, его реакциях, эмоциональной оценки описываемых событий. Рефлексивная информация является проводником во внутренний мир автора дневника или мемуара.

Методический приём разделения информации в мемуарно-дневниковом комплексе на фактографическую, теоретическую и рефлексивную позволяет упорядочить источники и осуществить их первичную систематизацию, а так же оценить их с точки зрения научной ценности и полноты изложенных в них фактов.

Эффективным методом в работе с мемуаристикой как массовым источником является количественный анализ. Он представляет собой выявление и объединение в единую совокупность численных характеристик анализируемых объектов, позволяющих после проведенной математической обработки понять количественные значения определённого качества, признака. Этот подход отличается открытостью к междисциплинарному

подходу, для анализа собранных с его помощью данных учёные прибегают, как правило, к использованию методов прикладной математики и информатики⁵⁸. Количественный метод может осуществляться на основе статистического, содержательного видов анализа, когда подсчёту подлежат те или иные характеристики мемуарного комплекса: биографические, тематические, стилистические и другие.

Плодотворность методики количественного анализа достигается за счёт верности постановки вопроса и определения методологических принципов, сопровождающих исследование. Особенно важны методологические принципы работы с мемуарным комплексом как массовым источником:

1) Точная постановка задачи исследования способствует углублению содержательного и смыслового анализа мемуарных источников. В данном случае речь идёт о поиске данных, которые давали бы новую информацию о жизни Церкви и православных христиан в 1917-1927 гг.

2) Выверенная система показателей для составления баз данных должна максимально точно отражать свойства объекта, подлежащего изучению. При работе с мемуарным комплексом РЗИА дело касается определённой социальной группы, как правило, это представители интеллигенции, общественные деятели и военные в определенном возрасте и социально-правовом отношении.

3) Соответствие математических методов исследования анализируемому предмету и обоснованность их применения. Этот принцип предполагает, что для анализа будет учитываться вся целостность мемуарного комплекса с его уникальной тематической структурой, а не только та часть данных, которая отвечает на запрос об интересующих исторических вопросах. Необходимо учитывать известную ограниченность использования математических методов и корректировать её за счёт анализа содержания со стороны семантики.

⁵⁸Гарскова И.М., Симонженкова Е.М. О формализованной методике анализа комплекса мемуарных источников // Историческая информатика. – 2019. - № 1. – С. 169-188.

4) Корректность интерпретации результатов обработки сведений исторического источника математическими методами.

Всё вместе образует целостность системного подхода и позволяет осуществить источниковедческий синтез.

Плодотворным этапом количественной обработки данных является метод контент-анализа. Его описывает и использует Л.А. Колесникова. Этот метод представляет собой математическую систематизацию изучаемого комплекса текстов. В перечень процедур применения этого метода входят такие этапы, как: выделение наиболее «семантически значимых единиц текста и изучение их сочетаемости и взаимосвязей. Цель метода – на базе систематизации и упорядочения текстового материала раскрыть содержание источника»⁵⁹. В зависимости от целей исследования, семантически значимыми единицами текста могут оказаться разные типы высказываний авторов исследуемых текстов: эмоциональные высказывания, ключевые слова и т.д. Этот метод позволяет получить объективную информацию о содержании дневников и мемуаров и изучать эти тексты с помощью методов источниковедческой критики.

Таким образом, анализ дневниково-мемуарного комплекса РЗИА можно разделить на несколько этапов:

- 1) Первым этапом является статистический и типологический анализ содержания;
- 2) Следующий этап представляет собой контент-анализ, то есть подсчёт повторяющихся слов, сочетаний слов, относящихся к истории Церкви в 1917-1927 годах, встречающихся в дневниково-мемуарном комплексе;
- 3) Третий этап анализ содержания источников и источниковедческая критика;
- 4) Заключительным этапом является источниковедческий синтез, который позволит оценить степень полноты отражения информации об истории Церкви в 1917-1927 годах в дневниково-мемуарном комплексе.

⁵⁹ Колесникова Л.А. Историко-революционная мемуаристика (1917-1935). Н. Новгород, 2004. С. 90.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующих аспектах:

- 1) Русский заграничный исторический архив впервые был исследован как источник по истории Русской Православной Церкви;
- 2) Из РЗИА был выделен дневниково-мемуарный комплекс как массовый источник;
- 3) впервые был осуществлен комплексный анализ мемуаров и дневников РЗИА;
- 4) впервые был выделен источниковый комплекс, который представляет собой дневники и мемуары, содержащие информацию об истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг.;
- 5) выявлен и введён в научный оборот неопубликованный фактографический материал об истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг. .

Положения, выносимые на защиту.

1. Изучение истории Русской Православной Церкви после революции на материалах дневников и мемуаров Русского заграничного исторического архива не осуществлялось.

2. Источниковый массив дневниково-мемуарного комплекса РЗИА является массовым источником, позволяющим выявить повторяющиеся мотивы в описании жизни Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг., отражённые памятью очевидцев.

3. При работе с источниковым массивом дневниково-мемуарного комплекса РЗИА были выявлены ранее не исследованные и не опубликованные материалы, имеющие отношение к истории Русской Православной Церкви.

4. На материале дневников и мемуаров РЗИА были выявлены факты, относящиеся к частным аспектам истории Русской Православной Церкви.

5. При изучении содержания дневников и мемуаров источникового массива дневниково-мемуарного комплекса РЗИА удалось установить следующие факты: из 59 текстов источникового массива 49 описывают события с 1917 по 1923 гг., 7 текстов описывают события после 1923 года, весь период от 1917 по 1927 гг. охватывают 3 текста; наиболее упоминаемым словом в текстах массива является слово «епископ/владыка» (693 упоминания); тематических текстов, которые посвящены описанию обстоятельств, относящихся именно к жизни Церкви, всего 7, 52 текста эпизодически упоминают лишь отдельные события из истории Церкви.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что его результаты могут послужить основанием для дальнейших исследований дневниково-мемуарного комплекса РЗИА как источника по истории Русской Православной Церкви в России и за рубежом до 1945 г.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты диссертационного исследования могут быть использованы преподавателями высших духовных и светских учебных заведений при подготовке курсов лекций и спецкурсов, учебных пособий и учебников по таким предметам, как: Отечественная история, история Русской Православной Церкви в XX веке, источниковедение, история церковно-государственных отношений, — а также для научных исследований религиоведов, историков Церкви, культурологов, источниковедов.

Апробация результатов исследования.

Основные положения и выводы исследования нашли отражение в обсуждениях на научных конференциях, проводимых на базе различных церковных и общероссийских научных центров. В том числе были подготовлены доклады:

1) «Воспоминания П.И. Душеньковского из коллекции отдельных документов и мемуаров белоэмигрантов Государственного архива Российской Федерации как источник по истории Русской Православной

Церкви в 1917-1943 гг.» («Ломоносов-2019», опубликован в сборнике статей конференции).

2) «Конфликты между православными христианами и атеистами после Октябрьского переворота по свидетельствам очевидцев» («Актуальные вопросы современной богословской науки», МДА 2019 г.).

3) «Воспоминания Е. Добровольской из коллекции отдельных документов и мемуаров белоэмигрантов Государственного архива Российской Федерации как источник по истории Русской Православной Церкви в 1917-1920-е гг.» («Ломоносов-2020», МГУ 13-17.04.2020).

4) «Религиозные диспуты в новом советском государстве: по материалам неизданных источников», МДА 2020).

5) «Пасхальная радость в нерадостные годы: пасхальное богослужение в 1920-е гг. в Москве по воспоминаниям очевидцев» («Актуальные вопросы современной богословской науки», МДА 30.04.-1.05.2020).

6) «Женатый митрополит»: Воспоминания об Александре Введенском в мемуарном комплексе Русского заграничного исторического архива (XI студенческая конференция «Студенческая наука в духовной школе», КДА 30.03.21).

7) «Феномен чуда по свидетельствам очевидцев: на материале мемуаристики Русского заграничного исторического архива» («История Церкви: факт и мысль», МДА 15.04.21).

8) «Тенденции изучения источников личного происхождения в исследованиях по истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг.» («Ломоносов-2021», МГУ 21.04.21).

По теме диссертации опубликовано несколько научных статей, в которых изложены основные результаты диссертационного исследования:

1) Классификация источников по истории Русской Православной Церкви в 20-40-е гг. XX в. // Вестник Омской Духовной семинарии. – 2018 г. – № 5. – С. 56-62. (ВАК).

2) Обновленчество в 1917-1923 гг. по воспоминаниям очевидцев // Вестник Омской Духовной семинарии. – 2019. - № 7. - С. 103-110. (ВАК).

3) История Церкви в 1917-1927 гг. по материалам мемуарного комплекса Русского заграничного исторического архива // Вестник Омской Духовной семинарии. – 2021 г. – № 1 (10). – С. 89-98. (ВАК).

4) Воспоминания В.И. Рудич из коллекции отдельных документов и мемуаров белоэмигрантов Государственного архива Российской Федерации как источник по истории Русской Православной Церкви в 1917-1920-е гг. // Церковный историк. – 2022 г. – № 1 (7). – (В печати).

5) Воспоминания Н.И. Эверт из коллекции отдельных документов и мемуаров белоэмигрантов Государственного архива Российской Федерации как источник по истории Русской Православной Церкви в 1922-1925 гг. // Церковный историк. – 2022 г. – № 2 (8). (Статья сдана в печать).

Структура работы включает в себя введение, три главы, заключение, список литературы, список сокращений и два приложения.

Исследование открывает **введение**, описывающее современное состояние изучения истории Церкви, мемуаров и дневников, и истории эмиграции, актуальность темы исследования, его цель и задачи.

Первый параграф первой главы представляет собой первый этап анализа дневниково-мемуарного комплекса: в ней исследована история формирования и структура РЗИА, определено значение собирания источников личного происхождения в Пражском архиве, выявлено место хранения дневников и мемуаров на данный момент. Также был осуществлён анализ принципов комплектования его фондов и типов документов, образующих архивные фонды, основной проблематики, на которой специализировались собиратели фонда. Эта информация позволила определить дальнейшие исследовательские шаги и приступить к выделению мемуарного комплекса Русского заграничного исторического архива из всего массива сохранившихся в архиве разнородных документов, среди которых не только воспоминания,

дневники, записные книжки, но и черновики заметок, рецензий, очерков, литературных произведений, коллекции газетных вырезок, фотографии, письма.

Во **втором параграфе** дневники и мемуары РЗИА рассмотрены как предмет историко-источниковедческого анализа: выявлены три вида содержательной информации, которые хранятся в источниках личного происхождения, определены этапы анализа дневниково-мемуарного комплекса РЗИА, применены статистический и типологический виды анализа дневниково-мемуарного комплекса, а также контент-анализ событий истории Русской Православной Церкви, описанных в дневниках и мемуарах РЗИА.

Вторая глава посвящена исследованию мемуаров из фондов РЗИА как источников по истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг. Приведены фрагменты воспоминаний, содержание которых относится к теме исследования и осуществлена источниковедческая критика, позволяющая сделать выводы о том, насколько точна информация мемуаристики. Также осуществлена оценка полноты информации об истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг. в мемуарах РЗИА.

Третья глава посвящена исследованию дневников из выделенного ранее дневниково-мемуарного комплекса РЗИА, изложено их содержание и осуществлена источниковедческая критика, а также проведена оценка полноты информации, которая отразилась в дневниках комплекса.

Завершает работу **заключение**, подводящее итоги проведенного исследования и предлагающее пути его дальнейшего развития.

В **списке литературы** описаны использованные для данной работы источники и исследовательская литература. Список литературы рубрицирован. Составлены списки для архивных документов, опубликованных документов РЗИА, справочной литературы, диссертаций и авторефератов, исследований по истории Русской Православной Церкви в XX в., по мемуаристике и источниковедению, по истории эмиграции и исследованиям Русского заграничного исторического архива. Это позволяет использовать список литературы как справочный материал.

После списка литературы помещён **список сокращений**.

Работа имеет два **приложения**. В первом приложении собраны все отрывки из источникового массива дневниково-мемуарного комплекса РЗИА, содержащие информации о Церкви в 1917-1927 гг., за исключением изданных текстов, информация о которых отражена в таблице и в списке литературы. Во втором приложении описано содержание дневника А.А. фон Лампе, относящееся к истории Церкви, включая вырезки из периодических изданий, вложенные Лампе в папки с дневниковыми записями.

Глава 1. МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ ИЗ ФОНДОВ РЗИА КАК ИСТОЧНИКОВЫЙ КОМПЛЕКС

1.1. История формирования и структура Русского заграничного исторического архива

Явление эмиграции не является уникальным для России, но для истории нашей страны оно имеет особое значение. Послереволюционная российская эмиграция отличается массовым оттоком из России максимально дееспособной и культурно развитой части граждан. Как пишет Л.В. Серковская, «по предварительным подсчётам современных исследователей, Россию покинуло около четверти ученого и профессорско-преподавательского корпуса, включая выдающихся историков, архивоведов и архивистов, что трагическим образом сказалось на социальной и духовной жизни общества, на судьбе гуманитарного знания, в том числе исторической науки»⁶⁰. Вероятно, нет ни одной страны, в истории которой происходили бы столь серьёзные социально-политические изменения, которые повлекли бы за собой ещё более грандиозные перемены в области культуры, науки, искусства. Становление советской власти стало точкой отсчёта для совершенно новой культуры и социального строя, новая власть стремилась создать их в кратчайшие сроки. «Фактически после 1917 г. была оборвана связь времен: Россия, российское общество, культура подверглись насильственным и уродливым трансформациям. Именно поэтому для России

⁶⁰Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): монография / Л. В. Серковская. - Воскресенск: Серебро Слов, 2015. - С. 4.

столь важно культурное наследие эмиграции, российского зарубежья»⁶¹, которое поставило своей задачей сохранение культурного наследия дореволюционной России, предотвращение разрыва между поколениями, бережное сохранение и восстановление культурных традиций российского общества.

Русская эмиграция как историческое явление оставило о себе уникальный ценный уникальный источник, это созданные ею архивы. В эмигрантское архивное наследие входит Русский заграничный исторический архив в Праге, который приобрёл статус культурного института мирового значения. Благодаря консолидированным усилиям русского интеллектуального ядра, сгруппировавшегося вокруг культурных и образовательных учреждений Европы, как часть российского культурного достояния было сохранено документальное наследие эмигрантской России. Этот уникальный корпус документов, вошедший в историю под именем Русского заграничного исторического архива, отразил деятельность эмигрантских учреждений и отдельных деятелей русского зарубежья. Российская эмиграция первой волны ответственно отнеслась к задаче сосредоточения и сохранения своего культурного наследия. Представители русской интеллигенции и общественного движения нашли себя в эмиграции как организаторы, учредители музеев, архивов, благодаря существованию которых были сохранены уникальные материалы, относящиеся к жизни российского общества вне России, а также воспоминания о жизни на исторической Родине до революции и в первые несколько послереволюционных лет. Как отмечает А.В. Попов, на сегодняшний день РЗИА – это наиболее крупный «архивный комплекс материалов российской эмиграции не только в России, но и в мире»⁶².

⁶¹ Попов А.В. Русское зарубежье и зарубежная архивная руссика // URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/popov_rossica.htm. Дата обращения 16.12.2020.

⁶² Попов А.В. Русское зарубежье и зарубежная архивная руссика / А.В. Попов // URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/popov_rossica.htm. Дата обращения 08.02.2021.

К началу 1920-х гг. Прага приобрела статус интеллектуального центра русского зарубежья. Русский заграничный исторический архив (РЗИА) был основан в 1923 г. при МИД Чехословакии. Примечательно, что русские эмигранты не осмыслили свою интеллектуальную деятельность как «эмигрантскую», для них она определялась как «национальная» или «русская зарубежная», «они всегда осознавали и подчеркивали связь России зарубежной и России внутренней»⁶³. В следствии чего, архив получил название «русский заграничный», это подчёркивало его преемственность с архивным делом России.

История создания и формирования РЗИА может быть разделена на три периода. Первый - с момента создания архива в 1923 г. по 1928 г. В этот период РЗИА функционировал в составе Земгора⁶⁴.

Благодаря тому, что русская историческая наука была представлена в Чехословакии яркими специалистами, стало возможным создание архива и его работа, направленная на сохранение российского культурного наследия, . Начиная со времени основания архива, происходило собирание, хранение, а также частичная публикация документов российской эмиграции. Руководил этой деятельностью Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор), при культурно-просветительском отделе, в составе библиотеки которого и был открыт архив. 17 и 19 февраля 1923 г. вышло постановление Земгора об образовании архива, в октябре 1924 г. было утверждено положение об архиве, а также утверждено его название – Русский заграничный исторический архив в Праге. Таким образом, с 1923 по 1928 г. Русский заграничный исторический архив находился в подчинении Земгору, его финансирование осуществлялось

⁶³Яковлева Т.А. Политическая история газет П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского в 1920-1930-е годы: Дисс.канд. ист. наук. Иркутск: ИрГУ, 1995, С.7.

⁶⁴Земгор - Российский Земско-Городской комитет помощи российским гражданам за границей создан в Париже в феврале 1921 г. были созданы также региональные организации Земгора в тех странах, в которых количество русских эмигрантов было особенно высоким: в Чехословакии, Германии, Болгарии, Польше, Греции, Югославии, Китае и других странах. Деятельность Земгора также охватывала другие европейские страны, в том числе Англию, Болгарию, Германию, Грецию, Францию, Чехословакию, Югославию.

МИД Чехословакии также через Земгор в рамках так называемой «русской акции».

Руководство архивом осуществлялось Советом, состав которого в основном устоялся к 1925 году. Идеологи и фактические создатели архива были представителями той лучшей части российской интеллигенции, которая буквально жила наукой, чья увлечённость в поиске научной истины составляла живейший жизненный интерес. Создавая Русский заграничный исторический архив, они руководствовались базовыми принципами научного знания. «А.А. Кизеветтер⁶⁵, Е.Ф. Шмурло⁶⁶, А.В. Флоровский⁶⁷, А.Ф. Изюмов⁶⁸ и другие руководящие и рядовые сотрудники РЗИА исходили из того, что любой архив есть, прежде всего, материализованный дух Человека, и его следует оценивать с позиций Вечности, а не по степени его пригодности как оружия в преходящих перипетиях политической, психологической, информационной и других видов воображаемых или реальных войн»⁶⁹. Для историков и архивистов первого поколения российской эмиграции было

⁶⁵Кизеветтер Александр Александрович (1866 – 1933,) — русский историк, публицист, политический деятель. Председатель Русского Исторического Общества в 1932—1933 годах. Как члена кадетского ЦКС с 1918 года был неоднократно арестован. По постановлению Коллегии ГПУ от 25 августа 1922 года был выслан за границу. С января 1923 г. жил в Праге. Член Союза русских академических организаций за границей. Товарищ председателя, с 1932 года — председатель Русского Исторического Общества.

⁶⁶Шмурло Евгений Францевич (1853 — 1934) — русский историк, член-корреспондент Российской академии наук, профессор Санкт-Петербургского и Юрьевского университетов. В 1903 г. получил назначение на должность ученого корреспондента Академии наук в Риме при Ватиканском архиве, в связи с чем постоянно проживал в Италии. С 1911 г. член-корреспондент АН. В 1921 г. организовал в Риме Русскую академическую группу и возглавлял её до 1924 г. В 1924 г. переехал в Прагу. В Праге в 1925 г. Е.Ф. Шмурло основал «Русское историческое общество» и был его председателем до 1931 г. Был членом Совета и Ученой комиссии РЗИА.

⁶⁷Флоровский Антоний Васильевич (1884 — 1968) — русский учёный-славист, историк и публицист, ординарный профессор, брат Г. В. Флоровского. 10 августа 1917 года избран членом Поместного собора Православной Всероссийской Церкви, участвовал в 1-й сессии. Выслан за границу по декрету ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 года. С 1929 года был членом Славянского института в Праге. С 1930 года член и в 1933–1945 годах председатель Учёной комиссии Русского заграничного исторического архива.

⁶⁸Изюмов Александр Филаретович (1885 - 1950) - архивист, историк, социалист, деятель русской эмиграции в Праге. С 1914 г. участник Первом мировой войны, по окончании которой получил назначение в Главное управление по архивным делам (старший инспектор). В 1922 г. выслан из Советской России. Проживал в Берлине, сотрудник Русского научного института, в 1925 г. переехал в Прагу, являлся заведующим отделом документов РЗИА, членом Ученой комиссии РЗИА, с 1933 г. – заместитель директора РЗИА; член трудовой народно-социалистической партии, член Русского исторического общества в ЧСР. В 1941 г. интернирован, четыре года провел в немецких концлагерях. Освобожден в мае 1945 г. Принимал участие в работе Комиссии по передаче документов РЗИА в СССР». Составлено по: URL: <http://guides.rusarchives.ru/funds/8/izyumov-aleksandr-filaretovich/> Дата обращения: 09.02.2021.

⁶⁹Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): монография. - Воскресенск, 2015. С. 70.

важно создать архив, который стал бы центром «сохранения традиций отечественной исторической науки и документальной памяти русской эмиграции - без различия партийной принадлежности и политических пристрастий. Этот подход и отразил преобладание теоретических взглядов русских историков и архивистов конца XIX - начала XX веков и принципов, положенных в основу создания РЗИА»⁷⁰.

Комплектование архива началось практически сразу после его возникновения.

Второй период существования архива – с 1928 года, когда архив стал собственностью МИД Чехословацкой республики, по 1938 год. 31 марта 1928 г. состоялось подписание акта между Земгором и МИД Чехословацкой Республики о передаче РЗИА МИД Чехословакии.

Согласно акту о передаче РЗИА в ведомство МИД Чехословацкой республики сохранялись принятые создателями архива принципы его комплектования, хранения и систематизации, МИД гарантировал сохранность и недробимость фондов РЗИА. Одно из условий, на котором состоялась передача архива в ведение МИД, заключалось в том, чтобы было выполнено пожелание некоторых владельцев документов, переданных на хранение в РЗИА, согласно которому, «в случае возникновения вопроса о передаче РЗИА в Россию МИД осуществил эту передачу лишь при прекращении власти коммунистической партии и при наступлении в России режима, обеспечивающего правовой порядок, свободу личности, общественной самодеятельности и возможности для эмигрантов легального возвращения в Россию»⁷¹. Как мы знаем, это условие не удалось соблюсти.

Структура архива в этот период включала в себя следующие отделы: «архивный, книжно-журнальный, газетный, отдел канцелярии и

⁷⁰Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): монография. - Воскресенск, 2015. С. 70.

⁷¹Попов А.В. Архивная россика в зарубежных и отечественных архивах: учебное пособие. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2019. С. 29.

счетоводства, отдел Донского казачьего архива»⁷². Научно-автономный орган архива был представлен Советом архива, в число членов которого входили заведующие отделами архива. Согласно акту о передаче архива в МИД Чехословакии в Совет архива продолжали входить два представителя Земгора, однако они были лишены возможности реально влиять на работу архива.

1 января 1935 года была утверждена основная инструкция МИД Чехословакии для РЗИА, определявшая задачи архива. Согласно ей основной задачей РЗИА при МИД Чехословакии являлся сбор, хранение, классификация, научная обработка документов по новейшей истории России и её народностей. Решение задачи осуществлялось следующими способами: 1) путём приобретения письменных памятников за деньги или на иных условиях; 2) через приём на хранение архивов, относящихся к деятельности сторонних организаций или частных лиц на условиях их владельцев; 3) собиранием газет, листовок и другой печатаной продукции; 4) приобретением книг, брошюр и другой печатной продукции по истории русского общественного и революционного движения; 5) сбором сведений, относящихся к документам по истории России, находящихся в других архивных хранилищах; 6) организацией собирания автобиографий выдающихся деятелей русского общественного и революционного движения; 7) публикацией наиболее значимых исторических источников.

Стоявшие перед РЗИА задачи определили направления его комплектования и структуру фондов архива, которые комплектовались документами и изданиями, относящимися к деятельности белогвардейских и эмигрантских военных, политических, культурных организаций, личными документами, печатными изданиями. Архивные материалы поступали в РЗИА на разных условиях: часть передавалась бесплатно, часть была куплена, некоторые документы поступили в фонд на временное хранение. Были также документы, которые передавались с условием, согласно

⁷²Там же.

которому они были запечатаны и не могли быть вскрыты ранее указанного срока. Сотрудники архива вели активную деятельность по собиранию фондов. Так, регулярно в печати возникали воззвания, призывавшие русских эмигрантов к передаче в фонды архива автобиографий с фотокарточками.

«Среди семи основных подразделений архива значился журнальный фонд, включавший 845 названий, газетный фонд – 930 названий, менее объемные фонды рукописей и исторических материалов, иконографический и фонд денежных знаков»⁷³. Фонды РЗИА включают документацию обширного диапазона, в том числе: статистические документы, фотодокументы и рисунки эмигрантов, «вырезки из периодических изданий, фотографии, коллекции документов штабов, войсковых частей, гражданских, правительственных, общественных организаций, функционировавших на территориях под руководством белых»⁷⁴ и за рубежом, меморандумы и протоколы заседаний Лиги Наций, фонды периодических изданий «Воля России», «Последние новости», «Руль», «За Россию», личные документы (заметки, воспоминания, письма, дневники) военачальников, политиков, деятелей культуры, науки, предпринимательства, религиозной жизни, рукописи книг. Коллекция РЗИА отражает всю полноту эмигрантской жизни. Собранные архивные фонды дают возможность исследовать разнообразные темы, относящиеся к жизни эмигрантов, к их взглядам на многие вопросы, касающиеся истории, политики, культуры, Церкви.

«Учёная комиссия архива утвердила классификатор документального фонда РЗИА»⁷⁵, согласно которому документальный материал архива был разделён на 8 основных отделов, каждый из которых был также разделён на несколько отделов. Раздел «А» комплектовался фотографиями, листовками, рисунками, картами, планами, воззваниями, марками, денежными знаками. Раздел «В» составили мемуары, дневники, статьи, которые были написаны на

⁷³ Сабенникова И.В. Русская эмиграция и сохранение национальной памяти // История и архивы. - 2019. - № 3. – С. 33-34.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Павлова Т.Ф. Предисловие // Русский заграничный исторический архив (Прага). Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархив. путеводитель М., 1999. С. 8.

основе личных воспоминаний. Круг авторов был широк, от известных политических, военных, общественных деятелей до обывателей. В разделе «С» собиралась переписка, личные фонды и фонды некоторых организаций. В раздел «D» входили документы, содержащие информацию о революционном и общественном движении, относившиеся к периоду до 1914 г. В разделе «Е» были собраны документы со сведениями об армии и внутриполитической жизни России периода Первой мировой войны. «Документы, которые отражали историю революции и гражданской войны России, в основном собирались в разделах “F” (документы периода Февральской революции) и “G” (документы периода Гражданской войны, сгруппированные по территориям, на которых происходили события, в том числе: Временное правительство Северной области, правительство генерала Врангеля в Крыму, правительство Юга России, Комуч, войсковое правительство Оренбургского казачьего войска, Директория, Временное Сибирское правительство и др.). Восьмой фонд, фонд “H” комплектовался документами послереволюционной эмиграции, которые включали в себя, кроме общих сведений о деятельности академических организаций, студенчества, церкви, воинских формирований, конкретную информацию о быте и материальном положении эмигрантов, также приказы, инструкции, протоколы заседаний и совещаний, донесения, обращения, воззвания, отчеты, отражающие текущую деятельность эмигрантских организаций и политических группировок»⁷⁶.

После ухода из жизни в 1933-1934 гг. основных сотрудников РЗИА в отношениях между архивным Советом и МИД Чехословацкой республики возникли разногласия, связанные с тем, что в работу архива стали вносить изменения, согласующиеся с общим порядком работы других ведомственных учреждений МИД. В том числе, ограничивался доступ к архивным материалам некоторых групп исследователей, языком делопроизводства

⁷⁶ Павлова Т.Ф. Предисловие // Русский заграничный исторический архив (Прага). Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархив. путеводитель М., 1999. С. 9.

становился чешский, ограничивалась самостоятельность архива в решении финансовых и кадровых вопросов. В определённых эмигрантских кругах события, произошедшие с РЗИА, были расценены как утрата архивом своего национального лица и независимости.

Несмотря на произошедшие перемены, продолжалась интенсивная комплектация фондов архива, осуществлявшаяся из разнообразных источников. В числе принципов комплектации было стремление пополнять фонды за счёт уникальных документов, не представленных в Советской России. В этот период в основном были собраны материалы, которые характеризовали деятельность российской диаспоры в эмиграции. Собирались документы, имевшие отношение к истории русского общественного и революционного движения, к историческим событиям, связанным с Первой мировой войной и Гражданской войной в России, а также те документы, которые отражали жизнь и деятельность российской эмиграции. В этот период в целом увеличилось поступление в архив документов личного происхождения (дневников, воспоминаний, писем, рукописей). Это связано с теми бытовыми и правовыми трудностями, которые претерпевали российские эмигранты в ряде стран в середине 1930-х гг., которые в усложнившихся жизненных условиях стремились сохранить личные документы. «Об объёме ежегодных поступлений в последующее время РЗИА можно судить по тому, что только в 1934 г. архивом было получено 2719 посылок с рукописными документами и печатными изданиями»⁷⁷. Около трети поступивших в РЗИА документов были изъяты вследствие проведённой экспертизы, опровергавшей их подлинность. В то же время, в середине 1930-х возникли прецеденты обращения в архив за ранее сданными на хранение документами. Руководство архива не поощряло возвращения документов владельцам, обосновывая их общеисторическую ценность.

⁷⁷Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): монография. - Воскресенск, 2015. С. 140.

В 1924 г. на особых условиях в РЗИА началась передача на хранение Донского казачьего архива (ДКА). Коллекция Донского казачьего архива была вывезена из России в уже сформированном виде. Согласно положению об архиве ДКА представлял собой учреждение, хранящее исторические материалы и не имеющее признаков какого-либо политического направления. Основной задачей ДКА было собирание материалов, посвященных жизни казаков до и после революции. «К материалам, представляющим интерес для архива, относились фотографии, печатные и рукописные журналы, книги, газеты и листовки, приговоры казачьих станиц, собрания частных писем и т.д. Архивное собрание Донского казачьего архива на три четверти состояло из материалов, которые были вывезены из России и лишь на четверть из материалов, собранных в эмиграции»⁷⁸. Организация и экономическое положение Донского казачьего архива отличались от РЗИА. Руководители ДКА не располагали финансовой базой на приобретение архивных материалов. Комплектуя фонды, они рассылали письма в разные организации казаков, к некоторым представителям казачества обращались лично с предложением о размещении на хранение в архиве документов, имеющих историческую ценность. Следовательно, комплектование ДКА осуществлялось с помощью казачьих эмигрантских организаций и представителей донского казачества, рассеянных по зарубежью. «Донской казачий архив считался, по договоренности с РЗИА, имуществом Войска Донского в эмиграции под исключительной ответственностью донского атамана»⁷⁹. С 1925 г. материалы ДКА начали постепенно передаваться в РЗИА, были составлены описи фондов ДКА. «В 1933 г. материалы Донского казачьего архива в полном объеме вошли в РЗИА, образовав в составе РЗИА особый подотдел. Вплоть до конца 1930-х фонды архивов не смешивались»⁸⁰, каждый из них комплектовался отдельно.

⁷⁸ Попов А.В. Архивная россика в зарубежных и отечественных архивах: учебное пособие. М., 2019. С. 70.

⁷⁹ Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): - Воскресенск, 2015. С. 134.

⁸⁰ Там же. С. 134.

После перемещения в Россию фонды ДКА были смешаны с фондами РЗИА. «К моменту оккупации немцами Чехословакии в Донском казачьем архиве насчитывалось более 648 тыс. листов документов»⁸¹.

Во второй половине 1930-х гг. акцент в собирательской деятельности РЗИА сместился в сторону печатных изданий, фонды комплектовались по преимуществу листовками, воззваниями, газетами, книгами, журналами. События, происходившие на некоторых территориях Белого движения, представлены полными комплектами газет.

Архивные материалы, собранные за весь период комплектования РЗИА, по источнику поступления можно разделить «на три категории: переданные в дар, приобретённые на средства архива, переданные на хранение на определённых условиях»⁸², заранее обговоренных автором с представителями архива. В некоторых случаях документы были переданы в фонды архива с условием хранить их в запечатанном виде до истечения определенного срока. «К 1938 г. насчитывалось 1500 корреспондентов архива в 44 странах мира, в которых существовали военно-политические структуры российской эмиграции»⁸³.

Третий период существования архива охватывает время с 1939 года, когда архив оказался в ведении МВД, до 1945 г. и передачи в дар АН СССР основных фондов РЗИА.

Оккупация фашисткой Германией Судетской области стала рубежным событием в жизни архива. С 1938 г. ухудшилось правовое и финансовое положение российских эмигрантов в целом, и архива в частности. В октябре 1938 г. МИД Чехословацкой республики распорядился прекратить покупку журналов, газет и книг⁸⁴. Ввиду сокращения финансирования МИД Чехословакии приняло решение о передаче РЗИА другому ведомству. Были

⁸¹ Попов А.В. Архивная россика в зарубежных и отечественных архивах: учебное пособие. М., 2019. С. 79.

⁸² Попов А.В. Архивная россика в зарубежных и отечественных архивах: учебное пособие. М., 2019. С. 79.

⁸³ Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): монография. - Воскресенск, 2015. С. 134.

⁸⁴ Павлова Т.Ф. Предисловие // Русский заграничный исторический архив (Прага). Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархив. путеводитель М.: РОССПЭН, 1999. С. 11.

рассмотрены варианты передачи архива Славянскому институту в Праге, Министерству просвещения, однако в марте 1939 г. РЗИА был передан в ведомство МВД Чехословакии. Это обстоятельство нанесло непоправимый урон собирательской деятельности архива. Деятельность РЗИА «была постепенно фактически законсервирована, исчезла даже вывеска, а сотрудники РЗИА были переведены для выполнения работ в архиве МВД»⁸⁵. Контроль над архивом надзорного органа власти привёл к недоверию владельцев документов, представляющих научный интерес, рукописные материалы практически перестали поступать в РЗИА. Более того, оккупационные власти стали вторгаться в деятельность архива, его документальный корпус был частично раздроблен, документы, представлявшие для немцев политический, военный интерес были изъяты и помещены в не связанные с РЗИА архивохранилища, а часть их вывезена в Германию.

К 1939 г. фонды РЗИА включали в себя 902 рукописных дневников и воспоминаний, более 10000 годовых собраний газет, 2,9 млн. листов иных документов⁸⁶. К этому времени архив снискал мировую известность как автономное научно-культурное и исследовательское учреждение и центр научной жизни русской эмиграции. В этом статусе архив должен был прекратить свое существование в связи с политикой оккупационных властей и изменения правового статуса архива. В этот период центр собирания российских архивов смещается в США, куда начали присылать свои документы представители российской эмиграции в связи с ухудшившейся военно-политической обстановкой. Несмотря на возникновение ряда затруднений, объём комплектования фондов РЗИА хотя и снизился, но всё же документы продолжали поступать в архив и после оккупации фашистами

⁸⁵Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): монография / Л. В. Серковская. - Воскресенск: Серебро Слов, 2015. С. 134.

⁸⁶Там же. С. 141.

Чехословакии и начала Второй мировой войны. Так, «в октябре 1939 г. А.Л. Бем⁸⁷ передал архив варшавского комитета “Союза возрождения России”»⁸⁸.

Точка в истории РЗИА была поставлена в 1945 г., когда архив был передан СССР. Состоявшаяся при упаковке архива проверка его фондов, показала, что документы удалось сохранить почти полностью, несмотря на действия немецких властей. Узнав о предстоящей перевозке архива в Москву, некоторые эмигранты сумели изъять из архива свои документы. Установить их имена, а также получить список изъятых документов не удалось. В декабре 1945 г. архив прибыл в Москву, однако доступ к его фондам для широкого круга исследователей согласно распоряжению НКВД был невозможен. В 1960 г., вопреки принципу целостности архивных комплектов, «Пражский архив» был рассредоточен между ЦГАЛИ СССР, МИД СССР, ЦГАСА и прочими государственными и ведомственными архивами. «В 1987 г. фонды РЗИА были переведены на открытое хранение, в 1989 г. произошло их выделение в архивохранилище, специализированное на хранении коллекций документов по истории Белого движения и эмиграции»⁸⁹. В 2000-е были созданы подробные межархивные путеводители⁹⁰.

В результате перемещения архива был нарушен один из ключевых принципов архива, на протяжении нескольких лет собиравшегося по специально разработанной программе, принцип его целостности. Кроме того, был изменён принцип распределения документов. «В Праге большая часть архивных материалов хранилась в составе тех коллекций, в которых они

⁸⁷Бем Альфред Людвигович (Алексей Фёдорович) (1886-1945) - историк литературы, литературный критик, достоевист и общественный деятель русского зарубежья. По политическим взглядам был близок эсерам. В 1919 эмигрировал в Белград, затем в Варшаву. Основал общество Достоевского в Праге.

⁸⁸Попов А.В. Архивная Россия в зарубежных и отечественных архивах: учебное пособие. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2019. С. 89.

⁸⁹Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): монография. - Воскресенск, 2015. С. 140.

⁹⁰Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель: в 6 т. Т. 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции / ред. С. В. Мироненко; сост. А. В. Добровская (отв. сост.), Н. И. Владимирцев, Б. Ф. Додонов, О. Н. Копылова и др. М., 2004. 793 с.; Т. 5. Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917-2000) / [сост.: М. Е. Голостенев и др.]; ред. С. В. Мироненко. М.: РОС-СПЭН, 2001. - 672 с.

были получены. В некоторых случаях систематизация осуществлялась по виду документа (рукопись, письма и т.п.). Принятый в РЗИА в качестве основного принцип подокументной и повидовой систематизации, учета и хранения документов и материалов был заменен в ЦГАОР СССР на установленный в советском архивоведении принцип пофондовой организации документов, без сохранения исходной нумерации»⁹¹. Ввиду того, что присланные из Праги документы не были предназначены советской властью для свободного просмотра, их описание осуществлялось по упрощённой методике в спешном порядке.

Ещё более трагичные последствия имело распыление фондов РЗИА между различными архивохранилищами СССР, а также их смешение с другими фондами, источник происхождения которых не связан ни с РЗИА, ни с ДКА. По итогам совещания в ГАУ МВД СССР было решено оставить на хранении в ЦГАОР СССР только часть пражского архива, отражавшую эмигрантскую деятельность, которая была маркирована как «антисоветская», так как было признано, что они имеют общесоветскую ценность и поэтому не подлежат расчленению. При этом подлинники материалов учреждений царской России и Временного правительства, а также буржуазных партий были переданы в соответствующие профильные архивные хранилища, часть других материалов распределена по архивохранилищам союзных республик и некоторых городов СССР, личные документы известных культурных деятелей, литераторов, литературоведов, искусствоведов были переданы в ЦГАЛИ. Ряд отдельных документов эмигрантских организаций и учреждений, а также некоторые из личных фондов не были вывезены из Праги и по-прежнему находятся на хранении различных архивных хранилищ Чешской Республики. Сведения о некоторых из этих фондов отражены в

⁹¹Павлова Т.Ф. Предисловие // Русский заграничный исторический архив (Прага). Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархив. путеводитель М.: РОССПЭН, 1999. С. 11.

сборнике «Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1918—1939)»⁹².

«Документы и фонды из состава бывшего РЗИА находятся в настоящее время также в составе следующих архивов: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА); Российский государственный военный архив (РГВА); Российский государственный исторический архив (РГИА); Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГАВМФ); Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА Дальнего Востока); Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ); Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ); Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ); Государственный архив Иркутской области; Государственный архив Красноярского Края; Государственный архив Курганской области; Государственный архив Ростовской области. Часть материалов РЗИА также находится в архивах государств, входивших в СССР, среди них: Центральный государственный архив Аджарии (Республика Грузия); Национальный архив Республики Беларусь; Государственный архив Витебской области; Полоцкий филиал ГА Витебской области; Центральный Государственный архив Молдавии; Центральный Государственный архив высших органов власти и управления Украины; Государственный архив при Совете министров автономной республики Крым; Центральный государственный исторический архив Эстонии»⁹³. Краткие данные о хранящихся в разных странах и городах архивных материалах содержатся в межархивном путеводителе⁹⁴, авторы которого проделали чрезвычайно сложную и ответственную работу по выявлению и описанию фондов РЗИА в составе разных архивохранилищ.

⁹²Документы к истории русской и украинской эмиграции в чехословацкой республике (1918–1939) / сост. Зденек Сладек, Любовь Белошевская. – Прага: Славянский институт АН ЧР, 1998. – 344 с.

⁹³Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): монография. - Воскресенск, 2015. С. 194-195.

⁹⁴Русский заграничный исторический архив (Прага). Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархив. путеводитель М.: РОССПЭН, 1999.

Безусловно, для НКВД полученные архивные материалы РЗИА имели высокую значимость, с их помощью пополнялись сведения о так называемой контрреволюционной деятельности, реальной и мнимой. Как пишет Т.Ф. Павлова, «документы бывших РЗИА и Донского казачьего архива в первые послевоенные годы использовались, в основном, в оперативных целях»⁹⁵. Так, в фондах РЗИА хранились материалы организации русских эмигрантов, носившей название «Центр действия», в числе членов которой состояли А.В. Карташёв, Б.А. Евреинов, который, судя по документам, содействовал сбору информации о правовом положении в Советах различных организаций и институтов, в том числе Русской Православной Церкви. Путём переписки с рядом клириков, осуществлявшим свою деятельность на территории СССР, уточнялось положение Церкви, составлялись списки для передачи литературы.

Несмотря на распыление фондов пражского архива по архивным учреждениям СССР, именно в ЦГАОР СССР отложился основной массив документов личного происхождения. На сегодняшний день более 620 фондов РЗИА хранится в ГА РФ. Для сосредоточения информации о различных эмигрантских организациях были созданы архивные коллекции.

Из малокомплектных фондов РЗИА в ЦГАОР СССР был образован фонд 5881 «Коллекция отдельных документов эмигрантов». Его основу составили автобиографии и воспоминания известных общественных, политических, военных деятелей, представителей культуры и науки, участников событий революционных преобразований и Гражданской войны в России. Эти документы вошли в опись 1. В 1978 году была составлена опись 2, в неё вошли малообъёмные личные фонды, включающие в себя мемуарную прозу и также небольшое количество документов эмигрантских учреждений, собранных разными лицами для служебной, публицистической, научной деятельности. Третья опись была образована в 1995 г. из

⁹⁵ Павлова Т.Ф. Предисловие // Русский заграничный исторический архив (Прага). Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархив. путеводитель М.: РОССПЭН, 1999. С. 16.

включённых в фонд документов по истории Российской империи. В целом в фонде хранятся разнообразные документы, в том числе мемуары и отдельные документы эмигрантов и белоэмигрантов, краткие автобиографии, собиравшиеся для анализа состава белоэмиграции в Праге, биографии, воспоминания, записные книжки, рукописи книг эмигрантов, посвящённые дореволюционной жизни, Гражданской войне, послереволюционной России, отдельным вопросам социального и государственного устройства. Среди его документов хранится мемуаристика, в которой описано состояние церковной жизни в России в первое послереволюционное десятилетие. Этот фонд имеет особенно высокую информативную ценность для исследования различных тем, связанных с послереволюционными событиями, с описанием жизни Русской Православной Церкви, событиями Гражданской войны и организацией жизни в эмиграции.

В ГА РФ хранятся также личные фонды РЗИА. Фонд Р5853 ГА РФ носит название «Дневник генерала А.А. фон Лампе», но кроме собственно дневника в фонде хранятся различные документы, примыкающие к дневнику: записки, письма, фотоснимки, официальные информационные справки и т.д. Дневник датируется с 1919 по 1967 гг. Автор разделил дневник на отдельные «книжки», в конце каждой помещена подборка материалов из эмигрантской периодики. Материалы дневника А.А. фон Лампе богаты сведениями, относящимися к истории Русской Православной Церкви в России после октябрьского переворота.

Многие личные фонды содержат воспоминания или дневники, описывающие различные события послереволюционной России. Среди объёмных личных фондов можно отметить фонд Р5971 П.П. Менделеева, содержащий несколько тетрадей воспоминаний автора; фонд Р5856 П.Н. Милюкова, в котором помимо мемуарных текстов самого автора отложились также воспоминания других очевидцев жизни России в переходную эпоху; фонд Р5829 А.С. Лукомского, автора воспоминаний, охватывающих долгий временной промежуток от жизни автора в дореволюционной России до

эмигрантских будней; фонд Р6955 И.С. Ильина, в котором отложился многотомный дневник автора с вклейками различных документальных материалов; фонд Р6247 И.В. Новицкого с материалами о Всероссийском поместном соборе; фонд Р7342 журналиста и общественного деятеля Д.А. Ишевского, в составе которого отложились письма с информацией о положении Церкви в СССР в 1930-е гг.

В рамках данного исследования работа по выявлению источникового массива дневниково-мемуарного комплекса РЗИА осуществляется на материале документов, хранящихся в ГА РФ, который является преемником ЦГАОР СССР и содержит наибольшее среди других архивных хранилищ количество документов личного происхождения, а также архивов РЗИА, отложившихся в ЦГАЛИ - РГАЛИ.

После расформирования принятой в РЗИА структуры фондов в ГА РФ мемуаристика распределилась следующим образом: одна её часть содержится в личных фондах эмигрантов, другая собрана в коллекциях, преимущественно в фонде Р5881, а также в фонде Р9431. Небольшая часть мемуаристики РЗИА попала в ЦГАЛИ СССР, сейчас РГАЛИ. Количественно мемуаристика распределена по этим фондам ГА РФ так: в личных фондах 103 единицы содержат мемуарные тексты, в фонде Р5881 733 дела содержат мемуарные тексты, в фонде Р9431 – 9 дел. В РГАЛИ мемуары РЗИА обнаружены в фонде 1337. Воспоминания, дневники или другие тексты, которые имеют одинаковые заглавия, но разделены на несколько частей были подсчитаны следующим образом: каждая часть – отдельная единица мемуарного текста. Нередко разные части личных текстов имеют разные хронологические или географические уточнения, поэтому должны рассматриваться как самостоятельные единицы текста. Например: ф. Р7332 оп. 1 д. 2 Воспоминания Аверьянова П.И. «Страницы прошлого» (1879-1914 гг.), часть первая, ф. Р7332 оп. 1 д. 3 Воспоминания Аверьянова П.И. «Страницы прошлого» (1914 - 1918 гг.), часть вторая, ф. Р7332 оп. 1 д. 4. Воспоминания Аверьянова П.И. «Страницы прошлого» (1918 – 1921 гг.),

часть третья, – датировка у каждой части воспоминаний своя, следовательно, перед нами три единицы мемуарного текста. Тексты, имеющие датировку до 1917 г. не содержат информацию об интересующем нас периоде истории Церкви.

На основании проделанного анализа можно сделать ряд выводов:

1) Русский заграничный исторический архив был задуман с целью сохранения памяти об истории и культуре Российской империи. В его состав вошли разнородные документы, отражающие деятельность разнообразных общественных институтов, профессиональных сообществ, личные документы и многое другое.

2) Комплекс РЗИА неоднороден по своему содержанию. В его структуре, помимо собственно мемуаров, дневников и других источников личного происхождения (письма, автобиографии, записные книжки и т.п.), содержатся документы, относящиеся к деятельности различных эмигрантских учреждений (РОВС, РХСД, Лига наций, РПЦЗ), фотоматериалы, коллекции газетных вырезок и личных вещей.

3) Одной из задач архива соответствовало стремление сохранить свидетельства очевидцев о произошедших в России событиях. Для этого в отдельный фонд собирались дневники и мемуары эмигрантов, за предоставление такого рода документов предоставлялось денежное вознаграждение, что способствовало написанию воспоминаний среди эмиграции.

4) Среди всех документов РЗИА дневники и мемуары занимают не менее одной десятой, причём наибольшая их часть отложилась в ЦГАОР СССР (ГА РФ), некоторые в ЦГАЛИ (РГАЛИ). В ЦГАОР СССР из малокомплектных фондов, которые по преимуществу представляют собой воспоминания эмигрантов, был образован фонд Р5881 под названием «Коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов». Часть дневников и мемуаров отложилась в личных фондах, хранящихся в ГА РФ.

5) Исследование истории архива позволило получить представление о том, по каким принципам происходило формирование РЗИА, в каких архивохранилищах и архивных фондах целесообразно искать интересующую информацию об истории Церкви. Тематическое изложение истории, связанной с событиями жизни Церкви, судя по параметрам комплектования архива, было задачей лишь очень небольшого числа авторов. Следовательно, необходимо ознакомление с текстами дневников и мемуаров для выявления искомой информации.

1.2. Мемуары и дневники из фондов Русского заграничного исторического архива как предмет историко-источниковедческого анализа

1.2.1. Статистический и типологический анализ содержания дневниково-мемуарного комплекса Русского заграничного исторического архива

Изучение истории РЗИА, принципов комплектования его фондов позволило сделать выводы о том, каким образом следует работать с архивом для того, чтобы найти интересующую информацию о жизни Церкви. Так как количество тематических текстов, написанных по следам событий в 1917-1927 гг. невелико, было принято решение выделить из РЗИА все дневники и мемуары в единый комплекс, исключить из него те тексты, которые исходя из данных архивных описей, не соответствуют хронологическим и/или географическим

рамкам исследования, и далее путём анализа содержания выделенного комплекса искать тексты с описанием событий, относящихся к жизни Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг.

Было установлено, что в дневниково-мемуарный комплекс РЗИА входит 1416 текстов. Информация о количественном распределении мемуаристики по фондам отображена на Диаграмме 1.

Диаграмма 1

Статистический анализ дневниково-мемуарного комплекса включает характеристику социального статуса авторов. Собранные данные о социальном статусе авторов комплекса позволяют сделать выводы о том, к какому социальному кругу принадлежала наибольшая часть авторов дневников и мемуаров, отложившихся в РЗИА.

Рассматривая социальный состав авторов дневниковых и мемуарных текстов, мы выделили следующие категории: военные, интеллигенты (люди,

обладающие специальными знаниями, умениями и навыками в области культуры, образования, искусства, науки), духовенство, общественные деятели (политики, юристы, журналисты и т.д.), аристократы, представители разных социальных слоев (крестьяне, ремесленники, студенты и т.д.), авторы с неустановленным социальным положением – всего 585 авторов. Политические взгляды мемуаристов и авторов дневников столь же неоднородны, как и в целом состав российской эмиграции. Среди авторов есть участники революционного движения, монархисты, кадеты, эсеры, меньшевики, люди без определённой политической позиции. Информация о социальном положении авторов дневниково-мемуарного комплекса РЗИА представлена на Диаграмме 2.

Диаграмма 2

Из дневниково-мемуарного комплекса РЗИА под хронологические и географические границы данного исследования не попадает 157 текстов. Среди них воспоминания, дневники и другие документы, в тексте которых описаны события, происходившие в даты, не входящие в промежуток 1917-

1927 гг., а также те тексты, события которых происходят на территориях вне границ Российской империи и СССР. Например: ф. Р6340 оп. 1 д. 3 Воеводин А.А. «Два года в Тунизии». Ч. I (о жизни в эмиграции) 1928; ф. Р5881 оп. 1 д. 591. Воспоминания (автор не установлен) о восстании армян в Зейтуне в 1895 году против турецкого господства. Перевод с армянского С. Саакэн; ф. Р5881 оп. 1 д. 702 Воспоминания полковника Аполлонова (белоземigrанта) о боевых действиях 16 роты 4 батальона 257 пехотного Евпаторийского полка в июне-октябре 1914 года, – в том числе воспоминания, дневники и тексты других жанров, посвященные дореволюционным событиям, Первой мировой войне, организации жизни эмигрантов за рубежом и т.д.

Для дневниково-мемуарного комплекса РЗИА была разработана проблемно-библиографическая таблица (Табл.1), сводящая воедино ряд характеристик фондов, которые были отобраны для формирования комплекса. Таблица фиксирует положение фонда в архивном хранилище (название архивного хранилища и архивный шифр), его авторство, социальный статус автора, название фонда, крайние даты, относящиеся к созданию фонда, в примечаниях указывается дополнительная информация, представляющая интерес для исследования и позволяющая вести дальнейшую работу с фондом (краткая биография автора, перечень отложившихся в фонде документов и т.д.). Первичными источниками для сбора информации о корпусе фондов, документы из которых могут быть отобраны в мемуарный комплекс РЗИА, стали межархивный путеводитель⁹⁶, указатель фондов⁹⁷, а также описи фондов архивных хранилищ⁹⁸.

Таблица 1

Этап систематизации дневниково-мемуарного комплекса РЗИА

⁹⁶Русский заграничный исторический архив (Прага). Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархив. путеводитель / отв. ред. Т.Ф. Павлова. – М.: РОССПЭН, 1999.

⁹⁷Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель. Т. 5: Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.) / ред. С.В. Мironenko. – М.: РОССПЭН, 2001.

⁹⁸Электронные описи ГА РФ. URL: <http://statearchive.ru/383>. Дата обращения 12.11.2020; Электронные описи РГАЛИ. URL: <https://rgali.ru/type/stocks>. Дата обращения 12.11.2020.

<i>архивный шифр</i>	<i>название, социальный статус</i>	<i>датировка</i>	<i>примечание</i>
ГА РФ			
РГАЛИ			

Далее происходило проблемное сужение картотеки: из фондов были выделены документы, которые можно было объединить в дневниково-мемуарный комплекс. На этом этапе была применена методика описания архивных документов, описанная в сборнике «Изъятие церковных ценностей»⁹⁹. Для каждого документа указана его архивная легенда, к ней относятся: «архивный шифр (место хранения документа), подлинность или копияность документа, способ воспроизведения текста (машинопись, рукопись)»¹⁰⁰. В таблице указывается редакционный заголовок, в скобках – заглавие, данное автором текста, если оно отличается от редакционного заголовка. Если документ был ранее опубликован, то в столбце «примечания» приведена информация об издании, в котором он напечатан.

Таблица 2

Учёт текстов дневниково-мемуарного комплекса РЗИА

№ пп.	Архивная легенда	Даты	Автор, социальный статус	Название текста, жанр	Основные темы содержания	Примечания

⁹⁹Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: сб. док. из фонда Реввоенсовета Республики. – М.: Изд-во Прав. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2006.

¹⁰⁰ Там же. С. 31.

Благодаря анализу, отраженному в Таблице 2, удалось исследовать содержание текстов, образующих дневниково-мемуарный комплекс РЗИА, произвести их первичную классификацию и приступить к выделению источникового массива.

С.В. Белковский различает три вида содержательной информации в источниках личного происхождения: фактографическую, теоретическую и рефлексивную (психологическую)¹⁰¹. Согласно этой классификации фактографическое содержание мемуаров и дневников касается явлений, событий материального характера: действия индивидов, малых групп, средних и больших коллективов людей. Это позволяет выделить в РЗИА разные виды информации: относящуюся к революционным событиям, к жизни Церкви, автобиографическую и биографическую, – что в свою очередь позволяет выделить из всего массива мемуаров и дневников РЗИА только ту часть информации, которая относится к Церкви.

Соответственно следующим этапом обработки документов Русского заграничного исторического архива было выявление комплекса событий, которые с точки зрения объективированного исторического процесса имели значение для истории Русской Православной Церкви с 1917 по 1927 гг. В целом мнения церковных историков относительно этих данных почти не разнятся, и значимыми признаются одни и те же события, описание которых находим в исследованиях. Составление такого рода перечня определило подбор ключевых слов, с опорой на которые происходил дальнейший отбор мемуарных текстов и выделение их в источниковый массив, представляющий собой проблемное сужение дневниково-мемуарного комплекса.

Источниковый массив образует совокупность текстов с определенными показателями: жанр, хронология, география, наличие искомой информации. В дневниково-мемуарном комплексе может быть несколько источниковых

¹⁰¹Белковский С.В. Мемуары политработников Вооруженных Сил СССР как источник изучения деятельности Коммунистической партии по военно-патриотическому воспитанию воинов в годы Великой Отечественной войны: Дис. канд. ист. наук. Горький, 1989. С. 66.

массивов, сгруппированных вокруг отдельно исследуемых тем, например, история Русской Православной Церкви в СССР по воспоминаниям эмигрантов, история Русской Православной Церкви за рубежом, история эмигрантских общественных организаций, проблема организации эмигрантского быта, проблема организации образования в эмиграции и т.д. Источниковый массив, выделенный из дневниково-мемуарного комплекса РЗИА для данного исследования, составлен из текстов, отражающих тему истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг. Соответственно, источниковый массив дневниково-мемуарного комплекса РЗИА по теме «История Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг.» представляет собой комплекс источников, дневниковых и мемуарных текстов, в тексте которых содержится информация по исследуемой теме. Выделенные тексты также помещены в таблицу (Таблица 3, Приложение 1), они сгруппированы по типу информации, отраженной в них.

Таблица 3

Источниковый комплекс Русского заграничного исторического архива с информацией об истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг.

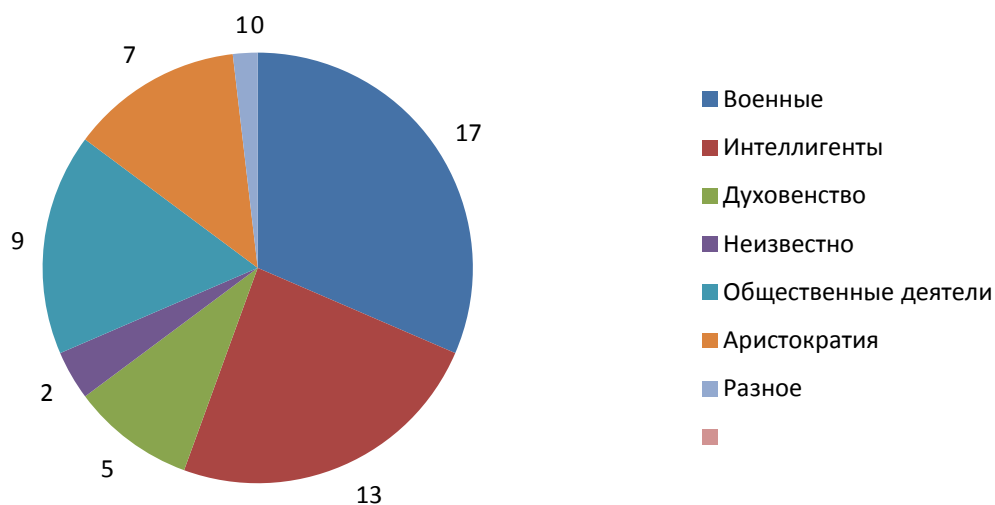
№ пп.	Архивный шифр	Автор, название	Примечание (выдержки из текста)

Источниковый массив должен быть проанализирован по следующим параметрам: статистический анализ социального состава авторов, типологический анализ и источниковедческая критика содержания.

Информация о социальном составе авторов источникового комплекса отражена в диаграмме 3.

Диаграмма 3

Социальный состав авторов источникового массива

Как видно на диаграмме, наиболее часто воспоминания о событиях, связанных с историей Церкви, встречаются в текстах, написанных представителями военного сословия и интеллигенции. Причиной тому не только в целом преобладающее количество авторов-интеллигентов, военных и общественных деятелей (юристов, журналистов и т.п.). Специфика жизненных интересов представителей этих слоев общества такова, что они описывают социальную, культурную и политическую обстановку максимально подробно, и Церковь, как значимый элемент дореволюционного общества, входила в их поле зрения. Часто у авторов-военных встречается такой тип воспоминаний, когда они методично описывают все доступные им сферы общественной жизни, включая вопросы о доставке продовольствия, политику, и в том числе действия Церкви в переходное время. Как правило, записи, касающиеся Церкви у военных довольно лаконичны, отрывисты и не сопровождаются ни размышлениями, ни выводами авторов. Исключение составляют немногие тексты, например, воспоминания П.И. Душеньковского¹⁰², который описал богослужение в церкви-землянке, случай

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р5881 Оп. 2 Д. 327. Душеньковский П.И. Мои воспоминания о том, как я ходил в Советскую Россию и что я там видел. Рукопись. 1927 г.

богохульства со стороны красноармейца, Пасху в Москве в 1926 г. Многие из военных были аристократами, которые бережно хранили семейные реликвии, часто это были иконы или нательные кресты, в связи с этим в безбожное время возникали сложные ситуации, запечатлевшиеся в тексте воспоминаний¹⁰³. Следует отметить, что к аристократам отнесены авторы, происхождение которых было аристократическим, они не имели никаких должностей на момент написания мемуаров или дневников, чаще всего это женщины (например, Вирен Н.Ф., Брусилова Н.В и т.д.).

Как следует из статистики, для представителей интеллигенции вопросы, касающиеся жизни Церкви в послереволюционное время, также имели значение. Примечательно, что сведения, касающиеся жизни Церкви, появляются в воспоминания по большей части только после захвата власти большевиками. Переворот церковной жизни, произведенный ими, был столь решителен, а перемены так ошеломляющи, что пройти мимо этих фактов мог только совершенно далёкий от религиозной жизни человек. Наибольшая часть дневников и воспоминаний написана авторами, которые покинули Россию в начале 1920-х, многие из них были насильно отправлены в эмиграцию на «философском пароходе», поэтому их воспоминания о Церкви имеют черты своеобразного обличения безбожного и бесчеловечного лица новой власти.

Достаточно часто воспоминания о Церкви встречаются в текстах общественных деятелей, особенно у тех, кто стремится охватить все стороны общественной жизни, в том числе и религиозную. Нередко такого рода воспоминания рубрицированы, описывается профессиональная жизнь, разные сферы социального взаимодействия, в том числе политическая обстановка, таковы воспоминания В.Н. Челищева, например, подробно описавшего деятельность судов. Среди этих авторов встречаются православные люди, описывающие происходившие событие не извне, а как

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р5881 Оп. 2 Д. 515. Мордвинов А.А. Флигель-адъютант императора Николая II. «В затишье и буре». Отрывки из семейных воспоминаний. Машинопись; ф. Р6546 Оп. 1 Д. 5. Стремоухов П.П. Всё в прошлом. Воспоминания. Т 4. Революция 1917-1935 гг. Машинопись.

непосредственные участники, например В.Н. Челищев¹⁰⁴, П.С. Бобровский¹⁰⁵, И. Богданович¹⁰⁶. Причастные к революционным интересам авторы обходят тему Церкви стороной.

Среди авторов источникового массива сравнительно немного представителей духовенства. Причин тому может быть несколько. Многие представители духовенства разделили судьбу своей паствы, оставшись в России. Из тех, кто эмигрировал, некоторые представители духовного сословия могли передать свои документы на хранение не в РЗИА, а в другие архивные фонды. Также документы могли остаться в семейных архивах или были уничтожены. Возможно, кто-то из духовенства передал свои документы на хранение в РЗИА, но изъял их в 1939 или 1945 гг. Учёные не располагают перечнем авторов, которые успели получить свои фонды до вхождения РЗИА в ведомство МВД Чехословакии и отправки архива в СССР.

Среди воспоминаний и дневниковых записей редки сведения о Церкви, записанные с чьих-то слов, по слухам. Как правило, их авторы – непосредственные участники и свидетели тех событий, о которых пишут.

Примечательно, что круг авторов источникового массива довольно узок, в тексте одного автора воспоминания встречаются сведения об авторе других воспоминаний, которые также входят в источниковый массив. Так, в записках А.А. Мордвинова¹⁰⁷ даны характеристики его собратям по несчастью в тюрьмах и тюремных больницах, в том числе арх. Феодосию (Алмазову).

Важно понимать, насколько был осведомлён о жизни Церкви автор текста. Соответственно, можно разделить воспоминания о событиях и явлениях, непосредственным очевидцем которых был автор; воспоминания об информации, касающейся жизни Церкви, полученной из письменных или

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р6611 Оп. 1. Д.1. Челищев В.Н. На службе суду и общественности (факты и размышления). Воспоминания, охватывающие 1896-1920. Рукопись.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р6400 Оп. 1. Д. 8а. Бобровский П.С. Из Крыма в Москву и обратно. Рукопись.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р5881 Оп. 1 Д. 80. Богданович Ив. Записки правозащитника. 1918-1919 гг. Рукопись.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р5881 Оп. 2 Д. 515. Мордвинов А.А. «В затишье и буре». Отрывки из семейных воспоминаний. Машинопись.

устных разговоров; документальные источники (акты, воззвания, преимущественно, относятся к деятельности РПЦЗ); беседа о событиях, относящихся к жизни Церкви (частная переписка); периодическая печать (вырезки из газет, освещающие жизнь Церкви). Типологический анализ с точки зрения целостности охвата информации об историческом периоде показывает принадлежность мемуарного текста к одной из следующих групп: «тематические тексты (охватывают продолжительный промежуток времени, как правило, имеют конкретизирующее название, несущее смысловую нагрузку, которое либо отображает описываемое событие или время, либо носит общее название), эпизодические (воспоминания о конкретном эпизоде), целостные (о своей жизни вообще)»¹⁰⁸. Наибольшим числом текстов в источниковом массиве представлены *эпизодические* воспоминания, 52 текста. К тематическим, посвящённым специально событиям, имеющим прямое отношение к жизни Церкви, относятся воспоминания архимандрита Феодосия (Алмазова), И.В. Новицкого, П.К. Иванова, прот. А. Рождественского, прот. Г. Голубцова, прот. В.В. Зеньковского, О. Крюковой.

Также в состав источникового массива вошли такие переходные жанры как неопубликованные воспоминания Ольги Крюковой, которые изложены ею в письме к митр. Евлогию Георгиевскому¹⁰⁹, неопубликованная статья И.В. Новицкого «Церковь и государство», которая основана на тексте его дневников¹¹⁰, а также дневники А.А. фон Лампе¹¹¹, в которых дневниковый текст является комментарием к вырезкам из публицистики, виду чего разделение этого целостного конгломерата на собственно публицистику и дневник является затруднительным.

Выделение источникового массива из дневниково-мемуарного комплекса РЗИА позволило сконцентрировать всю информацию о Церкви в единое целое и

¹⁰⁸ Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX веков : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09. - Нижний Новгород, 2006. – С. 18.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р5919 оп.1 д. 74. Фонд митрополита Евлогия (Георгиевского). Письмо Ольги Крюковой из Падуи (Италия). Автограф.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. Р6247. Оп. 1. Д. 15. Статья белоэмигранта Новицкого И.В. «Церковь и государство». 7 л.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 1-31. Лампе А.А. Дневник.

продолжить её анализ с точки зрения состава авторов, осуществить количественную и качественную обработку мемуарных текстов, содержащих искомую информацию, сформировать *дневниково-мемуарную модель*.

Дневниково-мемуарная модель представляет собой совокупность основных аспектов проблемы, актуальной для выбранной тематики исследования. Она формируется на основе исследования историографии темы и на основе контент-анализа всех текстов дневников и мемуаров, входящих в источниковый массив дневниково-мемуарного комплекса. Искомая информация представлена как упоминание (слово) или описание (эпизод), который отражает: 1) факты об изучаемом явлении; 2) теоретическую информацию (рассуждения, размышление, построение обобщающих теорий; 3) рефлексивную информацию (чувства, психологическое состояние). Таким образом, дневниково-мемуарная модель представляет собой совокупность главных направлений, нюансов, особенностей рассматриваемой темы, которые отражены сознанием мемуаристов и авторов дневников. Подсчёт частоты упоминания выделенных аспектов темы в источниковом комплексе позволяет сделать выводы об интенсивности отражения ключевых аспектов темы. Дневниково-мемуарная модель представлена в виде сводной таблицы и представляет собой концентрированную информацию по теме, нашедшей отражение в источниковом комплексе дневниково-мемуарного массива.

1.2.2. Контент-анализ событий истории Русской Православной Церкви в источниковом массиве дневниково-мемуарного комплекса Русского заграничного исторического архива

Контент-анализ источникового массива дневниково-мемуарного комплекса был произведён следующим образом. На основе научно-исследовательской литературы (труды прот. В. Цыпина, прот. Г. Митрофанова, А.Л. Беглова, С.Л. Фирсова и другие) были выделены ключевые темы истории Церкви в 1917-1927 гг.:

- 1) Падение авторитета Церкви в обществе накануне революции;
- 2) Законодательство Временного правительства относительно Церкви и религии;
- 3) Поместный Собор 1917-1918 гг.;
- 4) Законодательство большевистского правительства относительно Церкви и религии;
- 5) Организация приходской жизни во время Гражданской войны;
- 6) Антирелигиозная политика правительства: вскрытие мощей, лекции и диспуты, запрещение на празднование церковных праздников, изъятие церковных ценностей;
- 7) Аресты духовенства (аресты, расстрелы, тюремные богослужения);
- 8) Обновленчество;
- 9) Борьба с патриархом Тихоном, арест патриарха, назначение патриархом преемников патриаршего престола, смерть патриарха;
- 10) Действия местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергия (Страгородского) и реакция на них.

На основе этой информации был определен круг ключевых слов, с опорой на которые возможно исследование источникового комплекса дневниково-мемуарного комплекса РЗИА: богослужение, владыка/епископ, гонения, диспут, живая церковь/живоцерковник, литургия, молебен/молебствие, молитва/моление, мученик/мученичество, обновленец/обновленчество, Пасха, патриарх, Рождество, священник, собор, Троица, церковь, храм, чудо.

В результате выделения из дневниково-мемуарного комплекса РЗИА источникового массива, анализа социального состава его авторов, составления перечня основных тем, затронутых исследователями и отраженных в мемуаристике, подбор ключевых слов стало возможным создание дневниково-мемуарной модели комплекса РЗИА.

Единицами подсчёта являются: описание (развёрнутый автором эпизод) и упоминание (слово). В случае совпадения однокоренных слов учитывались те, которые помещены в контекст истории Церкви, а не бытовой жизни вообще. Результаты подсчёта представлены в таблицах. Данные таблицы упорядочены по частоте упоминания: от наиболее частых упоминаний к наименее частым.

Таблица 5

Ключевые термины истории Церкви 1917-1927 гг. в источниковом массиве дневниково-мемуарного комплекса РЗИА

Ключевое слово	Количество упоминаний
Богослужение	69
Владыка / Епископ	693
Гонения	35
Диспут	11
Живая церковь / живоцерковник	36
Литургия	13
Священник	259
Молебен / молебствие	22
Молитва / моление	58
Мученик / мученичество / замученный	124
Обновленец / Обновленчество	155
Пасха	38
Патриарх	231
Рождество	15
Троица	15
Храм/ Собор	361
Церковь	491

Как следует из данных подсчёта, наибольшее число упоминаний приходится на слово «епископ», что может говорить о высоком значении епископов в общественной и бытовой православной жизни в первое послереволюционное десятилетие. Слово «храм», имеющее отношение только к архитектурному сооружению, упоминается реже. К лидерам упоминаний относится также слово «церковь», причём здесь имеется в виду и Русская Православная Церковь, и Живая церковь, и церковь как архитектурное сооружение. Слова «священник» и «патриарх» почти равны по количеству упоминаний. Также, вероятно за счёт воспоминаний, специально посвящённых теме Поместного собора, часто упоминаемым словом является слово «собор». Затем по частоте упоминания идут слова, относящиеся к обновленчеству «обновленчество», «обновленец», «Живая церковь». Реже, но достаточно часто упоминаются слова, относящиеся к православным праздникам: «Пасха», «Рождество», «Троица», - совсем не упоминаются другие праздники, в том числе «Успение», «Крещение», «Сретение» и так далее, что может говорить либо об отсутствии привычки особым образом отмечать эти дни в череде календарных дат, либо о не слишком глубокой вовлечённости мемуаристов в жизнь Церкви. Возможно, есть иная причина отсутствия упоминания этих православных праздников в мемуаристике. Количество упоминаний относящихся к богослужебной практике слов «богослужение», «литургия», «молебен/молебствие», «молитва/моление» почти равно упоминаниям праздников. Наиболее редко встречается слово, имеющее отношение к богоборческим акциям: «диспут». Слово «гонение» также достаточно редко используется для описания богоборческой политики большевизма, всего 35 упоминаний. Намного чаще используется слова с корнем «муч» (мученик, мученичество), что говорит о начавшемся уже современниками процессе осмысления убийств

производимых большевиками именно в контексте христианского мученичества.

Следующая таблица позволяет более детально проанализировать содержание источникового массива мемуарного комплекса РЗИА с точки зрения развёрнутого описания тех тем, которые отражают ключевые слова.

Таблица 6

Основные события истории Церкви 1917-1927 гг., освещённые в источниковом массиве дневниково-мемуарного комплекса РЗИА

Тема	Упоминание (слово)	Описание (эпизод)
Падение авторитета Церкви в обществе накануне революции	15	8
Поместный Собор 1917-1918 гг.:		
1917 г	112	49
1918 г.	97	34
Без указания дат:	12	4
	221	87
Всего:		
Декреты большевистской власти:		
- декрет о гражданском браке, о детях и ведении книг-актов состояния;	9	5
- декрет о свободе совести, церковных религиозных обществах отделение церкви от государства и школы от церкви);	23	16
- другие декреты.	18	8
Всего:	40	31
Организация приходской жизни во время Гражданской войны:		

- со стороны духовенства;	11	4
- со стороны мирян.	9	4
Всего:	20	8
Антирелигиозная политика советского правительства:		
- вскрытие мощей;	44	15
- антирелигиозные лекции и диспуты;	42	18
- изъятие церковных ценностей.	74	31
Всего:	160	64
Гонения на духовенство:		
- аресты;	72	28
- расстрелы;	54	22
- мученичество;	51	18
- тюремное богослужение;	12	7
Всего:	189	75
Обновленчество:		
- деятельность обновленческого духовенства;	47	19
- Второй Всероссийский поместный собор Православной Церкви.	32	16
Всего:	79	35
Борьба с патриархом и его преемниками		

- арест патриарха Тихона;	27	16
- назначение патриархом преемников патриаршего престола и их судьба;	14	6
- смерть патриарха.	20	12
Всего:	61	34
Действия местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергия (Страгородского)		
- Декларации от 27.07.1927;	7	4
- Письмо митрополита Сергия к заграничным архиереям и реакция на него.	9	3
Всего:	16	7
Устройство православных церквей за пределами России		
- в Грузии;	94	2
- в Украине;	116	18
- в Польше.	19	5
Всего:	229	13

Таблица 6 включает в себя основные аспекты истории Церкви в 1917-1927 гг., которые исследовались историками Церкви и были отражены сознанием авторов дневников и мемуаров, с указанием частотности описания этих аспектов. В ней сконцентрированы и содержательные аспекты темы, и измерительные, что позволяет оценить степень интенсивности сохранения памятью мемуаристов и авторов дневников отдельных сторон истории Церкви в 1917-1927 гг. С помощью мемуарной модели, представленной в

Таблице 6, можно сделать выводы о тематической насыщенности источникового комплекса дневниково-мемуарного массива РЗИА.

Поместный собор 1917-1918 гг. по частотности упоминания является одной из наиболее популярных тем, представленных в дневниково-мемуарном комплексе. Поместному собору посвящены несколько тематических текстов (воспоминания И.В. Новицкого, прот. С.Г. Голубцова). События собора, а также сам собор без описания его работы упоминаются в эпизодических воспоминаниях, описывающих определённый этап жизни автора (П.П. Менделеев, арх. Феодосий (Алмазов) и т.д.). За 1917 г. его коротко упоминает арх. Феодосий, в то время как прот. С. Голубцов описывает ход собора за 1918 г., не касаясь 1917 г., когда он не принимал участия в его работе. Без указания дат собор упоминается в основанной на биографических данных статье И.В. Новицкого «Церковь и государство».

Что касается упоминания и описания декретов советской власти, направленных на разрушение традиций, связанных с Церковью, то ситуация в дневниково-мемуарном комплексе сложилась следующим образом. Законодательные инициативы советской власти упоминаются и комментируются в газетных вырезках, собранных А.А. фон Лампе. Из очевидцев событий о самих декретах пишет только арх. Феодосий (Алмазов), другие мемуаристы не обсуждают их содержание, в их свидетельствах описываются только те изменения, которые пришли в общество в связи с новыми законами. Таким образом, можно говорить о преобладании опосредованной реакции на декреты советской власти в мемуарном комплексе РЗИА.

С темой нового законодательства советской власти связана организация приходской жизни, как со стороны духовенства, так и со стороны прихожан. Однако в дневниково-мемуарном комплексе РЗИА не так много воспоминаний, которые были бы написаны именно прихожанами со стороны приходской жизни. Прямо связаны с этой темой воспоминания О. Крюковой, которые она изложила в письме митр. Евлогию (Георгиевскому)

(ГА РФ Ф. Р5919 оп.1 д.74. Фонд митрополита Евлогия (Георгиевского). Письмо Ольги Крюковой из Падуи (Италия). Автограф). Много об этой проблеме пишет прот. С. Голубцов в связи с ситуацией в Абхазии (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 774. Голубцов Г.С. «Поездка на Всероссийский церковный Московский Собор». Дневник. 190 л.). Ещё несколько упоминаний встречаются в воспоминаниях других авторов, в том числе в воспоминаниях следующих авторов: Сувориной Е. «Годы революции на Кавказе» 1917-1921 гг., Ретивова М.И. «Записки врача-эмигранта», В.И. Рудич «Уроки прошлого», Сербинов Г.К. «Воспоминания. 1917-1920 гг.», Эверт Н.И. «Жизнь в Советской республике. 1918-1921 гг.». В целом эта тема скудно освещена в дневниково-мемуарном комплексе.

Антирелигиозная политика нашла фрагментарное отражение в дневниково-мемуарном комплексе РЗИА. Упоминание мощейной кампании встречается в основном в периодике. В воспоминаниях, дневниках факты вскрытия мощей почти не фигурируют, только в дневниках Лампе автором вклеены публикации с информацией о поругании святых мощей. Нет также рефлексивного отклика на мероприятия, связанные с этой инициативой советской власти. Напротив, факты, связанные с изъятием церковных ценностей, изложены не только на страницах газетных вырезок, но и в свидетельствах очевидцев. Описание этого вида антирелигиозной борьбы изобилует фактографической и рефлексивной информацией. Описываются факты, сопровождающие случаи изъятия церковных ценностей, слухи о дальнейшей судьбе риз и церковной утвари, а также эмоциональный отклик православных христиан на «ограбление» храмов. Диспуты, лекции и антирелигиозные шествия сравнительно часто упоминаются авторами дневниково-мемуарного комплекса. Стоит отметить, что в целом, описывая связанные с Церковью события, авторы дневников и мемуаров концентрируются на необычном, на таких эпизодах, которые резко контрастируют с обыденностью. Поэтому так мало сведений о рутинной деятельности по организации приходской жизни, например. Но

антирелигиозные лекции и диспуты впервые появились как факт общественной жизни в 1918-1919 гг., они запоминались благодаря ярким выступлениям православных ораторов или жестоким аргументами силы представителей ЧК. Так же в дневниковых и мемуарных текстах нашли отражения другие факты и события, связанные с антирелигиозной борьбой и выражавшиеся как суеверные привычки красноармейцев, стремление к справедливости крестьян и солдат и т.д.

Безусловно, среди ярких и трагичных событий русской действительности первого послереволюционного десятилетия и далее были беспрецедентные гонения, обрушившиеся на православное духовенство. Авторы дневников и мемуаров подчёркивают роль евреев в гонениях, отмечают именно эту национальность, говоря о следователях (например, в воспоминаниях Ретивова М.И. «Записки врача-эмигранта», в тексте «Берлинский дневник Н.Н. Чебышева. 24 декабря – 18 сентября 1923 г.»). Аресты, расстрелы, мученичество православного духовенства – всё это попало на страницы отмеченной мемуаристами и авторами дневников периодики, в воспоминания, дневники, статьи. Приведены статистические данные о гонениях, арестах и расстрелах духовенства, о закрытии и уничтожении храмов и монастырей на основании фактов, которые были доступны авторам.

Сравнительно небольшое количество текстов описывает такое явление, как обновленчество. Это явление отражено в газетных вырезках, собранных А.А. фон Лампе. Несколько воспоминаний упоминают о борьбе обновленцев с патриаршей Церковью и описывают ход этой борьбы. Встречаются воспоминания об А.И. Введенском, а также об обновленческом поместном соборе. Сведения о григорианском расколе были обнаружены только в воспоминаниях арх. Феодосия (Алмазова), который сравнил линию поведения митр. Григория с тем, как повёл себя митр. Сергей (Страгородский) после ареста 1926 г.

Первая волна российской эмиграции начала угасать к концу 20-х гг., и наибольшая часть авторов, мемуары которых отложились в РЗИА, эмигрировала уже к 1923 году. Поэтому события, которые относятся к аресту, смерти патриарха, вопросу о преемстве духовной власти и действиях заместителя местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергия (Страгородского) описаны в дневниково-мемуарном комплексе небольшим количеством текстов. В основном на страницах вырезок из газет, примыкающих к дневнику А.А. фон Лампе, видим упоминания об аресте патриарха, о судьбе его преемников, а также сообщения о его смерти и похоронах. Похороны патриарха со слов очевидцев описаны также в воспоминаниях Н.В. Брусиловой¹¹².

Говоря о таком аспекте источникового массива дневниково-мемуарного комплекса РЗИА, как хронология, стоит отметить неоднородность распределения мемуарных текстов в границах 1917-1927 гг. Как было сказано выше, чаще всего тексты, содержащие информацию о жизни Церкви, описывают события, происходившие после 1918 года и принятия первых антирелигиозных декретов большевиков. О событиях 1917 года пишут больше всего те авторы, которые принимали участие в Поместном соборе и других мероприятиях, связанных с устройством жизни Церкви после революции, в том числе И.В. Новицкий¹¹³, В.В. Зеньковский¹¹⁴. Наибольшее количество мемуарных и дневниковых текстов относится к периоду 1918-1923 гг. События 1924-1927 гг. описаны наименьшим числом авторов источникового массива.

Географические рамки мемуаров и дневников довольно широки: Москва, Петербург, Дальний Восток, Сибирь, юг России, Грузия, Абхазия,

¹¹²Брусилова Н.В. Воспоминания, записки, впечатления. 1870-1930-е: в 2 т. М.: Кучково поле, 2015. Т. 2. С. 52-53.

¹¹³ГА РФ. Ф. Р6247 Оп. 1 Д. 15 Статья белоэмигранта Новицкого И.В. «Церковь и государство»; Ф.Р6247 Оп. 1 Д. 10. Рукопись белоэмигранта Новицкого И.В. «Дневник скитальца» с приложением фотографий, газетных вырезок (продолжение дневника командира).

¹¹⁴ ГА РФ. Ф.Р5881 Оп. 2 Д. 315-355. Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15.05.-19.10.1918). Воспоминания.

Польша, Украина, – ситуация вокруг Церкви в этих географических точках отражена в источниковом массиве.

Подытоживая статистический, типологический и контент-анализ источникового массива дневниково-мемуарного комплекса РЗИА, отметим следующее:

1. Дневниково-мемуарный комплекс Русского заграничного исторического архива включает в себя 1416 текста дневников и мемуаров, под хронологические и географические рамки данного исследования попадает 991 текст;

2. Источниковый массив по теме «история Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг.» включает в себя 59 текстов, дневников и мемуаров, сохранившихся в РЗИА;

3. Наибольшее количество авторов дневниково-мемуарного комплекса – это военные (279 авторов), несколько меньше интеллигентов (134 автора), на третьем месте общественные деятели (101 автор). Та же пропорция сохраняется и в источниковом массиве: больше всего авторов-военных (17), затем интеллигенты (13) и наконец общественные деятели (9). Представителей духовенства среди авторов всего 4 человека.

4. Типологический анализ дал следующую информацию: в источниковом массиве 7 текстов тематические, посвящены конкретно событиям из жизни Церкви в 1917-1927 гг., 52 текста содержат эпизодические описания этих событий.

5. Содержательно-типологический анализ показал, что в дневниках и воспоминаниях источникового массива отражены 2 темы: государственно-церковные отношения и изменения в жизни мирян и духовенства, причем вторая тема раскрыта полнее.

6. Контент-анализ показал, что наиболее частотно употребление слова «епископ/владыка» (693 упоминания), следом слово «церковь» (491 упоминание), затем «священник (259), слова с корнем муч- (мучение, мучение, замученный) (124). Из праздников наиболее часто упоминается

Пасха (36), реже Рождество (15) и Троица (15). Совсем не упоминаются другие православные праздники. Среди наиболее упоминаемых событий – Всероссийский поместный собор в 1917 году (112 упоминаний и 49 эпизодов), реже собор в 1918 году (97 упоминаний и 34 эпизодов). Достаточно частотно упоминание устройства православной церкви в Украине, вероятно, благодаря пяти томам воспоминаний прот. В.В. Зеньковского. Среди других наиболее частотно упоминаемых тем комплекс гонений на духовенство: аресты (72 упоминания и 28 эпизодов), расстрелы (54 упоминания и 22 эпизода), мучения (51 упоминание и 18 эпизодов), тюремные богослужения (12 упоминаний и 7 эпизодов). Практически не упомянуты в воспоминаниях и дневниках антирелигиозные декреты советской власти, очень малочисленны упоминания деятельности митрополита Сергия (Страгородского).

ГЛАВА 2. МЕМУАРЫ ИЗ ФОНДОВ РЗИА С ИНФОРМАЦИЕЙ ОБ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

2.1. Изменения государственно церковных отношений и жизни мирян и духовенства

Спектр перемен, которые вошли в жизнь Церкви после падения самодержавия, широк и затрагивает все сферы. Наиболее важным источником этих перемен явилось изменение государственно-церковных отношений, которые стали происходить по инициативе Временного правительства и запустили волну государственного регулирования жизни Церкви после октябрьской революции. Именно эти перемены стали источником происходивших во времена Гражданской войны и далее изменений в жизни мирян и духовенства, богоборческих акций, разрушения храмов и жизней тех людей, кто силой традиции, привычки или духовного труда был связан с Церковью. Изменения в государственно-церковных отношениях являются наиболее очевидными, их легче всего заметить, регламентирующие их документы представлены широко и благодаря многочисленным публикациям доступны для исследований. Тексты, описывающие изменения в жизни мирян и духовенства встречаются, преимущественно, в фонде Р5881, но частично эта тема отражена и в личных фондах.

Выдержки из воспоминаний приводятся с сохранением авторской пунктуации, орфография приведена в соответствие с современными нормами русского языка. В квадратных скобках раскрыты сокращения, угловые скобки отмечают часть опущенного текста. Описание текстов происходит согласно алфавитному списку описей.

Для анализа содержания текстов дневниково-мемуарного комплекса составлена анкета источника:

1. Что: какой фонд, документ, шифр.
2. Где хранится.
3. Кто автор.
4. Биография автора.
5. Отношение к церкви (по возможности).
6. Как выглядит документ (рукопись или машинопись, объём, читабельность, приметы).
7. Где был написан.
8. Когда поступил в РЗИА, в ЦГАОР СССР или ЦГАЛИ.
9. Содержание документа относительно церкви.
10. Комментарий исследователя.

Наибольшая часть документов Русского заграничного исторического архива отложилась в ЦГАОР СССР (ГА РФ), но некоторые из них попали в ЦГАЛИ (РГАЛИ). Воспоминания А.М. Алпатина хранятся в ЦГАЛИ и сейчас хранятся в РГАЛИ¹¹⁵. Они представляют собой рукопись с достаточно разборчивым почерком на 75 листах. Судя по слогу, принадлежат перу представителя интеллигенции, возможно, писателя, более точную биографическую информацию установить не удалось. В тексте воспоминаний отсутствует датировка их написания, исходя из содержания воспоминаний, можно сделать вывод о том, что они были написаны спустя несколько лет после описанных событий, вероятно, уже в эмиграции. История бытования текста в социокультурной среде неизвестна, можно говорить о том, что этот текст не оказал значительного влияния на современников, его содержание не отличается оригинальностью или сенсационностью. К истории Церкви относится лишь небольшой фрагмент воспоминаний, буквально один абзац: «Была середина Октября, и все ждали большевистского выступления. Но все эти дни прошли благополучно, и

¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1337. О. 1. Ед. хр. 5. Алпатин А.М. Февральская революция 1917 г. Воспоминания. 75 л.

правительство самонадеянно утверждало, что никакого выступления не будет, так как им приняты меры подавить такое выступление в самом его зародыше. <...> Наступило 22 Октября, об`явленное¹¹⁶ днем Советов. В этот день казаки, эти единственные, остававшиеся верными правительству воинские части, задумали устроить крестный ход. Правительство крестный ход запретило, и казаки подчинились, но собравшийся народ потребовал его, и вышла импровизированная манифестация. Народ хотел было идти к Правительству протестовать, но Митрополит отговорил»¹¹⁷. В этом отрывке речь идёт о событиях 1917 г. и импровизированной манифестации, в которую трансформировался крестный ход. Этот отрывок выразителен в контексте воспоминаний П.П. Менделеева, который пишет о силе православной части общества, настроенной решительно против большевизма и не боявшейся демонстрации своего отношения даже под угрозой казни. П.П. Менделеев пишет о том, что эта сила была воспринята большевиками как всерьёз угрожающая их власти, что и могло спровоцировать усиление их антирелигиозной политики¹¹⁸.

Следующие описанные воспоминания отложились в ЦГАОР СССР (ГА РФ). Здесь и далее мы опустим название архивохранилища, подразумевая, что все перечисленные документы хранятся в ГА РФ.

Воспоминания Бобринской В.Н.¹¹⁹ хранятся в личном фонде графини Р5819 под названием «Хроника моей жизни» (1864-1930), шифр Р5819. Оп. 1. Д. 5. Варвара Николаевна Бобринская (1864 (1866) – после 1930) была супругой политического деятеля, археолога графа Алексея Александровича Бобринского. С 1899 г. она занималась общественной деятельностью, в том числе являлась председателем Московского городского попечительства о бедных Хитрова рынка, принимала участие в издании и работе журнала

¹¹⁶ Так у автора.

¹¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1337. О. 1. Ед. хр. 5. Алпатин А.М. Февральская революция 1917 г. Воспоминания. 22 л.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р 5971 Оп.1 Д.112. Менделеев П.П. «Свет и тени в моей жизни» за 1918-1919 г. Тетрадь номер 6. Л. 31.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р5819. Оп. 1. Д. 5. Воспоминания Бобринской В.Н. «Хроника моей жизни» (1864-1930). Машинопись.

«Северное сияние», «Русские ведомости». С 1914 г. занималась просветительской деятельностью, организацией музейного дела. В 1917 г. приняла решение о переезде на Кавказ, была деятельным участником общественной жизни в Пятигорске и Новороссийске. В феврале 1920 г. эмигрировала в Константинополь, возглавила там Главное регистрационно-справочное бюро, занималась организацией общежитий для женщин и мест для ночного отдыха для мужчин. Затем переехала в Прагу, занималась систематизацией знаний по истории русского быта, общемировой истории. В конце 1924 г. приняла решение о переезде во Францию, была организатором бесплатной детской библиотеки в Париже. Степень вовлечённости в церковную жизнь и обстоятельства смерти неизвестны. В фонд вошли документы, отражающие общественную активность В.Н. Бобринской, её переписка, рукописный дневник, рукописные воспоминания, датированные 1919 г., и машинописные воспоминания, датированные 1930 г. Документы в составе фонда поступили в ЦГАОР СССР в 1946 г. в составе бывшего РЗИА.

Машинописные воспоминания были написаны В.Н. Бобринской в Париже. Её замечания, касающиеся Церкви, очень кратки. На листе 114 она упоминает об избрании патриарха. Это может говорить о том, что даже для людей, не занимающихся деятельностью, связанной напрямую с жизнью Церкви, событие избрания патриарха после почти двухсотлетнего его отсутствия имело статус высоко значимого события. На л. 115 В.Н. Бобринская описывает случай знакомства с американцем Крейном, который заинтересовался Россией и хотел познакомиться с патриархом Тихоном, для чего нелегально пересёк границу во Владивостоке и потом приехал к нему в Москву. На л. 140 она говорит о значении церкви для русских: «там, где 50-60 русских сразу же возникает церковь»¹²⁰, что свидетельствует о действительно высокой значимости Русской Православной Церкви для национального самосознания русского человека, в условиях угрозы

¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р5819. Оп. 1. Д. 5. Воспоминания Бобринской В.Н. «Хроника моей жизни» (1864-1930). Машинопись. Л. 140.

физическому существованию и эмиграции особенно остро осознавшего свою принадлежность к русской культуре и Церкви.

Воспоминания А.С. Лукомского¹²¹ хранятся в личном фонде. Они представляют собой рукопись на трёх сшитых между собой тетрадах под названием «Поездка на Дальний Восток 1924-1925 гг.». Их автор, Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939), закончил свою деятельность в чине генерал-лейтенанта Генерального штаба. «В сентябре 1917 г. был арестован по постановлению Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и заключен в тюрьму как участник корниловского выступления. Бежал на Дон и участвовал в организации Добровольческой армии. С декабря 1919 по март 1920 гг. возглавлял правительство при Главнокомандующем ВСЮР. С марта 1920 г. – представитель генерала П.Н. Врангеля в Константинополе. В эмиграции жил во Франции. Состоял в распоряжении председателя РОВСа. Умер в 1939 г. в Париже»¹²². С деятельностью Русской Православной Церкви связан не был. Документы А.С. Лукомского поступили в ЦГАОР СССР в 1946 г. в составе бывшего РЗИА. В личном фонде хранятся рукописи воспоминаний, относящихся к различным периода жизни А.С. Лукомского: «Очерки моей жизни» (ч. 1-5, 1937), «Пребывание в Соединенных Штатах с авг. 1923 по окт. 1924 гг.» (1937), а также материалы, использованные для их написания (переписка с проф. Шотвелем, Е.Д. Адамсом), «Поездка на Дальний Восток 1924–1925 гг.» (3 тетради, 1938) и материалы к ним (справки, доклады, переписка и др.), «Моя работа в Париже с мая 1925 г.» (1932). Небольшая информация, относящаяся к жизни Церкви, была обнаружена только в воспоминаниях «Поездка на Дальний Восток 1924 – 1925 гг.». Они были написаны в Париже в 1938 г., представляют собой три сшитые тетради рукописного текста, написанные ясным почерком, объёмом в 215 листов.

¹²¹ Составлено по: URL: <http://guides.rusarchives.ru/funds/8/lukomskiy-aleksandr-sergeevich>. Дата обращения 10.02.2021.

¹²² ГА РФ. Ф. Р5829. Оп. 1. Д. 10. Воспоминания Лукомского А.С. «Поездка на Дальний Восток 1924-1925 гг.» (3 тетради). Рукописи. 215 л.

В воспоминаниях А.С. Лукомского приводится краткая биография епископа Ионы, которого он встретил в Маньчжурии после эмиграции: «Епископ Иона, будучи во время революции 1917 г. в Москве архимандритом, пострадал от большевиков; был арестован, избит прикладами, и ему сильно повредили голову. Едва выжив, ещё больным он пробрался в Сибирь и был в отряде оренбургского атамана Дутова. После крушения фронта адмирала Колчака епископ Иона пробрался в Маньчжурию»¹²³. Это один из примеров того, как священнослужитель смог после ареста и физического насилия покинуть Советскую Россию и продолжать служение Богу в эмиграции. Епископ Иона в миру носил имя Владимир Ильич Покровский (1888-1925), был епископом Русской Православной Церкви за рубежом. 30 июня 1917 г. состоялось его назначение на должность проповедника 2 армии. В мае 1918 года был арестован по обвинению в контрреволюции и сослан в Тюмень. По пути на место ссылки был освобождён войсками сибирского правительства и продолжал свою деятельность как духовное лицо Белого движения. В Омске выступил как идейный организатор создания «дружин Святого Креста». В 1919 году Временным Высшим Церковным Управлением Сибири был возведён в сан игумена. После поражения Белого движения эмигрировал вместе с остатками армии в Китай, где продолжил пастырскую деятельность. В Шанхае стал инициатором организации семинарии, в которой преподавал Закон Божий. За свою активную деятельность был награждён Высшим русским церковным управлением за границей саном архимандрита и получил назначение в духовную миссию Пекина. По распоряжению епископа Антония (Храповицкого) в сентябре состоялась архиерейская хиротония во епископа Тяньзиньского. Вскоре стал настоятелем храма святителя Иннокентия Иркутского в городе Маньчжурия. Деятельность епископа Ионы была разносторонней и направленной на поддержку эмигрантов и всех

¹²³ГА РФ. Ф. Р5829. Оп. 1. Д. 10. Воспоминания Лукомского А.С. «Поездка на Дальний Восток 1924-1925 гг.» (3 тетради). Рукописи. Л. 182.

страждущих. По его инициативе была открыта аптека, в которой лекарства беднейшим выдавались бесплатно, школа, в которой неимущие могли получать образование бесплатно, столовая и амбулатория, приют для малолетних сирот. Он был талантливым проповедником и пастырем. В возрасте 36 лет епископ Иона скончался от заражения крови. В 1996 г. был прославлен Русской православной церковью за рубежом как чудотворец за подвижническую жизнь и многочисленные чудеса, происходившие у его могилы и при молитвенном обращении к нему. В 2016 году было установлено почитание этого святого Русской православной церковью. День его памяти 7 октября.

Таким образом, воспоминания А.С. Лукомского о епископе Ионе полны неточностей: от большевиков епископ Иона пострадал в 1918 г., сан архимандрита получил уже в эмиграции, от большевиков он бежал в Пермь, где был вновь арестован и отправлен в Сибирь, но по пути освобождён белыми, в Манчжурии оказался не сразу. Все эти ошибки можно приписать как недостаточной осведомлённости генерала, так и искажениям памяти.

Воспоминания архимандрита Феодосия Алмазова хранятся в ГА РФ в фонде Р5881 под шифром ф. 5881 оп. 1 д. 73 и носят название «Очерк Алмазова Ф. “Мои воспоминания” (религиозно-церковного содержания 1917-1931 гг.)». Воспоминания были написаны в эмиграции в начале 1930-х гг. Рукопись поступила в РЗИА в 1935 г. Она представляют собой широкоформатную тетрадь с написанным мелким, но хорошо читаемым почерком текстом. Объём рукописи 271 лист. Текст, очевидно, предназначался для издания. Воспоминания рубрицированы и датированы автором.

Автор воспоминаний архимандрит Феодосий (Алмазов) (1870 – после 1933) в миру носил имя Константин Захарович Алмазов. В 1891 г. окончил Смоленскую духовную семинарию, продолжил образование в Московской духовной академии, окончил которую в 1896 г. 14 сентября 1896 г. был пострижен в монахи с наречением имени Феодосий. С 1916 года служил

полковым священником царской армии. Зимой 1917 г. приехал в Петроград, проявил себя как ярый противник обновленчества, был арестован в 1918 г. по ст. 58–10–13 УК РСФСР, содержался в тюрьме на Гороховой, 2. В 1919 г. был освобождён. В 1924 г. был наречён во епископа Петропавловского, викария Омской епархии, однако хиротония не состоялась в связи с появлением постановления об аресте. Второй арест продлился недолго, с апреля по июль 1924 г. Получил должность проповедника в церкви за Нарвской заставой. 10 июня 1927 г. вновь арестован и приговорён к трём годам исправительно-трудового лагеря. В июле 1927 г. был отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, в 1929 г. получил освобождение, был сослан в Нарымский край. Из ссылки бежал в Румынию, до 11 апреля 1933 г. проживал в монастыре в Болгарии. Обстоятельства и год упокоения неизвестны.

Так как вся рукопись посвящена описанию жизни Церкви в 1917-1931 гг., выделим её наиболее яркие фрагменты.

Архимандрит Феодосий пишет о разнообразных нюансах церковной политики советской власти. В том числе из очевидцев событий о декретах пишет только он, другие мемуаристы не обсуждают их содержание, в их свидетельствах описываются только те изменения, которые пришли в общество в связи с новыми законами. Очень кратко архимандрит Феодосий упоминает о Всероссийском поместном соборе, работу которого в конце 1917 г. он застал.

Так как за своё нетерпимое отношение к советской власти и Живой церкви арх. Феодосий неоднократно подвергался тюремным заключениям, он подробно описал свои тюремные заключения. Протоиерей Михаил Чельцов в 1918 г. сидел в Дерябинской тюрьме в то же время, что и архимандрит Феодосий, он оставил её описание в своих воспоминаниях: «Дерябинка <...> представляла из себя до 10-12 отдельных камер, каждая от 70 до 150 человек; это норма. Но чаще бывало наполнение каждой камеры двойным комплектом, так что спали по трое на двух кроватях, на полу, на столах. <...>

Населена Дерябинка была все “врагами отечества”, т. е. большевиков; это были бывшие люди — из интеллигенции. Только одна камера была наполнена исключительно уголовным элементом; она всегда была на запоре, и мы с ней не имели почти никакого общения; из нее к нам приходили только по указанию начальства уборщики, нами оплачиваемые»¹²⁴. Протоиерей Михаил вспоминал также об одном эпизоде, свидетельствующем не в пользу архимандрита Феодосия: ««Для некоторых была развлечением игра в карты на деньги. У нас <...> в камере она мало наблюдалась; в соседней камере ее любили многие; туда ради нее ходили и некоторые и из нашей камеры. Ею стал было увлекаться один из бывших в той камере батюшек— о. архимандрит Феодосий Алмазов. На него обратили с этой стороны внимание некоторые из церковников и просили меня воздействовать на него, ибо он де производит большой соблазн для одних и служит мишенью издевательств для других. Я говорил с ним, и он действительно прекратил игру, “игру от скуки”, как он говорил»¹²⁵.

В Дерябинской тюрьме архимандрит Феодосий заболел, по болезни содержался в больнице женской тюрьмы, где был замечен А.М. Мордвиновым: «<...> я запомнил рослого и моложавого Архимандрита Алмазова, старенького соборного протоиерея от Петербургской стороны, бывшего нашим старостой, <...>»¹²⁶. Мордвинов отметил душевную суровость и упорный скептицизм архимандрита: «Особенно в эти дни все надеялись на ожидавшееся наступление немцев и совместно с ними какого-то образовавшегося в Эстляндии или Латвии белогвардейского отряда. <...> В нашей камере был только один скептик и скептик упорный - архимандрит Алмазов. Но бывали дни, но бывали дни, когда желанный отряд, поддержанный, якобы, большими силами немцев, доходили уже до Луги и двигались дальше на Петроград, а наши тюремные большевики суежились

¹²⁴ Чельцов Михаил, протоиерей. Воспоминания смертника о пережитом // Вестник русского христианского движения (РХД) Париж. – 1989 г. – № 156. – С. 249-256.

¹²⁵ Там же. С. 170-171.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. Р5881 Оп. 2 Д. 515. Мордвинов А.А. «В затишье и буре». Отрывки из семейных воспоминаний. Машинопись. Л. 79.

особенно сильно. Тогда и Алмазов поддавался всеобщему воодушевлению и верил скорой свободе не менее крепко, чем все мы»¹²⁷.

Описывая свои скитания по тюрьмам, архимандрит Феодосий описывает не только их обстановку, но и условия отправления богослужений во время Гражданской войны. «Припоминаю два факта из жизни в Дерябинской тюрьме, - вспоминал арх. Феодосий. - Там сидеть было свободно, по коридорам ходили невозбранно. По субботам духовенство, томившееся в тюрьме, даже служило всенощные бдения. С “воли” прислали всё необходимое, даже Святые запасные Дары. У нас были книги, облачения, кадило, ладан, свечи. Служили пред иконой святителя Николая, продырявленной пулями. Это матросы упражнялись в стрельбе, выявляя свою принадлежность к “святой Руси”. <...> Во время одной службы при чтении Евангелия, с папироской в зубах, в фуражке подходит к служащему иерею комендант и говорит: “Закрывайте лавочку, расходитесь!” Все разошлись»¹²⁸.

Значительное внимание архимандрит Феодосий уделяет описанию гонений, которым подвергалось духовенство с момента октябрьского переворота. Имевший возможность наблюдать развитие антирелигиозной политики советской власти до 1930 г., он приводит свою статистику гонений. На его глазах происходило стремительное сокращение всех видов церковной жизни. «Количество епископов в ссылке равняется 200 человек, - пишет он уже в эмиграции. - В 1929 г. в декабре из Москвы сослано 60 человек духовенства. В 1928 г. из Петрограда выслано до 80 человек духовенства и мирян (Андриевский, Мейер, Аскольдов — религиозно-философское общество). Последние обновленческие журналы закрыты в 1928 г. Воспрещено печатать богослужебные книги. Из церковных библиотек изъяты все богословские и философские книги. Обновленческие академия и прочие школы закрыты в 1928 г. Всё духовенство Курской губернии нашло

¹²⁷ ГА РФ. Ф. Р5881 Оп. 2 Д. 515. Мордвинов А.А. «В затишье и буре». Отрывки из семейных воспоминаний. Машинопись. Л. 86.

¹²⁸ Мои воспоминания: (записки соловецкого узника) / архимандрит Феодосий (Алмазов). М., 1997. С. 29.

себе убежище в Харьковской епархии. Там шло массовое закрытие храмов. Весной в Харьковской тюрьме сидело 70 лиц местного духовенства. Закрыты все церкви и отданы под клубы и школы в селах Петропавловского округа Омской епархии. В Рыбинске закрыты три церкви, а колокола со всех 270 храмов Рыбинского округа отданы на нужды государства. В Острогжском уезде закрыта церковь за убийство “председателя коллективного хозяйства”. В Актюбинском округе закрыты двадцать церквей. В Вольском округе закрыты две церкви и отданы под клуб и кинематограф. В Кашине закрыто 16 церквей, в Бежецке закрыто пять церквей. В Ядринском районе все церкви отданы под школы крестьянской молодежи. В Винницком округе закрыто три церкви. Церковь в Старой Белице отдана под клуб, а в с. Пересветов — под ссыпной пункт. В Мологе закрыт собор, а в селах Глебова и Погорелке церкви переданы под народные дома. В Петропавловске приговорен к расстрелу священник Подборов за систематическую агитацию с церковного амвона и за “призывы к антисоветским выступлениям” — несомненно выдуманное обвинение¹²⁹. «Расстрелы (Святейший Патриарх Тихон отравлен) духовных лиц всех степеней, заключение их в тюрьмы, закрытие церквей, начиная пока с домовых, антирелигиозная пропаганда, широкой рекой везде разлившаяся, насмешки и издевательства над верующими — пастырями и пасомыми, выстрелы вдоль улиц в пасхальную ночь с целью наведения террора на шедших в храмы к молитве и т. д. создали удушливую атмосферу»¹³⁰, — подытоживает архимандрит Феодосий. Между тем, для того, чтобы сделать выводы умер ли патриарх Тихон от отравления, данных недостаточно, это лишь версия, широко распространившаяся в кругах эмиграции.

Архимандрит Феодосий не обошёл стороной события, связанные с действиями патриарха Тихона.

¹²⁹ Мои воспоминания: (записки соловецкого узника) / архимандрит Феодосий (Алмазов). М., 1997. С. 157.

¹³⁰ Там же.

Архимандрит Феодосий был известен как категоричный противник обновленчества, он оставил нелестные воспоминания об А.И. Введенском. Его наблюдения отличаются резкостью: «Знаток новых языков. Очень сведущий в западной богословской литературе. Бойкий и плодовитый писатель, единственный у “живцов” отличный проповедник. Говорит театрально. Однажды даже по окончании проповеди упал навзничь, что, по его мнению, должно было быть очень эффектным. Имел до отступничества массу последовательниц по Петрограду, из интеллигенции, конечно. Отлично воюет с безбожниками. У него было несколько победоносных диспутов с А. Луначарским, большевистским комиссаром народного просвещения. Глава “живой” церкви, а потом обновленчества. Друг ЧК. Главный предатель духовенства. Враг Патриарха и патриаршества. Много ему досталось от верных христиан за его Иудину работу»¹³¹. Есть в замечаниях арх. Феодосия об А. Введенском и оригинальная черта: «Говорят, что он из евреев»¹³². Согласно воспоминаниям А.Э. Краснова-Левитина, дед А.И. Введенского был крещёным евреем¹³³.

О церковных расколах в Русской Православной Церкви помимо обновленческого в источниковом массиве РЗИА информацию можно почерпнуть только из воспоминаний архимандрита Феодосия. Все прочие авторы дневников и мемуаров Пражского архива обходят эту тему стороной. Арх. Феодосий проводит сравнение между действиями архиепископа Григория (Яцковского) и митрополита Сергия (Страгородского). Приведём несколько характерных цитат: «<...> к моменту ареста митр. Петра ГПУ уже подготовило самочинную, захватную, ударную группу епископов во главе с архиеп[ископом] Екатеринбургским Григорием (Яцковским) и еп[ископом] Можайским Борисом <...>»¹³⁴. Архиепископ Григорий (в миру Гавриил Яковлевич Яцковский) (1866-1932) был выпускником Казанской духовной

¹³¹ Мои воспоминания: (записки соловецкого узника) / архимандрит Феодосий (Алмазов). М., 1997. С. 31.

¹³² Там же.

¹³³ Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы. 1925-1941. Воспоминания. URL: http://www.odinblago.ru/levitin_lihie_godi/ (дата обращения 10.01.2021).

¹³⁴ Мои воспоминания: (записки соловецкого узника) / архимандрит Феодосий (Алмазов). М., 1997. С. 88.

академии, рукоположен в иеромонаха в 1894 г. Служил по духовно-образовательной части. В 1908 г. хиротонисан во епископа Козловского, викария Тамбовской епархии, с 1912 г. епископ Бакинский, викарий Грузинской церкви. В 1917 г. хиротонисан во епископа Екатеринбургского и Ирбитского, в 1922 г. возведён в сан архиепископа, в том же году арестован по обвинению в контрреволюции, осуждён на пять лет. Участвовал в организованном ОГПУ совещании о подготовке раскола, по результатам которого был образован Временный Высший Церковный Совет (ВВЦС), председателем стал архиепископ Григорий (Яцковский). Члены ВВЦС обратились к пастве с посланием, в котором осуждали действия митрополита Петра (Полянского), умолчав о назначении митрополитом Петром заместителя – митрополита Сергия (Страгородского). В том же послании содержался призыв к лояльности власти правительства СССР и просьба к власти о лояльности со стороны её представителей. После издания этого послания ВВЦС его представители получили справку о легализации деятельности совета. Митр. Григорий фактически призывал саботировать фигуру митрополита Сергия на посту заместителя местоблюстителя ввиду слабой каноничной обоснованности решения митрополита Петра. Предпринятые правительством меры способствовали тому, что нормальное функционирование высшей церковной власти было прекращено. Многочисленные аресты и ссылки прервали естественное живое общение иерархов церкви, а их переписка подвергалась перлюстрации ГПУ, благодаря чему органы власти предпринимали превентивные меры, направленные против консолидации церковных сил. В этих условиях митрополиту Сергию стоило большого труда сохранить Церковь от очередного раскола и довести процесс легализации органов церковного управления до конца. После этого эпизода архиепископ Григорий (Яцковский) был запрещён в служении митрополитом Сергием (Страгородским). Архиепископ Григорий (Яцковский) почил в 1932 г. вне общения с Православной Церковью.

«Григорианская декларация» имела тоже содержание, что впоследствии «Сергиевская», – утверждает архимандрит Феодосий (Алмазов). – Григорианцы начали, пользуясь поддержкой ГПУ, оспаривать у митр. Сергия замещение митр. Петру, сидевшему в тюрьме, но, видя, что вся Москва решительно встала на сторону митр. Сергия, тогда еще не запятнавшего себя соглашением с большевиками, григорианцы стали убеждать митр. Сергия присоединиться к ним, возглавить их с принятием, конечно, их политической позиции. Из долгой переписки между спорившими иерархами выяснилось, что митр. Сергей отказывается признать ВВЦС и его политику. Митрополит Сергей, желая погасить раскол в православной среде, разделяемой только политическими причинами, запретил в священнослужении всех участников ВВЦС. Позиции григорианцев стали совсем шатки». Автор воспоминаний убеждён, что отношения митрополита Сергия (Страгородского) развивались по тому же точно сценарию, что и отношения архиепископа Григория (Яцковского) несколькими месяцами ранее. «Первые месяцы легализированного церковного управления протекали под знаком колоссальных перемещений личного состава иерархии. Ясно, что митр. Сергей осуществлял волю Тучкова. Сосланные епископы увольнялись на покой, возвращающиеся из ссылок за отбытием срока, как “малонадежные” с точки зрения советской власти, назначались на далекие окраины. Что же касается центральных, древних кафедр, то туда назначались либо совсем новые люди, либо громко заявившие верность принципам Сергиевой декларации»¹³⁵. Критика архимандрита Феодосия, направленная в адрес митрополита Сергия, является не только категоричной, но и не обоснованной: у автора воспоминаний однозначно не было никаких документальных подтверждений тому, что местоблюститель патриаршего престола «осуществлял волю» представителей советской власти. Очевидно, что о. Феодосий не принимал действия митрополита Сергия душевно и отрицательно относился к ним. Ввиду этого остаётся открытым вопрос,

¹³⁵ Мои воспоминания: (записки соловецкого узника) / архимандрит Феодосий (Алмазов). М., 1997. С. 88.

оставался ли архимандрит Феодосий верным матери-Церкви или перешёл в какой-то из церковных расколов.

Воспоминания архимандрита Феодосия написаны вскоре после описанных событий, но составлены они, вероятнее всего, по памяти, так как нет информации о том, чтобы он вёл какой-либо дневник для фиксации происходившего. Кроме того обстоятельства биографии архимандрита Феодосия исключают возможность не только ведения, но и сохранения такого рода документа. Архимандрит Феодосий не был литературно одарённым человеком, в его воспоминаниях много повторов, некоторые эпизоды описаны сбивчиво, достаточно много неточностей и ошибок в датах и описании фактов и биографий. «Подробности объяснять не следует. Всё описывается здесь верно, но из-за умолчаний кое-что может показаться непонятным. Ничего не подделаешь: надо оберегать других. Потомству останутся подробные мои записки, передаваемые теперь с умолчаниями. Историк всем воспользуется»¹³⁶, – так сам автор объясняет некоторые из недостатков воспоминаний. Для архимандрита Феодосия характерно стремление не только описать происходившие события, но и дать своё видение происходившему, представить некую временную перспективу, в которой видна закономерность случившихся описанных событий, выявить истоки произошедшего. Поэтому воспоминания наполнены не только фактической информацией, содержащей неточности, но и теоретической, в центре которой осмысление происходившего, а также рефлексивной, насыщенной эмоциональной реакцией.

Воспоминания И.В. Богдановича под названием «Записки правозаступника» (Москва, 1918-1919 гг.) хранятся в ГА РФ в фонде 5881 под шифром ф. 5881 оп. 1 д. 80. Биографические данные автора воспоминаний восстановить не удалось. Судя по тексту воспоминаний, автор относился к Церкви с сочувствием, хотя и не был включен в её жизнь активно. Документ представляет собой рукопись, написанную чернилами

¹³⁶ Мои воспоминания: (записки соловецкого узника) / архимандрит Феодосий (Алмазов). М., 1997. С. 15.

хорошим ясным почерком. Автор датировал воспоминания следующим образом: «25/06/22 Берлин». Воспоминания краткие, всего 9 листов, вероятно, написаны для РЗИА. Описанные события относятся к 1918-1919 гг., следовательно, к моменту написания воспоминаний прошло два-три года. Автор описывает, как в 1918 г. он отправился из Москвы в Симбирск, где произошло крестьянское восстание. К этим событиям относится следующее описание: «Восстание крестьян, как и надо ожидать, было подавлено – начались массовые расстрелы. Помню эту воистину «страстную» неделю. Мы собираемся к заутрене – завтра Пасха. Раздаются выстрелы... <многозначие автора> “Слышите, И.В., опять стреляют” – говорит мне старушка-мать моего хозяина. “О, Господи, Господи! Неужели у них Бога нет? Завтра такой великий праздник! Ведь только в четверг вечером расстреляли пятьдесят. Да когда же это кончится?”

В результате этого мартовского восстания крестьян, за это короткое время, в Сенгилеевском уезде и городе, насчитывающем по последним статистическим данным (таблицы 1913-14 гг.) 176.000 населения, считая женщин и детей, было расстреляно около 400 человек, в том числе священников (по требованию крестьян служили молебны перед выступлением) и несколько женщин».

В приведённом отрывке описано крестьянское восстание в Симбирской губернии, оно имеет также название «чапанное восстание» от «чапан» – зимний крестьянский армяк. Восстание крестьян связано с усилением весной 1919 г. продразвёрстки и произвола, связанного с ней. Восстание было жестоко подавлено, множество крестьян было расстреляно и казнено иными способами. Священство также подверглось репрессиям в связи с этими событиями.

Воспоминания А.А. Бормана хранятся в ГА РФ в фонде Р5881 под названием «В списке врагов. Воспоминания о советской стране в период 1918 года» шифр ф. 5881 оп. 1 д. 81. Аркадий Альфредович Борман (1891-1974) окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета.

В 1918 г. служил в Вооружённых Силах Юга России. В 1918 г. по секретному заданию Добровольческой армии поступил на службу в советское государственное учреждение, где, благодаря существующим у него связям и своим личностным качествам, имел возможность близкого общения с большевистским руководством, принимал участие в заседаниях Совнаркома, входил в состав советской делегации, целью которой были переговоры об определении границы между Украиной и РСФСР. В декабре 1918 г. пересёк финскую границу и эмигрировал в Париж, сотрудничал как журналист с эмигрантскими газетами и журналами. В 1951 г. переехал в США, работал на радиостанции «Голос Америки», сотрудничал с газетой «Новое русское слово». Автор воспоминаний «А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына» (Лувэн - Вашингтон. 1964). Никогда не афишировал факта своей агентурной деятельности. Воспоминания «В списке врагов. Воспоминания о советской стране в период 1918 года» представляют собой машинопись объёмом в 95 листов, не имеют авторской датировки. Вероятно, написаны в начале 1920-х в Париже, в РЗИА переданы самим автором. Скорее всего, воспоминания не были предназначены для печати. Частично опубликованы¹³⁷.

В воспоминаниях «В списке врагов» описаны происходившие с автором события зимы-весны 1918 г. А.А. Борман пишет: «Во второй половине марта 1918 года я приехал в Москву с юга, где потерял в степях следы Добровольческой Армии. Шёл пятый месяц большевистской власти. Уже был подписан Брест-Литовский мир. Советские центральные учреждения переезжали из Петрограда в Москву. Забыть существование советской власти невозможно - город окружён кольцом продовольственных отрядов, по улицам то и дело проходят отряды молодцеватых латышей. Кремль для обывателей уже почти недоступен. Большевики в своих газетах упорно твердят об осуществлении всех своих программ»¹³⁸.

¹³⁷ Историко-документальный альманах «Русское прошлое». Книга 1. СПб.: Свелен, 1991. С. 115-150.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 81. Борман А. В стане врагов. Машинопись. Л. 1.

Затем А. Борман уехал на время в Курск: «Пасху мы провели в Курске. <...>.

В пасхальную ночь город словно забыл о большевиках. Я побывал в нескольких церквах, всюду полно. Особенно торжественно в соборе, не протиснуться, стоят плечом к плечу. К концу службу с хор раздался крик:

- Прекратите этот обман, довольно над нами издеваться – кричал, перевесившись через перила, матрос.

Городские мещане его здорово бы избили, если бы не подоспели на помощь товарищи»¹³⁹. А.А. Борман зафиксировал один из случаев, когда представитель нового большевистского мировоззрения позволил себе выразить свою антирелигиозную точку зрения в храме. В 1918 г. он тем самым подверг себя угрозе побоев, но уже спустя несколько лет, в других воспоминаниях очевидцы событий отметят, как в похожей ситуации стушевались верующие, запуганные массовым террором, направленным против религии и Церкви.

Возвращаясь в Москву, А.А. Борман отметил произошедшие в стране перемены: «Везде чувствовалась мертвящая рука большевиков. Судов почти не видно, пустые пристани, голодные города. Кириллов и Белоозёрск – они не на Шексне, но живут ею. Рассказы о расстрелах и разгромах монастырей. <...> Когда я возвращался назад, то на какой-то пристани сел местный комиссар, не то из унтеров, не то из учителей. Мне успели шепнуть, что на его душе уже много расстрелов. Особенно свирепо он расправился с Кирилловским духовенством»¹⁴⁰. Кирилло-Белозёрский мужской монастырь расположен на берегу Сиверского озера, на излёте средневековья был одним из богатейших монастырей в России, являлся центром духовной жизни Русского Севера. В 1918 г. братия монастыря подверглась репрессиям со стороны большевиков, был расстрелян епископ Кирилловский и настоятель монастыря Варсонофий (Лебедев).

¹³⁹ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 81. Борман А. В стане врагов. Машинопись. Л. 28.

¹⁴⁰ Там же. С. 90.

Воспоминания Е. Добровольской хранятся в ГА РФ под названием «"Записки заключенной"», охватывающие период с 18 ноября 1920 по 19 ноября 1921 гг.», шифр ф. 5881 оп. 1 д. 93. Биографические данные автора установить не удалось. Воспоминания, вероятно, написаны в эмиграции в начале 1920-х. Воспоминания представляют собой машинопись на 75 листах. Внутренней датировки автора в воспоминаниях нет, описанные события прерываются 19 ноября 1919 г. Надо полагать, что вскоре после описанных событий Е. Добровольская покинула страну. О себе в тексте воспоминаний она пишет следующее: «служила корреспонденткой»¹⁴¹ у владельца квартиры, у которого и жила, после его ареста 28 ноября 1919 г. «занялась разноской продуктов и хлеба»¹⁴², и 23 декабря 1919 года сама была арестована и препровождена на Гороховую. Судя по следующему фрагменту, была человеком религиозным: «Проснувшись я в восемь часов <в тюремной камере>, <...>, я увидела, что нахожусь в небольшой комнате сплошь уставленной кроватями с ужасными, грязными, покрытыми насекомыми матрасами <...>, и когда я, приподнявшись на локте, оглянулась назад, то к величайшей своей радости нащупала на спинке кровати маленькую иконку Николая Чудотворца, привязанную розовой ленточкой к кровати. Наведя справки у соседок, чья это иконка и узнав, что владелицы ее уже нет в живых, я решила ее сохранить, видя в этом перст Божий, – пославший мне в минуту тяжкого испытания это утешение и действительно с иконкой я уже больше не расставалась с этой иконкой, она сопровождала меня на всех принудительных работах и теперь находится еще у меня»¹⁴³. Вероятно, Е. Добровольская была крещёной еврейкой, судя по её словам: «В конце нашей святой недели, наступили опять какие то еврейские праздники, и меня опять обдали, ибо и я значилась с еврейской Пасхи»¹⁴⁴.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 93. Добровольская Е. Записки заключенной. 18 ноября 1920 года – 19 ноября 1921 года. Машинопись. Л. 1.

¹⁴² Там же. Л. 3.

¹⁴³ Там же. Л. 6.

¹⁴⁴ Там же. Л. 36.

Согласно воспоминаниям вскоре после поступления в тюремное заключение на Гороховой Е. Добровольская была препровождена в тюрьму на Шпалерной: «Ночью с 25-го на 26-е была объявлена экстренная отправка на Шпалерную <...> между иными выкрикнули и мою фамилию»¹⁴⁵.

В воспоминаниях описаны обстоятельства, сопутствовавшие тюремному заключению автора. В том числе она описывает тюремные богослужения в приведённых ниже фрагментах. Автор дала название каждому эпизоду воспоминаний. Названия написаны прописными буквами.

«БОГОСЛУЖЕНИЕ В ТЮРЕМНОЙ ЦЕРКВИ»

В большевистский сочельник было назначено богослужение в тюремной церкви; комиссар обошел все камеры, объявив в очень корректной форме (он был человек довольно хороший - и его даже любили арестованные женского отделения) что просят арестованных соблюдать тишину и порядок – при малейшем беспорядке или обмороке, виновные будут посажены в карцер; после такого предупреждения арестованные, которые рвались все в церковь, несмотря на различие вероисповеданий, выбрали себе подходящую пару и по команде «стройся», стали в колонки; нас окружили конвойные и повели мимо мужских одиночек и общих камер, откуда на нас с любопытством глядели мужчины, арестанты, в тюремную церковь; но, Боже, что представилось взорам нашим: громадная, когда то видно роскошная церковь, теперь вся ободранная, на столе стоит один образ Николая Чудотворца, над ним на шнуре висит одна лампочка электрическая, вся церковь же освещена крайне скупо, с такими же висячими на шнуре лампочками; тут же в углу стоят четыре-пять железных кроватей, пара столов, всякая рухлядь и хлам – одним словом – ужас сплошной; т[а]к.к[а]к. церковь не отапливается, то с отсыревших стен течет вода ручьями и становясь на колени, опускаешься прямо в воду. С потолка на голову арестованным текла вода – и все вместе взятое производило жуткое

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 93. Добровольская Е. Записки заключенной. 18 ноября 1920 года – 19 ноября 1921 года. Машинопись. Л. 7.

впечатление. Через десять минут после нас привели под конвоем мужчин – причем нас от них отделяла цепь красноармейцев, но несмотря на это, каждый старался отыскать глазами близких и родных, хотя комиссар и его помощники зорко наблюдали за порядком и за тем, чтобы арестованные не смогли передать какой-нибудь записочки. Пел хор из арестованных мужчин, который стоял совершенно отдельно, поближе к воображаемому алтарю, окруженный двойной цепью стражи, ибо пели участники последнего заговора, все приговоренные к смерти, и знавшие об этом; впечатление было столь жуткое и ужасное, что несмотря на угрозу попасть в карцер, женщины не выдержали и когда вошел батюшка, и прерывающимся от волнения голосом стал уговаривать всех арестованных смириться перед волей Божьей, покорно нести свой крест, а в случае смерти верить в загробную жизнь, где правые найдут свою защиту, а виновные понесут заслуженную кару, раздались вопли, превратившиеся в сплошной вой – мужчины слыша вопль женщин также не выдержали, все, как один человек, опустились на колени и раздались душераздирающие крики: Господи спаси нас и наших близких от гибели сохрани и помилуй, батюшка страшно взволнованный всем происходящим не выдержал и как сноп повалился на церковный пол. Произошел переполох, женщины стали падать в обморок – и немедленно стража выступила вперед скомандовала «неси упавших» и вся процессия двинулась обратно, неся обморочных на руках. Так окончилось первое богослужение. По камерам разнесли обморочных, где товарки приводили их в чувство в ожидании медицинской помощи, и ожидая наказания за нарушение дисциплины; но очевидно, не желая обострять этого инцидента, комиссар прийдя в камеру, объявил всем строгий выговор, сказав, что в виду того, что арестованные не умеют собой владеть, они больше в церковь не пойдут; мужчины по слухам, очень многие угодили в карцер, ибо с ними вообще обращались строже. Батюшка же, как элемент неподходящий был

смещен – ибо не его дело было-де рассуждать, кто прав, а кто виноват. Так встретили праздник на Шпалерной несчастные заключенные»¹⁴⁶.

После этого Е. Добровольская была приговорена к смертной казни и ожидала её исполнения, но 15 января 1919 г. казнь отменили, заменив её пожизненным тюремным сроком. Она пишет об этом следующее: «<...> советская власть дала подписку отменить для всех смертную казнь заменив ее пожизненным заключением; ликование заключенных не было конца, решили по этому поводу вознести Господу благодарственную молитву, и арестованная ежевечерне читавшая перед сном молитвы, которые мы машинально за ней повторяли – ибо мозг у всех в данный момент работал в одном направлении – спасены-спасены <...>»¹⁴⁷.

В 1919 году на Пасху вновь было объявлено, что состоится богослужение, которое заключённые имеют возможность посетить. Этот эпизод имеет заголовок «ПАСХА. ПЕРЕДАЧА. ЗАБОЛЕЛА»: «Наступала Пасха, в пятницу и субботу на Страстной разрешили приносить передачи, <...> между тем комиссар объявил, что в Страстную субботу будет богослужение, чтобы к 11 часам ночи все были одеты и стали в колонку, чтобы не было ни слез, ни обмороков, но чтобы все сохраняли спокойствие – мы все обещали вести себя достойно и комиссар ушел.

БОГОСЛУЖЕНИЕ В ОДИНОЧКАХ

К 11 часам все повязав головы белыми платочками и шарфиками, принарядивших кто во что мог, причем все поделили между своими товарками, выстроились в колонку и наконец нас повели – но повели не в церковь а в мужские одиночки, громадное холодное здание; войдя туда мы увидели кордон красноармейцев отделявших нас от приведенных из общих камер арестованных мужчин, окошечки в одиночках были также открыты и оттуда выглядывали бледные, изможденные лица заключенных одиночников; опять стол с иконами, убогая лампочка на шнуре, но батюшка уже другой;

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 93. Добровольская Е. Записки заключенной. 18 ноября 1920 года – 19 ноября 1921 года. Машинопись. Л. 12.

¹⁴⁷ Там же. Л. 17.

началось Богослужение, все заключенные пели, пели скрепя сердце, одиночники пели тоже – и впечатление получалось столь ужасное и столь жуткое, что описать его я лично не в состоянии; скажу только одно, что одиночник, полуосвещенный, посреди стол с убогой иконой, дрожавший, бледный батюшка (очевидно он говорил по конспекту комиссара) прерывающиеся голоса певших арестованных, сдерживаемые рыдания и восковые лица мужчин в окошечках одиночек; но скоро нервы у арестованных не выдержали напряжения, люди стали беззвучно падать, также беззвучно их выносили и разносили по камерам, батюшке очевидно был дан приказ окончить богослужение – скомандовали двигайся и мы пошли; пошли мимо одиночек, где на нас с тоской глядели лица заключенных, стараясь в масседвигающихся женщин разглядеть своих родных и близких, ибо обыкновенно при аресте одного члена семьи, для дополнения следствия арестуют и других, вместе живущих. Наступило Светлое Христово Воскресение; настроение у всех было радостное, на улице было лето – нам дали две прогулки по одному часу, лишнего хлеба, густого супа с кониной, кроме того еще не все передачи были съедены и у нас в камере было весело – сытость у арестованных всегда на первом плане – а мы были сыты; арестованных в этот день не приводили, а освобождения закончились в пятницу, ибо ордера с Гороховой писанные в четверг ночью привезли на Шпалерную в пятницу утром и так воцарились тишина и спокойствие – даже за обмороки в виду наступивших праздников никто наказан не был»¹⁴⁸.

После этого эпизода Е. Добровольская была отправлена в тюрьму в Кресты: «<...> я повесила свою иконку <в новой камере в Крестах>, встала на колени и горячо помолилась Богу, не забыв в своей молитве упомянуть о

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 93. Добровольская Е. Записки заключенной. 18 ноября 1920 года – 19 ноября 1921 года. Машинопись. Л. 34-36.

дарованном Богом здоровье и счастье моему доброму следователю; моих истязателей я больше никогда не видала»¹⁴⁹.

В Крестах Е. Добровольская служила рабочей, занималась уборкой сада, затем получила должность дежурной сестры. Следующий упомянутый ею праздник – это Троица, но он почти никак не описан: «Приближалась Троица, арестованные радовались предстоящему отпуску домой на отпускные, выдаче добавочного пайка – надеждой жил весь 1-ый корпус»¹⁵⁰. После Крестов автор была «переведена в 3-ий лагерь, 1-ая Женская Трудколония»¹⁵¹. Там православных праздников не праздновали. В конце 1919 г. получила освобождение и стала советской служащей, работала конвертщицей.

В ГА РФ хранятся воспоминания П.К. Иванова под названием «Епархиальный съезд в Москве для выборов членов собора 1923 года. Воспоминания», шифр ф. 5881 оп. 1 д. 103. Воспоминания представляют собой машинопись с авторскими пометками графитовым карандашом объёмом 19 листов. Воспоминания были опубликованы за границей в 1925 г.: Иванов П.К. Епархиальный съезд в Москве для выборов членов Собора 23 года // Путь. – 1925. – № 1. – С. 139-147. Их автор, Петр Константинович Иванов - писатель, в апреле 1923 г. принимал участие в московском епархиальном съезде, стал выборщиком от Пречистенского благочиния на Всероссийский поместный собор 1923 г. В этом же году он был выслан из Советского Союза. В воспоминаниях П.К. Иванов описывает поведение живоцерковников, их агитацию в пользу своей церкви, выступления Красницкого и Львова. Ввиду доступности воспоминаний, приведём лишь некоторые отрывки из них. Цитаты приведены по архивной записи.

¹⁴⁹ Там же. Л. 37.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 93. Добровольская Е. Записки заключенной. 18 ноября 1920 года – 19 ноября 1921 года. Машинопись. Л. 48.

¹⁵¹ Там же.

«Это был настоящий крепкий, православный съезд, набранный свободно и законно»¹⁵², – подчёркивает автор воспоминаний, имея ввиду, что участники съезда были уверены в том, что они участвуют в событии, которое действительно имеет большое значение для судьбы Русской Православной Церкви. « – Нам нужно таких, чтобы догматы не трогали, – говорили крестьяне. – Во единую, святую, соборную и апостольскую – и больше ничего!, – описывает П.К. Иванов основное настроение собрания. – Этот член символа веры повторяли во всех углах собрания и чувствовалось, что он объединяет большинство»¹⁵³.

Основная коллизия собрания была связана с тем, что созыв собора 1923 г. был инициативой обновленческого ВЦУ. В связи с этим участники собрания волновались о том, чтобы их делегаты представляли интересы Русской Православной Церкви, а не обновленческих течений. П.К. Иванов отмечает разные формы отношения православной паствы к живоцерковникам: «там же, где священники назначены Высшим Церковным Управлением, прихожане хотя и посещают храм, но выражают свое отношение, например, тем, что, принимая от священника благословение, не целуют ему руку»¹⁵⁴. Особую категорию участников собрания представляло собой православное духовенство: «Среди духовенства было много людей, молчаливо и сурово настроенных, с худыми лицами и горящими глазами – они пришли сюда, как я понял после, чтобы сказать правду в глаза своим мучителям – ибо каждый сказавший теперь правду священник в России может себя считать обреченным на тюрьму или расстрел»¹⁵⁵. П.К. Иванов отмечает яркую деталь лексики живоцерковников: «Вообще характерная особенность ораторов Живой Церкви – совершенное отсутствие эпитетов: христианский и религиозный и замена их эпитетами: революционный или

¹⁵² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 103. Иванов Н.К. Епархиальный съезд в Москве для выборов членов собора 1923 года. Воспоминания. Машинопись. Л. 1.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 103. Иванов Н.К. Епархиальный съезд в Москве для выборов членов собора 1923 года. Воспоминания. Машинопись. Л. 2.

¹⁵⁴ Там же. Л. 1.

¹⁵⁵ Там же. Л. 2.

трудящийся /“и Христос был трудящийся”/»¹⁵⁶. П.К. Иванов приводит выдержки из реплик Красницкого и митрополита Антонина (Грановского). Митрополит Антонин стал почетным председателем обновленского собора. Упоминает П.К. Иванов также и выступление «какого-то американца, приехавшего приветствовать Съезд»¹⁵⁷. Этим американцем был методист Эдгар Блейк. После революции американские протестантские церкви с повышенным вниманием следили за развитием государственно-церковных отношений в России и оказывали материальную помощь Русской православной и Живой церкви.

Воспоминания интересны тем, что передают дух собрания, предшествовавшего обновленческому собору. Точку зрения П.К. Иванова нельзя назвать объективной, его очевидно оскорбляло увиденное на собрании, он очевидно осуждает представителей обновленчества и в выразительных по своим литературным качествам репликах и композициях воспоминаний даёт понять неправду обновленческого движения.

В фонде ГА РФ под шифром ф. 5881 оп. 1 д. 109. Хранятся мемуары под названием «Воспоминания Лазаревской В.В. «Мое участие в советском просвещении» (1920-1922 гг.)». Текст воспоминаний представляет собой рукопись на 88 листах. Годы жизни и биографию автора восстановить не удалось. Судя по тексту воспоминаний В.В. Лазаревская была учительницей, она пыталась найти место в советской системе образования, но unsuccessfully. Действие в её мемуарах происходит в Балаклаве в 1920-1922 гг., со слухов описываются некоторые события 1919 г. в том числе В.В. Лазаревская касается темы антирелигиозных лекций: «Не могу не упомянуть о лекторе Профессоре Линдетреме¹⁵⁸, – он вел себя самым недостойным образом. Делал все, чтобы выдвинуться и быть в почете у большевиков, но почему-то у <зачеркнуто> не везло, хоть он и составил себе лекции на

¹⁵⁶ Там же. Л. 4.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 103. Иванов Н.К. Епархиальный съезд в Москве для выборов членов собора 1923 года. Воспоминания. Машинопись. Л. 11.

¹⁵⁸ Вероятно, описка автора – Линдестрем.

животрепещущую тему “отделение Церкви от Государства” – 5 лекций по 2 часа каждая. В этих своих лекциях он ругал Бога самыми последними словами, так что в клубе на Татарской слободке однажды бабы схватились с мест и хорошо его изб<неразб.> но ему удалось убежать»¹⁵⁹. Со слухов В.В. Лазаревская описывает события, происходившие в Балаклаве в 1919 г.: «вместе с ними был застрелен священник, т.н. гимназический, т.е. не тот, который совершал службу в церкви, а преподаватель Закона Божия в гимназии. <...> Что касается погибшего священника так действительно все говорили, что ему предварительно выкололи глаза, а потом убили»¹⁶⁰. Так как никак больше данных, относящихся к этому эпизоду в воспоминаниях не приведено, выяснить обстоятельства произошедшего, а также имена погибших лиц не представляется возможным.

В ГА РФ из РЗИА попали документы Д. Путилова под названием «”На обломках старого мира”, шифр хранения ф. 5881 оп. 1 д. 122. Воспоминания бывшего помещика о положении дел в деревне в 1918–1919 гг. Письмо профессора Одинцова Б.Н. управлению русского исторического архива в Праге от 20 сентября 1942 г. с предложением купить рукопись Путилова». Машинопись и письмо занимает 100 листов. Воспоминания опубликованы¹⁶¹. Вероятно, они были написаны в эмиграции. Борис Николаевич Одинцов (1882-1967) – учёный-почвовед, был выслан за границу в 1922 году на так называемом Философском пароходе. До 1945 года жил в Праге, сотрудничал с РЗИА, направил письмо в фонд комплектования архивных фондов с предложением приобрести рукопись воспоминаний Д. Путилова.

Дмитрий Путилов был сыном отставного статского советника Сапожковского уезда Рязанской губернии. Он был в Петрограде на момент октябрьского переворота и после этих событий решил отправиться в родное имение. Но так как усадьба была разграблена, он направился к священнику:

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 109. Лазаревская В.В. Мое участие в Советском просвещении. Л. 15.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 109. Лазаревская В.В. Мое участие в Советском просвещении. Л. 16-18.

¹⁶¹ Дмитрий Путилов. На обломках старого мира. Воспоминания бывшего помещика о положении дел в деревне в 1918–1919 гг. // Хроники жизни в Советской России. 1917-1921 гг. воспоминания очевидцев / сост. и авт. предисл. М.А. Ерохова. – М.: Б.и., 2020. – С. 407-496.

«я направился к другу нашей семьи, сельскому священнику, жившему от нашей усадьбы в трех верстах. <...> Наш батюшка, отец Василий Смирнов встретил меня как родного, как кого-то, к кому нужно быть особенно милым. Мы были сброшены с наших жизненных позиций – он был на очереди. Не очень приятно священнику в деревне в те времена оказывать приют отпрыску соседней дворянской семьи. Но наши отношения были таковы, что он сразу оставил меня у себя, а я не мог отказаться, не обидев его, даже если бы думал уйти»¹⁶².

Мать автора воспоминаний после революции обратилась к полученной в юные годы профессии и занялась преподавательской деятельностью. Вместе с будущими воспитанниками она, несмотря на уже начавшуюся антирелигиозную борьбу, стала готовиться к празднованию Рождества, приобщая к вековым традициям праздничного торжества новых соседей из крестьян, примкнувших к красным: «Пока она не добилась места учительницы, она решила создать кружок из юной молодежи нашего села, чтобы подготовить культурный праздник на Рождество. От совета были получены разрешение и даже немного дров для временного отопления зала, и в течение целого месяца к нам бегали ребятишки из села и читали наизусть стихи. В нашей небольшой деревне среди детей моя мать уже не нашла исполнителей для программы. Мой отец и мы все порядочно раздражались этими визитами, но зато в День Рождества наш зал был натоплен, окна подправлены, и после обеда потянулась детвора, а с ней и старшие, посмотреть на редкое, невиданное зрелище. Устроено празднество было без всякой задней мысли, исключительно с целью действительно привнести какой-то культурный вклад в жизнь наших соседей. <...> В этой смутной обстановке быстро меняется вековой быт. Барин ниспровергнут, церковь объявлена глупостью, царь убит, собственность, не только ненавидимая помещичья, но и близкая, дорогая, своя крестьянская, трудовая колеблется,

¹⁶² Цит. по: Дмитрий Путилов. На обломках старого мира. Воспоминания бывшего помещика о положении дел в деревне в 1918–1919 гг. // Хроники жизни в Советской России. 1917-1921 гг. воспоминания очевидцев / сост. и авт. предисл. М.А. Ерохова. – М.: Б.и., 2020. – С. 407.

деньги текут рекой, но на них ничего нельзя купить, молодежь не хочет слушаться, так как город и власть несут ей новые заповеди, которых она не знает еще, но в которых есть для нее привлекательные мотивы»¹⁶³.

Под шифром ф. 5881 оп. 1 д. 134 хранятся мемуары, получившие в архивохранилище заглавие «Воспоминания Сувориной Е. «Годы революции на Кавказе» 1917-1921 гг.». Они представляют собой рукопись, написанную чернилами, объёмом 67 листов. Почерк достаточно разборчивый. Внутренняя датировка отсутствует. Несмотря на внешнюю датировку «1917-1921», воспоминания охватывают также и 1922 г.

О себе автор пишет в самом начале воспоминаний следующее: «Захват власти большевиками застал меня на Кавказе, на Черноморском побережье, где мы жили на своей даче, в окрестностях Туапсе. До нас еще не дошел слух о перевороте, как вдруг неожиданно к нам нагрянули 6 человек каких-то господ, которые, предъявив свои мандаты, объявили себя членами Революционного комитета с председателем во главе. Они заявили, что приехали делать обыск»¹⁶⁴. В результате «обыска» дом Е. Сувориной был разграблен, и она приняла решение о возвращении с детьми на квартиру в Петербург, где она пробыла до 1922 г. Всё описанное далее относится к этому периоду.

В 1922 году Е. Суворина застала разграбление церквей в Петербурге. Приводим отрывок из её воспоминаний, посвящённый этой теме.

«Я возвращалась с детьми из летнего сада и когда мы завернули с набережной на Литейную, я увидела у Сергиевского собора громадное скопление народа, преимущественно женщины. Стоял вопль, плачь, крик... У самого собора сплошной стеной, плечом к плечу стояли красноармейцы с ружьями наперевес; штыки ослепительно блестели на солнце. Подойдя поближе, я стала различать отдельные голоса.

¹⁶³ Цит. по: Дмитрий Путилов. На обломках старого мира. Воспоминания бывшего помещика о положении дел в деревне в 1918–1919 гг. // Хроники жизни в Советской России. 1917-1921 гг. воспоминания очевидцев / сост. и авт. предисл. М.А. Ерохова. – М.: Б.и., 2020. – С. 4461-462.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 134. Суворина Е. Годы революции. 1917-1921 гг. Рукопись. Л. 2.

– Преподобного Сергия грабят! Господи, не допусти! Крестилась старая женщина.

– Да как они могут посягать на нашу святыню? Все отняли... все... дорогих, близких, имущество... а теперь последнее отнимают... наш оплот! Нашу веру! ... Ругаются на церковь!.. Да что же это такое?! Да ведь нельзя... нельзя этого!... истерически кричала молодая, красивая дама с измученным лицом.

Я вдруг увидела, что к ней подошли два какие-то человека, взяли с двух сторон под руки и потащили. Она сразу стихла и с беспомощной <неразб.> улыбкой оглядывалась по сторонам.

Группа детей испуганно смотрели на штыки и следили как они время от времени быстро выдвигались вперед.

– Ой! заколят! визжала одна девочка, лет десяти. Ой, боюсь! боюсь! заколят!

Около самого собора делалось что-то невероятное. Толпа, с криком: «не допустим! не позволим!», бросалась на паперть, на сплошные стены, выдвинутые вперед штыков, отгоняла их назад.

Перепуганные мои внуки стали плакать, и я поспешила, обойдя толпу, перейти Литейную.

На Сергиевской я увидела интеллигентного вида старичка, который беспомощно опустив руки и весь как-то согнувшись, смотрел на собор и время от времени утирал глаза.

– Скажите, пожалуйста, обратилась я к нему: – это наверно Сергиевский собор обирают.

– Да, грабят нашего Сергия Преподобного. Уже сколько церквей обобрали! Собирают ризу и в мешки грязные складывают, да и ногой еще притоптывают, чтобы побольше вошло. Я сам видел, своими глазами, да и папиросы при этом курят, плюются, ругаются, шутки отпускают похабные, как обирали Николая Чудотворца, все видели своими глазами. Кошунствуют над святыней! Вот, говорят, на Сенной, у Спаса Преображения бунт был

народный, но только утомили. А что сделали с Казанским Собором!.. Старичок хотел еще что-то сказать, но я, заметив, что к нам приближаются какие-то двое людей, поспешила с детьми уйти»¹⁶⁵.

Собор во имя преподобного Сергия Радонежского располагался на пересечении Сергиевской улицы и Литейного проспекта в Санкт-Петербурге. Он был построен в стиле классицизма, с 1831 года находился в военном ведомстве, с 1869 г. при нём располагался приют для призрения детей, оставшихся без попечения родных. Собор был закрыт в 1932 г., а затем перестроен в ведомственное учреждение.

«Вечером я пошла ко всенощной в церковь “Всех Скорбящих” на Шпалерную. Большая церковь была набита битком. Среди молящихся было много мужчин, были и красноармейцы. Чувствовалось какое-то особенно напряженное состояние. Все будто чего-то ждали и к чему-то готовились, важному, большому. После службы никто не уходил... вышел на амвон уже разоблачившийся старичок-священник. Вдруг молящиеся, как один человек, пали на колени и послышались голоса, взволнованные, рыдающие голоса:

– Батюшка! не попустите!

Священник, сам сильно взволнованный, со слезами на глазах, дрожащим голосом стал успокаивать своих прихожан и сказал, что он хлопочет, что одна, стоящая у власти, особа, обещала ему устроить так, чтобы драгоценную ризу Богородицы взяли в музей, как историческую редкость, так как эта церковь построена Натальей Алексеевной, сестрой Петра II, а икона пожертвована им.

Священник не мог говорить от слез, прихожане плакали, стоя на коленях; слышались истерические рыдания.

Священник успокаивал и просил ничего не говорить лишнего и положиться на волю Божию.

Молящиеся стали неохотно расходиться. Много было несдержанных разговоров и, говорили потом, что многих увели на Гороховую.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 134. Суворина Е. Годы революции. 1917-1921 гг. Рукопись. Л. 189-192.

Вскоре после этого старичок-священник был арестован и его сослали куда-то. Говорили, что в Вятку»¹⁶⁶.

В 1711 г. была построена домовая церковь, освящённая во имя Воскресения Христова. Она была построена для Натальи Алексеевны. Согласно преданию в год постройки храма Наталья Алексеевна привезла в него список чудотворной иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость». В 1817-1818 г. на этом месте воздвигли храм иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости». Чуть позже она украсила икону богато расшитым убрусом. В 1869 г. XIX века икону украсила богатая золотая риза с драгоценными камнями. В 1920-е гг. храм перешёл к обновленцам, в 1931 г. его закрыли, а чудотворный образ перевезли сначала в храм Св. Троицы, затем в Спас-Преображенский собор. В храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость», расположенном на ул. Шпалерная в Петербурге, в 1922 г. служил настоятелем святой новомученик пресвитер Григорий Сербаринов (1880-1938). В 5 сентября 1922 г. он был арестован по обвинению в организации нелегальных собраний, распространении ложных слухов, направленных против обновленчества. По итогам расследования о. Григорий был сослан сначала в Оренбург, затем в Уральск, позднее в поселок Джамбет. Храм, где он был настоятелем, отошёл к обновленцам, поэтому после возвращения из ссылки в 1924 г. о. Григорий служил в храме преподобного Сергия Радонежского. Окончил свои дни в 1938 г., был расстрелян по постановлению суда, признавшего его вину в антисоветской агитации, основанной на религиозных предрассудках.

«Сходила я в Казанский собор. Ни одна церковь не поразила меня так своим опустошением, как Казанский собор. Прямо сделалось жутко при виде ободранного серебряного иконостаса, вместо которого мрачно темнело дерево, ничем даже не покрашенное. Меня охватило чувство такого мрачного уныния, такой гнетущей тоски, что я совсем не могла молиться и поспешила

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 134. Суворина Е. Годы революции. 1917-1921 гг. Рукопись. Л. 193.

скорее уйти»¹⁶⁷. Казанский собор сильно пострадал в 1922 году, изъятие ценностей для него означало уничтожение иконостаса, который был снят и переплавлен в серебряные слитки. В 1923 году храм был передан обновленцам, в 1932 году храм был закрыт для богослужений и превращён в Музей истории религии и атеизма.

Далее Е. Суворина вспоминает следующее: «На Сергиевской была богадельня для престарелых интеллигентных тружениц. У меня была там одна знакомая и я иногда навещала её. Прихожу однажды и вижу, что икона Спасителя, висевшая над входными дверями в киоте, заменена портретом Ленина и портрет окружён венком из цветов. Вхожу в комнату моей знакомой; она сидит и горько рыдает.

– Вы видели? <неразб.>, видели как заменили Христа? <один лист пропущен>

Да, видела и ... поразилась!

– И венок сняли с плащаницы и нацепили Господи! да что же это такое? рыдала старушка.

– и церковь нашу домовую разрушили, говорят – какой-то дом будут устраивать. До чего мы дожили? ... Хоть-бы умереть поскорее!...

Но обо всем не напишешь.

Церкви были ограблены. Распространяли, что для голодающих.

Не знаю, много ли попало голодающим, но в Эстонии я сама видела, своими собственными глазами, поломанные ризы с икон, которые спекулянты из России приносили в обмен на спирт»¹⁶⁸.

Ниже по тексту диссертации будет приведён отрывок из воспоминаний В.И. Рудич, которая также задаётся вопросом: пошли ли вырученные от продажи церковных ценностей деньги на помощь голодающим. Известно, что главы советского правительства рассматривали изъятие ценностей, прежде всего, как способ борьбы с Церковью. Вопрос церковных ценностей

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 134. Суворина Е. Годы революции. 1917-1921 гг. Рукопись. Л. 193.

¹⁶⁸ Там же. Л. 194-196.

был вопросом не только поиска денежных средств, но и вопросом антирелигиозной пропаганды. Настроенный решительно воинственно по отношению к Русской Православной Церкви, Л.Д. Троцкий связывал кампанию по изъятию церковных ценностей с борьбой против патриарха и его приверженцев. Церковь как союзник в борьбе со страшным врагом – с голодом, протягивающая руку помощи советской власти, не нужна, опасна для власти, Церкви быть не должно вовсе, считал Троцкий, необходимо использовать любой повод для её ослабления, разрушения и ликвидации, и раскол Церкви изнутри может стать действенным инструментом уничтожения православной веры. Его позиция полностью была поддержана В.И. Лениным. 26 февраля 1922 г. специальным постановлением ВЦИК местным советам было предписано «в месячный срок со дня опубликования постановления» изъять из церковных имуществ, которые ранее были переданы группам верующим для отправления богослужебного культа «все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа»¹⁶⁹. Однако, как видно из приведённых выше воспоминаний, «интересы культа» не соблюдались вовсе, оставалась надежда на то, что часть церковных ценностей будет признана художественной ценностью и помещена в музеи, откуда, возможно со временем ризы, оклады и другие предметы, имеющие отношение к богослужению, вернутся в храмы.

Следующий фрагмент воспоминаний Е. Сувориной относится к обновленчеству. Последователи обновленчества выбрали курс на демократизацию церковной жизни, старались доказать революционно настроенной части гражданского общества, что Церковь также стремится революционно преобразовать свою жизнь. Следуя за этим курсом, обновленцы оказались перед необходимостью доказать своё передовое лояльное отношение к политике, которую проводила оказавшаяся у кормила

¹⁶⁹ Декрет ВЦИК о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих (23.2.1922) // Русская православная церковь и коммунистическая государство. 1917-1941. - М.: 1996. - С. 153.

власти партия большевиков, в том числе к решениям относительно церковного вопроса. Они оказали поддержку такой законодательной инициативе совдепа как Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, который, по словам А.И. Введенского, одного из наиболее влиятельных представителей обновленчества, «истекал из самых основных принципов Конституции РСФСР»¹⁷⁰. Возник своеобразный союз церковной организации и власти, планировавшей использовать эту организацию в своих целях, в связи с чем храмы, принадлежавшие Русской Православной Церкви, частично были отданы для служения обновленцам. А.И. Введенский был фигурой яркой и своеобразной. Его деятельность привлекала внимание людей, близких к Церкви. Е. Суворина видела, как он отправлял богослужения, присутствовала при его выступлениях в религиозных диспутах и описала увиденное в своих воспоминаниях. «В 1922 году я шла недалеко от Таврического сада и церковь Захара и Елизаветы была совсем близко, так что я часто ходила туда со своей внучкой.

Однажды, в воскресенье, подойдя к церкви, я прочла объявление о том, что сегодня литургию будет служить Александр Введенский. Я об нем слышала уже и раньше, что он, будучи по профессии присяжным поверенным, сделался священником с идеей освободить старую церковь от рутины и создал «Живую церковь». Меня это очень заинтересовало, но многие, прочитав извещение, поворачивали спины и, с видимым неудовольствием, уходили.

На амвоне появился молодой, красивый, южного типа священник, с коротко остриженными волосами, с небольшой бородкой и усиками. Из-под ризы виднелась ослепительной белизны рубашка и галстук, ботинки были безукоризненны.

Он звучным, красивым голосом, выговаривая чисто по-русски, не делая ударения на о, произносил молитвы. Я простояла всю обедню и никакой

¹⁷⁰ Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории». М., 2014. С. 78.

особенной разницы в службе не заметила, исключая вышесказанного. После обедни он стал говорить проповедь, но это была не проповедь, как мы привыкли понимать, а речь, блестящая речь даровитого оратора, в которой он доказывал, что в старой церкви сохранилось много ненужной рутины, и что сущность веры не в обрядностях, а в самой вере и значении ее.

Говорил он красиво, убедительно и умно, но опять так повторяю, что была блестящая речь с кафедры, а не проповедь с амвона.

Когда он вышел из церкви, одетый очень щегольски, за ним повалили толпы молодых девушек в белых косыночках и, окружив его, пошли его провожать»¹⁷¹.

Александр Иванович Введенский (1889-1946) получил образование на историко-филологическом факультете Петербургского университета, после окончания которого работал преподавателем литературы в Витебске, присяжным поверенным он не был. В 1914 г. он экстерном сдал курс духовной академии, после чего был рукоположен в священный сан, после чего служил в полке военного духовенства. Во время гражданской войны он дополнил своё образование, экстерном сдав курсы по физике, математике, биологии, юриспруденции. Это обеспечило ему энциклопедическую широту взглядов и возможность обогащать свои лекции и выступления сведениями из разных областей научного знания. В соединении с блестящим ораторским даром, умением расставлять эмоциональные акценты это сделало его блестящим проповедником и лектором. Его движение к «обновлению» Церкви было не сиюминутным решением, продиктованным политической конъюнктурой. Со времени своего обучения на историко-филологическом факультете и общения с Д. Мережковским, З. Гиппиус и другими мыслителями, и творцами Серебряного века А.И. Введенский вынашивал и развивал мысль о демократизации Церкви. С революцией 1917 г. эти мысли смогли получить воплощение.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 134. Суворина Е. Годы революции. 1917-1921 гг. Рукопись. Л. 197-199.

Как видно из приведённых воспоминаний, для Е. Сувориной имя о. А. Введенского не было одиозным. Это был удивительный феномен сложного времени становления нового государственного строя. Этот пастырь видимо выделялся среди прочих священников. Характерно, что для «многих» известие о том, что служить будет о. А. Введенский становилось препятствием для посещения богослужения. Как отмечено и в воспоминаниях, основной «реформой» о. Александра было использование во время богослужения современного русского языка. Особенно Е. Суворина отмечает, что священник не делал «ударения на о» как, то было характерно для совершения богослужения на церковнославянском языке. Кроме того, о. А. Введенский был красив физической красотой, знал это и злоупотреблял этим, что также не способствовало его авторитету среди значительной части православной паствы, воспитанной духе целомудрия.

«В следующее воскресенье я пошла в церковь Николая Чудотворца, – продолжает воспоминания Е. Суворина. – Эта церковь считалась старообрядческой; там пели оперные артисты, конечно, бесплатно, как они пели и во многих церквях, чтобы поддержать церкви, на которые уже пошли сильные гонения. На дверях церкви Николая чудотворца был наклеен план, в котором объявлялось, что сегодня, совместно со старообрядческим священником, будет служить Александр Введенский. Имя его уже становилось популярным и церковь была переполнена народом. Мне удалось пробраться на свое обычное место, близ клироса, так что я все хорошо видела. Отец Александр Введенский с старообрядческим священником, уже пожилым, служили вместе, причем Введенский исполнял все, что полагалось по старообрядческим обрядам, т.е. крестился двуперстным крестом и молитвы произносил по-старообрядчески. Старый священник отец В. во всю обедню был очень смущен и избегал смотреть на прихожан и после этой обедни я его больше никогда не видела; говорили, что он заболел и больше служить не будет.

После обедни Введенский опять говорил речь, в которой он доказывал, что обрядности – это отсталые понятия и решительно все равно как креститься двуперстным или трехперстным крестом, а также и слова молитвы не имеют большого значения и вот в доказательство этого он, Введенский, служил сегодня со свои “коллегой”, старообрядческим священником. Речь его опять была блестяща, убедительна и умна, но на слушателей действовала различно: одни проникались ею и делались его сторонниками, другие же, наоборот, открещивались, отплевывались и звали Введенского богоотступником.

Молодых девиц в белых косыночках прибавлялось все больше и больше, так что, когда я его потом встречала и довольно часто, он был окружен такой большой белой свитой, что его самого совсем не было бы видно, если бы не его высокий рост, который позволял видеть его красивую, тщательно убранную голову, его смелые смеющиеся темные глаза.

Его сильный голос звучал весело. О чем он так оживленно говорил со своими “ангелами”, как в народе прозвали девиц в белых косыночках, я не знаю, но только в этой толпе чувствовалось большое оживление и явный восторг, и поклонение со стороны девушек.

Видела я и как он совершал обрядности: свадьбы, крестины. Никакой разницы я в службе не замечала, только опять- таки разве это, что оно говорил чистым русским языком и держал себя как-то через чур просто, как бы фамильярно и весело.

Он старался доказать, что различия в догматах церкви быть не должно и что сущность в самой вере, в учении Христа»¹⁷².

В этом отрывке речь идёт или об единоверческом храме Святителя Николая Чудотворца (так называемая Миловская церковь по имени купца И.И. Милова, ходатайствовавшего об устройстве храма), который находился на ул. Захарьевской, 18 в Петербурге, на момент описанных событий настоятелем храма был о. Григорий (Шлеев) (1862-предположительно 1928),

¹⁷² ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 134. Суворина Е. Годы революции. 1917-1921 гг. Рукопись. Л. 199-202.

или о об единоверческом храме Святителя Николая Чудотворца, который находился на ул. Николаевской (Марата 24а), его настоятелем на момент описанных событий был протоиерей Симеон (Шлеев) (1873-1921).

В ГА РФ под шифром ф. 5881 оп. 1 д. 138 хранятся воспоминания М. Ундриц под названием «"В списках" Воспоминания, охватывающие период с 1916 по 1920 гг.». Воспоминания представляют собой текст, частично набранный на машинке, частично рукописный, объёмом в 257 листов. Мария Ундриц была женой русского офицера. «Фамилия Ундриц является редкой, поданным РГВИА, единственным офицером, носившим эту фамилию, был Густав Густавович фон Ундриц — офицер, выпускник Владивостокского Восточного института (1909 г.), участник трех войн, заведовал в 1911-1914 гг. 4-м отделением Приморского областного правления. Оказался в конфликте с видными представителями китайской диаспоры во Владивостоке, в итоге был уволен со службы. Впоследствии проживал в Санкт-Петербурге. 18 июля 1914 г. капитан Густав Густавович фон Ундриц был вновь призван на действительную военную службу и назначен в 20-ю Вологодскую дружину. 25 января 1915 г. по болезни был отрешен от командования ротой. Прикомандирован к Управлению Петроградского уездного воинского начальника. Согласно свидетельству о болезни от 25 августа 1917 г., выданному комиссией при петроградском Николаевском военном госпитале, капитан Ундриц страдал полной глухотой на левое ухо и к военной службе был не годен. В ноябре 1917 г. был зачислен в ополчение Петрограда (РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 173067. П/с 148-894)»¹⁷³.

В годы революции и Гражданской войны М. Ундриц жила в Петрограде. До революции работала цензором, в мае 1917 г. устроилась в банк, была уволена. В воспоминаниях описана работа советского государственного учреждения и борьба автора с голодом. В 1919 г. она решила посадить картошку, но её планы совпали с праздником Троицы,

¹⁷³ Хроники жизни в Советской России. 1917-1921 гг. Воспоминания очевидцев / ред.-сост. М. Ерохова. – М., 2020. – С. 36.

который на тот момент ещё праздновался россиянами: «Картофель прорастал, прорастали также замоченные семена, а тут на беду подошли и праздники, – Троица. Церковные праздники хотя и были отменены, но рабочие, несмотря на голодовку, на за что не хотели работать в эти дни. <...> Под мелко сиявшем дождем, рано утром, пешком, так как в Коммунистическом Петрограде, на Троицу не шёл трамвай, я притащилась на участок»¹⁷⁴.

2 декабря 1918 года Советом народных комиссаров были приняты правила «О еженедельном отдыхе и праздничных днях», согласно которым празднование религиозных праздников было позволено, но выходной в эти дни не оплачивался. Согласно «Сборнику Узаконений и Распоряжений с разъяснениями V отдела НКЮ» под редакцией П.А. Красикова местный отдел труда вправе «в предприятиях с большинством инородческого или иноверческого состава рабочих заменять установленные для всей РСФСР дня еженедельного отдыха и дополнительно 10 дней отдыха другими в зависимости от местных условий»¹⁷⁵, что делало возможным празднование религиозных праздников, причём, в зависимости от конфессии, разных праздников. Основные православные праздники: Пасха, Вознесение, Троица, Духов день, Преображение, Рождество, – вплоть до 1930 года входили в календарь как нерабочие дни. Поэтому тот факт, что в 1919 году в Петрограде рабочие не работали не следует считать исключительным, хотя он и возмутил страдавшую от голода М. Ундриц.

Анонимные воспоминания под названием «Записки воспоминания жандармского офицера (1905-1920) о службе и т.д.», шифр ф. Р 5881 оп.1 д. 161 описывают события Гражданской войны на юге. О себе автор пишет, что он занимался политическим сыском у генерала Деникина и потом генерала Врангеля. Был женат, но жена умерла от тифа, после чего автор воспоминаний остался с двумя дочерьми 9 и 14 лет, после Крымской

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф.Р5881 оп.1 д. 138. Ундриц М. В тискаx. 1916-1920 гг. Воспоминания, охватывающие период с 1916 по 1920 гг. Рукопись и машинопись. Л. 71.

¹⁷⁵ Гидулянов П.В. Церковь и государство / под. ред. П.А. Красикова. М., 1923. С. 14.

катастрофы выехал в Турцию¹⁷⁶. Рукописная подпись под воспоминаниями «Ника» под главами.

В числе прочих сведений автор мемуаров упоминает следующий случай: «<...> и 10 китайцев - красноармейцев, которых нашли в городе напротив станции, где была из православного монастыря сделана казарма китайцев красноармейцев»¹⁷⁷. Это один из примеров того, как большевики использовали храмы не по назначению, оскверняя их.

Не установлен автор воспоминаний, хранящихся под шифром ф. 5881 оп. 1 д. 769 под названием «Воспоминания (автор не установлен) о положении в Советской России в 1918-1921 гг.». Воспоминания представляют собой машинопись с многочисленными авторскими пометками чернилами. Объём воспоминаний 54 листа. Их автор, университетский преподаватель, профессор, специалист по агрономии. Воспоминания не датированы ни в конце текста, ни внутри него. Автор вспоминает Рождество, устроенное в доме под Харьковом: «У нас была даже устроена потихоньку елка для детей, плохонькая, почти без игрушек, с двумя-тремя огарками... Но в это вечер нашего праздника, мирной радости, мы слышали издалека приближающийся нестройный гимн “интернационала”. <...> Двери открыли. К нам ввалилась толпа горластых, растрёпанный, красных от мороза людей. Они втаскивали с собой в комнаты огромное красное знамя, как символ власти.

Елку потушить и спрятать не успели. Нас поймали на месте “преступления”.

<...> товарищи притихли, нерешительно мялись, превратившись в тихих деревенских ребят и, стесняясь, отказываясь, мирно усаживались за стол. Как хорош был этот рождественский вечер, как мирно и славно мы

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 161. Записки воспоминания жандармского офицера (1905-1920) о службе и т.д. Л. 48.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 1. Д. 161. Записки воспоминания жандармского офицера (1905-1920) о службе и т.д. Л. 43.

беседовали о том – о сём с этими молодыми, буйно ввалившимися к нам ребятами, теперь пившими чай с сахаринном. <...>.

С Рождеством Христовым, – говорили наши гости-коммунисты, поднося рюмки к губам. – С праздничком»¹⁷⁸.

Эти тёплые в целом воспоминания относятся к раннему периоду агитации против религии и Церкви, когда «юные» коммунисты ещё не успели забыть о вековых традициях празднования православных праздников.

Под шифром ф. 5881 оп. 1 д. 771 хранятся мемуары, носящие название «Воспоминания (автор не установлен) о гражданской войне в Сибири и о бегстве после разгрома Колчака в Китай». Вопрос авторства этого текста будет обсуждаться в первом параграфе третьей главы данной работы.

Автор воспоминаний описывает развал армии Колчака, её бегство после успеха наступательной операции Красной Армии и последние инициативы накануне поражения: «Пошли на последнюю героическую меру – проф. Болдырев редко честный и упорный человек предложил формировать дружины св. Креста – я записался сейчас же и поехал в Иркутск с приказанием поднять там религиозное движение и сформировать ополчение с которым придти на фронт. <...> Должен сказать, что результаты были блестящи, записывались масса, части крестоносцев были безукоризненны, дрались отчаянно и умирали героями – но было уже поздно ... была каша и хаос»¹⁷⁹. Дмитрий Васильевич (1885-1920) – выпускник историко-филологического факультете Петербургского университета. Был преподавателем русского языка и истории. После октябрьского переворота откликнулся на антирелигиозные действия большевиков в печати. В 1918 г. с семьёй переезжает в Пермь от угрозы голода и репрессий. 6 мая, после освобождения города от большевиков, Д.В. Болдырев включён в состав комиссии по распространению антибольшевистской агитации в Пермском

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 769. Воспоминания (автор не установлен) о положении в Советской России в 1918-1921 гг. Рукопись. Л.13-14.

¹⁷⁹ ГА РФ. Р5881 оп. 1 Д. 771. Л. 11. Воспоминания о Гражданской войне в Сибири и бегстве после разгрома Колчака в Китай. Л. 2

уезде. В начале августа 1919 г. Д.В. Болдырев возглавил движение, призванное убедить беженцев из центральных регионов России добровольцами вступать в ряды Белой армии, образуя дружины Святого Креста. В программной статье на эту тему он писал: «Мы, борющиеся против большевиков, естественно становимся крестоносцами. Сила Креста и есть наша сила, и другой силы в борьбе с большевизмом нет и не будет у нас. Крест есть наша защита от большевистской заразы, ибо мы подвержены ей только через ослабление христианского духа; Крест – и наш меч против большевиков, ибо сатанинская сила рассеивается перед силой Креста. Крест – наш путь; Крест – наше воскресение»¹⁸⁰. Идея дружин Св. Креста была поддержана о. Петром (Рождественским). Начальником добровольческих формирований был назначен генерал-лейтенант В.В. Голицын. Несмотря на энтузиазм добровольцев, успехи Красной армии позволили ей вытеснить из занятых городов белых. Д.В. Болдырев при отступлении сопровождал адмирала Колчака, был с ним арестован, умер в тюрьме в Иркутске от осложнения тифа.

Под шифром ф. 5881 оп. 2 д. 267 сохранились воспоминания Боярского П.М., имеющие подзаголовок «материалы из семейной хроники 1870-1925». Боярский Пётр Михайлович (1870-1944) – русский общественный и государственный деятель, губернатор Казани накануне революции, выходец из потомственных дворян Полтавской губернии. Его воспоминания представляют собой рукопись в тетради с плотной обложкой и нарисованной розой на первом листе, по определению автора это «семейная хроника», судя по тексту, она предназначалась сыну и включает в себя описание рода Боярских и событий, охватывающих жизнь главы семьи. Вслед за Добровольческой армией семья Боярских отступала к югу Российской империи, и в 1918 г. в Пятигорске произошел описанный ниже случай у кафедрального собора.

¹⁸⁰ Цит. по: Ситников М.Г. Дмитрий Васильевич Болдырев: философ, ученый, публицист и организатор Дружин Святого Креста // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 51-52.

«В Пятигорском сквере у Собора стоит памятник Лермонтову. Когда приходилось мне проходить мимо него, то вспоминал я всегда слова поэта:

“Настанет год, России черный год,
Когда царей погибнет род,
Забудет чернь к ним прежнюю любовь
И пища многих будет смерть и кровь”.

Кстати, о соборе. На наружной стене у входа была большая из плит мозаики икона. Был как-то такой случай, если хотите, назовите его чудом, ибо возвращались, когда солнце взошло, после обычного пьянства красноармейцы с девицами. У собора одна из них сбежала по ступеням и приблизилась к Иконе Спасителя, приложила розу к Лику и сказала: “если ты Бог роза не упадет”. Роза не только не упала, но когда прибежали на крики испуганной девушки “товарищи”, розу нельзя было снять, после чего у них изошел хмель, стали они креститься, послали за священником, собрался народ, служили молебен, т.к. весть об этом разнеслась по городу и все устремились в собор, пришли и большевики, народ разогнали, поставили стражу, а Собор на время закрыли...»¹⁸¹. Сведений об этом чуде в других источниках получить не удалось.

К событиям Февральской революции относятся воспоминания под шифром ф. 5881 оп. 2 д. 294 Вирен Н.Ф. «Записки вдовы адмирала Вирена о событиях в Кронштадте», 15 листов машинописи. Надежда Францевна Вирен (Александрова) (1860-1950) супруга адмирала Роберта Николаевича Вирена (1857-1917). 1 марта 1917 года он был заколот штыками на Якорной площади Кронштадта матросами. После восстания Кронштадта матросы подошли к дому адмирала. Жену адмирала, ее сестре и дочери предложил приют Директор Классической Гимназии, живший напротив них, но они не решились разлучиться с главой семьи. Для того, чтобы поддержать моральный дух семьи, Надежда Францевна благословила мужа иконой: «Я

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 267. Боярский П.М. «Воспоминания» (материалы из семейной хроники 1870-1925). Л. 86-87.

сбегала наверх, принесла икону Николая Чудотворца, которою мы все его благословили, и я одела её ему на шею. Дом наш был окружён, но ничего грозного не творилось. <...> Несколько раз только, в течение этих часов муж говорил мне: “Молись” и, коленопреклонённый, как и все мы слушал слова моей молитвы»¹⁸². Однако, молитвенное настроение не отличало восставших матросов и ночь кончилась убийством адмирала.

Достаточно подробны воспоминания П.И. Душеньковского «Мои воспоминания о том, как я ходил в Советскую Россию и что я там видел», шифр ф. 5881 оп. 2 д. 327. Они написаны простым графитовым карандашом в тетради обычного формата. Почерк ясный, хорошо разборчивый. Душеньковский Прокофий Иванович (даты жизни установить не удалось) – поручик Российской императорской армии, Польский губернский староста Гетманского правительства и губернский комиссар правительства Украинской директории, начальник Александровского уезда, правительства генерала Врангеля¹⁸³. Вероятно, вскоре после революции П.И. Душеньковский эмигрировал, но вернулся в Россию для того, чтоб бороться с большевизмом. В 1927 г. покинул Россию навсегда.

В воспоминаниях описана борьба с советской властью на территории Украины и передвижения автора по стране. Первый из фрагментов, имеющий отношение к истории Церкви, описывает, как П.И. Душеньковский попал к украинским казакам, которые осуществляли борьбу против советской власти уже после окончания Гражданской войны.

«Светало. Мы вышли в густой лиственный лес. Свернули под косогор. Замели следы, где сворачивали и спустились в глубокое ущелье, заросшее терновником и дикой малиной. Слезли с лошадей и начали спускаться по крутой <неразб.> в какую-то нишу с забранным брёвнами и хворостом потолком. На право вела дощатая дверь, через которую мы вошли в большую

¹⁸² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 294 Вирен Н.Ф. «Записки вдовы адмирала Вирена о событиях в Кронштадте». Л. 14.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 327. Статья Душеньковский П.И. Мои воспоминания о том, как я ходил в Советскую Россию и что я там видел. Рукопись. 1927 г. Л. 95.

длинную комнату со сводчатым потолком /вид пещера/. По середине комнаты стоял длинный стол, накрытый пестрым ковром, а по бокам вдоль стояли в два ряда койки. На стенах висели музыкальные инструменты и оружие. В восточном углу висел большой образ Воскресения. У подножия образа стоял аналой, покрытый синей парчой. Стояло два больших серебряных подсвечника, уставленных тонкими восковыми свечами, и их красные огоньки отражались в Божественном лице Спасителя. У аналая стоял коленнопреклоненный священник и читал молитву. Мы все трое: атаман Задорожный, Дорошенко и я, подошли к самому аналою и тоже опустились на колени. Наконец священник кончил молитву, поднялся, взял крест и начал крестить комнату. Мы подошли и приложились ко кресту. Священник с бледным аскетическим лицом, обрамленным седой бородой и темно-кариими глазами, в длинной коричневой рясе и епитрахили, поднял крест для целования и заговорил:

– Слава тебе Господе! Слава тебе! Я дуже за вас беспокоился и решил отслужить молебин. Ну як все благополучно? Жертвы есть?

– Вашими молитвами пан отче, все як не треба лучше и без жертв, тильки оден казак лехко раненный в ногу – весело заговорил от Задорожный – позвольте нет отче Вам представить нашего узника и блудного, но верного сына нашего многостраденной родины...

– С великой радостью мы примем нашего сына, оденем его в лучшие одежды и заколем откормленного телятка... Ласково говорил св. от. Гавриил, заключив меня в свои объятия.

– Пане атамане! Нужно зараз мне отслужить благодарственный молебен Господу сил о чудесном избавлении от уз диавола! – потрудися распорядится, щоб пришли пивчи! сказал от. Гавриил.

– Спасиди пан-отче, що не забули про це святые дило. Карпо Васильевич пиди покличь пивчих и вси казаки свободны не хай прийдут – помолимся мирком.

Карпо Васильевич вышел, а я принял осматривать комнату-пещеру – она показалась даже ухоженной. Окна были в потолке и сквозь них падали снопы света, при котором я хорошенько разглядел атамана Задорожного <...>.

В комнату вошли шесть человек молодых казаков певчие, а за ними стройно в две шеренги входили казаки и становились стройными рядами против аналая. Начался молебен, отлично спевшийся хор под управлением Дорошенки пел торжественно и стройно. После молебна пропели вечную память всем жертвам, павшим за отчизну. Молебен кончился. Отец Гавриил опустился на колени.

– Боже великий! Боже правый! Боже сильный! Боже Всемогущий! Услышь плач и рыдание младенцев наших сирот и вдов; и ниспошли страждущей стране нашей мир и тишину. Яко да препрославлено всесвятое и великолепое имя твое, от нас, из-за нас и через нас” со слезами на глазах говорил отец Гавриил. Глаза казаков тоже были полны слез. Эту молитву я слышал первый раз и поэтому постарался её выучить наизусть. По окончании молебна отец Гавриил сказал высокоторжественную духовно-нравственную речь, которой растрогал меня до слез»¹⁸⁴.

Большевики относились к казачеству двойственно. С одной стороны, казаки были профессиональными военными, их сотрудничество с советской властью было весьма желательно. С другой стороны, казаки были той силой, с помощью которой царское правительство устраняло социальные беспорядки. Кроме того, казачество имело личные земельные наделы и уже поэтому было в числе противников уравнительной системы социализма. Меры советского правительства, принятые против личной собственности, продовольственный грабёж и другие действия настроили большое количество казаков, не покинувших Родину, против большевиков, и они продолжали вести деятельность, направленную на свержение большевизма.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 327. Статья Душеньковского П.И. Мои воспоминания о том, как я ходил в Советскую Россию и что я там видел. Рукопись. 1927 г. Л. 40-42.

Как следует из приведённого отрывка, священник, духовно окормлявший казаков, совершал богослужение на русском языке, и значит, не принадлежал к Украинской автокефальной церкви.

В 1924 г. П.И. Душеньковский приехал в Москву: «В Святой праздник я прожил¹⁸⁵ в Москве. Но было как-то нерадостно как прежде¹⁸⁶! Официальные учреждения не праздновали и все совсотрудники должны были идти на службу. Никто никому никаких визитов не делал. На второй день, однако, были в театрах праздничные постановки»¹⁸⁷. Спустя год он вновь был в пасхальную седмицу на Украине. «1925 г[оду] Пасху я провел в Киеве. В Великий четверг были произведены аресты славянских епископов Михаила и Алексия, но по требованию рабочих многочисленной публики ПП УПУ их освободили. В Светлую заутреню я был в Софийском соборе. Богослужение совершалось на украинском языке. Митрополит Киевский и всея Украины Василий в сослужении с многочисленным духовенством. Великолепно пело два отлично спевшихся хора. Евангелие на литургии читалось на двенадцати языках. Храм был переполнен молящимися. Первый и второй день правительственные учреждения не работали. Магазины были тоже закрыты. Зато были открыты все театры и многочисленные кинематографы»¹⁸⁸. Судя по воспоминаниям П.И. Душеньковского в 1924-1925 гг., сохранялась светская традиция проводить пасхальную седмицу в отдыхе, но в целом происходило уменьшение праздничного настроения, связанного с Пасхой. Упомянутый в приведённом отрывке «митрополит Киевский и Всея Украины Василий» это Липковский Василий Константинович (1864-1937) – церковный реформатор, основатель и первый предстоятель украинской автокефальной православной церкви. О другой встрече с ним П.И. Душеньковский вспоминал следующее: «На первой неделе Великого поста, был Вторник, я зашел в Софийский собор. Служил сам Украинский Митрополит Василий.

¹⁸⁵ Так в тексте воспоминаний.

¹⁸⁶ Так в тексте воспоминаний.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 327. Статья Душеньковского П.И. Мои воспоминания о том, как я ходил в Советскую Россию и что я там видел. Рукопись. 1927 г. Л. 71.

¹⁸⁸ Там же. Л. 91.

Он стоял коленопреклоненный посреди храма и читал на Украинском языке канон Андрея Критского. Было много молящих, преимущественно стариков, старух и духовенства, молодежи мало. На клиросе пели по великопостному “помилуй мя Боже”, то там, то сям по углам слышались плач и восклицания, и удары лбом о каменные плиты пола. По окончании канона ко мне подошел священник и шепнул на ухо: “Вас просит Владыка, зайти до него в сим годин <неразб.>вечира”. Зашел. Он, по-видимому, меня дожидался, потому что сейчас же принял, как только келейник ему доложил. Принимал в келии, так как другой комнаты оказывается у него нет. Владыка, лет шестидесяти Василий Липковский бывший протоиерей и настоятель какой-то Церкви в Киеве же. Солидный, но с лицом аскета. Усадил меня рядом на диванчик и начал засыпать вопросами о жизни эмиграции, а главным образом церкви заграничной. Я как-то невольно, прежде чем ему отвечать, оглянул келию... она представляла одно убожество. На Владыке ряса была потертая и стоптанные сапоги.

– Скажите мне, пожалуйста, заговорил он шопотом: – правда ли, что высшее церковное Управление за границей во главе с Митрополитом Антонием предало меня Анафеме.

– Я только об этом слышал от других лиц, но верно ли это я утверждать не берусь, – ответил я. Владыка перекрестился.

– Меня почему-то за границей считают Иудой предателем? Какие у них для этого данные, мне не известно. Я принял на себя этот сан как тяжелый крест по настоянию и просьбе двадцати пяти киевских общин верующих. Моим подвигом – я считаю, что это подвиг! – я спас сотни священнослужителей и церковные реликвии... Они меня считают Самосвятом, пусть так, но за это меня будет судить Бог и церковь. Совесть моя как архипастыря чиста. Владыка прослезился. Я сохранил от окончательного разложения церковь, не допустив в нее никакой ереси, обновленчества, кроме украинского языка, а молиться Богу каждый имеет право на том языке на котором он умеет!... Много мне говорил Владыка о

пережива<неразб.> Церкви и я вынес такие впечатления, что украинизация церкви была необходима, как выход из положения. От Владыки я ушел с окрыленными надеждами на будущее»¹⁸⁹.

О. Василий (Липковский) провёл первое богослужение на украинском языке в 1919 г. 14 октября 1921 г. была начала работа первого Всеукраинского православного церковного собора. Один из вопросов, который должен был решить собор, был вопросом о хиротонии: украинская автокефальная церковь нуждалась в епископах, и никто из Православной церкви не изъявил желания занять эту вакантную должность. Согласно докладу одного из участников собора, в апостольские времена было возможно совершение епископской хиротонии мирянами, пророками и пресвитерами, так как вся Церковь сохраняет и передаёт апостольскую преемственность. Руководствуясь этим соображением, вопреки канонам Церкви 23 октября 1921 года состоялась хиротония о. Василия (Липковского), который стал митрополитом Киевским и всея Украины. По фамилии «митрополита» Украинская автокефальная церковь получила название «липковской», а её клирики назывались «самосвятами». Она не нашла поддержки ни от Русской Православной Церкви в СССР, ни от Русской Православной Церкви за рубежом. Как видно и из приведённых воспоминаний П.И. Душеньковского, о. Василий идейно отстаивал Украинскую автокефальную церковь, в его деяниях не было подтекста поиска выгоды. Он высказывался против особого положения епископата, его голос как митрополита был равен голосу священника при выборах на соборе, он жил просто и не искал материального благополучия.

П.И. Душеньковский также оставил довольно пространные воспоминания об антирелигиозном диспуте, на котором ему довелось побывать в Киеве. «На другой день состоялся диспут на тему: миф о Христе. В здании педагогического института. Со стороны антирелигиозной говорил

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 327. Статья Душеньковского П.И. Мои воспоминания о том, как я ходил в Советскую Россию и что я там видел. Рукопись. 1927 г. Л. 54.

еврей Коган. Он говорил шаблонно, выражался цинично. Ему аплодировала “галерка”, но было слышно шиканье и свист. – Речь его успеха не имела.

– Сегодня будет говорить епископ Арсений¹⁹⁰.

“Арсений будет говорить” шопотом пронеслось по аудитории. Наступила гробовая тишина! Все ждали, что появится солидная фигура в регалиях в золотой митре и вдруг разочарование: На кафедре оказался маленький щупленький монах с лицом аскета. В поношенной рясе и сильно помятом клобуке. Он отвесил глубокий поклон в сторону аудитории, поднял кверху глаза и в продолжение двух часов говорил с поднятыми к небу глазами. Наступила тишина как редко бывает в советских аудиториях, даже галерка затаила дыхание и все внимание тысячной публики было обращено на говорившего и слышны были истерическое рыдание и плач. Владыка говорил: “Жесточайшие в мире люди, Нерон, Тиберий были потому, что они пролили много крови, это история признает за факт. Александр Македонский, заливший кровью Европу – это факт, факт, Наполеон Бонапарт факт, наконец коммунизм, проливший море невинной крови, это тоже факт, мы очевидцы этому. А Христос, призывавший народы: к миру, к братству, и любви к ближнему и даже врагу своему – это миф!??” Посыпался гром аплодисментов и пение стиха, спаси Господи люди твоя... На кафедру вышли четыре человека представители ГПУ и потребовали от епископа прекратить явно проповедь и немедленно удалиться. Но со стороны аудитории раздались громкие и смелые крики протеста: “Опять насилие! Не смейте трогать нашего пастыря!..” Чекисты замаялись и освистанные вышли. Владыка закончил речь, опустился на колени и запел:

– Под твою милость припадаем Богородице Дево. Весь зал рухнулся на колени и подхватил слова Владыки»¹⁹¹.

Среди дневников и мемуаров РЗИА не встречаются воспоминания, в которых антирелигиозные диспуты или лекции заканчивались бы успехом

¹⁹⁰ Биографические данные установить не удалось.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 327. Статья Душеньковского П.И. Мои воспоминания о том, как я ходил в Советскую Россию и что я там видел. Рукопись. 1927 г. Л. 56-57.

противников христианства. Как и в приведённом выше отрывке, такого рода собрание словно бы помогало присутствующим утвердиться в истинности веры. Возможно, это связано с тем, что эти эпизоды зафиксировали люди верующие, и их память упустила те случаи, когда священство не смогло отстоять веру.

В РЗИА отложились воспоминания протоиерея Василия Васильевича Зеньковского, они хранятся в ГА РФ под шифром ф. 5881 оп. 2 д. 351-355 «Зеньковский В.В. «Пять месяцев у власти». Воспоминания». Рукопись воспоминаний разделена на пять частей. Автор писал их в расчёте на обнародование, но судя по тексту, не располагал временем для того, чтобы перепроверить имена и факты, отредактировать написанный текст и привести к единообразию систему сокращений. О. Василий Васильевич Зеньковский (1881-1962) – выдающийся богослов, представитель русской религиозной философии, церковно-общественный деятель. С мая по октябрь 1918 г. исполнял должность министра исповеданий в правительстве гетмана Украинской державы Гетмана Скоропадского. В 1920 г. эмигрировал. Занимал должность профессора Богословского Свято-Сергиевского Института в Париже, был первым Председателем Русского Студенческого Христианского Движения.

Воспоминания о. В.В. Зеньковского «Пять месяцев у власти», как следует из названия, относятся к краткому периоду его биографии пребывания на посту министра исповеданий в 1918 г. при гетмане Украины П.П. Скоропадском. Зеньковский был министром в мае-октябре 1918 г., в это же время проводилась третья сессия Всероссийского Поместного Собора в условиях противостояния советской власти. Помимо фактографического освещения своей деятельности в качестве министра и сопутствующих ей проблем, В.В. Зеньковский в написанном через 11 лет после происходивших событий сочинении рассуждает об общественно-политических вопросах, обосновывает историософскую концепцию многовековой культурной, религиозной политической взаимосвязи России и Украины. Структура

воспоминаний «Пять месяцев у власти» определена основными задачами автора и включает в себя автобиографическую часть, в которой В.В. Зеньковский пишет о своей общественной и политической деятельности, о своей деятельности в первый год после революции и в 1918 г. на посту министра исповеданий, а также в переходные 1919-1920 годы, о жизни в эмиграции. Исторический блок заключает информацию о том, как развивалась русская революция от Февральской к октябрьскому перевороту в Москве, Петрограде и Киеве, о гетманате на Украине и сменах власти, а также об отступлении и о крахе Добровольческой Армии. Историческая часть воспоминаний посвящена размышлениям о многовековой связи Украины и России, о культурно-политических особенностях украинского устройства власти. Все три части воспоминаний смешаны, нередко в тексте нарушена хронологическая последовательность изложения, искажены некоторые имена и факты.

Несмотря на эти изъяны, повествование воспоминаний ярко рисует картину происходивших событий, очевидцем которых был В.В. Зеньковский. Как участник общественного движения, тесно связанного с Церковью и образованием, он оценивал то новое, что привнесла революция в Церковь, помимо восстановления патриаршества. Будучи сторонником демократизации церковной жизни, мысля Церковь, прежде всего, как союз верующих, он приветствовал перемены, коснувшиеся управления Церковью после Февральской революции. Он описывает в положительном ключе активизацию околоцерковной жизни, собрания, съезды, комитеты, советы, Соборы – вся эта активность стала возможной благодаря смене политической ситуации в России. Автора занимает проблема поиска новых условий взаимодействия Церкви с государством вне монархического строя, появление новых институтов и механизмов общения церковных и государственных структур. На Украине эти процессы осложнялись национальной борьбой. Либерализации церковной жизни на Украине противодействовали, согласно записям В.В. Зеньковского, консервативно настроенные митрополит

Никодим (Кротков) и митрополит Антоний (Храповицкий), с ними автор воспоминаний вступил в конфликт. Не был ясно определён и сам статус Украинской Церкви, необходимо было решать проблемы с финансированием Церкви, организации и централизации церковной власти, уделять внимание назревшей реформе духовного образования и каким-то образом отвечать на попытки украинизировать богослужение. В.В. Зеньковский раскрывает приёмы манипулирования ситуацией вокруг Церкви в условиях частой смены власти в том ключе, который был выгоден находящимся у кормила правителям и поддерживающим их иерархам Церкви. Описывает он и случаи переходного периода с выработкой новых ритуалов взаимодействия светской власти с Церковью во время богослужений.

Под шифром ф. 5881 оп. 2 д. 441. хранится документ, имеющий название «Куракин И.А. «1918-1922» Воспоминания». Воспоминания представляют собой рукопись на 69 листах, написаны чернилами разборчивым почерком. Их автор Куракин Иван Анатольевич (епископ Иоанн) (1874-1950) – князь, чиновник и политический деятель, действительный статский советник, министр финансов Временного правительства Северной области. В 1931 г. принял сан, клирик Временного экзархата Константинопольского патриархата в Западной Европе. В воспоминаниях он описывает свои впечатления и наблюдения за жизнью в новом государстве с 1918 по 1922 г. Воспоминания были написаны вскоре после эмиграции, автор датирует рукопись 1923 годом, на момент написания мемуаров И.А. Куракин был общественным и политическим деятелем. В РЗИА поступили год спустя.

Во время Гражданской войны И.А. Куракин занимал пост министра финансов Временного правительства Северной области, располагавшегося в Архангельске. Он описывает волнения в этом городе, связанные с угрозой его захвата большевиками: «Спасалась эта дама <жена командира одной из военных частей> с детьми в церкви, видела воочию все события, ежедневно

пробиралась да провизией и потом сумела вывести детей»¹⁹². Во время Гражданской войны храмы порой становились убежищем для мирного населения.

И.А. Куракин был религиозным человеком, он описал Пасху 1919 г.: «В ночь на Пасху мы никак не могли добраться в церковь к заутрени, происходила какая то задержка, население было постоянно занято обязательными и добровольными подвозами продовольствия и предметов снабжения фронта и я вошёл в церковь уже к концу обедни, вскоре услышать Христос Воскресе было большим утешением, только через три или четыре недели снова попал в церковь, а на душе было так смутно и беспокойно. <...> По дороге по русскому обычаю, особенно в ночь на Пасху, нам очень хотелось разговеться крутым яйцом, но в Архангельской губернии это большая роскошь, кур мало, несутся они скудно»¹⁹³. Пасха во время Гражданской войны запомнилась многим мемуаристам. Её празднование было затруднено и по причине недостатка продовольствия, и ввиду угрозы наступления большевиков, которые действовали в отношении священнослужителей агрессивно, расценивая их как контрреволюционеров: «Когда большевики отступали из У[сть]-Цильмы, то взяли с собой многих заложников, в том числе почтенного и уважаемого старика протоиерея У., которого с парохода, на котором их везли, связав руки, бросили в воду; я сам видел его вдову, и с ней беседовал; больно было видеть, в каком виде они оставили этот своеобразный и богатый край»¹⁹⁴. Гражданская война в Коми продлилась недолго, с августа по декабрь 1918 года. После октябрьского переворота в Коми была провозглашена большевистская власть, но войска Колчака в августе заставили отряды красных отступить. 5 сентября Усть-Цильму занял колчаковский отряд под командование полковника П.Ф. Естифеева. Отступая, большевики взяли заложников, рассчитывая получить взамен них своих людей, оказавшихся в плену у белых. Войска Колчака не

¹⁹² ГА РФ. Ф. Р 5881 Оп. 2. Д. 441. Куракин И.А. 1918-1922. Воспоминания. Рукопись. Л. 5.

¹⁹³ Там же. Л. 15-17.

¹⁹⁴ Там же. Л. 17.

сумели удержать власть в Коми, край был вскоре захвачен большевиками, которые вывезли оттуда огромные запасы продовольствия, разграбили церкви, устраивая в них казармы. Однако, мысль о возможном воздаянии за грабительское отношение к храмам всё же не оставляла красноармейцев.

В рукописных воспоминаниях И.А. Куракина приведено характерное свидетельство на тему неизжитых среди коммунистов суеверий: «В с. Щугоры¹⁹⁵ была церковь, но священник должен был скрыться во время пребывания большевиков, так что службы не было; комендант меня пригласил посмотреть, в каком виде оставлены была церковь, в которой <...>, мирянами была отслужена пасхальная заутреня и пропет пасхальный канон. Храм был разделён на две половины, задняя у входа зимняя церковь с отоплением, передняя летняя, холодная церковь. Когда красные объявили, что делают из церкви казарму, то крестьяне, посоветовавшись между собою, заявили, что они сами вынесут все из зимней церкви и запрут в летнюю; так и сделали... Появились в церкви нары, красноармейцы принимали своих возлюбленных там, где собирались для молитвы; через несколько времени обнаружены была кража, проломана смежная перегородка разделявшая обе церкви и наиболее ценная утварь унесена. Наряду с этим, когда в один из больших православных праздников была организована местным населением процессия с крестным ходом, красноармейцы без шапок взяли иконы и пошли в крестном ходе; такова спутанность понятий у этих невежественных и сбитых с толку людей, очевидно идти прямо против Бога они не смели и решили, что иметь Его за собою все-таки полезно; умиловить же Его можно, просто пойдя с иконой, психология скверная языческая - умиловительное жертвоприношение»¹⁹⁶. Запрет на участие коммунистам в богослужениях вышел позднее, а до того бывшие членами приходов солдаты, матросы привычно участвовали и в крестных ходах, и в молебнах и других видах богослужений.

¹⁹⁵ Расположено в Коми.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 441. Куракин И.А. 1918-1922. Воспоминания. Рукопись. Л. 25-26.

И.А. Куракин описывает о ситуации, в которую попал женский монастырь в одном из русских городов: «В городе имелся женский монастырь, где было монахинь до 30 под руководством дельной и энергичной матери Ангелины, которую я потом уже видел во Владивостоке. Удалось там помолиться и хорошо поговорить с настоятельницей... В это время большевики ещё церковь открыто не преследовали, но старались сбить с толка всех верующих: между прочим, для разделения монастыря в духовно - нравственном отношении были вытачены пропагандисты, собиравшиеся митинги и старавшиеся внушить молодым монахиням неуважение к старшим и к порядкам, заведённым в монастыре. Игуменья мне говорила, как ей было трудно, не прекращая ежедневную службу по содержанию монастыря и по приисканию пропитания, противодействовать влиянию красных; она по ночам собирала сестёр и целые ночи напролёт с ними говорила и молилась. Она достигла своего, монастырь уцелел и тот факт, что ее уже отвели под арест и придержали короткое время, только ещё более сплотил монахинь. Все беседы большевиков велись на тему о несуществовании Бога, о несовременности таинств и отрядов и о ненужности монастырей, как таковых»¹⁹⁷. Установить биографические данные матери Ангелины не удалось.

В конце апреля 1919 г. И.А. Куракин отправился в Сибирь, и в мае 1919 г. был уже в Омске. Проезжая через Пермь, он получил известия о происходивших там зверствах в отношении священнослужителей: «<...> в Перми узнал о гибели от рук большевиков нашего ярославского епископа Андроника, о потоплении Епископа Василия и его спутников, приехавших по поручению патриарха делать расследование об этом убийстве и о многих других зверствах»¹⁹⁸. На эту тему оставлены воспоминания в мемуарах П.П. Менделеева, также отложившихся в РЗИА и хранящихся в ГА РФ. Священномученик Андроник, архиепископ Пермский и Соликамский (в миру

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р 5881 Оп. 2. Д. 441. Куракин И.А. 1918-1922. Воспоминания. Рукопись. Л. 26.

¹⁹⁸ Там же. Л. 28.

Владимир Никольский, 1870-1918) с 1897 года был миссионером в Японии, в 1906 был рукоположен в епископа Киотского. В 1908 году был назначен епископом Тихвинским, викарием Новгородской епархии. С 1913 г. служил в Омске епископом Омским и Павлодарским, способствуя духовному окормлению географически обширной местности. В 1914 г. назначен епископом Пермским. В 1917 г. был членом Всероссийского поместного собора. В начале 1918 г. был возведён в сан архиепископа. Выступал крайним противником антирелигиозных декретов большевиков, в проповедях открыто обличал новую власть. 17 июня 1918 года архиепископ Андроник был арестован, 20 июня после допроса казнён – закопан живым и расстрелян через землю. Патриарх Тихон распорядился провести расследование этого события, для чего 14-17 августа 1918 года в Пермь был направлен архиепископ Василий (Богоявленский) в сопровождении миссионера Алексея Зверева, затем к ним присоединился архимандрит Матфей (Померанцев). Расследование было согласовано с советской властью, комиссии был предоставлен отдельный вагон для следования к Перми. Проведя расследование и собрав средства на нужды Собора, члены комиссии отправились в Москву для доклада на Всероссийском поместном соборе, но между Пермью и Вяткой в их вагон ворвались красноармейцы, вывели членов делегации собора и членов комиссии и расстреляли их. Таким образом, в воспоминания И.А. Куракина вкралась ошибка о том, каким образом погиб архиепископ Василий.

Под шифром ф. Р5881 оп. 2 д. 483 хранятся воспоминания Мельникова Ф.Е. «Восстание в селе Красеньком и Троицком Воронежской губернии в 1919 г.». Это рукопись объёмом в 10 листов, была написана в 1927 году, как это следует из авторской датировки. Её автор Фёдор Евфимьевич Мельников (1874-1960) – писатель, старообрядец. Как писатель был очень плодовит, и, скрываясь от Советской власти в 1919-1921 годах¹⁹⁹, почти не расставался с

¹⁹⁹ Приль Л.Н. Ф.Е. Мельников: вехи сибирской биографии // URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/63-1-0-1219>

печатной машинкой и своими рукописями, которые сумел увезти за границу, эмигрировав в 1930-х годах. Воспоминания опубликованы²⁰⁰.

Осенью 1919 года Воронеж стал местом сражения между Южным фронтом Рабоче-крестьянской Красной армии и армией генерала А.И. Деникина. Колокольни храмов использовались как наблюдательный пункт, колокольный набат как сигнал, который подавался в случае тревоги. С этим связан небольшой отрывок из воспоминаний Ф.Е. Мельникова: «Послышался звучный удар колокола. Звонили в набат. Все оживились. Было видно, как из дворов выскакивали люди на улицу, а потом куда-то исчезали. По селу прошло человек десять конных. Набат вскоре замолк и снова, как-бы все успокоилось... Казачьи сотни остановились. Ожидали распоряжений...»²⁰¹. С белыми у автора воспоминаний были связаны надежды на свободную деятельность, в то время как большевики пытались заполучить «агитатора», распространявшего печатную продукцию о христианстве.

Далее рассмотрим воспоминания А.А. Минха, шифр хранения ф. 5881 оп. 2 д. 505, название «Из пережитого». Эта рукопись на 93 листах, написанная достаточно хорошо разборчивым почерком, была написана, как свидетельствует сам автор, на основе дневниковых записей, который он вёл «во время эвакуации беженцев в марте 1920 года из Новороссийска на о Лемнос»²⁰². Воспоминания написаны в тетради небольшого размера, в 1932 году они помещены на хранение в РЗИА.

Александр Александрович Минх (1876 – дата смерти неизвестна) – представитель линии потомственных дворян Саратовской губернии, обрусевших немцев – его прадед был приглашён в Россию Екатериной II. Его отец Александр Николаевич Минх был членом Императорского Русского географического общества, членом-учредителем Саратовской ученой архивной комиссии, историком, знатоком этнографии народов, населявших

²⁰⁰ На ветрах Гражданской войны. Воронежская деревня в 1917–1922 гг. / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО–XXI. 2019. – 464 с.

²⁰¹ ГА РФ. Ф. Р5881 Оп. 2 Д. 483. Мельников Ф.Е. Восстание в селе Красеньком и Троицком Воронежской губернии в 1919 г. Рукопись. 1927 г. Л. 5.

²⁰² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 505. Минх А.А. «Из пережитого». Воспоминания. Л. 1.

Саратовское Поволжье. Его сын, Александр Александрович, окончил Николаевское Инженерное училище, но был вынужден вернуться в Саратов для того, чтобы вести дела имения, активно участвовал в общественной жизни губернии, в том числе был членом Саратовской ученой архивной комиссии, деятельность которой заключалась в поиске, описании и охране памятников старины. А.А. Минх проявил себя как фольклорист, был почётным мировым судьёй, с 1914 года носил чин коллежского асессора. Февральскую революцию воспринял отрицательно, поступил на службу начальником милиции. После октябрьского переворота исполнял обязанности контроллера в районной секции по металлу, но так как использовал должность для поиска продовольствия, был арестован и заключён под арест, но в связи с приближением армии Колчака был освобождён. С 1919 года участник Белого движения в составе Добровольческой армии. В 1920 году покинул Россию.

В воспоминаниях А.А. Минх описывает пасхальное богослужение на борту парохода «Габсбург». «25 марта отслужили обедню на острове, а 26 разыгралась буря и пришлось чтение 12 евангелий слушать на палубе «Габсбурга». Все поголовно на пароходе испрашивали батюшку исповедоваться. Я уверен, что все, кто был на этой исповеди, не забудут этого дня во всю свою жизнь. Это была действительно всеобщая страстная мольба к Творцу. Исповедь, по предложению отца Георгия, была общей. Тихая, звёздная ночь. На палубе собрались все от мала до велика. Гробовая тишина. Отчётливо, проникновенно говорит своё слово, перед началом исповеди, отец протоиерей. Наступает минута молчания, каждый уносится мыслями к молитве, молится от всего сердца, от всей души, просит простить его грехи, не оставить его, простить и помиловать их близких, спасти тех, кто остался на родной земле. Катятся слезы по лицу отца Георгия, плачут служившие с ним отцы Феодор и Константин, отец протодиакон и диакон. Блестят слезы на щеках у стоявшего впереди хора и слышатся всхлипывания и горькие рыдания среди молящихся. Дрогнувшим голосом даёт отец

Георгий отпущение грехов, служба продолжается и надрывно, со слезами звучат голоса хора. Тихо, молча расходятся беженцы, после окончания молитвы, по своим углам.

На страстную субботу, все пришли к Причастию, а вечером служили заутреню и радостное Христос Воскресе хора несло по всей бухте и слышалось с других пароходов отклик – Воистину Воскресе. На тех пароходах не было хора, и мы получали приглашение на «Браугсбурга» и во время обеда отец протоирей служил молебен там»²⁰³.

В приведённых воспоминаниях описывается эвакуация из Новороссийска, которая привела русских на остров Лемнос²⁰⁴. 25 марта 1920 года состоялась кульминация эвакуации из Новороссийска армии Деникина и всех, не желавших оставаться под властью большевиков. Эвакуация длилась с января 1920 года, когда на греческие острова были отправлены раненные и больные военнослужащие. В конце февраля – в начале марта началось массовое спешное отступление, на одном из последних судов отплыл и А.А. Минх. Упомянутый отец Георгий – это протоиерей Георгий (Голубцов), дневник которого будет откомментирован в соответствующем параграфе диссертации. Отец Константин, Константин Романович Ярмольчук (1872-1933), выходец из семьи духовенства, выпускник Волынской духовной семинарии, с 1919 года протоиерей, 1 марта 1920 года эвакуировался на Лемнос, где исполнял должность законоучителя Русского Донского кадетского корпуса на о. Лемнос и священника больницы Красного Креста.

В ГА РФ хранятся воспоминания флигель-адъютанта²⁰⁵ императора Николая II А.А. Мордвинова «В затишье и буре». Отрывки из семейных воспоминаний», шифр ф. Р5881 оп. 2 д. 515. Воспоминания представляют собой машинопись на 130 сшитых листах, имеют датировку 21 ноября 1927 года, таким образом, они написаны в эмиграции, переданы в РЗИА автором.

²⁰³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 505. Минх А.А. «Из пережитого». Воспоминания. Л. 20-21.

²⁰⁴ Решетников Л.П. Русский Лемнос: исторический очерк. М., 2008.

²⁰⁵ Флигель-адъютант – воинское звание, младший свитский чин, присваивавшийся штаб- и обер-офицерам армии и флота, которые состояли в свите императора.

Мордвинов Анатолий Александрович (1870-1940) – офицер, флигель-адъютант императора Николая II. А.А. Мордвинов принадлежал к роду, который был известен со времён Ивана Грозного. Родовое гнездо Мордвиновых на протяжении нескольких веков располагалось в Новгородской губернии. Получил военное образование, служил в Кирасирском полку. В 1906 году стал личным адъютантом великого князя Михаила Александровича. В 1913 г. назначен флигель-адъютантом императора Николая II. На протяжении своей службы в царской семье вёл дневник, но тетради с записями были утеряны. После октябрьского переворота арестован, затем освобождён и вновь арестован при попытке незаконного пересечения финской границы, эти события описаны им в мемуарах. Эмигрировал с женой и дочерью в 1920 г. в Германию. В эмиграции написал воспоминания о царской семье, своём аресте, все они в 1930-х гг. были переданы автором в РЗИА и хранятся в ГА РФ. Воспоминания частично изданы. Приведённые ниже отрывки из воспоминаний опубликованы не были.

Воспоминания в описях имеют заглавие «В затишье и буре», самим автором названы «Мои тюрьмы». Имеют авторскую датировку «21 ноября 1927 г., Гарц», адресованы дочери. В этих воспоминаниях А.А. Мордвинов описывает обстоятельства своих арестов, людей, которые запомнились ему.

После первого ареста А.А. Мордвинов и его брат были препровождены в Трубецкой бастион. Как пишет Мордвинов, «одной из особенностей этой тюрьмы, в сравнении с моими другими, было то, что в ней принуждали заключённых молиться! Молиться, так сказать, для порядку в отместку за прежнее. Стража наша, состоявшая из прежних солдат и бывших преступников, и вероятно не раз испытывавшая на себе тюремные распорядки прежних дней, считала себя настоящим заправским начальством и старалась нам это внушить с забавной строгостью: “Ну вы там! Чего расселись, становись теперь на молитву, забыли штоль порядки то... читай, кто там “Отче” аль “Богородицу”. Происходило это обыкновенно по вечерам, когда

мы сидели почти в темноте, при копоты не дававшей света, крошечной жестяной, лампочки»²⁰⁶. Сумятица первых нескольких месяцев после октябрьского переворота помешала тюремному начальству разобраться в том, кем был А.А. Мордвинов, о том, чтобы поменять тюремные порядки речи в начале 1918 года не шло. Поэтому тюремные надзиратели действовали в соответствии с предписаниями, принятыми в царской России: «Новое большевистское начальство забыло отменить прежние тюремные порядки, и они следовали им с былой серьезностью исполняемого долга»²⁰⁷.

Мордвинов заметил и появление нового типа следователей, тюремщиков и вершителей судеб: людей, которыми двигала воля к власти, наживе и просто удовлетворению низменных инстинктов. Среди таких лиц некто Кольцов, которого Мордвинов описывал, вероятнее всего, по слухам: «Этот последний <Кольцов> не знал действительно удержу и даже в то время, когда о местных чека еще не было и помину, нас известили, что был расстрелян один епископ, кажется Преосвященный Исидор или Григорий из Новгородской епархии, два архимандрита и несколько священников. О других менее заметных и не упоминалось»²⁰⁸. До заключённых Трубецкого бастиона доходили слухи о расправах большевиков с духовенством. Епископ Исидор (в миру Петр Александрович Колоколов, 1866-1918) был в дружеских отношениях с Григорием Распутиным, принимался царской семьёй и был знаком А.А. Мордвинову. С июня 1917 г. жил в г. Вятка, организовал там помощь беспризорным детям, бедным и слепым людям. 6 августа 1918 года был арестован и, несмотря на ходатайство Вятского общества попечения о слепых, 19 августа был приговорен к высшей мере наказания. Был казнён, место погребения неизвестно.

1918 год – год начала притеснения духовенства, но в тюрьме отношение к богослужениям оставалось ещё терпимым, вот что вспоминал

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 515. Мордвинов А.А. Флигель-адъютант императора Николая II. «В затишье и буре». Отрывки из семейных воспоминаний. Машинопись. Л. 9.

²⁰⁷ Там же. Л. 10.

²⁰⁸ Там же. Л. 11.

на эту тему А.А. Мордвинов: «Хотя над духовенством и издевались всевозможными способами, но церковные службы, даже в нашей тюремной церкви еще шли. Служили по очереди монахи местного монастыря, где находилась известная на всю Россию чудотворная икона Божьей Матери. Во время одной из таких церковных служб в день Воздвижения, мне и брату удалось даже причаститься. Для такого случая нас даже допустили стоять в самой церкви. Остальные должны были молиться в темной без окон комнате, куда выходила церковная дверь». В этом отрывке речь, вероятно, идёт о Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре, в которой хранится чудотворный образ Пресвятой Богородицы Невская Скоропослушница.

По болезни А.А. Мордвинов был переведён в больницу Трубецкого бастиона при Выборгской тюрьме, где он обратил внимание на архимандрита Феодосия (Алмазова).

27 ноября 1918 года А.А. Мордвинов и его брат были освобождены из-под ареста, по случаю чего они посетили храм: «Это было вечером 27 Ноября 1918 года в день празднования явления образа Знамения Пресвятой Богородицы. Эта Икона Божией Матери издавна чтилась в нашем Мордвиновском роде. Почти три века назад, в такое же смутное время междоусобицы, она спасла в наших Новгородских лесах двух из Мордвиновых от неминуемой гибели от разбойников. Было еще не поздно. Мы всей семьей отправились в Знаменскую церковь и отслужили молебен»²⁰⁹. Знаменская церковь, она же церковь во имя Входа Господня во Иерусалим была расположена на Знаменской площади Санкт-Петербурга. Постройка каменного здания церкви длилась с 1794 по 1804 гг. В ней хранилась икона Божией Матери «Знамение», по имени которой храм назывался в народе. 27 ноября день празднования иконы «Знамение».

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 515. Мордвинов А.А. Флигель-адъютант императора Николая II. «В затишье и буре». Отрывки из семейных воспоминаний. Машинопись. Л. 92.

В ГА РФ хранятся воспоминания Ф.А. Мороза «104 дня владычества большевиков в Вильно в 1919 году»²¹⁰, шифр хранения ф. 5881 оп. 2 д. 518. Это рукопись, написанная ясным почерком в тетради стандартного размера на светлой линованной бумаге объёмом в 51 лист. Автор воспоминаний Мороз Феликс Антонович (07.12.1881 – после 1933) – выходец из дворянского рода Виленской губернии, православный, участник Первой мировой войны, подполковник. Добровольно вступил в РККА в 1918 г. В декабре 1919 г. эвакуирован в юго-восточную Европу.

Как следует из названия воспоминаний, они посвящены тому времени, когда Вильно был захвачен большевиками. Автор описывает ход военных действий, историю завоевания города большевиками и их отступления. 4-6 января 1919 года Красная армия заняла Вильно, вытеснив из города польские добровольные отряды виленской самообороны. Несколько месяцев красноармейцы удерживали власть. Несмотря на захват города большевиками, его жители готовились к пасхальным дням. Ф.А. Мороз также начал приготовления: «Наступила Страстная Неделя. В церквах шли обыкновенные великопостные богослужения; приближался Великий Праздник. Настроение было далеко не праздничное, однако, покорный обычаю и привычке, я тоже стал готовиться к встрече. За невозможностью получить в городе необходимые для пасхального стола продукты, я еще дня за три до праздников послал толкавшегося при Штабе и ровно ничего не делавшего красноармейца в деревню за покупками, дав ему на расходы триста рублей. С тех пор я не видел больше ни посланного красноармейца, ни денег»²¹¹.

Большевики были изгнаны из Вильно польскими войсками 21 апреля 1919 года: «Ночь прошла спокойно. Наступило утро 22-го Апреля. Светлое Христово Воскресенье. Ясный, теплый, солнечный день. С самого утра улицы уже были полны оживленной, радостно настроенной толпой. Мне еще

²¹⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 518. Мороз Ф.А. «104 дня владычества большевиков в Вильно в 1919 году». Воспоминания. 51 л.

²¹¹ Там же. Л. 21.

никогда, ни до того времени, ни впоследствии не приходилось видеть у людей такого восторга, такого полного, искреннего и такого всеобщего выражения счастья, какое я наблюдал тогда, в первый день после освобождения города от большевиков. Совершенно незнакомые люди бросались друг-другу в объятия, поздравляли один другого с избавлением от несчастья и позора, и смеялись и плакали от радости. Впрочем, казалось, в этот день не было незнакомых людей; казалось, что все давно и хорошо знают друг друга; что все это члены одной большой и дружной семьи, где счастье одного является счастьем и радостью другого, радостью всех. Торжественно и вдвойне празднично гудели колокола»²¹².

Похожее настроение радости освобождения, соединённое с пасхальным ликованием, передал в воспоминаниях А. Отдельнов. Они хранятся под шифром ф. 5881 оп. 2 д. 552 и имеют название ««В Ростове-на-Дону в октябре 1917 г.». Это рукопись объёмом в 16 листов, написана достаточно разборчивым почерком, авторской датировки не имеет. Инициалы и биографию автора установить не удалось. Несмотря на название, описанные в воспоминаниях события выходят за границы октября 1917 года. Гражданская война на Дону началась в ноябре 1917 г. после того, как Красная армия попыталась захватить власть в южных регионах. А. Отдельнов кратко описывает, как разворачивалась Гражданская война под предводительством атамана А.М. Каледина, не признававшего законность большевистской власти, описывает расстрелы и казни, произведённые большевиками на Дону после захвата власти в конце февраля 1918 года Новочеркаска. Ростов-на-Дону был под властью советов в 10 (23) февраля по 20 апреля (3 мая) 1918 года. 21 апреля (4 мая) части Красной армии отступили из Ростова: действия красноармейцев, связанные с земельным переделом и грабежом казачьих станиц, привели к тому, что прежде уклонявшиеся от участия в боевых действиях казаки поднимали мятежи

²¹² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 518. Мороз Ф.А. «104 дня владычества большевиков в Вильно в 1919 году». Воспоминания. Л. 35.

против большевиков. В начале мая германский экспедиционный корпус оккупировал Ростов в соответствии с соглашением, которое было достигнуто между Украинской радой под предводительством гетмана Скоропадского и Австро-Венгрией. Действия оккупантов поддерживал белый генерал Д.Г. Щербачёв, имя которого носили части армии, которой он командовал. К этим событиям относится следующий фрагмент воспоминаний А. Отдельнова: «К 12 ночи все стихло <обстрел города артиллерией>. Набожные жители отправились в городские церкви святить Пасхи. Пусто было. В городе. Звонили колокола и трубили рожки пожарных у горевших эшелонов. <...>. Щербачевцы повели наступление на город. Где-то были слышны крики “ура”. Ростов превратился в сплошной ад. Жители, захватив куличи, Пасхи и всю прочую снедь, мчались домой из церкви. На первый день Пасхи к Ростову подошли и немцы, которые вступили в город без боя. <...> В дни большевистской власти люди не улыбались, говорили вполголоса, так как каждую минуту могли быть арестованы. Улыбнулись только на первый день Пасхи 1918 года и сказали друг другу Христос Воскресе, ибо в этот день Он воистину воскрес в сердцах обездоленных людей»²¹³. Воспоминания А. Отдельнова ценны рефлексивной информацией о том настроении, которое царило среди части населения Ростова. Оккупация иностранных держав была всё же предпочтительнее власти большевиков. Это проясняет, почему эмигранты готовы были сотрудничать с немцами в годы Великой Отечественной войны, надеясь на изгнание советской власти.

О пасхальном настроении пишет автор следующих воспоминаний, Ретивов М.И. Его мемуары хранятся под шифром ф. Р5881 оп. 2 д. 592, имеют название «Записки врача-эмигранта. Воспоминания», представляют собой рукопись. Датировка проставлена автором, судя по ней, воспоминания были написаны в 1923 году. Ретивов Митрофан Иванович (1969-1961) – медик, директор медицинского отделения Харьковского страхового

²¹³ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 552. Отдельнов А. В Ростове на Дону в октябре 1917 г. Воспоминания. Л. 14-16.

общества, специализировался на борьбе с холерой и туберкулёзом. В годы Гражданской войны являлся главным врачом одного из госпиталей Харькова. В 1922 году эмигрировал в Латинскую Америку.

В воспоминаниях М.И. Ретивов пишет об обстоятельствах жизни во время Гражданской войны в Харькове. Он описал Пасху 1918 года: «Приближалась Пасха. Утомленное, измученное население искало утешение в церкви – они были полны. По отзывам самих священников никогда еще до сего религиозное чувство населения не достигало такой высоты. Все классы населения, кроме конечно, того, кто чувствовал себя господином положения, были одинаково глубоко проникнуты им. Профессора, студенты, учителя, офицеры, врачи, купцы – вот обычный контингент, наполнявший церкви. В то время священнослужители и храмы Божии не были еще на положении гонимых. Тогда еще не созрела дьявольская мысль о комсомолах, о проповеди против религии. Советская власть признавала ее опиумом для народа, но не шла открыто против нее. Она ее терпела, хотя и стесняла на каждом шагу, так, например, священники не имели права провожать покойников на кладбище без особого всякий раз разрешения, устраивать крестные ходы. Домовые церкви, за исключением немногих, были закрыты. А те, которые продолжали функционировать, должны были быть зарегистрированы, как принадлежность определенного прихода, общины, которая ее и содержала. Церковная статистика о рождаемости, смертности, брачующихся перешла в ведение особого комиссариатства, в котором сидело несколько молодых людей, по преимуществу евреев. Церковный обряд бракосочетания объявлен был необязательным. Достаточно было записи в вышеуказанном комиссариате. Ещё легче давался развод. Было ясно, что советская власть объявила поход против семьи, как основы всякой государственности. На все выпады советской власти против церкви население отвечало особо сильным религиозным подъемом. Священник стал еще ближе, церковь дороже, чем прежде. – Религия получила глубокий смысл, какого раньше не придавало ему население, занятое повседневными

заботами. К этому, единственному теперь источнику утешения, прибегало население. Только в Божьем храме оно отдыхало и успокаивалось. Огрубленное, полуголодное, постоянно оскорбляемое представителями господствующего класса и власти, население туда несло всю свою безысходную тоску. Кругом был произвол насилия, террора, издевательства, расстрелов и расхищения материальных и духовных ценностей великого народа. Выбитая из обычной колеи, жизнь потеряла смысл, красоту и ценность. <...> Ждали чудесного избавления от власти, которая опутала всех сетью шпионства, и поэтому с особою страстностью и верою пели “Христос Воскресе” в пасхальную Заутреню. Редко мы все переживали такие светлые моменты духовного очищения и надежды, как в памятную Заутреню и обедню»²¹⁴.

М.И. Ретивов перечислил некоторые моменты регламентации жизни Церкви со стороны советской власти. Принятый Советом Народных Комиссаров Российской Республики 20 января (2 февраля) 1918 года и вступивший в силу 23 января (5 февраля) 1918 года Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви стал документом, зафиксировавшим полный разрыв отношений между светской властью и жизнью гражданского населения и Церковью, демонстрировавшим, что государство не считает Церковь имеющим право на существование общественным институтом. Декреты и постановления, ужесточающие отношение власти к Церкви, в начале 1918 года принимались один за другим: 14 января было принято постановление об упразднении придворного духовенства, изъятии помещений и имущества придворных церквей; следом было принято решение о предоставлении наркоматам права закрытия церквей при любых государственных учреждениях, что ставило под удар церкви при больницах, армейских частях, учебных учреждениях и т.д.; 16 января специальным декретом ликвидировались духовники в Вооруженных Силах республики. Широко обсуждались проекты новых декретов в

²¹⁴ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 592. Ретивов М.И. Записки врача-эмигранта. Воспоминания. Л. 10-11.

отношении Церкви. Был принят декрет о браке, упразднявший венчание как необходимое звено в заключении супружества. Церковь была связана множеством ограничений и запретов, лишалась статуса юридического лица, имущества и права на его приобретение, имущество Церкви было подвергнуто национализации и разграблению. Но, как заметил М.И. Ретивов, эти меры регламентации, а также в целом тревожное ощущение необратимых перемен в привычном укладе жизни, приводили к тому, что религиозный подъём усиливался.

В воспоминаниях Л.А. Ржевусского запечатлён уникальный эпизод исповеди перед казнью без участия священнослужителей. Воспоминания хранятся под шифром ф. 5881 оп. 2 д. 595 и имеют название «Ржевусский А.А. “Пережитые тягостные дни”. Воспоминания». Вероятно, в опись вкралась ошибка – инициалы автора Л.А. Ржевусский Людомир Александрович (1848-1932) – генерал от кавалерии. Как пишет о себе в воспоминаниях «после переворота выйдя в отставку и покинув театр военных действий, поселился в Киеве»²¹⁵. Был арестован Киевской Чрезвычайной комиссией накануне Киевской операции Войска Польского, наступательной операции вооружённых сил Польши и армии Украинской Народной Республики с целью захвата Киева в 1920 году. Эмигрировал в Польшу. Воспоминания написаны в эмиграции в 1922 году, судя по авторской датировке. Рукопись воспоминаний объёмом в 51 лист написана не очень хорошо читаемым почерком, некоторые слова рукописи разобрать не удалось.

Приведенный отрывок относится к воспоминаниям Л.А. Ржевусского о пребывании в одной из камер Киевского ЧК. «Каждую ночь приходили комиссары, почти все жидаы, и вызывали несколько человек, после вывода которых вскоре поблизости раздавались ружейные залпы. <...> И вдруг днем еще раз зашли комиссары и объявили всем оставшимся, что все заключенные кроме девицы Р. должны готовиться к смерти, так как будут казнены в

²¹⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 595. Ржевусский А.А. «Пережитые тягостные дни». Воспоминания. Л. 3.

течение наступающей ночи. <...> Двое заключенных сделали попытки лишить себя жизни, из коих один умер на глазах у всех, а другому не удалось отравление, и он корчился в страшных страданиях, один приговоренный и одна женщина сошли с ума, многие громко рыдали, другие молились. Предполагая, что Р. будет освобождена, все спешили передать ей посмертные поручения к оставшимся на свободе родным, родственникам и близким и, вдруг, один молодой человек став перед ней на колени, обратился со следующими словами: «Я знаю, что до нас не будет допущен священник, – моя мать может быть не будет даже знать что ее сына казнят, но мне не хотелось бы покинуть землю без чьего-нибудь благословения. Вы остаетесь в живых: благословите меня! Рыдая, перекрестила Р. просившего ее благословения, после чего в камере последовали примеру молодого человека, и юному существу выпала, по всей вероятности, не имевшая примера в истории человечества роль, которая не могла не оставить тяжелых последствий на всей нервной системе Р. В течении ночи все заключенные были расстреляны, а Р. была освобождена и тогда на следующее за ужасной ночью утро узнала причину ускоренной массовой казни: Польские войска вступали в Киев, а большевики стремительно оставляли город, перед бегством решив отомстить свое поражение на <слово неразб.> заключенных»²¹⁶. Установить личность Р. не удалось. Невозможно также установить подлинность описанных событий. Тем не менее известно, что, уступая противнику какой-либо населённый пункт, большевики действительно предпочитали казнить узников тюрем.

Воспоминания В.И. Рудич хранятся под шифром ф. 5881 оп. 2 д. 600 и имеют заглавие «Уроки прошлого». Авторское название «На реках Вавилонских». Очерк Жизни в 1918-1921 гг.». Рудич Вера Ивановна (1872-1943) – поэт, работала наборщицей и корректором в издательстве А.С. Суворина «Новое время». Была участницей теософских собраний. После

²¹⁶ГА РФ. Ф Р5881. Оп. 2. Д. 595. Ржевуский А.А. Пережитые тягостные дни. Воспоминание о периоде Гражданской войны. Рукопись. Л. 44-45.

революции прекратила занятия литературой, в 1918 году уехала из Петербурга в Витебск за продовольствием, поселилась в родовой усадьбе в Волыни. После отделения Польши в 1918 г. оказалась в эмиграции. В период эмиграции в 1922 году написала воспоминания, которые передала в РЗИА. В 1924 году вернулась в Ленинград, работала наборщицей и корректором, писала прозаические произведения, не публиковалась. В 1933 году была арестована по обвинению в антисоветской агитации, приговорена к трём годам ссылки. Затем вновь вернулась в Ленинград, где погибла во время блокады в 1943 г.

Воспоминания В.И. Рудич представляют собой машинопись с рукописными авторскими пометками чернилами и графитным карандашом объёмом в 425 листов. Листы из плотной бумаги сшиты и переплетены в твёрдый переплёт. Судя по объёму и точности дат и имён, Вера Ивановна вела дневниковые записи, на основе которых были написаны воспоминания, однако её дневники пока не обнаружены. В воспоминаниях описана бытовая повседневная жизнь автора и окружавших её людей. В.И. Рудич внимательно относилась к переменам, происходившим в жизни Русской Православной Церкви, и в мемуарах описала то, что происходило в Волыни.

Деревня, в которой находилась усадьба В.И. Рудич, переходила к красным, белым, петлюровцам, латышам. Происходившие политические изменения привели к тому, что переменам подвергалась и экономическая основа отношения между духовенством и крестьянством.

В воспоминаниях В.И. Рудич описываются события, сопутствовавшие Страстной неделе и Пасхе 1918 г.: «23 Апреля. В самый Страстной Четверг, когда тетина семья собиралась к двенадцати евангелиям, в усадьбу к ним приехало двое фуражиров-большевиков. Первая подлинная, а не по слухам встреча с большевиками на Волыни.

Вошли вооруженные винтовками, револьверами, шашками и грубо сказали:

– Давайте обедать!

<...> К закуске с села подошли атаман, староста и плут мужик, Павло, который всегда умел приспособиться ко всякой власти и своей бесшабашностью держал в страхе всю деревню:

– Запалю село, а сам уйду – мне терять здесь нечего.

Утром в церкви перед Причастием Павло устроил “демонстрацию”: пожелал исповедоваться не в пример другим перед самым выносом св. даров для причастия. И робкий по натуре о. П. вышел и исповедал его, боясь скандала в церкви.

Вечером, когда в столовой в усадьбе шла выпивка и закуска, и Павло обнимался с большевиками, старая экономка тети, неся яичницу с салом, к которой и Павло потянулся, спросила:

– А как же Павло, вы оскоромитесь после причастия?

Большевики грянули хохотом:

– Как? Он причащался?

– С нами вместе, – ответила экономка и опять к Павло:

– А свинья у вас в животе не закричит?

Большевики хохотали над смутившимся Павлом»²¹⁷.

Этот эпизод относится к тому же контексту, что и воспоминания о суеверном участии в крёстном ходу красноармейцев. Любопытно, что описанный Павло устроил из причастия «демонстрацию»: его желание проявить свою власть и волю привело к нестандартному поведению во время основного таинства Русской Православной Церкви.

В 1918 году неразбериха была настолько сильна, что любые грабители могли назвать себя большевиками и под этим именем совершать преступления: «О[тец] А. зашёл сегодня и рассказывал, что в наше село бегут из соседних крестьяне, евреи, священники, потому что по сёлам грабят теперь какие-то шайки, зовущие себя большевиками. <...> оказалось, что никаких большевиков в селе нет, а принесла какая то нищая из соседней К. записку “перековывавшему” у о[тца] А. тамошнему священнику о[тцу] В. от

²¹⁷ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 57-58.

его жены, которая в К. пряталась где-то у крестьян, после наезда грабительской шайки из недалёкого леса.

В записке стояло, что в одной из соседних деревень убили, говорят, священника, матушку заставили под граммофон танцевать с евреем и выломали ей руку.

Вскоре после того, как эта история дошла до усадьбы, на горе, по грязной дороге от церкви показались две черные фигуры. Это шли о[тец] В. и наш о[тец] А.

Поравнявшись с забором нашего сада, куда подошла я – они растеряно и смущенно заявили:

– Бежим от всяких ужасов.

– Куда?

– Куда-нибудь. Вёрст за двадцать пять.

Они спешно пошли дальше по вязкой дорожной грязи, подбирая полы ряс, а за ними скоро проехала телега с матушкой, дочерью их и узлами. У школы <...> собирался сход, на который был приглашён атаман из соседней волости на совет – как встречать грабителей, по слухам обещавших в этот день быть в нашем селе.

Скоро Яков принёс на кухню и решение схода:

– Если придут грабовать до батюшки или до двора – то пусть. А если пойдут к крестьянам – убивать их на месте.

Атаман, говорят, не одобрил решение, сказав:

– Сначала ограбят батюшку и панов, а потом и вы их не сбудетесь. Лучше совсем не пускайте в село»²¹⁸.

Вопрос о том, кого считать большевиками, встречается в нескольких воспоминаниях. Не всегда появлявшиеся с оружием люди могли предъявить какие-либо документы, которые могли быть свидетельством их принадлежности к государственным структурам. Но зачастую такие люди забирали самое ценное, что оказывалось в доме, могли убить представителей

²¹⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 59-63.

дворянства или духовенства. Вероятно, результатом большевистской пропаганды стало решение схода деревни: позволить ограбить панов и священство как представителей класса угнетателей. Ниже будет процитирован отрывок из воспоминаний В.И. Рудич, из которого будет ясно, почему крестьянство становилось более критичным к духовенству.

«Побег» отца А. был не слишком успешен, вскоре он прислал письмо Вере Ивановне с просьбой: «Важное дело оказалось в том, что о[тец]А. забыл деньги и теперь письмом просил П. зайти в дом, вынуть их из шкафа и отдать посланному. Вся семья бесплодно совещалась об этом деле весь вечер и утром послала за Наташей. Слухи передавали, как в недалеком селе грабители били псаломщика, говоря:

– Это ты спрятал попа, давай его нам.

Этого было довольно, чтобы дом о[тца] А. стал опасным местом, в которое [боялись] войти, чтобы потом не били грабители»²¹⁹.

Воспоминания В.И. Рудич наполнены разнообразными наблюдениями, имеющими отношение к жизни Русской Православной Церкви: «Возвращавшиеся вчера с ярмарки в Т. говорили, что утром туда явились сечевики, разоружили большевиков и конфисковали обоз, где оказались целые мешки серебряных ложек, бабьих коралов, церковной утвари, женской и детской одежды.

У о. А. ночевала учительница из Киева. Жаловалась, что ученики теперь “не обязаны ходить в школу”, но Учитель отвечает за успехи:

– Вы должны так учить, чтобы они сами стремились на уроки, как пчёлы на Цветы.

Рассказывала, что в страстную Неделю в гимнастической церкви запрещено было служить.

– Раньше я в церковь редко ходила, – прибавила она, – а когда ее так гнать стали – каждый праздник иду»²²⁰.

²¹⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 64. Сохранен авторский стиль.

Сечевики – это казаки Сечевой рады. Казаки были настроены против советской власти, проводившей позднее так называемое «расказачивание», и противодействовали ей разными способами, в том числе обезоруживая и возвращая награбленное хозяевам.

Воспоминание, относящееся к учительнице, соотносится с тем фактом, что советской властью было упразднено духовное образование, и находящиеся при учебных заведениях храмы должны были быть закрыты. Однако, как это было зафиксировано и в воспоминаниях М.И. Ретивова, гонимое положение Церкви вызывало сочувствие и делало лояльной ей тех людей, которые до революции относились к ней с равнодушием.

В воспоминаниях В.И. Рудич описывается Троица в 1918-1921 годах. В отличие от Рождества и Пасхи празднование Троицы редко попадало на страницы воспоминаний: «8 Июня. Троица. Вчера вечером пахло ненадолго прежней мирной деревенской жизнью: из деревни повалила в усадьбу молодежь за липовыми ветками и сиренью, украшать хаты на Зеленые Свята, и я охапками носила из сада нарезанные ветки, а Еничка раздавала их желающим»²²¹. В 1920 году В.И. Рудич вновь записывает: «29 мая. Троица. Опять шла деревня вчера к вечеру за зелёными ветками и цветами на Зеленые Свята. Целые охапки зеленого и белого душистого /цветут жасмины/ груза носили мы с Наташей на двор, где Еникале выстраивала пришедших “в очередь” и раздавала ветки»²²². В Волыни во время Гражданской войны сохранялась традиция, когда из дворянских садов раздавали нарезанные ветки цветущих растений для украшения хат в Троицу. О другом обычае, сохранившемся, несмотря на военное положение, пишет В.И. Рудич, описывая Рождество 1922 года: «14 янв. Наш старый Новый год. Приходили ряженые, по здешнему обычаю <...> И – “вспомнив старый обычай” /слова регента-учителя/ пришёл весь церковный хор и церковные власти. Жаль, угощать теперь нечем их – водки у нас нет – дали им тридцать

²²⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 84.

²²¹ Там же. Л. 93.

²²² Там же. Л. 252.

рублей. А недавно мы дали на церковь два пуда семени на масло для лампад – а Староста церковный /он у нас “американец”/ принёс церковного меду. Выглядывают иногда из-под большевизма старые времена»²²³.

«Слухи говорят, что петлюровцы уже в К. Они, будто бы, вывешивают объявления: – Священники, берите всю свою землю. Помещики – не бойтесь. Жида – убирайтесь. Селяне – прибирайтесь хлебами»²²⁴. Петлюровцы не вывешивали объявлений, но по отношению к духовенству действительно не испытывали агрессии, и в отличие от большевиков, не репрессировали его представителей, но могли отобрать все деньги: «К о[тцу] А. недавно заезжал священник. Он был в Одессе и рассказывал:

– Я плакал от умиления, когда был там с деникинцами: говорят “дорогу батюшке”, я старый, так в вагоне на руках посадили. А приехал в Проскуров - петлюровцы всего начисто обобрали»²²⁵.

Любопытно другое замечание В.И. Рудич: «Большевики довели ругань до такой степени, что наши украинцы плюют и негодуют: к обычной “матери” в обычной фразе солдаты прибавили “Христову”»²²⁶. Б.А. Успенский пишет о том, что русская брань скорее экспрессивна, нежели семантически нагружена²²⁷. До революции задача брани – выразить сильное чувство. Большевики усилили семантическую составляющую брани: теперь она стала откровенно антирелигиозной. Как отмечает Б.А. Успенский, в традиционной культуре запрет на использование обесцененной лексики часто связан с Богородицей: сквернословие будто бы тревожит престол, на котором сидит Божия Матерь. В связи с этим своеобразная реформа брани большевиками имеет явно богоборческий характер.

Одним из камней преткновения, который возник между крестьянами и священниками, стала практика погребения. Формально все действия,

²²³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 382-383.

²²⁴ Там же. Л. 140.

²²⁵ Там же. Л. 189.

²²⁶ Там же. Л. 181.

²²⁷ Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.2. – М., 1994. – С. 56.

связанные с ключевыми моментами жизни человека, были на законодательном уровне выведены из ведения Церкви. Но фактически не было достаточного количества мест для государственной регистрации рождения, смерти, брака, развода, также сильна была традиция погребения по церковному обряду. Для священника в это время требы становились едва ли не единственным способом заработать на хлеб: «О[тец] А. говорит:

– Я прежде всегда за требы брал сколько дадут. Ну, а теперь привезут покойника – “давай два пуда ячменя”.

– Я потом привезу, батюшка. – “Ну и похороню потом”. “Много это, проше батюшки”. “Так вези в другое село, где у священника землю не отбирали при большевиках, он тебе за два рубля похоронит”. – “Тогда сам похороваю /похороню/. – А ховай сам”. Приносит два пуда муки»²²⁸. В развитие этой темы В.И. Рудич приводит следующие воспоминания: «Об о[тце] А. крестьяне начинают говорить: – Все теперь дорого, а всего дороже – умирать. Батюшка за похороны берет два пуда пашни /хлеба/. А когда большевики его грабовали – мы сбежались, не дали. Ну нехай, но опять большевики придут. <...> Рассказывал он, что много мрет народу от тифа. Из К., где нет священника, возят каждый день в соседние С. по два-три “мерца”, по одному батюшка там и не хоронит»²²⁹.

Эта ситуация обостряла отношения между крестьянами и священником: «Когда говорила про эти дела с о[тцом] А. и выбрала Д-ча <имя установить не удалось> о[тец] А. сказал:

– Скоро и меня станете так бранить.

Это он о том, что собирается требовать через начальство хлеб, который роздал взаймы крестьянам, а теперь они не отдают, оправдываясь:

– Хиба батюсци треба!

Но он только озлоблен теперь на крестьян за обиду не материальную, а нравственную: везде по селам при большевиках не отнимали церковной

²²⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 189.

²²⁹ Там же. Л. 195-196.

земли, а у него взяли. А он всегда именно особенно хорошо относился к крестьянам и за требу всегда брал “сколько дадут”»²³⁰.

Упомянутый отец А. шёл навстречу требованиям большевиков в отношении обрядов Церкви: «Недавно на похоронах молодого хлопца его товарищи – сельские музыканты проводили гроб с музыкой до кладбища. Теперь к о.А. приходят недовольные этим старики и бабы. Он отвечает:

– Военных с музыкой хоронят, а перед Богом и военные и вольные равны. Почему же мне было запрещать?

Бабы недовольны, что играли “свободу” /”Вы жертвою пали”/, а не церковное»²³¹.

Другой пример описан в отношении венчания: «О[тец] А. ездил по делам в Е. Там рассказывал ему священник, что недавно венчал командира красного полка – венчал после исповеди и причастия жениха, все как следует. А когда тот забыл поцеловать Чашу и пошёл уже – вернул его и заставил поцеловать. Но теперь этот командир уже арестован /и бежал в Польшу/ – именно за “совершение церковного обряда”.

У нас недавно была газета с отчетом о предполагаемом вскоре “пересмотре коммунистической партии”. Там чёрным по белому стоит, что исключены будут из партии первое – уличённые в грабеже, второе – в разврате и третье – в исполнении церковных обрядов.

Пока о[тец]А. был в Е. – с утра приехала свадьба – невеста наша, в-ска, а жених из К. И у него в сватах был большевик. Когда о[тец] А. вернулся около пяти часов – большевик пьяным явился объясняться:

– Теперь не прежнее время, чтобы заставлять народ ждать.

О[тец] А. ответил, что ездил по делам благочиния и предупредил отца невесты, когда вернётся. Большевик сказал:

– Это другое дело. Извиняюсь.

Но минут через пять опять явился:

²³⁰ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 217-218.

²³¹ Там же. Л. 386-387.

– Почему же вы не идёте в церковь, когда вы уже приехали?

– А у нас обычай, что староста церковный приводит сначала свадьбу записаться у батюшки на дому, а потом все вместе идут в церковь. О[тец] А. объяснил ему это.

– Можно и в церкви записать.

– Там ни пера, ни чернил.

– Можно и карандашом.

Но тут пришёл американец-староста и взял дело в свои руки.

Пока шло венчание, – матушка вся волновалась. Прибежала посланная на разведки Ульяна <дочь священника>. – Комиссар ходит под церковью и говорит: “батюшку арестую”. Но наши люди упростили, и он сказал “ну, на этот раз так оставлю, но, чтобы больше этого не было”.

Бедная матушка накинула платок и побежала к церкви – но о.А. уже шёл домой, а за ним церковный причт и староста возбужденно рассказывал, как большевик в шапке лез в церковь, как он его не пустил, как тот шептал отцу невесты “давай им советские – не возьмут, и я их арестую”.

Но отец заплатил “новенькими русскими”»²³².

Провокации со стороны большевиков были нередким явлением. Сын отца А. поступил на службу в Красную армию, что обещало относительные гарантии безопасности ему и его семье: «Была у о[тца] А. Он утром проводил своего Жоржа (сын) из отпуска “на позицию”. Бедный о[тец] А. Так тяжело переживает службу сына в красной армии, что /говорила матушка/ навзрыд плакал, провожая его. <...>. Была матушка – за красноармейца Жоржа крестьяне не хотят о[тцу]А. отдать третий сноп на церковной земле»²³³.

Драматически складывались отношения между католичеством и православием в Польше после революции. 27 сентября 1921 года была предоставлена полная автономия Православной Церкви в Польше. В 1920-1930-х годах проводилась политика полонизации, в рамках которой

²³² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 408-409.

²³³ Там же. Л. 284а-285.

разрушению и разграблению со стороны польских католиков было подвергнуто не менее половины православных храмов Польши. На бытовом уровне эти события по воспоминаниям В. Рудич выглядели следующим образом. «Крестьяне рассказывают, что когда на сходе вчера они разложили требуемый с села скот на всех - от поляков пришло распоряжение:

– У католиков не брать, только у православных.

Крестьяне говорят:

– Уйдут поляки – мы своим ляхам попомним»²³⁴.

Антирелигиозная политика большевиков касалась не только Православной церкви, они стремились уничтожить любую религию в целом, поэтому во время пребывания большевиков в Польше католические костёлы тоже подвергались осквернению и разграблению. В воспоминаниях В.И. Рудич описан эпизод, произошедший в 1920 г., в котором католический ксендз обратился за помощью в совершении богослужения к православному священнику: «В воскресенье после нашей обедни полковой ксендз служил в нашей церкви свою, католическую. Вечером он пришёл к о[тцу] А. попросить разрешения. Хотел служить на престоле, но о[тец] А. твёрдо сказал, что на престоле инославным нельзя, по нашим обычаям, служить и поставил ему в царских вратах аналой. Музыка полковая – она у них в таких случаях заменяет орган – играла в Т. в костеле, то так и впечатление в деревне большое: все деревенские ляхи были в церкви. Наши “братчики” рассказывают, что солдаты пересмеивались и шептали, что надо от лампад папироску зажечь – но ничего в действии враждебного проявлено не было. О. А. запретил своим жене и дочери идти в церковь послушать»²³⁵.

6 января 1921 года ситуация повторилась: «Приехал наш знакомый ксендз. Хочет просить разрешения служить в нашей церкви и обедню для деревенских ляхов. Юля повела его к о[тцу] А. Тот сказал, что надо спросить братчиков-крестьян.

²³⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 194.

²³⁵ Там же. Л. 346-347.

Ксендз рассказывал, что его зовут “большевицкий ксендзом” и большевики дают ему “по колеи” подводы ездить по другим сёлам.

Между братчиками вышел спор – одни говорили – “пускай служат в церкви”, другие вспомнили:

– Колясь то мы разложили по селу сбор на ремонт нашей церкви – так ляхи не хотели его платить.

Ксендз просил разрешения служить в нашем амбаре, но мы, конечно, предложили в комнате у нас. Он сказал:

– А от большевиков вам ничего за это не будет?

Перед вечером прихожанки уже начали сносить ксендзу молоко, масло»²³⁶.

«Пришёл за книгами учитель из О., сын священника, которого поляки били и гнали на машину молотить. Говорил, что пришло в их школу распоряжение “снять иконы и не читать молитв”. А крестьяне на сходе сказали:

– Правит теперь народ, значит и мы – а мы хотим, чтобы наши дети молились в школе и иконы висели.

В волости у них было сняли икону, но они потребовали, чтобы опять повесили:

– Это присутственное место, а не конюшня, так чтобы в шапках не шли и не свистели там: прежде царский портрет висел, так его боялись»²³⁷. Это один из примеров того, как в 1920-е годы крестьяне ещё имели возможность отстаивать свои интересы, спустя десятилетие любое проявление религиозного чувства подавлялось более жестко.

Возвращаясь к размышлениям о том, на что было употреблено добытое в рамках изъятия ценностей золото и другие драгоценности, В.И. Рудич записывает следующие слухи, ходившие в народе: «Среди крестьян новая легенда: поляки оттого заберут Волынь, что вместо денег, который

²³⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 374.

²³⁷ Там же. Л. 387-399.

большевики должны им отдать по мирному договору, те дали полякам слитки золота и серебра. Но поляки увидели, что эти слитки - все из окладов икон и церковной утвари и будто бы сказали:

– Такого золота мы не возьмём, за него нас Бог накажет.

И теперь вместо золота отдают им нашу Волынь»²³⁸.

Под шифром ф. 5881 оп. 2 д. 618 хранятся воспоминания Г.К. Сербинова, имеющие в описях заглавие «Воспоминания. 1917-1920 гг.». Воспоминания представляют собой рукопись, написаны в тетради стандартного размера чернилами достаточно хорошо разборчивым почерком. О себе автор воспоминаний пишет следующее: «помещик, собственник, владелец вальцовой мельницы, представитель некоторых иностранных машиностроительных заводов земледельческих машин и орудий, <...> эмигрант, бывшей великой России. <...> имение мое было в Киевской, а мельница в Херсонской губерниях»²³⁹. Установить биографическую информацию об авторе не удалось.

Церкви касается один эпизод воспоминаний Г.К. Сербинова: «Уравнение всех в правах, уничтожение классов, и вообще все новые права дарованные революцией, довели моих бедных односельчан до того, что, один из ярых крикунов, фронтовик, бывший затем в большевистский переворот председателем Исполнительного комитета, солдат Влас Лень, в одно из воскресений во время обедни после возглашения “и всех православных христиан”, остановил священника и заявил, чтобы тот “не смел” больше никогда употреблять слово “христиан”, а заменил бы его словом “граждан”, так как мол теперь уж нет крестьян, а все граждане. Как ни старался объяснить ему священник его несуразность, ни что не помогло, а вечером на сходке было вынесено “единогласное” порицание всему причту, а похвала солдату Леню»²⁴⁰. – Такова была логика и понятие наших мужичков»²⁴¹.

²³⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. Л. 400.

²³⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 618. Сербинов Г.К. «Воспоминания. 1917-1920 гг.» Л. 1.

²⁴⁰ Так в тексте воспоминаний.

²⁴¹ Там же. Л. 2.

Обращение «гражданин» известно с XVIII века в значении «горожанин», оно стало общеупотребительным после Февральской революции и представляло собой словесную форму уравнивания населения Российской империи в правах.

Под шифром ГА РФ Ф. Р5881 оп. 2 д. 621 хранятся воспоминания Д.Е. Скобцева под названием «Годы революции и Гражданской войны на Кубани (1917-1920 гг.). Воспоминания. Часть 1». Воспоминания представляют собой машинопись, они состоят из 8 частей, соответственно дела с 621 до 628. Воспоминания о Церкви есть только в первой части воспоминаний. В первой части 145 листов, она была написана в 1926 году согласно авторской датировке.

Даниил Ермолаевич Скобцов (1884-1969) – участник военно-политической деятельности Кубанской рады в 1917 году. Был участником кубанского «ледяного похода». Скобцов был участником переговоров между белыми генералами и представителями Кубанской рады. С 1919 года был членом кубанского правительства, должность соответствовала должности министра земледелия. Женился на Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (с 1932 г. мать Мария (Скобцова)). Вероятно, был не очень религиозен. В 1920 г. эмигрировал. С 1924 г. жил в Париже, активно занимался литературной деятельностью, писал статьи, мемуары, художественные произведения, посвящённые Кубани и истории борьбы за её политическую независимость в 1917-1919 годах.

Приведённый фрагмент воспоминаний относится к описанию деятельности кубанского казачества в борьбе с большевизмом и предпасхальных хлопотах 1918 года: «Впрочем, все эти революционные и военные волнения не были в состоянии разрушить той особой пасхальной сосредоточенности, которой обычно жила станица в последние две недели Великого поста. Дома чепурились хозяйки, – приклеивали и примазывали хаты. В степи пахота, сев. На выгонах скот еще не ходит большими табунами, и овец не согнали в отары, но небольшими гуртами уже водили их

мальчишки-пастушки. От одного зеленеющего пригорка к другому, временами звучали пищики, в ложбинках белели нерастаявшие куски снега.

Протяжным Великопостным звоном звучали церковные колокола». Несмотря на то, что автор не был религиозен, и фокус его внимания был сосредоточен на военных и политических событиях, описывая ход времени он использовал деление года, ориентируясь на православные праздники: после Пасхи, к концу Святков. Для кубанского казачества год естественным образом делился на отрезки церковным календарём.

В ГА РФ под шифром ф. 5881оп. 2 д. 686 хранятся воспоминания М.С. Тюнина. Это машинопись на 351 листе. Михаил Семенович Тюнин (1865 – после 1945 г.) – представитель влиятельного купеческого рода, общественный деятель и благотворитель города Сарапул (Прикамье). Из Сарапула М.С. Тюнин в 1918 году выехал в отпуск в Томск. В 1923 году эмигрировал в Харбин. Работал в библиотеке КВЖД, поддерживал переписку с РЗИА с целью передать в архив русскоязычную печатную продукцию, изданную в Харбине. В 1936 г. написал воспоминания объёмом в 351 лист и передал их в РЗИА.

В воспоминаниях М.С. Тюнин отразил встречу иконы Николая Чудотворца в г. Сарапуле в 1918 г.: «Из года в год 7 июля, по старому стилю, накануне дня празднования иконы Казанской Божьей Матери, в продолжении долгого времени в Сарапул приносили из села Николо-Березовки, что на р. Каме в 40 верстах ниже города, особо чтимую в крае икону Святителя Николая Чудотворца, или как обыкновенно называли – Николая Угодника. <...> Красивое зрелище представляла из себя эта встреча. Вдали на лугах, над идущим народом появляются развеивающиеся красные знамена, блестят золотые ризы образов, несут металлические подсвечники в виде блюда, в которых горят восковые свечи, склеенные между собой толстым пучком. Слышится пение. Идут довольно быстрым шагом. Вы видите, что, то место, где несут иконы и идут духовенство, окружено цепью или солдат, или добровольцев, которые держат в руках жгут из холста,

представляющие из себя движущий барьер, препятствующий публике напирать на тех, которые несут иконы. Для порядка, кроме присутствующей на встрече пешей полиции, в город обыкновенно вызывались из уезда несколько конных урядников, которые и ехали, сняв свои фуражки, впереди, с боков, несущих иконы и духовенства, возвышаясь над толпой. В 1918 году при советской власти, когда уже не было полиции, верхом на лошадях также ехало несколько человек, не то из чинов милиции, не то начальства»²⁴².

Помимо ностальгической нотки в воспоминаниях М.С. Тюнин также передаёт характерную деталь первого послереволюционного года, в который старые порядки ещё не были заменены новыми, и советская милиция в некоторых случаях выполняла те же функции, что и прежние представители исполнительной власти.

Под шифром ф. Р5881 оп.2 д.719 хранятся воспоминания Е.А. Хирьяковой «Детский интернат в Совдепии». Это рукопись в 4 листа объёмом. Автор в возрасте 58 лет устроилась на службу в Петербурге в интернат для детей, оставшихся без попечения родителей. Она вспоминает следующее: «Моя служба в интернате <...> запомнилась мне более всего диким гонением на религию и добычей дров. Расскажу кратко о своих самых ярких, хоть и тяжелых, воспоминаниях.

Детский интернат размещался в домиках, служивших долгое время дачами. В самой большой из них был организован так называемый Дом просвещения, в котором располагались лекционный зал и библиотека.

В Доме просвещения устраивались танцевальные вечера и читались антирелигиозные лекции. <...> Мне пришлось быть с детьми на лекции Водовозова «Достоверно ли Евангелие?», возмущившей не только меня и мне подобных, но и заводских рабочих. Подобные лекции повторялись на каждом большевистских праздниках в детских учреждениях и экскурсиях, непременно в присутствии всех детей с воспитательницами. Мы,

²⁴² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 686. Тюнин М.С. Воспоминания. Л. 112-113.

воспитатели, приходили в ужас от услышанного, но не смели возразить, а дети не отличались восприимчивостью. <...>

В то время жившие в окрестностях Петербурга и в самом городе люди сильно голодали; ходили слухи, что в детских интернатах кормят хорошо (хотя на самом деле это было не так, и мы голодали так же, как все), поэтому некоторые родители пытались устроить своих детей в интернаты. Им казалось, что в интернате и еда, и уроки, как в гимназии, и тепло. Таким путем в интернате появились дети заводских рабочих. Родители редко навещали своих отпрысков, их приезды часто совпадали либо с танцами, либо с лекциями. Так что все эти антирелигиозные выступления слушали рабочие, но тоже почему-то не возражали.

<...> Помню, на Страстной неделе, в четверг, был праздник Благовещения. Всех свободных от дежурства отправили с 8 часов утра убирать двор и мусорные ямы. <...> И вот в Великую пятницу я и другие подобные мне вышли чистить мусорные ямы. Сильно мы все торопились, чтобы успеть в церковь на вынос плащаницы. Священник по нашей просьбе служил несколько позже.

Еще нельзя не обратить внимания на то, что весь Великий пост детям и всем работникам выдавалась на обед мясная пища, особенно на Страстной неделе, даже иногда гуси, но с очень сильным запахом.

В течение года мы голодали, и еда была скудной, но в Великий пост — мясо или птица. На второй день Пасхи обязательно селедка. К Пасхе детям давали по яйцу, остальным же ничего не выдавалось»²⁴³.

Непросто проверить на основе официальных документов данный факт, но само описание того, как большевики с помощью скоромной еды старались отвратить людей от привычки к особому столу во время Великого поста характерно, и подчёркивает стремление безбожной власти преодолеть и разрушить многовековые традиционные ценности.

²⁴³ ГА РФ ф. Р5881 оп.2 д.719. Хирьяковой Е.А. «Детский интернат в Совдепии». Воспоминания. Л. 2-4.

Под шифром ф. 5881 оп. 2 д. 745 хранятся воспоминания Н.Н. Шиллинга, имеющие в описях название «Из моих воспоминаний с 3 марта 1917 г. по 1 января 1919 г. Воспоминания». Рукопись объемом в 71 лист написана чернилами хорошо разборчивым почерком, судя по авторской датировке, в 1927 году. Николай Николаевич Шиллинг (1870-1946) – генерал-майор Русской императорской армии, генерал-лейтенант Белой армии. В 1920 году эмигрировал в Чехословакию. Воспоминания посвящены описанию военных событий в указанные автором даты. К истории Церкви относится описание краткого эпизода, произошедшего вскоре после Февральской революции: «В первый день святой Пасхи я, совместно с полковым священником, пошел в 8 часов в окопы и обошел все роты, христосуясь с каждым солдатом»²⁴⁴.

Достаточно большой объем информации о жизни Церкви содержат воспоминания Н.И. Эверт. Шифр хранения ф. Р5881 оп. 2. д. 761, название в описи «Жизнь в Советской республике. 1918-1921 гг.». Эверт Надежда Игнатьевна (1867-?) – дочь генерала-лейтенанта И.Н. Познанского, супруга генерала от инфантерии А.Е. Эверта (1857-1918). Эмигрировала в Италию в 1925 г., затем в Чехословакию. Н.И. Эверт автор мемуаров «Воспоминания. 1916-1917 гг.» в 3 частях (ГА РФ ф. Р5881 оп. 2. Д. 757-759) и «Жизнь в Советской республике. 1918-1921 гг.» в 2 частях (ГА РФ ф. Р5881 оп. 2. Д. 760-761). Относящаяся к истории Церкви информация запечатлена только во второй части последних воспоминаний. Рукопись воспоминаний представляет собой тетрадь обычного формата, написанную графитным карандашом достаточно разборчивым почерком, количество листов в рукописи 46. Авторская датировка 11 августа 1928 года. Следовательно, мемуары были написаны в эмиграции в Праге. В РЗИА рукописи были переданы автором, возможно, они были написаны именно с целью передачи в архив. Воспоминания опубликованы не были.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 745. Шиллинг Н.Н. «Из моих воспоминаний с 3 марта 1917 г. По 1 января 1919 г. Воспоминания. Л. 3.

Воспоминания разделены автором на тематические блоки, которые распределены хронологически. Каждый блок имеет свой подзаголовок и краткое описание его содержания. Первый блок второй части рукописи имеет следующий подзаголовок: «Устройство в Москве. Москва в 1922-1923 г. Положение Церкви. Моя препод. деятельность. <...>. Москва после смерти Ленина в 24 и 25 г[оду]. Жилищные товарищества. Отъезд за границу и хлопоты, связанные с ним». Приведём отрывок из воспоминаний, описывающий Церковь в 1922-1923 годах. Как пишет автор воспоминаний в конце этого блока, её целью было «осветить отношение к религии и Церкви в России 22-25 г.г.»²⁴⁵. Всего на пяти листах она по воспоминаниям уже в эмиграции описала то, что видела.

Начинает свои наблюдения за жизнью религии Н.И. Эверт со следующих слов: «Но, по видимому, ни нужда, ни физическое утомление, ни моральный гнет не могут убить в русском человеке его духовные стремления: библиотеки – а в Москве их много – всегда были полны; взаимному обучению тогда ничто не препятствовало – забегали друг к другу хотя бы и поздно вечером и со своим хлебом и сахаром; религиозное чувство не только не падало, но заметно повышалось. Правда, что духовенство шло в этом отношении навстречу: в редком приходе не служилась ранняя обедня, т. что всякий верующий мог перед службой зайти помолиться, приободриться, отслужить панихиду, а у Иверской молебны служились каждый день и часовня всегда была полна. Несмотря на материальное оскудение церквей, духовенством братства старались придать как можно более благолепия храмам. Через братства, священник и его приход – причем свободный приход, а не по месту жительства – составляли как бы одно духовное целое, да впрочем, и не только духовное, – оказывалась и материальная взаимная поддержка, так например во времена материальных кризисов у входов и выходов церквей ставились ящики, и священники призывали жертвовать, как

²⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 761. Эверт Н.И. Воспоминания из жизни в Советской Республике. 1922-1925. Москва. Л. 15.

бы в кружку от того, что у кого было, и затем этот сбор распределялся между более нуждавшимися; кроме того были постоянные сборы продуктами, одеждой и деньгами на заключенных, и по просьбе прихожан, всегда оказывали помощь тому, на кого они указывали; я знаю это из личного опыта: однажды нас оповестили из Бутырской тюрьмы о предполагаемой экстренной высылке в Соловки одного знакомого заключенного, и что у него ничего нет теплого. У нас тоже ничего запасного не было. Я пошла в церковь, заявила лишь словесно и, не позже, как через 1-2 ч., мне выдали валенки, рукавицы, кокой-то ватник, съестных припасов и немного денег, одним словом, оказали существенную помощь»²⁴⁶.

Н. И. Эверт описывает редко встречающийся в описаниях очевидцев вид антирелигиозного мероприятия: «Мы приехали в Москву в недоброе для Церкви время – в разгар гонения на нее: всюду шла антирелигиозная пропаганда, устраивались кошунственные зрелища, а по улицам такие же шествия. Однажды, возвращаясь от знакомых, я случайно натолкнулась на одно из них, а потому была невольной свидетельницей отношения к ним проходящей публики. Посреди кортежа ехала колесница с ряжеными в архиерейские и священнические облачения, с хоругвями и, якобы, с иконами, но как на тех, так и других были какие-то кошунственные изображения – какие именно не разглядела, уж очень было противно; колесницу окружали певчие; напев и слова, конечно, соответствовали всему остальному.

Прохожие останавливались, как бы пропуская шедших, но ни смеха ни одобрения слышно не было, и в этом молчании было что-то недоуменно-презрительное; вдруг недалеко от меня заговорили громко, не стесняясь: “Вот и до скоморохов дожили, как во времена Иоанна Пророка!”, другой женский голос подхватил: “Вестимо так, ишь что выдумали черти проклятые!” Возражений не последовало. По-видимому, в Москве антирелигиозные шествия повсеместно имели одинаковый успех, так как в

²⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 761. Эверт Н.И. Воспоминания из жизни в Советской Республике. 1922-1925. Москва. Л. 10-11.

самом непродолжительном времени их запретили»²⁴⁷. Как следует из официальных документов, антирелигиозные шествия были непопулярной мерой воздействия на население, гораздо более эффективной формой пропаганды безбожия были театральные представления в театрах и клубах.

Н.И. Эверт пишет и о том, как происходили изъятия ценностей в Москве. Её воспоминания описывают реальное положение дел: «ограбление» церковей вызывало народный протест, повлекло за собой аресты, судебные расследования и расстрелы. «Если не ошибаюсь, – кажется, на Вербной неделе, – произошло т[ак]наз[ываемое] “изъятие церковных ценностей”»: являлись товарищи, обдирали иконы, снимали лампы, отвинчивали крышки с евангелий и распятия с крестов. Само собой разумеется, что не везде это сошло благополучно, хотя и производилось в часы, свободные от церковной службы, следовательно в присутствии одних лишь церковнослужителей, но автомобили и стража у церквей не могла не привлечь внимания прохожих: местами произошло столкновение с народом, нашлись громко протестующие, а в результате – много арестованных, заключённых, а впоследствии и расстрелянных (противодействующие священники).

Священнослужители относились разно к “изъятиям”, одни противодействовали явно, призывая паству к защите, – сила была, конечно, не на их стороне и они поплатились жизнью; другие противодействовали молча, тайно образуя: т[ак] нап[ример] в Левшинской Церкви (Покрова на Левшина) на Страстной неделе уже по-прежнему горели перед каждым образом лампы; В Великий Четверг 12 евангелий читались по старенькому с простой деревянной крышкой евангелию, и прихожане с грустью ожидали запреты – звон в церквях запрещен, крестные ходы тоже, а тут еще и внутри церкви все нищенское, не по-праздничному, но тем не менее народу набралось много, и вдруг – во главе крестного хода появляется священник с

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 761. Эверт Н.И. Воспоминания из жизни в Советской Республике. 1922-1925. Москва. Л. 11-12.

крестом, обвитым живыми цветами и с большим серебряным евангелием. Не помню до Пасхи или вскоре после нее распространился слух, что такой-то день будут снимать ценности с иконы Иверской Божией Матери, - в ночь, накануне объявленного дня, по странному стечению обстоятельств, все ценности были украдены, и вор скрылся.

Приблизительно в это время Правительство решило реквизировать Престол в Храме Спасителя. С амвонов церковей раздалось воззвание патриарха Тихона к верующим о пожертвовании в 3х дневный срок серебра, требуемого – (в каком количестве не помню) – Правительством взамен Св. Престола, – и в продолжение 3х дней все церкви были открыты с утра до позднего вечера и, как во времена Минина и Пожарского, каждый нес последнее, из сохранившегося у него серебра. Престол отстояли, но, увы, вскоре Храм Спасителя перешел в руки живоцерковников»²⁴⁸.

6 февраля 1922 года патриарх и Священный Синод специальным посланием призывали духовенство и верующих жертвовать в пользу голодающих не имевшие важного богослужебного значения храмовые украшения и предметы. Это решение, по словам В.А. Алексеева, «значительно повысило авторитет церкви в глазах не только верующих, но и всего населения»²⁴⁹. 26 февраля специальным постановлением ВЦИК местным советам было предписано «в месячный срок со дня опубликования постановления» изъять из церковных имуществ, которые ранее были переданы группам верующих для отправления богослужебного культа «все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие коих не может существенно затронуть интересы самого культа»²⁵⁰. Л.Д. Троцкий связывал кампанию по изъятию церковных ценностей с борьбой против патриарха и его приверженцев. Надежды на то, что «интересы культа» будут соблюдены,

²⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 761. Эверт Н.И. Воспоминания из жизни в Советской Республике. 1922-1925. Москва. Л. 12.

²⁴⁹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы: (Взаимоотношения Советского государства и религии). - М.: Политиздат, 1991. С. 198.

²⁵⁰ Декрет ВЦИК о порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих (23.2.1922) // Русская православная церковь и коммунистическая государство. 1917-1941. - М.: 1996. - С. 153.

не было. Изъятиям подвергались и те предметы, которые были необходимы для богослужения. 14 мая 1922 года Л.Д. Троцкий направил членам Политбюро письмо, в котором обосновал тактику раскола Церкви при помощи обновленчества. Его позиция полностью была поддержана В.И. Лениным, было решено с беспощадной энергией уничтожать не только церковное имущество, но и представителей Церкви. Патриаршая Церковь болезненно реагировала на эту энергию, но обновленчество, «детище» Троцкого²⁵¹, давало действиям властей ту оценку, которую они желали услышать. С 31 мая 1922 года патриарх Тихон был официально заключён под домашний арест. 6 июля 1922 года постановлением ВЦУ было решено произвести следствие по делу о контрреволюционной деятельности в храме Христа Спасителя, после чего храм был передан обновленцем, настоятелем его стал Владимир Красницкий²⁵².

Следующий фрагмент относится к религиозному диспуту, популярному в начале 1920-х годов способов антирелигиозной пропаганды. Как правило, ораторское искусство было не на стороне безбожников, но описываемый диспут состоялся между представителями обновленчества, А.И. Введенский, талантливым оратором, и В.Д. Красницким, реплики со стороны принадлежали слушателям из зала. «12 мая [19]22 года в Малом зале Московской консерватории состоялся религиозный диспут. В это время шел суд, или только что кончился – точно не помню – над Патриархом и привлеченными вместе с ним духовными лицами, из которых некоторым угрожал расстрел, – вот как бы при стремлении спасти их, проповедники Живой Церкви с Введенским и Красницким во главе объявили религиозный диспут. Начали с довольно спокойного обмена мнений; затем, выступил Введенский и с истерическими выкриками произнёс речь, смысл которой заключался в том, что бедные узники томятся в тюрьме и не сегодня-завтра

²⁵¹ Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории». – М., 2014. – С. 173.

²⁵² Русская Православная Церковь: XX в. / О.Ю. Васильева, А. Л. Беглов, А. В. Журавский, Д. В. Сафонов, В. И. Петрушко, С. Л. Фирсов. М., 2008. С. 159.

<неразб.> казнь. “Гибнут люди”, – выкрикивал он: “приносятся человеческие жертвы и ради чего? Ради внешних оболочек Церкви! Нет, мы будем просить, умолять, но наш долг спасти их!” – крикнул он. “Церковь” – закончил он истерическим возгласом – “это невинная молодая девушка, закованная в цепи, пора снять с нее эти цепи, и, свободная, она приведёт нас ко Христу!” На эту речь раздался голос из публики: “А сидящие в тюрьмах уполномочивали вас спасать их какой бы то ни было ценой?” Вслед за этими возражениями, сменивший Введенского новый оратор подхватил раздавшиеся слова: “Высказанное публикой воззрение вполне справедливо, – пастыри во имя высокой идеи добровольно приносят себя в жертву. Вы слышали на суде их смелые речи, – а Вы хотите загрязнить эту жертву, отнять у них последнее укрепление”. Передаю, конечно, только смысл, точные слова этой речи не помню, но окончание ее запомнила дословно: “Вы поэтично сравнили Св. Церковь с невинной девушкой, закованной в цепи; но, освобожденная вами, как бы эта самая чистая девушка не превратилась в продажную женщину, ходящую по рукам”. В зале раздался гром рукоплесканий и одобрительные возгласы. Вслед за этим оратором на кафедру вышел следующий и начал что-то тянуть гнусавым голосом, но поднялся такой шум, свист, топанье ногами, что ни одного слова не было слышно; оратор все же силился говорить, но публика начала прямо-таки освистывать и доносились отдельные выкрики: “Это чекист, вон его, не дадим говорить! – но в это время в проходе стали появляться <неразб.> в черных крутках с портфелями подмышкой – и мы сочли за благоразумие удалиться»²⁵³.

1922 год – год, когда обновленцы получали поддержку со стороны советской власти и чувствовали себя совершенно уверенно в своих действиях. С 9 мая 1922 года патриарх Тихон после допроса в ГПУ дал подписку о невыезде. В эти же майские дни происходило развитие

²⁵³ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 761. Эверт Н.И. Воспоминания из жизни в Советской Республике. 1922-1925. Москва. Л. 12-13.

следственного дела относительно петроградского духовенства. Таким образом, в воспоминаниях Н.И. Эверт нет грубых ошибок.

«В Православной Церкви, по видимому, назревал раскол, и Патриарх для сохранения, по всей вероятности ее единства и прекращения дальнейшего ее преследования, письменным актом признал ошибочность прежних своих действий, приняв всю вину исключительно на себя, и объявив, что признавая впредь Церковь аполитичной, не будет больше бороться с относящимися к ней правительственными распоряжениями.

После этого акта (упорно носились слухи, что он был написан под давлением Английского Правительства) Патриарх и приговоренные к расстрелу духовные лица были освобождены. Патриарх – не знаю по собственному ли желанию, или по принуждению – поселился в Донском монастыре»²⁵⁴.

Действительно, 16 июня 1923 года патриарх Тихон подал заявление в Верховный Суд РСФСР, в котором он «признавал правильность решения суда о привлечении его к ответственности, принес раскаяние в действиях, направленных против советской власти, отмежевался “как от зарубежной, так и внутренней монархической белогвардейской контрреволюций”»²⁵⁵. В связи с этим процесс над ним прекратился. Он был отпущен на свободу и поселился в Донском монастыре. 28 июня и 1 июля 1923 года было опубликовано два послания патриарха Тихона к верующим, в которых признавал свою вину за жертвы противостояния советской власти и говорил о том, что он «советской власти не враг».

«Не берусь судить, – продолжает свои размышления Н.И. Эверт, – прав или неправ был Патр[иарх] Тихон, но мысль о том, что он стремился лишь сохранить жизнь свою и своим подданным, не приходила в голову даже самым отъявленным скептикам, следовательно, если донеслось подобное

²⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 761. Эверт Н.И. Воспоминания из жизни в Советской Республике. 1922-1925. Москва. Л. 12.

²⁵⁵ Русская Православная Церковь: XX в. / О.Ю. Васильева, А. Л. Беглов, А. В. Журавский, Д. В. Сафонов, В. И. Петрушко, С. Л. Фирсов. М., 2008. С. 172.

мнение, то оно шло исключительно из враждебного Церкви лагеря. Но сочувствующих поступку Патр[иарх] сначала было немного; большинство, наоборот, почувствовало разочарование, и это разочарование сразу отразилось и на положении Церкви: многие священники перешли в Живую Церковь, православные храмы опустели и стали оскудевать. Но истинные приверженцы Парт[иарх] не унывали, оставшись на своих постах, они повели борьбу в указанном им новом направлении; с амвона они призывали свою паству к борьбе, но уже другим оружием, исключительно духовным – упорством в вере, твердым отстаиванием своих религиозных убеждений и свободным их исповеданием; они объясняли сомневающимся, что для Патр[иарх] легче было умереть, чем пойти на ту жертву, которую он принес, но что вряд ли его смерть укрепила бы веру в народе, наоборот, неизбежное после нее усиление репрессий – преследования верующих, закрытие храмов – препятствовало бы распространению веры»²⁵⁶. Условия тюрьмы ГПУ, куда патриарх был заключён незадолго до вынесения приговора, мало соответствовало состоянию его здоровья, но оснований считать, что в тюрьме на него было оказано давление, вынудившее патриарха поступать наперекор своей совести, на данный момент нет. Не сохранилось протоколов допросов патриарха, из которых следовало бы, что его дух был сломлен.

«Дальнейшая политика Правительства показала, насколько убеждающие были правы: всякие преследования прекратились, т[ак] наз[ываемая] Тихоновская Церковь стала возвеличиваться и вскоре одержала полную победу над Живой. Вернулись и отпавшие священники; их далее бойкотировали, но духовенство Тих. Церкви приняло их под свое покровительство и примирило с прихожанами. Похороны Патр. показали, что большевистк[ому] правительству не только не удалось вытравить веру в русском народе, но получилось обратное, - она укрепилась в нем. Один из представителей Английск. <неразб.> присутствующей на похоронах,

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 761. Эверт Н.И. Воспоминания из жизни в Советской Республике. 1922-1925. Москва. Л. 14-15.

высказал даже поэтому поводу свое удивление, т[ак] к[ак] их уверили, что рус[ский] народ антирелигиозен»²⁵⁷.

Вскоре после освобождения патриарха из-под заключения раздоры возникли внутри самого обновленческого движения. Как пишет С.Л. Фирсов, «обновленчество как проект Л.Д. Троцкого в борьбе против религии и религиозности в РСФСР стало терять интерес и поддержку в партийных кругах после смерти В.И. Ленина и снижения влияния самого Троцкого»²⁵⁸. Закономерным итогом обновленческого движения стали гонения, которым подверглись обновленческие приходы конце 20-х – в начале 30-х гг. наряду с патриаршими.

«Описывать похороны не берусь, т[ак] к[ак] по болезни мне лично не пришлось на них присутствовать, знаю лишь из рассказов очевидцев – сына и дочери, но уже тот факт, что рабочие возложили покров на гроб Патр[иарх] и что они отказались в день похорон работать, желая своим присутствием почтить память покойного, служит верным показателем настроения народа, – не даром после похорон Патриарха большевики притихли!»²⁵⁹.

Патриарх Тихон скончался 7 апреля 1925 г., 12 апреля состоялось прощание с патриархом и похороны. Очереди из желающих проститься заполнили все близлежащие улицы и площади. Однако, нельзя сказать, что после «похорон патриарха большевики притихли». Обезглавленная Церковь – это то, чего добивались большевики, теперь их целью стало разрушение всего административного аппарата Церкви. Сделав выводы из предыдущего этапа борьбы против Церкви, ответственные за её уничтожение лица добились ареста и ссылки всех архиереев и местоблюстителей, которые были указаны в завещании патриарха как управляющие его канцелярией. Начался новый этап борьбы с Церковью.

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 761. Эверт Н.И. Воспоминания из жизни в Советской Республике. 1922-1925. Москва. Л. 15.

²⁵⁸ Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг: очерки истории». – М., 2014. – С. 173.

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 761. Эверт Н.И. Воспоминания из жизни в Советской Республике. 1922-1925. Москва. Л. 15.

Коллекцию воспоминаний из личных фондов ГА РФ, относящихся к жизни Церкви, открывают воспоминания Ольги Крюковой, которые она изложила в письме к митрополиту Евлогию (Георгиевскому), шифр хранения Ф. Р5919 оп. 1 д.74. Письмо представляет собой автограф на трёх листах, написано разборчивым почерком графитным карандашом.

Фонд управляющего русскими западноевропейскими церквами митрополита Евлогия (В. С. Георгиевского)²⁶⁰ – это одно из наиболее интересных архивных собраний, содержащих информацию об истории религиозной деятельности русского зарубежья. Фонд включает в себя письма к митрополиту Евлогию, докладные и личные записки, документы за 1918–1929 гг. В 1940 г. митрополит Евлогий сам передал в РЗИА документы фонда. В составе фонда отложились 157 дел. Фонд микрофильмирован. В фонде митрополита Евлогия сохранился также сборник документальных материалов о течениях в РПЦ и церковных событиях 1927—1928 гг. Объём этого сборника 453 страницы. Он составлен в 1929 г. и представляет собой машинопись. Содержание сборника составляют, по преимуществу, письма, имеющие отношение к деятельности митрополита Сергия (Страгородского) (его письма и к нему), в том числе в связи с его «Декларацией», а также перепечатки некоторых публикаций из советской прессы того времени. Вероятно, источником информации для составления этого сборника были несохранившиеся рукописные материалы, дошедшие в Париж из России.

Письмо О. Крюковой, отправленное из Падуи (Италия) открывает её приветствие и просьбы о благословении. Оно написано в 1926 году, через год после посещения ею Советского союза. По словам автора, цель её послания

²⁶⁰ Евлогий (Георгиевский Василий Семёнович) (1868–1946) – церковный и общественный деятель. Был участником Поместного собора Русской православной церкви в 1917 и 1918 гг. Депутат II и III Гос.дум. Во время Гражданской войны находился на Украине, в 1919 г. был участником работы Высшего церковного управления в Новочеркасске и Екатеринославе. В 1920 г. эмигрировал в Сербию. В 1921 г. согласно указу патриарха Тихона исполнял должность временно управляющего церквами Русской православной церкви в Западной Европе. Принимал участие в работе Русского всезаграничного церковного собора в 1921 г. в Сремски-Карловцах. В 1922 г. принял сан митрополита, с этого времени жил во Франции. Был в числе организаторов Русского православного Богословского института. В 1931 г. перешёл под юрисдикцию Константинопольского патриарха. Во время Великой отечественной войны проявил себя как патриот, в 1945 г. получил советское гражданство. После кончины в 1946 г. похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

митр. Евлогию – исполнить «наказ настоятеля церкви Святой Троицы, в городе Новочеркасск на Дону» и передать «просьбу о помощи гонимой Православной Церкви Российской. А также сообщить положение Церкви на Дону и просить Ваших святых молитв»²⁶¹. Сюжет письма – воспоминаний посвящён захвату церковной власти на Дону, а именно в «Троицкой Церкви, в которой я была членом церковного совета с самого возникновения советов»²⁶².

Троицкая церковь Новочеркасского благочиния построена в 1810 году из дерева. В 1856 завершилось строительство второй, каменной Троицкой церкви о трёх престолах: престол Св. Троицы (главный), Воздвижения Креста (южный), Покрова Пресвятой Богородицы (северный).

Среди упоминаемых персоналий «присланный из Москвы живоцерк. еп. Мильхиседек» – Михаил Иннокентьевич Николаев (1870-1940), с 1922 года пребывавший в обновленчестве и в этом же году направленный в Донскую епархию для насаждения обновленчества. По словам О. Крюковой «Троицкая церковь стала центром противодействия большевицкой живой церкви»²⁶³, главным действующим лицом которой стал «Преосвященнейший Митрофан» – Митрофан Васильевич Симашкевич (1845-1933), с 1919 года носивший сан митрополита Донского и Новочеркасского. С 1922 по 1923 г. он находился в добровольном затворе, не желая вступать в какие-либо отношения с представителями обновленчества, но в 1923 году вернулся к архипастырской деятельности, был арестован и до 1925 г. отбывал наказание в Нарымском крае. Во время его ареста епархией управляли епископы Аксайские Митрофан (Гринёв) и Захария (Лобов), продолжавшие линию противостояния обновленчеству. Епископ Захария – Захар Петрович Лобов (1865-1937) – в 1923 г. принял монашеский постриг, затем хиротонисан во епископа Нижнечирского, викария Донской епархии, чуть позднее во

²⁶¹ ГА РФ Ф. Р5919 оп.1 д. 74. Фонд митрополита Евлогия (Георгиевского). Письмо Ольги Крюковой из Падуи (Италия). Автограф. Л. 1.

²⁶² Там же. Л. 1.

²⁶³ Там же. Л. 1.

епископа Аксайского. В 1924 году он был арестован и отправлен для отбывания наказания на Соловки. В 1927 г. освобождён, но возвращение в Донскую епархию было ему запрещено. После повторного ареста в 1935 году был этапирован в Казахстан, где был приведён в исполнение приговор к высшей мере наказания. В 2000 году был причислен к лику святых. Связанные с епископом Митрофаном и епископом Захарией сюжеты О. Крюкова описывает в следующих словах: «С самого начала разрухи, Волею Божией, Троицкая Церковь, руководимая кротким, но стойким, незабвенным Епископом Митрофаном, стала центром, куда стекались со всей епархии верные Патриарху Тихону священники и руководились его постановлениями по указанию, сначала – Епископа Митрофана, а по ссылке его в Соловки, непосредственно от Патриарха Тихона через верных людей посылавшихся в Москву. После ссылки Епископа Митрофана Церк. осталась без епископа. <...> Святейший Патриарх, тайно, прислал к нам Архиепископа Инокентия, который в сослужении с митрополитом Донской епархии Митрофаном, почти при закрытых дверях, посвятил во Епископа, бывшего ключаря собора о. Захария. Архиепископ Инокентий, также незаметно, благополучно уехал. Епископ Захарий совершал в Тр. Цер. богослужения при больших стечениях народа, но через несколько месяцев живоцерк. узнали о нашем событии, конечно немедля донесли и у епископа Захария был обыск, конечно у него ничего контрреволюционного не нашли, обыск был почти закончен, когда агент попросил у замужней дочери Епископа, стакан воды, она вышла оставив его у раскрытого комода, который он осмотрел уже с ней, она не оставляла его ни на секунду, зная их обычай подсовывать то, что им нужно найти для обвинения и, во время ее отсутствия за водой, он всунул в белье послание Патриарха Тихона от 1918 г, и когда она вошла со стаканом воды; он продолжая рыться в белье вытащил послание и арестовал епископа Захария и сослали его в Москву. Паства опять осталась без Епископа»²⁶⁴.

²⁶⁴ ГА РФ Ф. Р5919 оп.1 д. 74. Фонд митрополита Евлогия (Георгиевского). Письмо Ольги Крюковой из Падуи (Италия). Автограф. Л. 2.

Факт подлога мог иметь место, хотя проверить эту информацию затруднительно.

Скупое характеризует О. Крюкова дальнейшую деятельность митрополита Митрофана: «Что касается главы Дон. Епар. Митрополита Митрофана, то он являет собой тягостную и обидную для Церкви историю компромиссов и равнодушия, он чужд паствы, как и она всегда была чужда ему, занятому личными интересами и личной безопасностью. - Сын его форменный большевик - священник перебежчик, способный на такие тяжкие дела для совести и сана священника, что тяжело вспоминать»²⁶⁵. В 1926 году митрополит Митрофан уклонился в григорианский раскол и окончил свои дни, не примирившись с Русской православной церковью.

Помимо скорбных страниц истории Донской епархии в памяти О. Крюковой остались и светлые воспоминания, которыми она делится в письме к митр. Евлогию: «были дорогой Владыка и незабываемые святые переживания». Эти переживания были связаны с тем, что после ареста нескольких настоятелей подряд, «живоцерковник захватил наш храм, паства волновалась, большинство перестало ходить в храм - явились новые прихожане и происходили бурные стычки наших, с новыми»²⁶⁶. Далее совет воспользовался временным отсутствием обновленческого пастыря: «Живоцерковник вздумал заняться посевом (дело было весной) и уехал с свою станицу. Мы воспользовались его отъездом и заперли храм и не пустили его заместителя, заявив ему, что паства желает на основании закона о свободе выборов, сама избрать себе священника»²⁶⁷. И словно чудом. Милостью Божией в храм явился отец Модест: вдруг явился маленький, худенький, бледненький священник и сказал: «Я верный Патриарху Тихону, изгнанный живоцерк. из станицы. Я буду служить в вашем храме. Я не боюсь, что Господь даст». Милостью Божией он спас наш храм, собрал

²⁶⁵ ГА РФ Ф. Р5919 оп.1 д. 74. Фонд митрополита Евлогия (Георгиевского). Письмо Ольги Крюковой из Падуи (Италия). Автограф. Л. 2.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же.

рассеявшуюся паству и была у нас великая радость. Все полюбили его, за его кротость, смирение и стойкость и были все едины со своим новым пастырем»²⁶⁸. Судя по воспоминаниям О. Крюковой, о. Модест был исключительным пастырем: он собрал рассеянную паству, отстоял церковь у обновленцев, и после ареста вновь вернулся к своей пастырской деятельности.

Письмо О. Крюковой не издано, но по богатству фактического и психологического материала заслуживает публикации.

В ГА РФ хранится тетрадь с воспоминаниями Менделеева П.П. «Свет и тени в моей жизни» за 1917-1919 гг., шифр ф. Р5971 оп. 1 д. 112. Объём тетради – 178 листов. Павел Павлович Менделеев (31 декабря 1863 – 2 июля 1951) – русский общественный и государственный деятель. При императоре занимал высокий пост члена Государственного совета. Родился в семье потомственных дворян в Тверской губернии. В 1917-1918 гг. член Поместного собора Православной Российской церкви, член Юридического совещания при Соборном Совете. В 1918 году в Киеве Менделеев становится членом бюро Совета Государственного объединения России и занимает активную антибольшевистскую и монархическую позицию.

Один из фрагментов воспоминаний затрагивает сюжет из самого начала революционного процесса 1917 г. и повествует о гибели тверского губернатора Н.Г. Бюнтинга, отказавшегося признавать комитет общественной безопасности (местный революционный орган). Перед смертью 2 марта по телефону Бюнтинг исповедался. Его жена, Софья Михайловна, вместе с дочерьми спасётся и позже эмигрирует в Париж.

Заметная часть воспоминаний посвящена Церковному Поместному Собору, которому свидетелем и участником коего являлся П.П. Менделеев. В воспоминаниях затрагивается тяжёлое положение внутри церкви в 1917-1918 гг., подчас атмосфера недоверия между теми или иными церковными

²⁶⁸ ГА РФ Ф. Р5919 оп.1 д. 74. Фонд митрополита Евлогия (Георгиевского). Письмо Ольги Крюковой из Падуи (Италия). Автограф. Л. 2.

деятелями (например, по вопросу о председательствовании). Тем не менее, несмотря на общую «смутную» атмосферу, Храм Божий, по воспоминаниям автора, явился «прибежищем даже для тех, кто раньше никогда его не посещал... Церкви были переполнены молящимися»²⁶⁹. И даже большевики не могли придаться к проповедям некоторых епископов (в тексте – епископ Иоанн), настолько искусны они были.

«Единственное. светлое явление среди общего мрачного хаоса того времени» - Московский поместный собор. Так описывает события конца 1917 – 1918 г. автор воспоминаний. И созыв его – «одна из немногих заслуг Временного Правительства» и министра Львова. Главная задача Собора заключалась в обеспечении Православной Церкви полной независимости от государства: по итогам были выработаны основы автономии церкви и восстановлен Российский Патриарх. Далее Менделеев вкратце рисует картину обстановки и самого процесса избрания Патриарха («чувство недоумения: не знали кому желать избрания»), коим по итогам был избран Тихон.

В личном фонде Брусилова А.А и Брусиловой Н.В. под шифром ф. Р5972 оп. 1 д. 21а. хранится рукопись воспоминаний Н.В. Брусиловой на 421 листе. Брусилова Надежда Владимировна (1864—1938) – супруга А.А. Брусилова, в девичестве Желиховская. Во время Первой мировой войны вела активную благотворительную деятельность. Она была известна своим патриотизмом и религиозностью. В 1926 г. после смерти супруга уехала на лечение в Чехословакию и не вернулась. Сохранила и передала в РЗИА воспоминания и переписку с мужем. Автор дневников. Документы были переданы на хранение в РЗИА сестрой Н.В Брусиловой Е.В. Желиховской. Воспоминания были изданы²⁷⁰.

²⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р5971. Оп. 1. Д. 112. П. Менделеев. «Свет и тени в моей жизни» за 1917-1919 гг. Л. 33.

²⁷⁰ Брусилова Н.В. Воспоминания, записки, впечатления. 1870-1930-е: в 2 т. / Н. В. Брусилова; Российское ист. о-во, Федеральное арх. агентство, ФКУ «Гос. арх. Российской Федерации». – М.: Кучково поле, 2015. – (Живая история). – Т. 1. – 2015. – 587, [1] с. – Т. 2. – 2015. – 338 с.

Описание жизни Церкви после революции не составляет основной интерес этих воспоминаний, но несколько эпизодов, посвящённых Церкви в воспоминаниях есть. Приведём один из них. Он имеет отношение к проявлению уже пустившего корни к 1925 г. кощунственного отношения к православному храму и богослужению: «<...> другой случай из пьяного дела, который я сама видела, был в церкви, на всенощной, под Сергия. Народу было совсем мало, но мужчин всё же довольно. Я вдруг вижу, что многие оборачиваются на входную дверь. Обернулась и я. Вижу, стоит человек лет двадцати пяти, в шапке, совершенно пьян. Вынул папироску и, шатаясь, направился к распятию Христа с намерением закурить от одной из свечек в паникадиле. Несколько женщин быстро потушили свечи и не дали ему закурить. Он в ту же минуту направился к иконе рядом. Там повторилось то же. Женщины с ним боролись, а мужчины не могли решиться его вывести. Я говорю стоявшему рядом со мной:

– Прогоните же его!

– А может быть, у него револьвер есть...

А другой прибавил:

– Да как же можно в храме драку заводить...

– Не драку, а просто вывести его. Вас много, человек двадцать, а он один и еле на ногах держится!

Тут пьяный прямо к открытым вратам, в алтарь направился. Священник остановил службу. Певчие и дьякон загородили ему дорогу в алтарь.

– Гражданин, просим вас уйти.

– А чего вы тут собрались? Мне тоже интересно, что это за собрание.

– Это церковь Христова, а не собрание.

– А кто это такой, Христос?

– Что вы, в Китае родились? Как вы можете не знать, кто такой Христос! – воскликнула одна из женщин.

– Я-то слышал, но забыл, это было очень давно, что мне рассказывали какие-то сказки про какого-то Христа...

– Тем хуже для вас, вот когда умирать будете, то вспомните... – сказала я.

Это его очень обозлило. Из несчастного пьянчуги он вдруг преобразился в злющего бесенка и, сверкнув глазами, направился ко мне.

– А вы, гражданка, не суйтесь, не то я с вами поговорю...

Его отстранили от меня. Опять та же храбрая и находчивая женщина обратилась к нему:

– Пойдемте, товарищ, в клуб коммунистов, тут недалеко. По дороге поговорим... – Ей удалось его отвлечь разговором и увести из церкви.

Несколько мужчин бегали за милицейским, но его нигде найти не могли. Я была поражена. Причем тут милиция? Ни в одно общественное собрание, ни в театр, ни в трамвай пьяных не пускают, и чтобы человек двадцать мужчин не могли вывести пьяного хилого парня – это удивительно! Уж очень ослабел, измельчал, трусливым стал народ»²⁷¹.

Этот вывод, об измельчании русского народа, перекликается с неоднократно звучащими в воспоминаниях, сохранившихся в РЗИА, словами о том, как душевно обнищавшее русское офицерство не смогло дать достойного отпора большевикам. К 1925 году Православная церковь осталась без главы: смерть патриарха, невозможность юридически легально осуществлять деятельность, связанную с организацией приходской жизни, постоянное давление со стороны власти, – всё это приводило к тому, что жизнь Церкви постепенно становилась всё более тихой, незаметной. Приближались годы репрессий, когда Церковь была поставлена на грань уничтожения.

Под шифром ф. Р5973 оп. 1 д. 98 хранятся воспоминания Рождественского А. «Патриарх Тихон». Александр Петрович

²⁷¹Брусилова Н.В. Воспоминания, записки, впечатления. 1870-1930-е: в 2 т. М.: Кучково поле, 2015. Т. 1. С. 80-81.

Рождественский (1864-1930) – протоиерей, богослов, православный библиист, с 1911 года профессор Священного Писания Ветхого Завета в Санкт-Петербургской духовной академии. Был участником всех трёх сессий Всероссийского церковного собора 1917-1918 гг. К захвату власти большевиками отнёсся резко отрицательно, покинул Москву в 1918 году. В 1919 году был эвакуирован в Крым, затем в Болгарию. В Софии написал воспоминания о патриархе Тихоне, передал их копию в РЗИА в 1924 году, когда переехал в Чехословакию.

Воспоминания отпечатаны на машинке на 13 листах, впервые были опубликованы в Вестнике русского христианского движения в 1975 году с одной из копий²⁷². Воспоминания описывают личность патриарха Тихона с момента его поступления в семинарию. Автор подчёркивает достоинства характера патриарха, его соответствие тому высокому призванию, которое было возложено на него. В конце воспоминаний прот. А. Рождественский комментирует слухи из периодики относительно заключения патриарха под стражу. В этих комментариях видна неосведомлённость автора в происходящих событиях, его осторожность в оценках.

В ГА РФ хранятся воспоминания Новосильцев Л.Н. (1872 – 1934) – члена кадетской партии, русского офицера, участника Первой мировой и Гражданской войн на стороне белого движения. Сторонник военной диктатуры, Новосильцев сыграл значительную роль в подготовке и проведении выступления Л.Г. Корнилова в сентябре 1917 г. Шифр хранения воспоминаний ф. Р6422 оп. 1 д. 1-12. Воспоминания отложились в личном фонде Л.Н. Новосильцева, который принимал участие в создании Добровольческой армии и Первом Кубанском походе (февраль – апрель 1918 г.). В рассказе об этом походе Л.Н. Новосильцев описывает пасхальную службу, когда Добровольческая армия подошла к станице Егорлыкская, которая входит в состав современной Ростовской области. Поразило

²⁷² Рождественский А., прот. «Патриарх Тихон» (воспоминания) [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/iz_vosp_o_patr_tihone/ Дата обращения 23.06.2021.

Новосильцева то, что в церкви со свечой в руках стоял мусульманин Хаджиев, бывший адъютант Корнилова: «Подходили к станице Егорлыкская, церковь уже грела огнями. Мы только успели поставить лошадей, как началась церковная служба. 4-ю Пасху уже встречаю на чужбине, в походах, и теперь в этот период Гражданской войны большая церковь станицы была полна народу, много наших было в церкви во главе с командным составом. Шла пасхальная служба, поразило меня то, что в церкви со свечой в руках стоял магометанин Хаджиев, бывший адъютант Корнилова – и его потянуло на чужую для него пасхальную службу»²⁷³. Байдаран-Хаджиев Надзар-Бек (1895-1966) – корнет, адъютант Л.Г. Корнилова. После гибели генерала в 1918 г., вернулся на родину в Хиву, продолжал борьбу против большевизма. В 1921 г. эвакуировался из Владивостока в Китай. Предполагаем, что для адъютанта генерала Корнилова присутствие в храме во время богослужения не было экстраординарным событием, тем не менее, оно поразило Л.Н. Новосильцева.

И.В. Новицкий сосредоточивает своё внимание на Поместном Соборе 1917-1918 гг., участником которого ему довелось быть, в мемуарах под названием «Всероссийский церковный собор (1917-1918 г.), г. Москва», шифр ф. Р6247 оп. 1 д. 12-13. Игорь Валентинович Новицкий выходец из семьи военного, сам получил военное образование, участвовал в Первой мировой войне и в 1917 г. получил звание генерал-майора. По избранию от армий Юго-Западного фронта был членом Поместного Собора от мирян. Служил в армии и чиновником Украинской Народной Республики. В 1921 г. эмигрировал, был активным участником деятельности эмигрантских политических и общественных групп. Оставил воспоминания о разных периодах своей жизни: «Великая война 1914-1917 гг.» с картами и схемами полей сражений²⁷⁴, «Дневник командира (с японской артиллерией)»²⁷⁵,

²⁷³ ГА РФ. Ф. Р6422. Оп. 1. Д. 11. Новосильцев Л.Н. Воспоминания (10 апреля 1918 г. - сентябрь 1918 г.). Л. 8.

²⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р6247 оп. 1. Д. 1-6.

²⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р6247 оп. 1. Д. 7-9.

«Дневник скитальца»²⁷⁶, «Всероссийский поместный собор (1917-1918 г.)»²⁷⁷. Также в фонде отложились написанные на основе личных воспоминаний статьи: «”Слово“, произнесенное мною в великую пятницу в Софии в 1920 г.»²⁷⁸ и «Церковь и государство»²⁷⁹.

Записи о Всероссийском Поместном Соборе были приведены в вид рукописных воспоминаний автором в Праге в 1924 г. В них описаны общеизвестные факты и события Собора, а также отражено личное восприятие происходившего. Вероятно, воспоминания изначально предназначались для печати. Материалы для их написания обнаруживаются в «Дневнике скитальца».

В воспоминаниях «Всероссийский церковный собор (1917-1918)» И.В. Новицкий описывает ход Собора, содержание вынесенных на рассмотрение вопросов, организацию их обсуждений, уделяя внимание кратким характеристикам политических событий, влиявших на Церковь и проведение соборных сессий. В том числе описывается разброс мнений в связи с решением восстановить патриаршество, вопрос о старообрядцах, о второбрачии и безбрачии священства, о монастырях и монашествующих, о соединении православной и католической церквей, сторонником чего был автор и т.д. Воспоминания опубликованы²⁸⁰ и доступны для ознакомления.

Под шифром ф. Р6143 оп. 1 д. 1б хранятся воспоминания А.А. Пурина «Дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае 1917-1922». Александр Анатольевич Пурин (1885 – 1952 г.) – родился в г. Валк (Лифляндия) в бедной крестьянской семье. Служил почтово-телеграфным служащим, с 1915 по 1918 гг. заведовал Камчатской сейсмостанцией. В 1917 г. стал первым демократически избранным руководителем Камчатской

²⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р6247 оп. 1. Д. 10-11.

²⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р6247 оп. 1. Д. 12-13. Опул.: Новицкий И. В. Всероссийский церковный собор (1917-1918 гг.) / публикация священника Евгения Агеева, Д. Г. Давиденко, А. И. Мраморнова. — М.: Издательство «Спасское дело», 2020. — 136 с.

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р6247 оп. 1. Д. 14.

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р6247 оп. 1. Д. 15.

²⁸⁰ Новицкий И. В. Всероссийский церковный собор (1917-1918 гг.) / публикация священника Евгения Агеева, Д. Г. Давиденко, А. И. Мраморнова. — М.: Издательство «Спасское дело», 2020. — 136 с.

области (председатель Камчатского Облкома). В 1922 г. эмигрировал в Китай, позже – в Японию. Был сторонником административной автономии Камчатского края и стоял у истоков местного самоуправления. Руководство антибольшевистской организацией «Автономная Камчатка» большевики приписывали именно Пурину. В личном фонде А.А. Пурина отложились протоколы, постановления, объяснительные записки и сметы, а также другие документы, имеющие отношения к деятельности Временного правительства на территории Приамурья и Камчатки.

Приведённые фрагменты воспоминаний затрагивают проблемы деятельности духовенства в переходное время Гражданской войны и реформы, касающиеся взаимоотношений церкви и населения. А.А. Пурин приписывает духовенству одну из ведущих ролей в деле борьбы с левыми и, в особенности, с большевиками. Духовенство серьёзно пострадало от деятельности последних. Также автор воспоминаний затрагивает проблемы внутри самой Церкви в годы революции и Гражданской войны, рассказывает о «безобразиях», которые чинили некоторые представители духовенства (иеромонах Алексей, которого, «к великой радости населения», арестовали и выслали во Владивосток «в распоряжение духовной власти»). Что касается реформ, то, судя по тексту воспоминаний, А.А. Пурин был сторонником свободы школы от религии как исключительно светского института, но воспитание молодого поколения в плане религиозных чувств, по мысли автора, должно было стать «делом церкви»²⁸¹.

В личном фонде Г.О. фон Рауха под шифром ф. Р6249 оп. 1 д. 11 хранится рукопись Георгия Оттоновича фон Рауха «Первая зима большевизма в Петрограде» объёмом в 156 листов. Г.О. фон Раух (1860 – 1936 гг.) – герой Первой мировой войны за отличие в борьбе против германских войск и генерал от кавалерии (10 июня 1917 г.). После Октябрьской революции числился на пенсии, в 1918 г. был неоднократно

²⁸¹ ГА РФ. Ф. Р6143. Оп. 1. Д. 16. Воспоминания Пурина А.А. «Дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае 1917-1922». Л. 16.

арестован органами ВЧК, бежал на Украину. В Одессе Г.О. фон Раух находился в качестве представителя Вооружённых сил Юга России армии Деникина. В личном фонде отложились рукописи воспоминаний Г.О. фон Рауха, посвящённые революции 1905 года, событиям Первой мировой войны, периоду гетманства на Украине.

В одном из фрагментов рукописи «Первая зима большевизма в Петрограде» автор описывает, как в Петрограде офицеры использовали гонения большевиков на Церковь как предлог для мятежа: «Вскоре после этого стал наклеиваться весьма подходящий для нас мотив для провокации, а именно - действия большевиков против Александро-Невской лавры. Это был первый антирелигиозный акт и на этом можно было бы хорошо сыграть и именно в смысле провокационного мотива для поднятия наших солдат, ибо возбуждало всеобщее возмущение»²⁸². 13 января 1918 года Наркомат государственного призрения издал распоряжение, согласно которому жилые помещения Александро-Невской лавры, в том числе покои митрополита, подлежали реквизиции для обустройства в них богадельни и приюта. 19 января со стороны представителей власти была предпринята попытка захвата этих помещений, которая привела к гибели части верующих, а также о. Петра Скипетрова. Этот шаг большевиков настроил православную и монархическую часть Петрограда против них.

В личном фонде П.С. Бобровского под шифром ф. Р6400 оп. 1 д. 8а хранятся его воспоминания под названием «Из Крыма в Москву и обратно». Машинописный текст занимает 77 листов.

Петр Семёнович Бобровский (1880 – после 1931), общественный деятель. В сентябре 1917 г. – делегат от Таврической земской управы Политического совещания в Петрограде, кандидат в депутаты Учредительного собрания по Таврическому избирательному округу. С февраля до мая 1918 г. проживал в Москве, где работал в советских учреждениях. Эмигрировал из России в 1920 г. (из Севастополя). Проживал в

²⁸² ГА РФ. Ф. Р 6249. Оп. 1. Д. 11. Рукопись фон Рауха Г.О. Первая зима большевизма в Петрограде. Л. 24.

Югославии, Франции, Германии, Чехословакии. С 1924 г. – сотрудник книжно-газетного отдела РЗИА.

В 1918 г. П.С. Бобровский работал в учреждении, окна которого выходили на Красную площадь в Москве. В одном из фрагментов своих воспоминаний автор рассказывает о толпе людей, привлёкшей его внимание в один из дней Страстной недели. Люди, «толпа молящихся» перед Иверской часовней, говорили «о каком-то чуде, происшедшем у Варваринских ворот». Как оказалось, на воротах висела икона, которая, во-первых, пострадала в дни Октябрьской революции, во-вторых, была закрыта одним из красных знамён в ходе празднования 1 мая. Чудо же заключалось в том, что знамя «будто бы разорвалось на мелкие кусочки... и икона, освободившись от покрова, стала снова видна»²⁸³. Из толпы доходили возгласы, что икона «сама себя освободила от сатанинского покрова», а преобладающее настроение, по воспоминаниям Бобровского, «было явно сочувствующее чуду, и возражать против этой веры в чудо было небезопасно»²⁸⁴. Позже начались молебны, которые шли один за другим, несмотря на просьбы милиции разойтись, дабы восстановить перекрытое движение трамваев. Автор отмечает отношение толпы к представителям новой власти – враждебное, но терпящее её, как чужую власть. Текст Бобринского содержит неточности, и, видимо, был создан уже в эмиграции.

В ГА РФ в личном фонде П.П. Стремоухова хранятся его личные документы: дневник за 1865-1904 гг., машинопись воспоминаний под названием «Всё в прошлом» в 4 томах, четвёртый том которых описывает события 1917-1935 гг., а также воспоминания, относящиеся к Первой мировой войне и о службе автора в Сенате до революции.

Пётр Петрович Стремоухов (1865 – 1951) – по происхождению из дворян Рязанской губернии, с 1904 по 1916 годы глава нескольких субъектов

²⁸³ ГА РФ. Ф. Р 6400. Оп. 1. Д. 8 а. Бобровский П.С. Из Крыма в Москву и обратно. Л. 76.

²⁸⁴ Там же.

Российской империи. В Гражданскую войну занимал ряд постов при генерале Деникине. В 1920 г. эвакуировался в Константинополь.

Объём четвёртого тома воспоминаний «Всё в прошлом» 234 листа. В одном из фрагментов Стремоухов рассуждает о значении церкви для государства, о нераздельности между одним и другим.

На 59 листе воспоминаний автор рассказывает о своей встрече на Пасху с бывшим петроградским митрополитом Питиримом в 1918 г. Несмотря на свою антипатию к Питириму, Стремоухов явно сочувствует положению, в котором оказался священнослужитель, влачивший «жалкое существование»: «Комнатушка у него была не более квадратной сажени. Служка при нем был нахальный и грубый и более шпионил за митрополитом, чем ему прислуживал. Денег у Питирима не было совершенно, и он пил чай без сахара и ел белый хлеб лишь тогда, когда таковой ему приносили. Невольно вспоминались митрополичьи палаты в Александро-Невской Лавре и последнее торжественное богослужение, на котором я присутствовал в Казанском соборе, когда Питирим служил, окружённый сонмом иерархов и перед ним возносили бриллиантовый крест, отличие, редко выпадавшее на долю самых заслуженных митрополитов. Теперь, когда сидел передо мной этот жалкий старик, ничего не понимавший во всем том, что совершалось кругом него, совершенно непонятно было, за что его, в своё время, могли превознести так высоко»²⁸⁵. Автор опечален тем, что «жалкий старик» совершенно не понимает положение, в котором оказалась церковь перед лицом нового государства²⁸⁶.

Митрополит Питирим (в миру Павел Васильевич Окнов, 1858-1920) – митрополит Петроградский и Ладожский, член Святейшего Синода. Был близок царской семье. Ходили слухи, что своим продвижением на Петербургскую кафедру обязан Г. Распутину. П.П. Стремоухов датирует этот

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р6546 Оп. 1 Д. 5. Стремоухов П.П. Всё в прошлом. Воспоминания. Т 4. Революция 1917-1935 гг. Машинопись. Л. 60.

²⁸⁶ Там же. Л. 60.

эпизод 1918 годом, однако в этом году митр. Питирим удалился на покой и жил в Пятигорске.

В другом эпизоде П.П. Стремоухов рассказывает об обысках, проводимых красными в его доме. Вопреки опасениям о том, что красноармейцы отберут всё, они не тронули «чемодан с десятком ценных образов» (ценны они были и с точки зрения семейной реликвии, и своими золочёными окладами), забрали лишь много сапог, белья и платья (обычные вещи). «Были, значит, и между красноармейцами порядочные люди»²⁸⁷, - умозаключает Стремоухов. Кроме того, автор воспоминаний как бы уверяет читателя в том, что он человек верующий (глубина его веры подтверждается мыслью о единстве государства и церкви), несмотря на скептические взгляды в сторону некоторых представителей церкви и текущего состояния самой церковной организации (напр., отказ священника принять те самые семейные реликвии на хранение в храм)²⁸⁸.

Ещё одним показательным эпизодом можно назвать рассказ о помощнике коменданта «чрезвычайки», некоем Х., и о его религиозных чувствах. Помощник, по воспоминаниям П.П. Стремоухова, был очень добр к его семье, и в благодарность автор и его жена «решили подарить ему довольно ценный золотой крест». После короткого диалога сомнений в искренности намерений семьи Стремоухова у помощника коменданта не осталось – он принял подарок и попросил благословения от автора воспоминаний²⁸⁹. Данный эпизод является свидетельством того, что даже в некоторых революционерах (в основном, думается, из народа), казалось бы, у убеждённых атеистов, в глубине души сохранилось и томилось подлинное религиозное чувство.

Также Стремоухов пишет о несовместимости с его совестью походов на первомайскую демонстрацию и любые мероприятия, проходившие под

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р6546 Оп. 1 Д. 5. Стремоухов П.П. Всё в прошлом. Воспоминания. Т 4. Революция 1917-1935 гг. Машинопись. Л. 70.

²⁸⁸ Там же. Л. 70-71.

²⁸⁹ Там же. Л. 81.

флагами красных, несмотря на реальные угрозы для уклонявшихся: «... я не мог заставить себя встать под красные знамёна... чего бы мне это ни стоило»²⁹⁰.

Интересны воспоминания В.Н. Челищева. Они хранятся в его личном фонде под шифром ф. Р6611 оп. 1 д. 1, носят название «На службе суду и общественности (факты и размышления). Воспоминания, охватывающие 1896-1920». Название дано автором. Воспоминания представляют собой рукопись в широкоформатной тетради в плотном переплёте, написанную чёрными чернилами мелким бисерным достаточно хорошо разборчивым почерком.

Челищев Виктор Николаевич (1870-1952) – юрист, председатель правления Всероссийского союза юристов, член Главного Комитета Всероссийского Земского Союза. В годы гражданской войны – член Национального Центра в правительстве генерала Деникина, член Особого совещания, начальник управления юстиции (1918 – февр. 1920), в 1920 г. эмигрировал из России. Член Совета РЗИА с марта 1932 г.

В.Н. Челищев относился к большевистскому перевороту без симпатий. Как и многие его современники, в дни, следовавшие за захватом власти, он испытывал усиление религиозного чувства: «Происшедшая катастрофа повысила во мне, - отмечает в своих воспоминаниях В.Н. Челищев, – как и во всех религиозные настроения. Посещая свой приходский храм в М. Николо-Михайловском округе? – неразб.>, невольно вглядывался в богомольцев и видел, что состав их значительно увеличился и значительно качественно изменился. Церковь тогда была всегда полна, а так называемого <слово неразб.> народа в ней почти не было. Теперь толкались новые кадры униженных и оскорбленных, и они потянулись к Богу за помощью и защитой. Все храмы были переполнены <...>»²⁹¹.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р6546 Оп. 1 Д. 5. Стремоухов П.П. Всё в прошлом. Воспоминания. Т 4. Революция 1917-1935 гг. Машинопись. Л. 83.

²⁹¹ ГА РФ. Ф. Р6611. Оп. 1 Д. 1. Челищев В.Н. На службе суду и общественности (факты и размышления). Воспоминания, охватывающие 1896-1920. Л. 311.

Согласно воспоминаниям В.Н. Челищева, в 1918 г. с образа святителя Николая Чудотворца, расположенного посередине ворот, слетело красное полотнище, которым обтянули его большевики. Судя по свидетельствам очевидцев, со слов которых записаны автором мемуаров детали произошедшего, оно разошлось на несколько мелких кусочков и обнажило иконописный образ. В связи с этим у Никольских ворот скопилось большое число молящихся, патриарх отслужил молебен. Данные об этом чуде обнаруживаются и в других воспоминаниях, не относящихся к источниковому массиву мемуарного комплекса РЗИА, например, в тексте воспоминаний П.Е. Ковалевского²⁹² и св. Иоанна Шанхайского²⁹³. В тексте воспоминаний В. Н. Челищева сведения о чуде преподнесены следующим образом: «Как-то, в конце апреля или в начале мая – хорошо не помню, я проходил Красной площадью и был удивлен, увидев толпу народа, собравшихся у Никольских ворот. Толпа росла и топталась на одном месте; все были без шапок и шляп, многие крестились и все смотрели на образ Николая Чудотворца над серединой арки Никольских ворот. <...> Большевики затянули икону красной тряпкой, как сделали это со всеми другими иконами на воротах Кремля. И вот очевидцы рассказывали, как случайно проходя мимо и обернувшись, чтобы перекреститься на эту икону, они увидели, что красная тряпка рвется и кусками спадает с иконы, пока наконец не открылась вся икона. <...> Я близко подошел к воротам и могу удостоверить: сверху иконы оставались куски-лоскуты материи»²⁹⁴. Далее следует описание торжественных молебнов у иконы.

В личном фонде М.Е. Акацатова под шифром ф. Р6768 оп. 1 д. 2 хранятся мемуары под названием «Воспоминания “маленького человека”». Они представляют собой рукопись объёмом 27 листов. Акацатов Михаил

²⁹² Ковалевский Пётр Евграфович (1901-1978) — русский историк, религиозный мыслитель, исследователь русской эмиграции.

²⁹³ См.: Паламарчук А., Демченко А. Сорок сороков. Кремль и монастыри. — Москва: Книга и бизнес, 1992. — Т. 1. — 415 с.

²⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р6611. Оп. 1 Д. 1. Челищев В.Н. На службе суду и общественности (факты и размышления). Воспоминания, охватывающие 1896-1920. Л. 312.

Епифанович (1902-1933) – общественный деятель, литератор. Эмигрировал в 1920 г. в Румынию. В коротком эпизоде его воспоминаний, имеющих отношение к жизни Церкви, подчёркивается высокое значение исповеди и благословения накануне возможной смерти: «Мы стали расспрашивать отца, оказывается брат просил отца благословить его, говоря что его могут расстрелять и он так и умрет без благословения».

В следующем параграфе будет дана оценка полноте содержащейся в воспоминаниях информации о Церкви.

2.2. Оценка полноты информации из мемуаров фондов РЗИА

Проанализированные мемуарные тексты в той или иной мере отражают весь комплекс событий, которые обычно описывают в исторической литературе: отделение и разграбление Церкви, организация её внутренней жизни на Всероссийском поместном соборе, вскрытие мощей и изъятие церковных ценностей, аресты духовенства и деятельность животоцерковников, арест патриарха и его смерть, осложнение ситуации в церковном управлении, деятельность митрополита Сергия.

Аспект внутреннего устройства Церкви в связи с преобразованием политической ситуации в России отражен в воспоминаниях прот. В.В. Зеньковского, в воспоминаниях И.В. Новицкого, П.К. Иванова, прот. Г.С. Голубцова, П.П. Менделеева. Этот блок информации о жизни Церкви в 1917-1927 гг. отражён большим количеством мемуарных текстов. Знакомство с мемуарами источникового массива РЗИА показало, что больше, чем описание и рефлексия над переменой государственно-церковных отношений мемуаристов волновали насущные вопросы влияния изменения статуса этих отношений на повседневную жизнь мирян и духовенства. Об обновленчестве информация отразилась в воспоминаниях Е. Сувориной, Н.К. Иванова, архимандрита Феодосия (Алмазова), Н.В. Брусиловой. Любопытны сведения об антирелигиозных диспутах и лекция, также нашедшие место на страницах

перечисленных авторов. Обстоятельства, сопутствовавшие изъятию ценностей, изложены на страницах мемуаров Е. Сувориной, В.И. Рудич, Н.И. Эверт, П.П. Менделеева. О деятельности митрополита Сергия (Страгородского) информация содержится в воспоминаниях арх. Феодосия (Алмазова).

Также мемуары РЗИА изобилуют информацией, которая не относится прямо к каким-либо определённым темам истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 годах, но позволяет увидеть эпоху в сочетании присущих ей своеобразных черт: в нескольких воспоминаниях описывается факт чуда, авторы неоднократно подчёркивают переходность в мышлении красноармейцев, ещё не потерявших привычки к традиционным православным ценностям, но уже выступавших как носители нового отношения к миру и человеку, неоднократно в мемуарах упоминается Пасха и пасхальное ликование по случаю освобождения какого-либо населенного пункта от большевиков.

Таким образом, анализ содержания мемуаров РЗИА показал их широкое тематическое разнообразие. Тема истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг. отражена в источниковом комплексе достаточно подробно и оригинально, некоторые факты уникальны и не встречаются в других видах источников.

В мемуарах РЗИА отразились данные, представляющие несколько видов информации: 1) теоретическую (обобщённые сведения о ситуации в жизни Церкви, авторские суждения, оценки, идеи); 2) рефлексивную (описание психологического состояния, чувств, мыслей, связанных с происходящим); 3) фактографическую (собственно описание очевидцами фактов).

Следует признать превалирование фактографической и рефлексивной информации. Теоретическая информация является наиболее редким видом информации, встречающимся в источниковом массиве. Она обнаружена в текстах И.В. Новицкого, П.П. Менделеева, арх. Феодосия (Алмазова), И.С.

Ильина, Н.В. Брусиловой. Для этих авторов характерно стремление не только описать происходившие события, но и дать своё видение происходившему, представить некую временную перспективу, в которой видна закономерность случившихся описанных событий, выявить истоки произошедшего. Все перечисленные авторы сходятся в том, что Февральская революция развязала узел ненависти и страха, обернувшийся беспрецедентным для российской истории насилием. Череды ошибок со стороны власти, консерватизм, стремление сохранить элитарность образования и нечуткое отношение к неизбежным социокультурным изменениям не позволили вовремя предпринять меры, которые могли бы предотвратить развитие событий по трагичному сценарию. Также все перечисленные авторы отмечают религиозность русского народа, его потребность в участии в богослужении, в исповеди, или соборной молитве. Ярким подтверждением этому стали многочисленные акты защиты православных храмов от разграбления, главными действующими лицами которых были рабочие и крестьяне. Отмечена авторами мемуарных текстов и безудержная страсть к саморазрушению, которая овладела русскими людьми в годы Гражданской войны, выразившаяся в стремлении разрушить до основания то, что уже разрушается по воле власти и толпы. Неоднократно авторы задаются вопросом: как могло случиться так, что десятки тысяч вооружённых офицеров безропотно сдавались на волю победившей партии большевиков, без бунта приходили на пункты переписи, добровольно сдавали оружие и отправлялись под арест. Они отмечают удивительное безволие, охватившее русское общество, роковое отсутствие ярких лидеров, продуманной программы, несогласие среди тех, кто мог бы взять на себя бремя власти. Причиной этому безволию в том числе называется дореволюционная антирелигиозная пропаганда, оскудение веры, замены её пустым формализмом.

В то же время фактографическая часть информации изобилует сведениями о том, как в годы исключительной опасности, нависшей над институтом Церкви, настроенное против революции общество сплотилось, осознав православные ценности как жизненно важные, принципиальные. Это нашло проявление не

только в физических актах противодействия антирелигиозным акциям большевиков, связанных с уничтожением религии и Церкви, разграблением храмов и поруганием православных святынь, физическим уничтожением духовенства и верующих православных христиан. Произошло понимание того, что именно сейчас, во времена гонений на Церковь, настало время для того, чтобы пойти в храм на литургию, чтобы повесить икону в присутственном месте, чтобы сделать явной свою лояльность к православию. Обширная информация на эту тему сохранилась в воспоминаниях Н.И. Эверт, В.И. Рудич, Е. Сувориной. Эти воспоминания достаточно подробно описывают повседневность, связанную с привычками религиозного человека того времени .

Рефлексивная информация является одной из наиболее ярко проявленных в мемуарах РЗИА. Описание психологического состояния особенно рельефно выделяется в изложении эпизодов, связанных с чудом. Эта часть источникового массива позволяет уловить атмосферу, в которой происходил послереволюционный духовный подъём, сопровождавшийся готовностью к мученичеству за веру. Активность, беспощадная энергия, планомерность, с которой большевики уничтожали Церковь, возмутила русское общество. Примечательно наблюдение П.П. Менделеева за тем, как изменилось настроение собора, поначалу относившегося отрицательно к идее восстановления патриаршества, но после большевистского переворота изменившего точку зрения и приветствовавшего нового патриарха. Не менее примечательны в отношении передачи психологического состояния воспоминания, описывающие ликование по поводу освобождения населённого пункта от большевизма как пасхальное ликование, как осознание воскресения. Уход большевиков означал избавление как от угрозы смерти тела, так и духовного умирания. Вновь становились возможными явные богослужения, крещение, венчание, отпевание без опасения понести наказание за совершение церковных обрядов, прямо относящихся к спасению души.

Подводя итоги, можно отметить, что в сравнении с исследованиями мемуаристы на первый план выдвигают, прежде всего, рефлексивную

информацию: непосредственный отклик на ситуацию, очевидцами которой они были. Фактографическая информация источникового массива отличается своеобразием. Многие события государственно-церковных отношений не были отражены мемуарным сознанием, их восприятие преломилось в описании последствий законодательного творчества советского правительства. Исходя из исследования источникового массива РЗИА, можно говорить об отсутствии полноты освещения информации об истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг., однако, в нём отражены наиболее важные для очевидца этапы этой истории. Также в мемуарах встречается уникальная фактографическая информация (о богослужении «актёра», о тюремных богослужениях и исповеди, о религиозной терпимости и т.д.). Часть информации носит характер легенд, слухов, но также отражает психологическое состояние общества и его восприятие перемен в жизни Церкви.

Мемуаристы выделили наиболее значимые темы церковной истории для общественного сознания, это: Поместный собор 1917-1918 гг., антирелигиозная политика большевистского государства и духовный подъём в ответ на гонения, направленные против религии и Церкви. К выраженной, открыто и прямо высказанной информации комплекса можно отнести встречающееся в различных мемуарных текстах комплекса мнение о том, что ключевая роль восстановления русской государственности принадлежит Церкви. К скрытой информации можно отнести мнение об особой роли еврейства в революции и гонениях на церковь. Никто из авторов источникового комплекса не выдвигает однозначных обвинений в адрес еврейства, но акцентируют внимание на том, что именно евреи занимают должности, связанные с гонениями на Церковь.

Подытоживая, укажем следующее:

1. Эта часть источникового массива почти совсем не касается событий 1917 года, очень кратко упоминает законодательные инициативы большевиков, направленные против религии и Церкви.

2. Мемуары по преимуществу насыщены фактографической и рефлексивной информацией, причем как первая, так и последняя разновидность информации представлена ярко, разнообразно. Описывая разные стороны жизни, связанные с религией, очевидцы дают оценки, описывают впечатления, возникавшие в связи с изменением условий, в которых проявляли себя религиозные привычки и традиции.

3. В мемуарах встречаются не только темы, отражённые на страницах исследований и имеющее отношение к государственно-церковным отношениям. Значительную и весьма оригинальную часть занимают в них сведения, относящиеся к изменениям в жизни мирян и духовенства, связанные с трансформацией привычного уклада жизни, когда обычные вещи приобрели особенное значение, были осмыслены и попали на страницы воспоминаний.

4. Как правило, мемуарные тексты сосредоточиваются на событиях, непосредственными свидетелями которых были их авторы, но в них также фигурируют слухи и домыслы.

5. Хронологические рамки мемуарной части источникового массива охватывают с 1917 по 1927 годы, причём 1926 и 1927 год описаны наиболее лаконично. Они встречаются только на страницах воспоминаний Н.В. Брусиловой и архимандрита Феодосия (Алмазова).

6. С точки зрения типологии встречаются как тематические мемуары, посвящённые описанию только церковной жизни: это тексты архимандрита Феодосия (Алмазова), И.В. Новицкого, Н.К. Иванова, прот. А. Рождественского, – так и эпизодические, причём последних большинство. Эпизодические упоминания о жизни Церкви встречаются в различных воспоминаниях: часть из них охватывает всю жизнь автора, часть посвящена какому-то промежутку времени, наименьшая часть описывает одно или несколько ярких событий.

ГЛАВА 3. ДНЕВНИКИ ИЗ ФОНДОВ РЗИА С ИНФОРМАЦИЕЙ ОБ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

3.1. Информация из дневников фондов Русского заграничного исторического архива об изменениях в государственно-церковных отношениях и жизни мирян и духовенства

Анализ дневников осуществляется по порядку согласно библиографическому списку. Все дневники из архивохранилища ГА РФ. Орфография приведена в соответствии с нормами современного русского языка, пунктуация оригинала сохранена.

Алексей Александрович фон Лампе – выходец из семьи обрусевших немцев, получил военное образование, участвовал в русско-японской и Первой мировой войне. Предложение служить в Красной армии А.А. Лампе отверг, и с конца 1918 г. воевал с большевизмом в Добровольческой армии. В марте 1920 г. выехал в Константинополь и в Россию никогда уже не вернулся. В эмиграции вёл активную общественную деятельность: в 1924 г. возглавил второй отдел Русского общевоинского союза, в 1938 г. возглавил союз в целом. В 1926-1928 гг. занимался изданием сборников с материалами об истории Белого движения в издательстве «Медный всадник» в Берлине. С 1939 г. сотрудничал с нацистами. С началом Второй мировой войны занялся организацией отделов Русского Красного Креста, которые во время войны помогали русским эмигрантам, оказавшимся в плену у немцев, а после войны содействовал укрытию русских эмигрантов и советских граждан от насильственной репатриации. В 1967 г. умер во Франции.

Судьба А.А. фон Лампе была типичной для эмигранта первой волны: он с трудом мог найти себе место в новой жизни за границей, испытывал финансовые тяготы, лишился единственной дочери, не сумел сохранить бережно собираемые им материалы для воспоминаний, которые он планировал написать.

А.А. фон Лампе вёл дневники на протяжении долгого времени. Уже с началом Первой мировой войны он начал вести служебный дневник, предполагая в дальнейшем создать на его основе воспоминания о войне. Эти дневники, отражающие события 1914-1918 гг., утеряны. Он также вёл дневник во время Гражданской войны и в эмиграции. На протяжении двадцати лет дневник пополнялся новыми сведениями о волнующих его создателя явлениях общественной жизни в эмигрантской среде и на Родине. Комплекс собранных материалов был столь велик (комплекты газет «Россия» и «Великая Россия», коллекции газетных вырезок из русскоязычной эмигрантской и немецкой прессы, систематизированные по различным тематическим разделам, служебная переписка, сводки, брошюры эмигрантских издательств и т.п.), что его автор, будучи лишён возможности хранить этот объём у себя дома, обратился к РЗИА и, согласно заключенному с ним договору, отдал на хранение свои дневники и переписку в архивохранилища. В связи с перемещением архива в 1945 г. в СССР автор дневников навсегда утратил к ним доступ.

Дневники А.А. Лампе представляют собой уникальный документ, который включает в себя лаконичную письменную фиксацию мыслей, переживаний, описание событий, происходивших с автором. Значительную часть дневника занимают тематически подобранные вырезки из газет. Хронологические рамки дневника охватывает продолжительный период с 1919 по 1944 г. В рамках данного исследования просмотрены и описаны дневники вплоть до 1928 г. (Приложение 2). Каждому дневнику автором присвоен порядковый номер. В каждом номере собраны материалы за 2-3

месяца, периодичность дневниковых книг свободная, не привязана к каким-либо датам.

Дневники имеют сквозную нумерацию, присвоенную им автором, которая превышает 15000 листов. При поступлении фонда А.А. фон Лампе в ЦГАОР СССР его документам была присвоена нумерация сотрудников архивохранилища. При цитировании материалов дневника мы ориентируемся на нумерацию сотрудников архивохранилища, так как авторская нумерация не всегда отчетливо видна на страницах и материалах дневника. На газетных вырезках помимо нумерации автора, также стоит прописная буква – первая буква в названии газеты, материалы которой взял для своего дневника А.А. фон Лампе. Вырезки также расположены в согласии с логикой составителя дневниковых заметок в последовательности: армия, церковь, монархия, Дальний Восток, казачество, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, большевики и прочее – в описях ГА РФ есть все эти перечисленные вырезки. Вырезки подклеены на прозрачную бумагу (кальку). Для просмотра посетителя читального зала ГА РФ дневники доступны в виде микрофильмов, причём каждая книга дневника разделена на несколько плёнок. При цитировании дневника А.А. фон Лампе после номера дела в скобках указан номер пленки, например: ф. Р5853 оп. 1. Д. 15 (6).

Раздел, посвящённый Церкви, наполнен вырезками из эмигрантских и советских газет и дополнен мыслями и наблюдениями автора на эту тему. Особенно большой массив информации, связанный с Церковью, появляется в дневниках уже после эмиграции в Берлин. Дневники организованы следующим образом: дневник начинается с аннотации, в которой автор перечисляет темы, затронутые в данном дневнике, пишет о том, какие письма и газетные вырезки из каких газет вошли в приложение к дневнику. В начале каждого дневника на 100 – 120 страницах расположены дневниковые записи А.А. Лампе, как правило, машинописные с рукописными пометами. В ткань дневниковых заметок автор мог включать подклеенные газетные вырезки, марки, конверты. После дневника, в котором автор описывает свои встречи,

разговоры, мысли относительно волнующих его событий, следует приложение. В приложении сначала вложена частная переписка, затем деловая переписка. Вторая часть приложения включает в себя обширный газетный материал. Автор указывает названия всех газет, материалы которых были использованы, например: д. 15 «Руль» – кадетская, Берлин, «Накануне» – большевистская, Берлин, «Дни» – эсеровская, Берлин, «Вечернее время» – монархическая, Париж, «Новое время» – монархическая. Белград, «Русь» – монархическая, София, «Вера и верность» – кирилловская, Новый сад, Сербия, «Вестник русского легитимизма» – монархическая, Молдавия²⁹⁵. Примечательно, что характеристика газеты может изменяться автором. Так, названная в д. 15. «монархической» газеты «Новое время» в д. 29 снабжена определением «умеренная». Помимо того, что А.А. фон Лампе использует материалы эмигрантских изданий, он с интересом относится к пересказу в эмигрантских газетах известий, освещенных на страницах большевистских газет «Московские ведомости», «Рабочая Москва», «Красная газета», «Рижский курьер», в европейской периодике, в том числе в английском журнале «The church times» и других изданиях.

В собранных и скомпонованных А.А. фон Лампе газетных вырезках описаны события внутрицерковной жизни: хиротонии, вопросы храмового самоуправления и т.п. Больше всего вырезок о государственно-церковных отношениях, описаны: разграбление церквей, судебные процессы против священства, примеры мученичества представителей духовенства, деятельность живоцерковников (епископ без монашеского чина, «большевистский епископ»), съезд в Карловцах, воззвание всероссийского съезда живой церкви, события, сопутствующие расстрелу митр. Вениамина (Казанского), аресту патриарха и связанным с этим обращениям митр. Антония (Храповицкого) к главам зарубежных церквей, феномену женатого епископата живоцерковников, изданию декретов советской власти, осквернению мощей, а также опубликованы послания ВВЦУ, послание

²⁹⁵ ГА РФ. Р5853 оп. 1. Д. 15 (6). Л. 7150.

митрополита Платона (Рождественского) «пастырям и пасомым Северо-Американской епархии», воззвание Папы Римского, распоряжения и воззвания святейшего патриарха. В дневник вклеены вырезки статей, осуждающих участие в религиозных обрядах партийных работников. Публицистический стиль вырезок предполагает эмоционально окрашенное изложение фактов. Заметки самого А.А. фон Лампе также отличаются эмоциональной оценкой происходившего.

Отражены в вырезках также приметы времени: сообщения о переходе в католичество православного архипастыря, факты новейшей истории – частушки на современные события внутриполитической ситуации:

«Частушки откликаются и на гонение, которое красная власть ведет против православной церкви:

Не ходите с крестным ходом

В праздник круг погосту:

Коммунисты с пулемётом

Вас окатят с мосту.

Ты видал ли брат Михей

Этакую штучку?

Ходит красный архиерей

С супругой под ручку»²⁹⁶.

Довольно большие по объёму газетные вырезки сочетаются с дневниковыми записями участника Гражданской войны, его комментариями к действиям Врангеля и Колчака. В том числе он комментирует «Послание Временного высшего церковного управления на юго-восток России», газетную вырезку с цитированием которого он приводит в дневнике: «Эта вырезка и приказ /ниже/ повергли меня в печальное состояние. Неужели же можно было дойти до такой нелепости, как, между прочим, и нарушение присяги отрекшемуся Императору! Да и вообще все это заставляет задуматься об образе мышления

²⁹⁶ ГА РФ. Р5853.Оп. 1. Д. 9. Л. 236.

крымских глав! Зачем это, зачем эти бродивые выкрики!? Чему это поможет? Я понимаю полупьяных монахов, занимающихся этим делом, как и формирование отцом Востоковым «крестного хода в Совдепию» /не пошедшего/ но Государственный масштаб и подобные истерические выходы положительно ставят меня в тупик! Пожалуй, что правы парижские круги, возводившие сорок сороков лжи на наше правительство! Действительно понять трудно зачем все это было послано. Узнал я об этом из старых газет»²⁹⁷. А.А. фон Лампе в декабре 1920 г. задним числом комментирует уже более года назад произошедшие события, очевидно, актуальные в связи со спорами об исходе Гражданской войны, имевшими место в зарубежье. Характерна его нелестная оценка духовных лиц, занимавшихся задачей подъёма духа в белых войсках, а также деятельности о. Владимира (Востокова). О. Владимир (Востоков, 1868-1957) на момент революционных перемен находился в ведомстве Уфимской епархии, куда был приглашён для служения еп. Андреем (Ухтомским). Он принимал участие в работе Всероссийского Поместного Собора в 1917-1918 гг. как делегат от мирян Уфимской епархии. В ноябре 1917 г. был возвращён в Москву настоятелем церкви Косьмы и Дамиана, однако в конце января 1919 г. на соборном заседании произнёс речь против коммунизма, в связи с чем был объявлен советской властью вне закона. Из Москвы бежал в Новороссийск, вступил в армию ген. Деникина, проявил себя как категоричный сторонник восстановления монархии. Он был организатором братства Св. Креста и распространял идеи борьбы под знаменем этого братства против большевизма и за восстановление монархии. Как способ поднятия боевого духа Белой армии предлагал организовать крестный ход против красных, однако его инициатива не была поддержана ген. Врангелем. Для А.А. фон Лампе подобного рода решения и поступки ясно свидетельствовали против того, что у правительственных кругов Белых было достаточно политической

²⁹⁷ ГА РФ. Р5853. Оп. 1. Д. 5. Дневник А.А. фон Лампе, книга № 28 (33). С 27 декабря 1920 г. По 7 октября 1921 г. Л. 62.

воли для борьбы с противником. Формирование дружин Св. Креста в Сибири и братства Св. Креста на юге России подверглись критике в зарубежье, связанной с крушением надежд на освобождение России и нацеленной на продолжение борьбы с большевизмом из-за границы.

В другом фрагменте дневника А.А. фон Лампе описывает встречи с митр. Антонием (Храповицким), своё впечатление от общения с ним, даёт оценку деятельности митрополита. Приведём фрагмент его записи о встрече с митр. Антонием.

«Сейчас около часа сидел с Антонием, кое-что интересное хочу записать.

События объясняются им как возмездие. Изгнание сербов и болезнь Короля Лерра – возмездие за убийство Александра и Драги, изгнание Константина Греческого – возмездие за убийство Георга, не без участия Константина, в силу легенды что Царьград, основанный и сданный Константином, должен вновь перейти к грекам тоже при Константине!

Смерть нашего Государя – возмездие за переход в хлыстовство. Не забыл Антоний и того, что Государь проявил на деле то, что другие считали на бумаге, то есть считал себя главой церкви «вмешивался» в ее дела, перемещал епископов и т.п.

С восторгом рассказывал о соборе в Москве провозгласившим патриаршество – о котором он мечтал с 9 лет. Собор собрали «кутейки» - нигилисты типа Пракишина из «Преступления и наказания», а на деле все повернулось в другую сторону.

Патриарха Тихона считает честным, но не энергичным человеком. Рассказывал, что еще студентом его называли «патриархом».

Из трех кандидатов он получил наименьшее число голосов – избирали жребием. Думает, что на нем остановились именно благодаря его безличности. Его избрание ограничивает борьбу страстей за пост. Думаю, что Антоний был бы не прочь занять его – человек он не глупый, но не без самоуверенности.

Типичны его слова о выписке его в Крым – “я думал за делом” действительно Врангель вызывает наобум – это я тоже знаю.

Считает Государя и Государыню мучениками, но наказанными Богом за дело!!!

Волнуется о судьбе Михаила Александровича говоря, что вокруг его имени можно было бы многих объединить.

Антонию всего 58 лет. Человек пользовавшийся в Харькове, Киеве и на Волыни большим влиянием. Ведет себя совершенно светски, даже выговор мало уснащен церковными оборотами.

Считает ошибкой Деникина, что хоть не выставил религиозного лозунга, а подчинился «профессорам» последнее считает не “учителями юношества”, а “прелюбодеями мысли”. Возмущается профессорами, читавшими по 36 часов в неделю – уверяет что они сами наталкивали молодежь на беспорядки, чтобы скрыть свое собственное невежество.

Оправдывает то, что Врангель, сначала как бы склонившийся к религии – отошел от нее, так как представители ее были неудачны – Это Вениамин и Феофан /неблагополучен по Распутину/.

Говорит, что они возили Врангеля к гадалке в Ялту, и та за несколько дней до эвакуации Крыма предсказала успех, якобы почему и Врангель лез вперед /это не верно, эвакуация готовилась им заранее/.

Порицает выставленную на показ дружбу Врангеля с Шатиловым, говорит, что это делает повод для зависти, и передавал всякие гадости...

Совершенно незаметно перешел на описание 19 февраля т.е. пути от Свиденграда на Филиппополь /Пловдив/ где мы простояли с 6 часов до 10 часов вечера.

Сидел у Антония, пил чай. Рассказывал мне о просивших развода. Какая- то дама заявила ему, что она таких «гадостей» как свидетелей прелюбодеяния не желает – он ей заявил, что не надо было самой делать гадости, то есть от мужа сходиться с другим!

Узнав, что никаких способов нет – она плюнула и пошла вон. Антоний расвирепел и заявил – сама наблудила – а теперь плюет на церковные законы – не желаю больше разговаривать!

Надо сознаться, что он прав.

Говорит хорошо по-немецки, не много по-французски, но все-таки мирозерцание сужено! А может это и есть широта – он все объясняет писанием, все чисто по-евангельски. Как-то странно для нас это слышать!

Нанесли ему провожавшие русские и греческие “попы”, как он сам их называет, всевозможных гостинцев на дорогу. Между ними ... кокосовый орех – хороший подарок!»²⁹⁸.

В этом фрагменте А.А. фон Лампе записывает свои впечатления от разговора с митр. Антонием (Храповицким), случившимся в тот же день. Судя по характеру записи, автор приступал к ней дважды («Сейчас около часа сидел с Антонием, кое-что интересное хочу записать» в начале записи и «Сидел у Антония, пил чай» ближе к её окончанию). Записи относятся к различным темам, так или иначе связанным с Церковью. Заслуживает внимание переданная А.А. фон Лампе реплика митр. Антония о том, что Всероссийский Поместный собор был собран людьми, далёкими от интересов Церкви, но, тем не менее, его итог был прямо связан с благом Русской Православной Церкви. А.А. фон Лампе не комментирует слова митр. Антония о патриархе Тихоне, но сам описывает митрополита как человека светского поведения, даже разговор которого «мало уснащен церковными оборотами». Реплика относительно Михаила Александровича свидетельствует о том, что судьба великого князя была неизвестна за рубежом. Михаил Александрович Романов был арестован 7 марта 1918 г. и препровождён в Пермь, где был убит. Факт убийства и его обстоятельства были засекречены, более того, власти инициировали распространение ложных слухов в печати о сотрудничестве Михаила Александровича с Белым

²⁹⁸ ГА РФ. Р5853. Оп. 1. Д. 5. Дневник А.А. фон Лампе, книга № 28 (33). С 27 декабря 1920 г. По 7 октября 1921 г. Л. 63-64.

движением. Никакого официального подтверждения смерти великого князя не произошло, не известно место нахождения его останков.

Примечательно замечание митр. Антония относительно его поездки в Крым, косвенные свидетельства об этой поездке находим также в воспоминания прот. В.В. Зеньковского, вынужденного устанавливать отношения с митр. Антонием во время его службы в Украине.

Заметка А.А. фон Лампе о Вербном воскресенье пронизана ностальгией по ушедшему времени, прожитому в царской России. Приведём её полностью. «Вербная неделя, помню – это была самая светлая, чистая пора далекого, теперь ставшего лучезарным детства.

Оно ушло безвозвратно.

А в настоящем, безотрадном гнилом и безобразным кажется сном красиво-мечтательным.

Мы так “далеко” ушли даже за короткий срок последние пять лет что сейчас это звучит странно, дико, Прощание... Светлое, тихое, чистое.

Ясная лунная ночь, ярко освещенные церкви. В ограде мелькают огоньки мигающие. Фонарики различной формы и величины, расцвечиваются тут и там.

Говор тихий разносится далеко.

В церкви благостно, хорошо... хорошо... Ведь и от икон темных и от риз таких же, и от спокойного торжественного настроения молящихся чем-то бодрым, свежим, сулящим надежду на что-то очистительное святое, светлое.

В прошлом это.

А сейчас... выродилось все. Попрали веру.

В раздумье, - потому что не надеялся найти в церкви того, что было прежде.

Мы ужасались осквернениям церквей большевиками. Но почему мы теперь допускаем такие эксцессы, как скандалы с угрозой стрелять и “действовать” саблями? – “И изгнал Господь нечестивых из Храма своего”...

“И раскаялся господь, что создал человека на земле и воскорбел в сердце своем”.

“И сказал господь: истреблю с лица земли людей, которых я сотворил”...

Мы скорбим и стремительными шагами приближаемся к бездне.

Раньше, чем приниматься за возрождение России, нам надо самим возродиться. Иначе нас ждет гибель»²⁹⁹.

Эта заметка наполнена рефлексивной информацией о том настроении, которое пронизывало русскую эмиграцию, которое способствовало сплочению вокруг Церкви, информацией об оценке роли белого движения в гибели прежнего социального и политического устройства России.

Нередко замечания А.А. фон Лампе прямо относятся к тексту газетной вырезки. Например, он сопровождает сообщение о гонениях на русскую церковь в Польше и сопровождающих их всплесках религиозного энтузиазма таким выводом: «Почему то мне не очень верится в наличие религиозного подъема – уж слишком у нас все было наружно-глубоко ничего не было, а теперь и взять то неоткуда – не до того. Думаю, что это только рассказы!»³⁰⁰ Комментариями сопровождаются, как правило, те вырезки, которые соприкасаются с описанием политической ситуации в России. Как участник белого движения А.А. фон Лампе с ревностью следил за развитием политической ситуации и связанной с ней социальных и культурных преобразований. Он не был монархистом и видел недостатки, которые сопровождали белую идею и Добровольческую армию, но не мог не питать надежд на скорое освобождение России от большевизма, хотя скептически относился к надеждам на религиозное возрождение русского народа и возрождение дореволюционной жизни.

А.А. фон Лампе приводит вырезку из финской газеты «Гельсингфорс», одна из статей которой достаточно кратко передаёт сведения о процессе над

²⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р5853 оп. 1. Д. 6. Л. 1.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р5853 оп. 1. Д. 5 (4). Л. 233.

патриархом Тихоном, упоминая и тот факт, что представители советской власти предложили патриарху снять с себя сан, но он отказался. Возможно, на момент дневниковой записи, приведённой ниже, А.А. фон Лампе знал также о том, как далее развивались события, приведшие к формальному освобождению патриарха Тихона и публикации его обращения после освобождения из-под ареста. Вслед за информацией об аресте патриарха Тихона автор дневника размещает вырезку из той же газеты о деле княжны Гагариной. Мария Дмитриевна Гагарина, урождённая Оболенская (1864-1946) в октябре 1918 г. была арестована по обвинению в контрреволюции, приговорена к заключению в концлагерь. Благодаря содействию Московского Красного Политического Креста была освобождена досрочно. В ГА РФ в фонде Московского Красного Политического Креста Р8419 оп. 1. д. 190 хранятся опросный листы, анкета и карточка М.Д. Гагариной. Политический Красный Крест в России существовал в 1874 г., он имел право оказывать помощь только осуждённым по политической статье. Как следует из вырезки, подклеенной А.А. фон Лампе, «Контр-революционная деятельность Гагариной выразилась в том, что она вошла в белогвардейскую организацию с целью свержения советской власти»³⁰¹. При аресте были изъяты её дневники, из содержания которых было ясным критическое отношение М.Д. Гагариной к советской власти. Автор газетной заметки приводит следующие сведения: «В свое время обвиняемая написала письмо патриарху Тихону, в котором высказала свои мысли об изъятии ценностей. Главное зло изъятия она видит в том, что ценности пойдут не на голодающих, а на укрепление сов. власти»³⁰². Отмечая, что Гагарина была признана виновной и приговорённой к высшей мере наказания, автор статьи указал на оправдывающее её убеждение в неизбежном торжестве социализма, благодаря которому высшая мера наказания была заменена пятилетним заключением. Однако, «на следующий после объявления

³⁰¹ ГА РФ. Ф. Р5853 оп.1 д.8 (1). Номер листа не читается.

³⁰² Там же.

приговора день от Гагариной в трибунал поступило заявление следующего содержания: “Прошу тюремное заключение заменить высшей мерой наказания”»³⁰³. А.А. фон Лампе прокомментировал эту вырезку следующим образом: «Поступок Гагариной в наше время, когда патриарх, забыв и свой возраст, и свой сан, в погоне за сохранением жизни, идет на компромиссы – более чем красив и заслуживает того, чтобы попасть в историю...»³⁰⁴. Таким образом, автор дневника разделил убеждения той группы лиц, которая говорила о компромиссах, на которые якобы пошёл патриарх Тихон. Документальных свидетельств каким-либо соглашениям между ним и советской властью на данный момент не обнаружено. Тем не менее, сторонники Живой церкви приложили достаточно усилий для того, чтобы распространить слухи о наличии такого рода соглашений. В этой связи поступок М.Д. Гагариной представал как образец чистоты служения идее, особенно выразительный в силу недостаточной информированности представителей русского зарубежья из заслуживающих доверия источников. Спустя несколько лет, комментируя вырезки из газет с известием о смерти патриарха, А.А. фон Лампе напишет: «Я признаюсь, что не знаю как отнестись к факту смерти Патриарха – потеря это или нет – он не дал нам красоты личности и сопротивления воли насилию большевиков, а мне кажется что он должен был сделать хотя бы ценою гибели и его естественная смерть есть недостаточно яркий штрих в борьбе со злом....!»³⁰⁵ С точки зрения автора дневника патриарх Тихон сделал слишком мало для того, чтобы спасти Русскую православную церковь от поругания, не был сам достаточно убедительным примером борьбы с антирелигиозной политикой.

В дневнике А.А. фон Лампе встречаются сведения о редко освещаемых событиях послереволюционной церковной жизни. В том числе вклеена вырезка под названием «Соглашение о католической пропаганде в России»,

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р5853 оп.1 д.8 (1). Номер листа не читается.

³⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р5853 оп. 1. Д. 20. (1). Номер листа не читается.

сведения о которой, судя по тексту статьи, получены «генуэзским корреспондентом “Petit Parisien”»³⁰⁶.

Большой блок дневника занимают вырезки с описанием мученичества, которому подверглось духовенство в Советском Союзе. Перечислим имена и ситуации, упомянутые в вырезках дневника в связи с темой мученичества: архиепископ Митрофаний (Астрахань, расстрелян), епископ Леонтий (Астрахань, расстрелян), епископ Платон (Юрьев, бывший Петроградский протоиерей Павел Кульбуш, убит топором ночью), «близ Котласа были расстреляны все монахи одного монастыря числом 10, во главе с игуменом»³⁰⁷, священник Копиуров (Чердыч, на морозе поливали голого ледяной водой до момента смерти), священник Подольский (станция Владимирская на Кубанской территории, убит, тело сброшено в свалочную яму), священник М. Лисицын (в станице Усть-Лабинской, побит), священник с. Соломенское, Ставропольской губернии (отрезаны уши и нос, обезглавлен), священник Золотовский (выведен в женском платье, убит), протоиерей Иоанн Дьяконов (свящ. Рождественской церкви, Архангельск, расстрелян), священник был «обвенчан» с лошадью и расстрелян (ст. Микулинская, Донец. обл.), убит Макарий, Епископ Орловский, расстреляны Первенствующий Иерарх России Митрополит Киевский, Петербургский Владимир, медленно были замучены Архиепископ Астраханский Митрофан и викарий Епископ Леонтий (тела были брошены в яму), «архиепископу Андронику отрезали щеки, выкололи глаза, долго водили его по улицам и наконец утопили в реке. Там же расстреляли присланных Священным Синодом для расследования этого события Архиепископа Черниговского Василия и Пермского викария Епископа Феофана. В Тобольске замучили Архиепископа Гермогена, а в Свияжске умертвили, привязав к хвосту бешеной лошади, Епископа Амвросия, Епископа Исидора в Самарской губ. посадили на кол и так предали медленной мучительной смерти. Так же долго

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р5853 оп. 1. Д. 8 (2). Л. 145.

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р5853 оп. 1. Д. 1.

мучили в Белгороде Епископа Никодима, ударяя по голове железным прутom и затем бросив его тело в сорную яму <...>. Епископа Ревельского Платона, обливая водой на морозе, обратили в ледовый столб. Менее известны подробности о расстрелах Преосвященных Лаврентия, Епископа Балакнинского, Пимена, Епископа Верненского, Мефодия, Епископа Павлодарского, Германа, Епископа Камышинского, Варсонофия, Епископа Кирилловского, Ефрема, Епископа Селенгинского. Затем умерщвлены в собственных домах Архиепископ Иоаким в Крыму, Епископ Симон в Уфе. Последний убит в ночь на 6 июля 1921г. Весной 1921 года убит Епископ Акмолинский Мефодий. Наконец, расстреляли в Петрограде любимого избранника паствы, Митрополита Вениамина. <...> сверх того умерли в тюрьмах от голода и жестокого обращения Архиепископ Крутицкий Иеасаф, Архиепископ Екатеринославский Агапит, Архиепископ Симферопольский Никодим, Епископ Василий, Ректор Киевской Духовной академии»³⁰⁸. В деле 30 (4) поимённо перечислены «117 арестованных и сосланных православных епископов в СССР» к 1 апреля 1927 г.

Если рассматривать дневники А.А. фон Лампе тематически, то можно выделить следующие темы, которые освещены в них:

– гонения на РПЦ (список арестованных и сосланных епископов в СССР, обращение соловецких епископов, сведения о репрессиях в отношении духовенства, об осквернении мощей, об изъятии церковных ценностей, об убийстве митр. Вениамина (Казанского), о деле патриарха Тихона, о разрушении православного собора в Варшаве);

– о деятельности обновленцев;

– положение и устройство РПЗЦ (обращения к пастве, информация о Соборе в Карловцах, вопрос о Берлинском приходе, о расколе в РПЗЦ, протоколы собраний Русского академического союза);

– общецерковные вопросы и вопросы секуляризированной культуры (о согласовании юлианского и григорианского календаря, положение

³⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р5853 оп. 1. Д. 12 (6).

Палестины, о советских именах, том, что в 1923 г. удалось добиться, чтобы праздник Преображения был официальным выходным днём, о религиозном подъёме на Пасху 1924 г., об участвовавших разводах и абортах, об убийстве царской семьи);

– вопросы общения РПЦ и РПЗЦ (выдержки из писем митр. Сергия и его обращений к духовенству за рубежом, Карловацкий собор, последствия церковного раскола, в том числе для прихода в Берлине;

– о гонениях на другие церкви (притеснение грузинской церкви, об арестах старообрядцев, о положении католической церкви в СССР; закрытие костелов, реакция Папы Римского, процесс прелата Буткевича).

Судя по обилию вырезок, жизнь Церкви занимала А.А. фон Лампе достаточно сильно. Как следует из его дневниковых заметок, он интересовался положением Церкви в России и принимал участие в улучшении климата в РПЗЦ посильное участие: «29.30.31 декабря /Берлин/. <...> Я очень уговаривал Анатолия Врангеля, чтоб они воспользовались случаем, подготовили бы не примирение конечно, а только демонстрировали бы встречу обоих епископов, то есть чтоб Тихон подошел под благословение, а Евлогий его благословил – надо полагать, что из этого решительно ничего не вышло, так как Тихон заболел, а Евлогий поговорил с детьми, которые кажется, совершенно искренне приняли его за рождественского деда...»³⁰⁹.

В фонде Р5881 хранится тетрадь рукописного дневника Нины Н. под названием «Дневник белоэмигрантки Нины Н. (фамилия полностью не указана) за период времени с 1917 г. до 1923 г.», шифр ф. 5881 оп. 1 д. 582. Это тетрадь стандартного формата с чёрной обложкой, дневник написан чёрными чернилами крупным спутанным, как бы взволнованным, почерком. Неизвестна судьба его появления в РЗИА. Тетрадь на 96 листов, из них исписано только 42 листа.

О себе автор пишет следующее: «Керенского я прекрасно знала. Его сыновья, Олег и Глеб, были лучшими товарищами моего детства. Олег был

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р5853 Оп. 1 Д. 27 (2). Л. 183.

старше меня всего на 20 дней, а Глеб моложе на 3 года»³¹⁰, – Олег Керенский родился в 1905г., соответственно, автору на 1917 г. 12 лет, а её дневник – это дневник подростка. Записи в дневнике очень эмоциональны и рожают ощущение, что записи были написаны *post factum*: «Россия, Россия, куда ты исчезла? <...> Теперь у нее большевики. <...> Боже мой! Так развратить страну! Дисциплины нет. Религий нет, ничего нет. <...> разве может существовать страна без религий, без веры»³¹¹.

«Единственным утешением для меня была Церковь. В Уфе был удивительный архиерей. Я перед ним просто преклонялась. Как я его любила и уважала! Он, по-видимому, тоже любил; так, по крайней мере, говорил нам девочки, да и я сама видела. Никогда не забываются такие люди. И теперь он остался в Уфе, а что, если придут большевики, нет, не могу об этом писать...»³¹².

Установить год, описанный в этом дневнике, и личность архиерея не удалось.

Заметки о Всероссийском поместном соборе в своём дневнике оставил прот. Г.С. Голубцов³¹³. Дневник хранится в ГА РФ фонде 5881 оп. 2. д. 774 под названием «Поездка на Всероссийский церковный Московский Собор». В дневнике 190 листов. Георгий Степанович Голубцов выходец из крестьянской семьи, получил духовное образование и с 1895 г. нёс служение в кафедральном Александрово-Невском соборе в Сухуме. В 1918 г. был членом второй сессии Всероссийского поместного собора как заместитель епископа Сергия (Петрова). «Дневник» представляет собой рукопись с разборчивым почерком. Судя по слогу и характеру описаний, автор «Дневника» предполагал его обнародование, и текст имеет вид скорее

³¹⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 582. Дневник белоэмигрантки Нины Н. (фамилия полностью не указана) за период времени с 1917 г. до 1923 г. Л. 3.

³¹¹ Там же.

³¹² Там же.

³¹³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 774. Голубцов Г.С. Поездка на Всероссийский церковный Московский собор. Дневник. Опул.: Голубцов Г.С. Поездка на Всероссийский церковный Московский Собор. Дневник // Дело великого строительства церковного. Воспоминания членов Собора 1917-1918 годов. - М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – С. 160-289.

воспоминаний, нежели дневниковых записей. Из дневника прот. Георгия мы узнаем о запутанных делах Сухумской епархии в первые революционные годы. Ввиду того, что Абхазия населена разными народностями, с приходом революции и пробуждением национального самосознания каждая народность стала предъявлять свои требования. Грузины, объявив автокефалию своей церкви, стремились включить и абхазские приходы в число приходов грузинской церкви. Прот. С. Голубцов описывает содержание собора за 1918 г., не касаясь 1917 г., когда он не принимал участия в его работе.

Описывая ход Поместного собора, прот. Г.С. Голубцов по памяти восстанавливал содержание речей выступавших его членов, сопровождая приведённые реплики своей оценкой высказавшегося лица. Размышления также сопровождают обсуждения острых вопросов на соборе. Например, разбирая вопрос о том, могут ли вести бракоразводные процессы православных христиан адвокаты иудейского происхождения, прот. Георгий отмечал, что практическое решение этого вопроса отличается от умозрительных построений, его касающихся. Подробно он описывает и прения относительно вопроса об отпевании самоубийц. О. Георгий пишет о таких «неудобных» вопросах, как разногласия между членами собора, их заблуждения и ошибки, нечестность и бесцеремонность претензий отдельных духовных лиц.

В ГА РФ под шифром ф. 5881 оп. 2 д. 803 хранится дневник М.А. Уварова. Рукопись дневника объёмна, в ней 200 листов, написанных чернилами от руки. Михаил Андреевич Уваров (1865 – год смерти неизвестен) – полковник, начальник дивизионного штаба. Был генерал-майором генерального штаба Донской армии. Эмигрировал в 1920 году. Во время Гражданской войны продолжал посещать богослужения на территориях белых, несмотря на революцию. Судя по тексту дневника, он был верующим человеком, в тексте он часто упоминает о том, как посещал богослужения и причащался: «30 Марта. В вербную субботу 21 Марта причастился, а Пасху 29 Марта был в Феодосийском соборе. Я всегда один и

это очень угнетает меня»³¹⁴, «17 мая. Сегодня Троицын день, а на душе у меня отчаяние; я подобен обломку разбитого корабля»³¹⁵. Тем не менее, никаких более содержательных записей в дневнике не обнаружено.

Более информативен дневник А.М. Хирьякова. Его шифр ф. 5881 оп. 2 д. 805, название «Выписки из дневника». Судя по этому заголовку, А.М. Хирьяков вёл дневник, однако сохранил или передал в РЗИА на хранение только отобранные его фрагменты. Текст занимает 39 листов. Хирьяков Александр Модестович (1863-1940) – писатель, журналист, мемуарист. Толстовец. Был арестован после октябрьского переворота. Бежал из тюрьмы, эмигрировал в Польшу. Выписки из дневника полны философских обобщений, что соответствует характеру его автора, например: «25 октября. Жизнь становится все труднее и труднее. Вся энергия уходит на добывание пищи. А пища эта какая-то бутафорская. С.А. Венгеров говорит, что он только теперь понял все значение слов: “Хлеб наш насущный даждь нам днесь”. Надо полагать, что не менее важны и слова: “избави нас от лукавого”»³¹⁶. Запись относится к 1919 году. Венгеров Семен Афанасьевич (1855-1920) – литературный критик, историк литературы. После революции остался в России, скончался в Петрограде.

В дневнике А.М. Хирьякова описан момент яркого превосходства доводов священника в пользу веры в воскресшего Спасителя: «5 мая. Передают, что недавно, кажется, на пасхальной неделе Луначарский читал публичную лекцию антирелигиозного характера и, между прочим, с особенным жаром опровергал воскресение Христа. По окончании лекции, он обратился к слушателям с предложением возразить, если кто не согласен. Сперва никто не решался, но потом поднялся какой-то старенький священник:

– Прошу слова.

³¹⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 803. Уваров М.А. Дневник. Л. 167.

³¹⁵ Там же. Л. 168.

³¹⁶ Там же. Л. 3.

– Пожалуйста, обрадовался Луначарский, только я вас очень прошу, нельзя ли покороче, так как я должен поспеть еще на одно собрание, да и, кроме того, может быть еще кто-нибудь захочет высказаться.

– Я не задержу. – Священник неторопливо прошёл между рядами, поднялся на кафедру, оглядел собравшихся, спокойным внушительным голосом произнёс:

– Христос Воскрес!

– Воистину Воскрес! – дружно ответили слушатели

Священник сделал глубокий поклон и сошёл с кафедры. Возразил ли что-нибудь Луначарский и что именно история умалчивает»³¹⁷.

Эта запись, очевидно, передаёт слухи. Установить, было ли описанное на самом деле, не удалось.

В ГАРФ хранится берлинский дневник Н.Н. Чебышёва объёмом в 479 листов, который он вёл во время его нахождения в Германии в качестве политического консультанта при военном представителе Врангеля в Берлине генерале А.А. фон Лампе. Период ведения дневника с 24 декабря 1922 г. по 18 сентября 1923 г. Шифр хранения ф. Р5955 оп.1 д.4., название в описях «Берлинский дневник Н.Н. Чебышева. 24 декабря – 18 сентября 1923 г.». Дневник представляет собой широкоформатную тетрадь в плотном переплёте, машинопись с рукописными авторскими пометками чернилами и карандашом.

Автор дневника, Николай Николаевич Чебышёв (1865 –1937) – русский юрист (судебный деятель), журналист и участник Белого движения. После Февральской революции был назначен сенатором уголовно-кассационного департамента Сената. Как деятель Белого движения летом 1918 года участвовал в подпольной деятельности «Правого центра». В ноябре 1920 г. вместе с частями Русской армии Врангеля эвакуировался в Турцию, жил в Константинополе и в Софии, где занимался журналистской деятельностью. Позже перебрался в Берлин.

³¹⁷ ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 805. Хирьяков А.М. Выписки из дневника (1919-1923). Л. 8.

Фрагменты дневника посвящены вопросам религии, борьбе и расколу внутри православной церкви и антирелигиозной деятельности большевиков.

Во фрагменте на л. 52 Чебышёв поднимает национальный вопрос, обвиняя большевиков в умышленном обострении ненависти к евреям. Н.Н. Чебышев, ориентируясь на рассказы приехавшего в Германию из СССР М. Горького, пишет о провокационном использовании евреев в антирелигиозных кампаниях: «Горький подтвердил достигнутую крайних пределов в России ненависть к евреям, как можно видеть по его рассказу, умышленно обостряемую большевиками. Большевики посылают в православные церкви за ценностями евреев и вообще во всех посягательствах на православные святыни заставляют евреев играть первенствующую роль»³¹⁸.

Далее автор дневника приводит разговор с девочкой из Советской России, иллюстрируя им упадок религиозного сознания у нового поколения: «— Тебя водят в церковь?

— Нет. Зачем?

— Как зачем?.. Богу молиться.

— Я не верю в Бога.

— Почему?

— Я его никогда не видела.

— Тебя крестили?

— Да. Крест я потеряла»³¹⁹.

К 1922 году антирелигиозная пропаганда большевиков развернулась настолько, что включала в себя преподавание безбожия в школах. Несомненно, эта деятельность приносила плоды.

Другой фрагмент продолжает вопрос развала церкви большевиками и касается событий, связанных с передачей турецкими властями Русской посольской церкви (Константинополь) Советской России в 1923 г., что

³¹⁸ ГА РФ. Р5955. Оп.1. Д.4. Чебышев Н.Н. Берлинский дневник. Л. 52.

³¹⁹ Там же. Л. 58.

впоследствии привело к закрытию посольских церквей. «За последнее время ни один тяжкий грех перед национальной Россией не был так болезненно воспринят русскими, как отдача посольства, составляющего ценность Царской Семьи, явным ворами и передача православной церкви грабителям и осквернителям наших святынь»³²⁰.

Шифр хранения уже упомянутого в связи с воспоминаниями «Всероссийский церковный собор (1917-1918 гг.) «Дневника скитальца» И.В. Новицкого ф. Р6247 оп. 1 д. 10. Дневник представляет собой рукопись, написанную ясным хорошо разборчивым почерком. В текст рукописи вклеены фотографии, открытки, газетные вырезки, денежные знаки, бонны. «Дневник скитальца», согласно словам самого автора, был написан в России, утерян и восстановлен в Праге в 1920 г. «по обрывкам уцелевших старых записных книжек, по записям сочленов по Собору <...> и по собственным воспоминаниям»³²¹. Некоторые из записей «Дневника» вошли в воспоминания о Поместном соборе в том же виде, в каком они представлены в «Дневнике», другие были подвергнуты авторской редакторской правке. Относящиеся к жизни Церкви отрывки из дневника опубликованы³²².

В ГА РФ хранится дневник Р.М. Гольдовской (Хин-Гольдовской), шифр хранения ф. Р6421 оп. 1 д. 3. Дневник объёмом в 118 листов, был написан в марте-апреле 1917 г. Рашель Мироновна Гольдовская (9 марта 1863 – 12 декабря 1928) – писательница, драматург, член Всероссийского Союза писателей, Общества любителей российской словесности при Московском университете. Выросла в семье купца второй гильдии. В 1921 г. Р.М. Гольдовская получила возможность осуществить поездку в Германию, официально с целью лечения и изучения новейшей детской литературы и искусства. После поездки вернулась в Москву, где писала мемуары, которые не были опубликованы. Умерла в 1928 году в Москве.

³²⁰ ГА РФ. Р5955. Оп.1. Д.4. Чебышев Н.Н. Берлинский дневник. Л. 61.

³²¹ Цит. по: Новицкий И. В. Всероссийский церковный собор (1917-1918 гг.). — М.: Издательство «Спаское дело», 2020. С. 12.

³²² Новицкий И. В. Всероссийский церковный собор (1917-1918 гг.) / публикация священника Евгения Агеева, Д. Г. Давиденко, А. И. Мраморнова. — М.: Издательство «Спаское дело», 2020. — 136 с.

Р.М. Гольдовская в одном из фрагментов дневника не без скрытого сомнения рассказывает о стране, «свободнейшей на земном шаре», возникшей в результате февральского переворота, о церкви, в которой больше не возглашают долголетия «благочестивейшему» и о войне, о которой «точно забыли», описывает полный упадок традиционного уклада жизни³²³. Р.М. Хин-Гольдовская приводит фразу некоего Миши, раскрывая отчасти своё отношение к начавшейся революции: «Подождите! Революции, начинающиеся бескровно, обыкновенно оказываются самыми кровавыми...»³²⁴.

На шестом листе дневника рассказывается о предстоящей Пасхе 14 апреля (1 апреля). Суббота. Завтра Пасха. Первое Светлое Воскресенье свободной России... Когда и как всё «образуется» — ни один мудрец не скажет. Одно несомненно: совершилось нечто до того великое, мифическое, что оно исключает всякий поворот к прошлому. <...>. Как гудят колокола! Как-то особенно торжественно... Вся Москва у заутрени...»³²⁵. Автор подчёркивает необратимость революции (и, как можно вывести далее, её бессмысленность). Вместе с тем послереволюционное время вселяет веру в духовное преображение.

На следующем листе, как подтверждение, нас встречает «первая Пасха свободной России». Р.М. Гольдовской «хочется верить, радоваться, а на душе печаль и трепет перед Неизвестным», что может говорить о том, что Рашель Мироновна всё-таки теплит надежду. Тем не менее, необходимо понимать, что речь пока идёт только о следствиях Февраля. Надежду же питает Рашель, вслед за студентом-кадетом Борисом О., именно к русскому народу: «... русский мужичок слишком умён, и «марксисты» его не обойдут»³²⁶.

³²³ ГА РФ. Р 6421 1 3. Хин-Гольдовская Р.М. Дневник за март 1917 г. Л. 5.

³²⁴ Там же. Л. 6.

³²⁵ Там же. Л. 7.

³²⁶ Там же.

Р.М. Гольдовская испытывает сомнения и насчёт Февральской революции, её правовых основ, приводя четверостишие за авторством одного из уголовных заключённых:

«Не верю я тому народу
И не шлю ему привет,
Который политическим дал свободу,
А уголовным – нет!...»³²⁷.

В целом дневник Р.М. Гольдовской в отношении фактов мало информативен. Он насыщен рефлексивной информацией, автор дневника ярко переживает события Февральской революции, и даже в колокольном звоне слышит приветствие тем переменам, которые она принесла.

В ГА РФ хранится дневник генерала Замбржицкого Виктора Альфонсовича. Шифр хранения ф. Р6559 оп. 1 д. 1 б, название в описях «Дневник генерала Замбржицкого В.А. и копии документальных материалов Донской армии. 1918 г.». Объём документа 203 листа, дневник рукописный, включает в себя нарисованные от руки карты, имеющие отношение к Гражданской войне на юге России. Замбржицкий В.А. (1883 – 1960) – уроженец Кутаиси, православный. Участник русско-японской и Первой мировой войн. В Донской армии (ВСЮР) с 11 августа 1918 г., а с 14 августа – в звании генерал-майор. Эвакуировался вместе с армией П.Н. Врангеля из Крыма в Сербию. Позже переехал в Чехословакию. В эмиграции занимался литературной деятельностью.

Дневник посвящён описанию военных действий со стороны Белой армии. В нём описаны краткие эпизоды, иллюстрирующие пример помощи от духовенства людям, а именно: помощь отца Александра Чуева в вывозе семьи из большевистских территорий³²⁸ и прошение заштатного священника Николая Тихонова пойти в войска на любую работу (желание послужить

³²⁷ ГА РФ. Р 6421 1 3. Хин-Гольдовская Р.М. Дневник за март 1917 г. Л. 7

³²⁸ ГА РФ. Ф. Р6559. Оп. 1. Д. 1 б. Дневник генерала Замбржицкого В.А. и копии документальных материалов Донской армии. 1918 г. Л. 3

делу освобождения Дона от большевиков)³²⁹. Установить обстоятельства биографии священнослужителей не удалось.

Личный фонд И.С. Ильина, переданный из РЗИА в ГА РФ, включает в себя 2 дела воспоминаний³³⁰, а также несколько дел дневников за 1920-1938 гг.³³¹ с вклеенными вырезками из газет и напечатанную статью. Часть дневников издана³³².

Иосиф Сергеевич Ильин (1885-1981) происходил из рода Рюриковичей и князей Галицких. Он был кадровым военным, революция застала его в чине полковника. В начале Первой мировой войны он получил лёгкое ранение в руку и несколько контузий, в связи с чем был отстранён от несения служб на полях сражений. Революцию встретил с воодушевлением, хотя внутренне протестовал против Приказа № 1. После октябрьского переворота занял позицию сопротивления большевизму несмотря на то, что видел обречённость белого движения. В Гражданскую войну был участником белого движения, занимал должность штаб-офицера для поручений при военном министре Комитета членов Учредительного собрания, а затем – при ставке главнокомандующего Уфимской директории генерала В.Г. Болдырева. Эмигрировал в 1920 г. в Харбин, затем уехал в Швейцарию, позже в США, окончил дни в Швейцарии. И.С. Ильин сочувственно относился к православию, некоторые эпизоды его дневника описывают события, относящиеся к жизни Церкви.

И.С. Ильин в дневнике приводит эпизоды из своей жизни, которые связаны, с двумя большими этапами его биографии и истории страны в целом. Первый этап – это события между двумя революциями, когда сам И.С. Ильин находился в центральных и западных частях России, на Поволжье: Петроград, Врангелевка (недалеко от украинского Житомира),

³²⁹ ГА РФ. Ф. Р6559. Оп. 1. Д. 1 б. Дневник генерала Замбрицкого В.А. и копии документальных материалов Донской армии. 1918 г. Л.73.

³³⁰ ГА РФ. Ф. Р6599 Оп. 1. Д. 15, 16.

³³¹ ГА РФ. Ф. Р6599 Оп. 1. Д. 1-14.

³³² Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914-1920 / Иосиф Ильин; подгот. текста, вступ. ст. В.П. Жобер. – М.: Книжица: Русский путь, 2016. – 480 с.: ил.

затем восточнее – Самайкино (область города Сызрань). Как православный христианин, И.С. Ильин подмечал перемены, происходившие в отношении Церкви после октябрьского переворота. Как человек военный, он не принимал участия в судьбе Церкви в 1917 году, но чутко реагировал на изменение её положения в обществе. В дневнике И.С. Ильина обнаруживаем описание следов тлетворного влияния революционных «свобод» весны 1917 года на развитие государственно-церковных отношений: «1 апреля. Врангелевка. Итак, Пасха [19]17 года. Пойдем опять к заутрене, пропоют «Христос воскрес». <...> Хорошо, тепло, солнечно, все начинает распускаться. Но праздник не в праздник. Чувствуется, что что-то не то. Появилась масса самых омерзительных журналов с карикатурами, подчас неприличными, на Царя и Государыню. Николая иначе как «кровавым» не зовут — вот и свобода печати, нечего сказать!»³³³. Свержение и осмеяние помазанника Божьего свидетельствовало о характерном перевороте в религиозном сознании и самовосприятии русского общества и русского народа. С одной стороны, благодаря февральской революции Церковь лишилась мертвящего государственного контроля над своими внутренними делами, с другой стороны упразднение монархической власти влекло за собой упразднение и долгие годы сопричастной государству церковной власти. Это раскрыло пути как для горячего проявления религиозности, так и для полного отвержения религии. Либеральные начинания Февраля для автора дневника никак не укладываются в картину истинной цели развития общества, государства и церкви. Идёт разрушение прежних традиционных устоев, а что за этим? Ильин всё-таки верит в возрождение через религию, «через истинное понимание Бога и церкви»³³⁴.

Далее И.С. Ильин приводит в дневнике разговор одним полковником в Проскурове в начале октября 1917 г., имени собеседника не называя. Разговор ещё более наполнен пессимизмом и разочарованием в итогах 1917

³³³ Цит. по: Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914-1920. М., 2016. С. 199-200.

³³⁴ Цит. по: Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914-1920. М., 2016. С. 394.

г. Полковник размышляет о русской религиозности: «... русская религиозность – анекдот, выдумка наших интеллигентов да мягкотелых сентименталистов – никогда русский не был религиозным; загаживают алтари, иконы, громят церкви. Наша истинная религиозность выращивалась в скитах, да у отшельников – это статья другая, в широкой же массе был казённый поп, который сам не верил ни в чёрта, ни в кочергу, да официальная церковь...»³³⁵. В том же диалоге проводится краткий анализ «Бесов» Ф.М. Достоевского.

Тем не менее, надежда, вера в возрождение государства и общества на религиозной основе особенно сильно у И.С. Ильина видна уже после Октябрьской революции, в 1918 г., когда он, вслед за членами Уфимской директории, перебирается в Сибирь. Это второй этап его жизни в России в революционное время: Омск-Новониколаевск-Иркутск. Очевидно, И.С. Ильин находился под обаянием личности Д.В. Болдырева, выдержки из доклада, которого он привёл в дневнике, и сочувственно относился к его идее создания полков Святого Креста: «5 сентября. Омск. Был на докладе Д[митрия] Васильевича] Болдырева относительно истории русского религиозного движения и православия. Он доказывал, что вся русская культура, как и государственность, группировалась около церкви и что в критические минуты жизни России всегда выступала на сцену церковь, которая и выводила страну из тупика несчастий и бедствий»³³⁶. Прямой вывод из этих рассуждений – организация Добровольческих дружин: «Пошли на последнюю героическую меру - проф. Болдырев редко честный и упорный человек предложил формировать дружины св. Креста - я записался сейчас же и поехал в Иркутск с приказанием поднять там религиозное движение и сформировать ополчение с которым придти на фронт. <...> Должен сказать, что результаты были блестящи, записывались масса, части крестоносцев были безукоризненны, дрались отчаянно и умирали героями –

³³⁵ Цит. по: Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914-1920. М., 2016. С. 231-232.

³³⁶ Там же. С. 393.

но было уже поздно ... была каша и хаос»³³⁷. И.С. Ильин сам занимался формированием дружин Св. Креста, «я вполне искренно верю в то, что возрождение придет через религию, через истинное понимание Бога и церкви»³³⁸, – писал он в воспоминаниях.

В записях, сделанных в Иркутске в декабре 1919 года, Ильин поясняет цели своей миссии и цели белого движения в целом: «... никаких узкорелигиозных целей движение не преследует... никакой нетерпимости быть не может и не должно быть... каждая национальность вправе выступать в защиту своей церкви и своей религии»³³⁹. Иосиф Сергеевич возлагал большие надежды на добровольческое движение религиозных деятелей, считал, что именно духовенство может сыграть решающую роль в деле помощи раненым³⁴⁰. В целом, ситуация в Сибири вселяла большие надежды в автора дневника: здесь не грабили церкви, здесь совершались реальные дела и всё было направлено на одно – не дать большевикам уничтожить настоящую, истинную Россию окончательно.

Несмотря на то, что во время Гражданской войны не произошло возрождение через веру, сознание того, что обращение к Богу может помочь русскому народу справиться с общественно-политическими невзгодами, было очень сильно у русской эмиграции. Поэтому дневники, которые И.С. Ильин вёл за границей, также содержат сведения о положении Церкви в России. К ним не прилагаются конструктивные замечания автора, он лишь отслеживает всё ухудшающееся положение Церкви в СССР. И.С. Ильин обходит вниманием вопрос о расколах в Русской Православной Церкви, кроме образования обновленческой церкви. Занимает его вопрос об организации религиозной жизни в быту у оставшихся на Родине соотечественников. В текст дневников подклеены газетные вырезки из

³³⁷ ГА РФ. Ф. Р5881 оп. 1 Д. 771. Л. 12.

³³⁸ Цит. по: Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914-1920. М., 2016. С. 394.

³³⁹ Там же. С. 405.

³⁴⁰ Там же.

эмигрантской периодики с описанием гонений, которым подвергалась Церковь после Гражданской войны.

Судя по слогу и описываемым событиям, И.С. Ильину также принадлежат машинописные записи в фонде Р5881 оп. 1 д. 771 под названием «Воспоминания о Гражданской войне в Сибири и бегстве после разгрома Колчака в Китай». Автор данных воспоминаний не установлен, но можно с высокой долей вероятности утверждать, что они принадлежат И.С. Ильину, так как описание событий в этом документе за исключением некоторых деталей сходно с описанием, которое встречается на страницах «Воспоминаний» за 1914-1920 гг.³⁴¹ Машинописный текст не сопровождается рукописными пометками, поэтому нет возможности сопоставления почерка. В тексте «Воспоминаний Ильина И.С. биографического характера с 1914 г. до 1920 г.» читаем: «Буфетчик напомнил нам, что сегодня сочельник, и потому предложил купить у него “по случаю” “атличный каньяк, душа мой, всыго тысяча рублей бутылка” и мы с Воиновым согласились. На станции Байкал Воинов раздобыл чудесного омуля копченого, принес ветку пихты, и, когда поезд тронулся, устроили целое пиршество. На столике прикрепили ветку, нарезали стеариновую свечу на восемь частей, наклеили их, разложили нарезанную рыбу, черный хлеб, поставили бутылку коньяку. Так мы устроили елку в сочельник на Рождество 1919 года между ст. Михалево и Байкалом. В одиннадцатом часу я вышел на площадку и был буквально очарован сказочной картиной. Поезд нырял в темные провалы туннелей, с грохотом выносился и снова убегал в черные отверстия. Справа громоздились гигантские скалы, упираясь, казалось, в самое небо, слева в просвете между туннелями блестел голубоватый лед Байкала, бриллиантовыми пирамидами нагромоздившись у берега. Полная луна заливала фосфорически-таинственным светом величественную картину. Боже, как хорошо, как прекрасно все кругом было. И словно докучливая

³⁴¹ ГА РФ. Ф. Р6599 Оп. 1. Д. 16. Воспоминания Ильина И.С. биографического характера с 1914 г. до 1920 г. (с приложением документов и газетных вырезок). Машинопись. 463 л.

боль, как будто что-то вдруг вспоминалось тяжелое и скверное: война, революция, брошенный Иркутск. И зачем все это, кому все это надо»³⁴².

Сравним с текстом, который хранится в фонде Р5881: «Боже мой, что за наслаждение было устроиться в купэ кочегара, на деревянной лавке при ярком свете электрической лампочки. Это было 24-го Декабря по с.ст. т.е. в сочельник. <...> Через пять минут какая-то черномазая фигура вылезла и подошла ко мне – «Разрешите представиться поручик Воинов», еще немного погодя также представился и капитан. Они пристроились в поезде еще в Иркутске. Достали веточку елочки, купили копченой селенги – знаменитой байкальской селенги, черного хлеба, разрезали свечку на множество кусочков и... зажгли елку. Поезд плавно покачивало, было как-то особенно уютно и чисто... Буфетчик «Высокого Комиссара» Кавказский человек, попавший сюда еще с японской войны, как то пронюхал про нас и притащил бутылку отличного коньяку, который «по знакомству» уступил недорого. Так встретили 1919 год. Я вышел на площадку: Байкал горел словно серебро, под лучами Луны узкой лентой обвивала его железная дорога, зияли чёрными пастями бесконечные туннели - их было так много, кажется 42: поезд то нырял в темноту и страшно громыхая нёсся в каменном коридоре, то вылетал оттуда словно чудовище какое-то»³⁴³. За исключением деталей тексты сходны. Судя по характеру записей, хранящийся в фонде Р5881 документ представляет собой записки, которые автор сделал по следам произошедших событий, в то время как воспоминания из личного фонда носят следы позднейшей литературной обработки. Следует признать высокое литературное мастерство автора приведённых воспоминаний, написанных, очевидно на основе дневниковых записей.

Последний дневниковый текст, обнаруженный в фондах РЗИА, хранится в ГА РФ под шифром ф. Р9431 оп. 1 д. 41. Это «Дневник

³⁴² Цит. по: Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914-1920. – М., 2016. – С. 430.

³⁴³ ГА РФ. Ф. Р5881 оп. 1 Д. 771. Л. 11. Воспоминания о Гражданской войне в Сибири и бегстве после разгрома Колчака в Китай.

белогвардейца шталмейстера Бурукова. Подлинник. 1918-1919», – такое название он носит в описях. В рукописи 238 листа. Дневник был начат 27 декабря 1918 года в Ростове.

Этот документ хранится в фонде Р9431, имеющем название «Особая *varia* (коллекция)», в котором собраны различные документы из РЗИА, не вошедшие в другие фонды, в том числе воспоминания, дневники, доклады, рукописи карт и многое другое.

Инициалы и биографию автора восстановить не удалось. Чин шталмейстера означает, что его носитель был главным конюшим, придворным конюшенным в чине 3-го класса. Автор пишет о перевороте Колчака, «очищении» Сибири от большевиков японцами и в том числе о добрых рождественских традициях старого времени: «1919 год 1 Января. Предавшись воспоминаниям старого доброго времени! Говорили о выходах в зимнем дворце под Новый год и путешествии Государя в 1913 г. на Волгу и о красотах наших храмах Ростова-Великого, Суздаля, Переяславль Залесского, Ярославля из коих многие разрушены, обезображены большевиками. <...> Вчера были с А.Л. Казем-Беком в старом соборе, служили новогодний молебен. Старый относительно конечно собор очень хорош, и красивый новогодний молебен доставил мне радость и грусть»³⁴⁴. Казем-Бек Александр Львович (1902-1977) – выходец из знатного кавказского рода, христианин, публицист, церковный журналист, богослов, лидер движения «младороссов». Эмигрировал в 1920 г.

Автор дневника уверен в силе духовного воодушевления русского народа, возможно, эта уверенность была внушена ему талантом Д.В. Болдырева: «Как все-таки странно: всегда проповедь монархическая, за восстановление или установления монархического строя идёт от духовенства. Духовенство и у нас сыграет еще свою роль, и мы увидим его впереди монархических рядов»³⁴⁵.

³⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р9431. Оп. 1. Д. 41. Дневник шталмейстера Бурукова. Рукопись. Л. 17.

³⁴⁵ Там же. Л. 49.

Автор дневника пишет о разграблении церквей, свидетелем которого он стал, и указывает на межрелигиозный конфликт иудеев и православных христиан: «Все комиссары и замы были исключительно жида, глумившиеся над религией. В одной из церквей были вытащены все церковные сосуды. В другой церкви у Иконы святого Николая воткнули папиросу и сделали надпись «...»³⁴⁶. Одна церковь сожжена была. Облачение церковное было разобрано, и они мерзавцы ходили в ризах священников и стихарях диаконов. В окрестностях Ессентуков была Школа при станции. Приехал комиссар еврей для инспекции Школы и постановки учебного процесса. Остался довольный всем, но заявил заведующему – все хорошо, только церковь слишком близко к школе.

Находчивый заведующий отвечал:

Я охотно пойду навстречу уничтожению церкви, если вы начнёте с уничтожения синагог, которые во многих случаях были близко стоящими от школ.

Жид насупился и... промолчал»³⁴⁷.

В следующем параграфе будет оценена степень полноты изложенных в дневниках событий, относящихся к истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг.

3.2. Анализ полноты изложения информации в дневниках

Количество дневников, в которых отложилась информация о жизни Церкви в 1917-1927 гг. значительно меньше, чем воспоминаний: 11 дневников и 48 воспоминаний в источниковом массиве. В целом дневниковый жанр в дневниково-мемуарном комплексе представлен

³⁴⁶ Надпись не указана.

³⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р9431. Оп. 1. Д. 41. Дневник шталмейстера Бурукова. Рукопись. Л. 81.

малочисленно, воспоминания являются преобладающей формой фиксации сведений о жизни их авторов в России до эмиграции.

Полнота изложения информации дневников напрямую соотносится с задачами этого жанра: дневник выхватывает самое яркое, тронувшее. Он не восстанавливает хронологию событий, не ищет потерянные звенья в их цепи. Он передаёт моментальное восприятие происходившего. С помощью дневников РЗИА нельзя было бы реконструировать какой-либо отрезок истории Церкви после революции. Единственным исключением являются дневники А.А. фон Лампе ввиду специфики поставленных самим автором целей: его дневник должен был послужить материалом для воспоминаний. Характер А.А. фон Лампе не предполагал склонности к самоанализу и психологическому анализу лиц и явлений, поэтому своей основной целью он видел фиксацию происходивших событий, сопровождавшуюся короткими комментариями автора. Фиксация происходила по преимуществу с помощью газетных вырезок: автор дневника собирал вырезки из различных периодических изданий зарубежья, иногда сопровождал эти материалы своими замечаниями, но чаще ограничивался лишь подборкой. Вырезки отражали все аспекты жизни государственно-церковных отношений с 1920 по 1927 годы. Особое место занимала в дневнике тема новомученичества, А.А. фон Лампе сохранил множество газетных вырезок, посвящённых теме гонений на религию в СССР, а также обстоятельствам убийства представителей духовенства.

Ещё одним видом документального наследия А.А. фон Лампе является его обширная переписка с деятелями эмиграции, в их числе философ И.А. Ильин, гетман Украины Скоропадский, генерал А.И. Деникин, генерал П.Н. Врангель, княгиня С.А. Волконская, публицист В.В. Шульгин и другие. В переписке обсуждаются преимущественно вопросы, относящиеся к жизни в эмиграции, но отчасти отражены в них и темы, касающиеся жизни Церкви. Эта обширная часть документального наследия А.А. фон Лампе ждёт своего исследователя.

В газетных вырезках, примыкающих к дневнику А.А. фон Лампе перечислены имена и обстоятельства убийства значительного числа духовенства. Эта информация может быть востребована ввиду ещё не закончившегося процесса канонизации новомучеников, пострадавших за веру от советской власти.

В целом тема мученичества в дневниках других авторов не раскрыта. За исключением подробных текстов И.А. Ильина и И.В. Новицкого, дневники насыщены не фактографической, а рефлексивной информацией. Их главная задача заключается в том, чтоб помочь их автору эмоционально пережить происходившие события, дать непосредственную реакцию на происходящее, поделиться с бумагой своими опасениями, тоской, ностальгией.

Дневник И.В. Новицкого изначально заполнялся как материал для будущих воспоминаний. Он изобилует фактами, которые относятся к описанию советской действительности первых лет образования нового государства, а также событий, связанных с работой Всероссийского поместного собора. Используя дневник для написания воспоминаний, И.В. Новицкий цитировал дневник дословно, где-то обрабатывал текст.

О Всероссийском поместном соборе, но только за 1918 год, много информации отражено в дневнике прот. Г. Голубцова. Являясь представителем Сухумской епархии, о. Г. Голубцов концентрируется на положении Церкви в Абхазии, перипетиях отношений абхазской церкви с грузинской. Его дневник содержит массу характеристик участников Собора, его настроений, излагает содержание выступлений достаточно обстоятельно.

И.С. Ильин также вёл весьма подробный дневник. Есть основания полагать, что события могли быть зафиксированы не в тот же день, в который они произошли, а немного позднее, через несколько дней. В пользу этого говорит обширный объём записей, а также некоторые неточности. Также дневниковые записи И.С. Ильина отличает стройность изложения, изложенные в нём события следуют друг за другом, имеют место

пространные отступления, размышления автора. К тексту дневника примыкает рукопись «Воспоминаний о гражданской войне в Сибири и о бегстве после разгрома Колчака в Китай», отпечатанных на машинке. Описанные в мемуарном тексте обстоятельства, лица, авторский слог – всё говорит в пользу того, что воспоминания принадлежат перу И.С. Ильина. Отличаются лишь некоторые обороты и эпитеты.

Достаточно фактографически насыщен «Берлинский дневник» Н.Н. Чебышева. Автор заполнял его, уже пребывая в эмиграции, но описанные в дневнике обстоятельства относятся к жизни в России, причём материалом послужили как материалы эмигрантской периодики, так и сведения, полученные от приехавших из России людей. Н.Н. Чебышев довольно кратко, но дельно, пишет об антирелигиозной пропаганде в России, о ситуации вокруг Церкви в Польше.

Основная же часть дневников содержит лишь какие-то краткие фрагменты, описывающие жизнь Церкви в 1917-1927 гг., но они являются богатым источником рефлексивной информации.

Подытоживая этот раздел, можно сделать следующие выводы:

1. Среди дневников источникового комплекса РЗИА преобладают эпизодические дневники, содержащие малое количество фактографической информации, насыщенные описанием своего психологического состояния и восприятия происходящих в стране событий, относящихся также и к жизни Церкви.

2. Наиболее полно в дневниках описаны события Всероссийского поместного церковного собора, причем как за 1917, так и за 1918 год.

3. Такие явления истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 годах как обновленчество, гонения на духовенство, в том числе мученичество, изъятие церковных ценностей, дело патриарха Тихона, его арест, освобождение, его воззвания к верующим, смерть патриарха Тихона отражены только в дневнике А.А. фон Лампе.

4. В отличие от воспоминаний в дневниках не отразился такой факт психологической жизни верующих как пасхальная радость, которая была характерная для людей, избавившихся из-под ига большевиков.

5. Также в дневниках, за исключением текстов И.С. Ильина, не описываются православные праздники и новые обстоятельства, в которых они праздновались.

6. Нет в дневниках и информации с описанием чудес, связанных с Никольскими воротами или другими объектами, которые были упомянуты в нескольких воспоминаниях из источникового массива дневниково-мемуарного комплекса РЗИА.

7. Для дневников не характерны также описания приходской жизни и перемен, которые возникли в ней с приходом к власти большевиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение остаётся проанализировать, удалось ли достичь в работе поставленной цели и решить задачи, а также наметить перспективы дальнейшей научной работы по теме «Мемуары и дневники из фондов Русского заграничного исторического архива как исторический источник по истории Русской Православной Церкви 1917-1927 гг.».

Русский заграничный исторический архив возник в 1923 г. в Праге, поэтому основной массив его авторов представлен эмигрантами первой волны эмиграции, которая угасла к концу 1920-х гг. Соответственно, в дневниках и мемуарах в основном описаны события, относящиеся к жизни Церкви до 1930-х гг. При этом наибольшая часть текстов описывает события 1918-1923 гг., так как многие из авторов дневников и мемуаров покинули пределы бывшей Российской империи к 1923 году.

В результате ознакомления с фондами Русского заграничного исторического архива были собраны в одну таблицу все дневники и мемуары, всего 1416 текста. Они составили дневниково-мемуарный комплекс, внутри которого тексты можно сгруппировать относительно различных тем: история Гражданской войны, бытовая жизнь эпохи Гражданской войны, история эмиграции, проблемы обустройства жизни в эмиграции и т.д. В том числе на материале дневников и мемуаров РЗИА можно исследовать историю Русской Православной Церкви после революции.

Всего было просмотрено 807 дел дневниково-мемуарного комплекса, доступных для работы в архивохранилище. Из дневниково-мемуарного комплекса был выделен источниковый массив, тексты которого описывали различные аспекты жизни Церкви в 1917-1927 годах. Он включает в себя 59 дел. Среди них дневник А.А. фон Лампе, 11 дневников других авторов, 47 воспоминаний. Большинство этих материалов не было опубликовано, они

впервые введены в научный оборот. Из источникового массива было опубликовано другими авторами 18 текстов, многие из них не прокомментированы.

Группа опубликованных и неопубликованных дневников и воспоминаний дневниково-мемуарного комплекса РЗИА составляет подлинный, уникальный по богатству и сохранности круг никогда целостно не изучавшихся источников. Они дают возможность проведения многоаспектных, системных исследований разных явлений истории России и Русской Православной Церкви. Можно с уверенностью говорить о том, что корпус мемуаров и дневников источникового массива РЗИА является богатым источником информации по истории Церкви 1917-1927 гг.

Анализ источникового массива дневниково-мемуарного комплекса РЗИА был разделён на несколько этапов.

Первым этапом был статистический анализ дневниково-мемуарного комплекса РЗИА и выделенного из него источникового массива, относящегося к истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг. Его результаты отображены в диаграммах первой главы в параграфе 1.1.2. В результате анализа удалось установить, что в результате перемещения архива в СССР и нарушения целостности его фондов наибольшее количество источников личного происхождения оказалось в ЦГАОР СССР (ГА РФ), некоторые отложились в ЦГАЛИ (РГАЛИ). В том числе был образован фонд Р5881, носящий название «Коллекция отдельных документов и мемуаров белоэмигрантов», куда вошли разрозненные документы, малокомплектные фонды, отдельно хранящиеся записные книжки, дневники, воспоминания и т.д. Дела этого фонда составили ядро исследовательской базы данной работы, дневников и мемуаров в нём 797 единиц. 403 текста отложились в личных фондах ГА РФ, 2 в фондах РГАЛИ. Социальный состав авторов дневниково-мемуарного комплекса представлен следующим образом: наибольшее количество авторов военные (279), вдвое меньше интеллигентов (134), ещё немного меньше общественных деятелей (101).

Статистический анализ источникового комплекса показал небольшое изменение пропорций в социальном составе авторов: 17 военных, 12 интеллигентов, 9 общественных деятелей. Сравнительно малочисленно представлено духовенство, в источниковом массиве только 5 авторов.

Типологический анализ обнаружил, что тематических текстов, которые посвящены описанию обстоятельств, относящихся именно к жизни Церкви, всего 7. 52 текста упоминают события из истории Церкви эпизодически. Содержательно-типологический анализ открыл, что повествование относительно Церкви фокусируется вокруг двух больших тем: изменения в государственно-церковных отношениях и изменения в жизни мирян и духовенства, – причём полнее представлена вторая тема.

Следующий этап представляет собой контент-анализ, то есть подсчёт повторяющихся слов, сочетаний слов, относящихся к истории Церкви в 1917-1927 годах, встречающихся в дневниково-мемуарном комплексе. Наиболее упоминаемым словом является слово «епископ/владыка» (693 упоминания), следующим по частотности упоминания является слово «церковь» (491), затем «священник» (259). Исходя из этого, можно сделать вывод о высокой роли епископата в жизни православных мирян, а заметности фигур епископов в социальном мире. Из праздников наиболее упоминаемой является Пасха, несколько реже упоминается Троица и Рождество, другие православные праздники не упоминаются вовсе.

Такой приоритет среди других тем истории Русской Православной Церкви после революции тема Собора получила по нескольким причинам. Открытие Собора было давно желанным событием, к которому готовились многие участники задолго до появления такой возможности в правовом пространстве Российской империи. Работа Собора происходила в контексте радикальных перемен в жизни страны, а затем и в обстановке напряжения в отношениях с новым её руководством, что также делало сам факт продолжения деятельности Собора ярким выразительным явлением жизни российского общества. Кроме того, Всероссийскому поместному собору Русской Православной Церкви

посвящены тематические воспоминания И.В. Новицкого, обеспечивающие частотность упоминаний, достаточно подробно события Собора освещает П.П. Менделеев, работу Собора в 1918 г. фиксирует в своём дневнике прот. Г. Голубцов. В других воспоминаниях Собор упоминается, но практически не описывается.

Ещё одним ярким явлением жизни Церкви после революции стали обрушившиеся на неё антирелигиозные гонения. По частотности упоминаний цифры распределились следующим образом: аресты (72 упоминания и 28 эпизодов), расстрелы (54 упоминания и 22 эпизода), мучения (51 упоминание и 18 эпизодов), тюремные богослужения (12 упоминаний и 7 эпизодов). При этом в дневниках и воспоминаниях факты вскрытия мощей не фигурируют, их комментирует А.А. фон Лампе, включивший в корпус своего своеобразного дневника вырезки на эту тему.

Гораздо более подробно изложены и обдуманы в дневниках и мемуарах факты изъятий церковных ценностей. Очевидцы событий описывают сопутствовавшие изъятиям обстоятельства, передают слухи о том, как власти обошлись с ценностями, передают эмоциональное восприятие происходившего «ограбления» церквей.

Сравнительно часто упоминаются антирелигиозные диспуты, лекции и шествия. Эти мероприятия сильно контрастировали с обыденностью, попадали в поле зрения очевидцев благодаря своей необычности. В воспоминаниях антирелигиозные лекции и диспуты впервые появились как факт общественной жизни в конце 1918 – начале 1919 гг. Они запоминались благодаря яркости выступлений православных проповедников и беспомощности представителей безбожия, часто применявших в качестве аргумента силу власти и оружия.

В дневниках и воспоминаниях отразились другие факты, связанные с антирелигиозной политикой большевизма. К ним относятся христианские и суеверные привычки, которые проявлялись в поведении красноармейцев,

факты участия в богослужениях красных офицеров, в то время как официально это было запрещено.

Практически отсутствует в дневниках и мемуарах описание рутинной деятельности по организации приходской жизни. Исключение составляет текст О. Крюковой в письме к митрополиту Евлогию (Георгиевскому), описавшей тяготы, связанные с разрушительной для жизни прихода храма Святой Троицы в Новочеркасске деятельности обновленцев и её восстановления. Обновленчество как факт жизни Церкви после революции осталось на страницах дневников и мемуаров: оно упомянуто 47 раз и описано в 19 эпизодах. В том числе описан А.И. Введенский и его богослужения, и выступления с проповедями и лекциями. Второму Всероссийскому поместному собору, точнее, выборам делегатов на него посвящены тематические воспоминания Н.К. Иванова.

Краткая информация о расколе, связанном с именем митрополита Георгия (Яцковского), была обнаружена только в воспоминаниях арх. Феодосия (Алмазова). Архимандрит Феодосий провёл сравнение между стратегией поведения митр. Григория с тем, как повёл себя митр. Сергей (Страгородский) после ареста 1926 г.

Следующий этап анализа источниковедческого массива представляет собой анализ содержания источников и источниковедческая критика. Были проанализированы 59 источников личного происхождения: 12 дневников и 47 воспоминаний. Как видно, в дневниково-мемуарном комплексе РЗИА преобладают воспоминания. Из дневников наиболее обширный у А.А. фон Лампе. Он вёл его на протяжении длительного времени, собирая газетные вырезки, которые он комментировал на страницах своего дневника, письма и другие материалы, отражавшие интересующие его события. Дневник А.А. фон Лампе рубрицирован, и Церковь занимает отдельное место в его содержании. В тексте дневника сравнительно мало авторских пометок, в основном дневник образован газетными вырезками. Тем не менее, комментарии А.А. фон Лампе дают возможность проанализировать отношение к переменам в жизни Церкви

со стороны эмиграции. Значимую часть информации, отображённой на страницах дневника А.А. фон Лампе, представляют сведения о новомучениках, указаны имена пострадавшего от советской власти духовенства, а также обстоятельства убийства.

Достаточно насыщены фактографической информацией дневники И.В. Новицкого, И.А. Ильина, прот. Г. Голубцова, Н.Н. Чебышева. В других дневниках наблюдается преобладание рефлексивной информации с яркими эмоциональными высказываниями и оценками. Очень незначительно отражена в них теоретическая информация.

Тематический дневник, посвящённый только обстоятельствам, связанным с жизнью Русской Православной Церкви в 1917-1927 годах, в источниковом массиве дневниково-мемуарного комплекса РЗИА представлен дневником прот. Г. Голубцова, другие тексты содержат лишь эпизодическое упоминание событий, имеющих отношение к Церкви.

Степень полноты информации о Церкви, представленной в дневниках, можно оценить как фрагментарную. На основании дневников восстановить ход событий истории Церкви в указанные годы не представляется возможным.

Воспоминания в этом отношении более насыщенный событиями источник. В них отражены как основные события истории Церкви, так и любопытные детали, относящиеся к жизни мирян и духовенства.

В целом, в источниковом массиве дневниково-мемуарного комплекса РЗИА наиболее полно отражены обстоятельства Всероссийского поместного церковного собора 1917-1918 гг. Другие события истории Русской Православной Церкви в 1917-1927 гг. описаны фрагментарно. Практически не упомянуты в воспоминаниях и дневниках антирелигиозные декреты советской власти. Первая волна российской эмиграции начала угасать к концу 20-х гг., и наибольшая часть авторов, мемуары которых отложились в РЗИА, эмигрировала уже к 1923 году. Поэтому события, которые относятся к аресту, смерти патриарха, вопросу о преемстве духовной власти и действиях заместителя местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергия

(Страгородского) описаны в дневниково-мемуарном комплексе небольшим количеством текстов. В основном на страницах вырезок из газет, примыкающих к дневнику А.А. фон Лампе, мы видим упоминания об аресте патриарха, о судьбе его преемников, а также сообщения о его смерти и похоронах. Похороны патриарха со слов очевидцев описаны также в воспоминаниях Н.В. Брусиловой и Н.И. Эверт.

Говоря о таком аспекте источникового массива дневниково-мемуарного комплекса РЗИА, как хронология, стоит отметить неоднородность распределения мемуарных текстов в границах 1917-1927 гг. Как было сказано выше, чаще всего тексты, содержащие информацию о жизни Церкви, описывают события, происходившие после 1918 года и принятия первых антирелигиозных декретов большевиков. О событиях 1917 года пишут больше всего те авторы, которые принимали участие в Поместном соборе и других мероприятиях, связанных с устройством жизни Церкви после революции, в том числе И.В. Новицкий³⁴⁸, В.В. Зеньковский³⁴⁹. Наибольшее количество мемуарных и дневниковых текстов относится к периоду 1917-1923 гг. События 1924-1927 гг. описаны наименьшим числом авторов источникового массива. Из 59 текстов 49 описывают события с 1917 по 1923 гг., 7 текстов описывают события после 1923 года, весь период от 1917 по 1927 гг. охватывают 3 текста.

Географические рамки мемуаров и дневников охватывает широкий круг субъектов: Дальний Восток, Сибирь, Урал, юг России, Москва и Петербург, Грузия, Абхазия, Польша, Украина, – ситуация вокруг Церкви в этих географических точках отражена в источниковом массиве достаточно разнообразно и полно.

Перспективой данной работы могло бы стать расширение источниковой базы, включение в неё эпистолярного наследия, богато

³⁴⁸ Ф. Р6247 Оп. 1 Д. 15 Статья белоэмигранта Новицкого И.В. «Церковь и государство»; Ф.Р6247 Оп. 1 Д. 10. Рукопись белоэмигранта Новицкого И.В. «Дневник скитальца» с приложением фотографий, газетных вырезок (продолжение дневника командира).

³⁴⁹ Ф.Р5881 Оп. 2 Д. 315-355. Зеньковский В.В. Пять месяцев у власти (15.05.-19.10.1918). Воспоминания.

представленного в фондах Русского зарубежного исторического архива. Нет сомнений в том, что письма, большая часть которых не опубликована, содержат уникальный материал об истории Русской Православной Церкви после революции.

Также стоит подготовить к публикации ряд воспоминаний и дневников из фондов РЗИА, в том числе воспоминания В.И. Рудич, Ф. Мороз, В.Н. Челищева, П.П. Стремоухова, Н.И. Эверт, Е. Сувориной, дневники А.М. Хирьякова и Н.Н. Чебышева. Помимо литературных достоинств их отличает внимание к событиям, фактам и психологическому фону, сопутствовавшему переменам в стране в указанный период времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ

1. РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 5. Алпатин А.М. Февральская революция 1917 г. Воспоминания. Рукопись.

1. ГА РФ. Ф. Р5819. Оп. 1. Д. 5. Воспоминания Бобринской В.Н. «Хроника моей жизни» (1864-1930). Машинопись. 5 л.

2. ГА РФ. Ф. Р5829. Оп. 1. Д. 10. Воспоминания Лукомского А.С. «Поездка на Дальний Восток 1924-1925 гг.» (3 тетради). Рукописи. 215 л.

3. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 1. Лампе А. А. Дневник, книга № 24 (29). С 1 июля (ст. ст.) по 19 сентября 1919 г. и с 3 октября 1919 г. по 18 февраля (н. ст.) 1920 г. 383 л.

4. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 2. Лампе А. А. Дневник, книга № 25 (30). С 19 февраля по 14 июля 1920 г. 524 л.

5. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 3. Лампе А. А. Дневник, книга № 26 (31). С 15 июля (н. ст.) по 16 сентября 1920 г. 250 л.

6. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 4. Лампе А. А. Дневник, книга № 27 (32). С 17 сентября по 26 декабря 1920 г. 1388 л.

7. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 5. Лампе А. А. Дневник, книга № 28 (33). С 27 декабря 1920 г. По 7 октября 1921 г. 504 л.

8. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 6. Лампе А. А. Дневник, книга № 28 (33) и 29 (34). С 12 февраля 1921 г. По 25 апреля 1922 г. 547 л.

9. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 7. Лампе А. А. Дневник, книга № 29 (34). С 8 октября 1921 г. по 25 апреля 1922 г. 632 л.

10. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 8. Лампе А. А. Дневник, книга № 30 (35). С 26 апреля по 31 июля 1922 г. 400 л.

11. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 9. Лампе А. А. Дневник, книга № 31 (36). С 1 августа по 30 ноября 1922 г. 819 л.

12. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 10. Лампе А. А. Дневник, книга № 32 (37). С 1 декабря 1922 г. по 31 марта 1923 г. 624 л.

13. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 11. Лампе А. А. Дневник, книга 33 (38). С 1 апреля по 30 июня 1923 г. 463 л.
14. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 12. Лампе А. А. Дневник, книга № 34 (39). С 1 июля по 30 сентября 1923 г. 611 л.
15. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 13. Лампе А. А. Дневник, книга № 35 (40). С 1 октября по 31 декабря 1923 г. 517 л.
16. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 14. Лампе А. А. Дневник, книга 36 (41). С 1 января по 31 марта 1924 г. 419 л.
17. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 15. Лампе А. А. Дневник, книга 37 (42). С 1 апреля по 30 июня 1924 г. 614 л.
18. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 16. Лампе А. А. Дневник, книга № 38 (43). С 1 июля по 30 сентября 1924 г. 652 л.
19. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 18. Лампе А. А. Дневник, книга № 39 (44). С 1 октября по 31 декабря 1924 г. 601 л.
20. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 19. Лампе А. А. Дневник, книга № 40 (45). С 1 января по 31 марта 1925 г. 587 л.
21. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 20. Лампе А. А. Дневник, книга № 41 (45). С 1 апреля по 30 июня 1925 г. 590 л.
22. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 21. Лампе А. А. Дневник, книга № 42 (47). С 1 июля по 30 сентября 1925 г. 524 л.
23. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 22. Лампе А. А. Дневник, книга 43 (48). С 1 октября по 31 декабря 1925 г. 456 л.
24. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 24. Лампе А. А. Дневник № 44 (49). С 1 января по 31 марта 1926 г. 658 л.
25. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 25. Лампе А. А. Дневник, книга 45 (50). С 1 апреля по 30 июня 1926 г. 725 л. 356 л.
26. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 26. Лампе А. А. Дневник, книга № 46 (51). С 1 июля по 30 сентября 1926 г. 487 л.
27. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 27. Лампе А. А. Дневник, книга № 47 (52). С 1 октября по 31 декабря 1926 г. 478 л.

28. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 29. Лампе А. А. Дневник, книга № 48 (53). С 1 января по 30 апреля 1927 г. 356 л.
29. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 30. Лампе А. А. Дневник, книга № 49 (54). С 1 мая по 31 августа 1927 г. 495 л.
30. ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 31. Лампе А. А. Дневник, книга № 50 (55). С 1 сентября по 31 декабря 1927 г. 398 л.
31. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 73. Очерк Алмазова Ф. «Мои воспоминания» (религиозно-церковного содержания 1917-1931 гг.) Рукопись. 271 л.
32. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 80. Воспоминания Богдановича Ив. «Записки правозаступника» (Москва, 1918-1919 г.г.) Рукопись. 9 л.
33. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 81. Борман А. В списке врагов. Воспоминания о советской стране в период 1918 года. Машинопись. 95 л.
34. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 93. Добровольская «Записки заключенной», охватывающие период с 18 ноября 1920 по 19 ноября 1921 гг. Машинописный экземпляр. 75 л.
35. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 103. Иванов Н.К. Епархиальный съезд в Москве для выборов членов собора 1923 года. Воспоминания. Машинопись. 19 л.
36. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 109. Воспоминания Лазаревской В.В. «Мое участие в советском просвещении» (1920-1922 гг.). Рукопись. 88 л.
37. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 119. Погодин К. «Думы и факты». Воспоминания. Рукопись. 90 л.
38. ГА РФ ф. 5881. Оп. 1. Д. 122. Путилов Д. «На обломках старого мира». Воспоминания бывшего помещика о положении дел в деревне в 1918–1919 гг. Письмо профессора Одинцова Б.Н. управлению русского исторического архива в Праге от 20 сентября 1942 г. с предложением купить рукопись Путилова. Машинопись.
39. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 134. Воспоминания Сувориной Е. «Годы революции на Кавказе» 1917-1921 гг. Рукопись. 67 л.

40. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 138. Ундриц М. «В списках» Воспоминания, охватывающие период с 1916 по 1920 гг. Рукопись и машинопись. 257 л.
41. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 582. Дневник белоэмигрантки Нины Н. (фамилия полностью не указана) за период времени с 1917 г. до 1923 г. 42 л.
42. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 769. Воспоминания (автор не установлен) о положении в Советской России в 1918-1921 гг. Рукопись. 54 л.
43. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 771. Воспоминания (автор не установлен) о гражданской войне в Сибири и о бегстве после разгрома Колчака в Китай.
44. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 267. Боярский П.М. «Воспоминания» (материалы из семейной хроники 1870-1925). 105 л.
45. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 294. Вирен Н.Ф. «Записки вдовы адмирала Вирена о событиях в Кронштадте». 15 л.
46. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 327. Душеньковский П.И. «Мои воспоминания о том, как я ходил в Советскую Россию и что я там видел». Воспоминания. 96 л.
47. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 351. Зеньковский В.В. «Пять месяцев у власти» (15.05.-19.10. 1918) Воспоминания, ч.1. 150 л.
48. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 352. Зеньковский В.В. «Пять месяцев у власти» (15.05.-19.10. 1918) Воспоминания, ч.1. 150 л.
49. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 353. Зеньковский В.В. «Пять месяцев у власти» (15.05.-19.10. 1918) Воспоминания, ч.1. 150 л.
50. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 354. Зеньковский В.В. «Пять месяцев у власти» (15.05.-19.10. 1918) Воспоминания, ч.1. 150 л.
51. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 355. Зеньковский В.В. «Пять месяцев у власти» (15.05.-19.10. 1918) Воспоминания, ч.1. 150 л.
52. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 441. Куракин И.А. «1918-1922» Воспоминания. 69 л.

53. ГА РФ. Ф. Р5881 Оп. 2 Д. 483. Мельников Ф.Е. Восстание в селе Красеньком и Троицком Воронежской губернии в 1919 г. Рукопись. 10 л.
54. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 505. Минх А.А. «Из пережитого». Воспоминания. 93 л.
55. ГА РФ. Р5881 Оп. 2 Д. 515. Мордвинов А.А. Флигель-адъютант императора Николая 2. «В затишье и буре». Отрывки из семейных воспоминаний. Машинопись. 21 ноября 1927 г. 130 л.
56. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 518. Мороз Ф.А. «104 дня владычества большевиков в Вильно в 1919 году». Воспоминания. 51 л.
57. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 552. Отдельнов А. «В Ростове-на-Дону в октябре 1917 г.» Воспоминания. 16 л.
58. ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп. 2. Д. 592 Ретивов М.И. Записки врача-эмигранта. Воспоминания. 78 л.
59. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 595. Ржевусский А.А. «Пережитые тягостные дни». Воспоминания. 51 л.
60. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600. Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания. 425 л.
61. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 618. Сербинов Г.К. «Воспоминания. 1917-1920 гг.» 19 л.
62. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 686. Тюнин М.С. Воспоминания. 351 л.
63. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 745. Шиллинг Н.Н. «Из моих воспоминаний с 3 марта 1917 г. По 1 января 1919 г. Воспоминания. 71 л.
64. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 761. Эверт Н.И. «Жизнь в Советской республике. 1918-1921 гг.» Воспоминания. ч.2. 46 л.
65. ГА РФ. Р5881 Оп. 1. Д. 771. Автор не установлен. Воспоминания о Гражданской войне в Сибири и бегстве после разгрома Колчака в Китай. 18 л.
66. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 774. Голубцов Г.С. «Поездка на Всероссийский церковный Московский Собор». Дневник. 190 л.
67. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 803. Уваров М.А. Дневник. 200 л.

68. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 805. Хирьяков. Выписки из дневника. 39 л.
69. ГА РФ. Р5955. Оп.1. Д.4. Берлинский дневник Н.Н. Чебышева. 24 декабря – 18 сентября 1923 г. 479 л.
70. ГА РФ. Ф. Р5971. Оп. 1. Д. 112. Менделеев П.П. «Свет и тени в моей жизни» за 1917-1919 гг. Воспоминания (революция). Тетрадь № 6. 178 л.
71. ГА РФ. Ф. Р5972. Оп. 1. Д. 21а. Воспоминания Н.В. Брусиловой. Рукопись, машинопись № 2. 421 л.
72. ГА РФ. Ф. Р5973. Оп. 1. Д. 98. А. Рождественский. «Патриарх Тихон» (воспоминания). г. София. 13 л.
73. ГА РФ. Ф. Р6143. Оп. 1. Д. 16. Воспоминания Пурина А.А. «Дни революции в Охотской Камчатском и Чукотского Анадырского крае 1917-1922». 123 л.
74. ГА РФ. Ф. Р6247. Оп. 1. Д. 10. Рукопись белоэмигранта Новицкого И.В. «Дневник «скитальца», с приложением фотографии, газетных вырезок и других документальные материалы (1917-1921 гг.)», ч. IV, тетр. 1-4, 1917-1920 гг. 423 л.
75. ГА РФ. Ф. Р6247. Оп. 1. Д. 12. Рукопись белоэмигранта Новицкого И.В. «Всероссийский церковный собор (1917-1918 г.), г. Москва», ч. I. 127 л.
76. ГА РФ. Ф. Р6247. Оп. 1. Д. 13. Рукопись белоэмигранта Новицкого И.В. «Всероссийский церковный собор (1917-1918 г.), г. Москва», ч. II, 1919-1920, 1924 гг. 145 л.
77. ГА РФ. Ф. Р6247. Оп. 1. Д. 15. Статья белоэмигранта Новицкого И.В. «Церковь и государство». 7 л.
78. ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 11. Рукопись фон Рауха Г.О. «Первая зима большевизма в Петрограде». 156 л.
79. ГА РФ. Ф. Р6400. Оп. 1. Д. 8а. П.С. Бобровский «Из Крыма в Москву и обратно». (Воспоминания о 1918 г.). Машинопись. 77 л.

80. ГА РФ. Ф. Р6421. Оп. 1. Д. 3. Гольдовская Р.М. Дневник за март 1917 г. 118 л.
81. ГА РФ. Ф. Р6546. Оп. 1. Д. 5. Стремоухов П.П. Всё в прошлом. Воспоминания. Т 4. Революция 1917-1935 гг. Машинопись. 1935. 234 л.
82. ГА РФ. Ф. Р6559. Оп. 1. Д. 1 б. Дневник генерала Замбржицкого В.А. и копии документальных материалов Донской армии. 1918 г. 203 л.
83. ГА РФ. Ф. Р6599. Оп. 1. Д. 8. Дневник Ильина И.С. за 1920-1926 гг. Копия. Машинопись. 261 л.
84. ГА РФ. Ф. Р6611. Оп. 1. Д. 1. Челищев В.Н. На службе суду и общественности (факты и размышления). Воспоминания, охватывающие 1896-1920. 456 л.
85. ГА РФ. Ф. Р6768. Оп. 1. Д. 2. Акацатов М.Е. Воспоминания «маленького человека». Рукопись. 27 л.
86. ГА РФ. Ф. Р9431. Оп. 1. Д. 41. Дневник белогвардейца шталмейстера Бурукова. Подлинник. 1918-1919. 238 л.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ

1. Борман А. В стане врага // Историко-документальный альманах «Русское прошлое». Книга 1. – СПб.: Свелен, 1991. – С.115-150.
2. Брусилова Н.В. Воспоминания, записки, впечатления. 1870-1930-е: в 2 т. / Н. В. Брусилова; Российское ист. о-во, Федеральное арх. агентство, ФКУ «Гос. арх. Российской Федерации». – М.: Кучково поле, 2015. – (Живая история). – Т. 1. – 2015. – 587, [1] с. – Т. 2. – 2015. – 338 с.
3. Голубцов Г.С. Поездка на Всероссийский церковный Московский Собор. Дневник // Дело великого строительства церковного. Воспоминания членов Собора 1917-1918 годов. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – С. 160-289.
4. Добровольская Е. Записки заключённой (охватывающие период с 18 ноября 1920 г. до 19 ноября 1921 г.) // Хроники жизни в Советской России. 1917-1921 гг. воспоминания очевидцев / сост. и авт. предисл. М.А. Ерохова. – М.: Б.и., 2020. – С. 247-301.

5. Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти. (Воспоминания) / под редакцией М. А. Колерова. – М.: Издательский дом REGNUM, 2011. – 648 с. – (Серия «Исследования по истории русской мысли». Том 15).

6. Иванов П.К. Епархиальный съезд в Москве для выборов членов Собора 23 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/path/1/9_3/. Дата обращения: 10.11.2021.

7. Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914-1920 / Иосиф Ильин; подгот. текста, вступ. ст. В.П. Жобер. – М.: Книжица Русский путь, 2016. – 480 с.: ил.

8. Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний. 1864–1933 / вступ. ст. К. А. Соловьева; коммент. А. В. Сазанова, К. А. Соловьева. – М.: Кучково поле; Императорское Русское историческое общество, 2017. — 752 с. – (Живая история).

9. На ветрах Гражданской войны. Воронежская деревня в 1917–1922 гг. / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО–XXI. 2019. – 464 с. ил. 8 ч/б

10. Новицкий И. В. Всероссийский церковный собор (1917-1918 гг.) / публикация священника Евгения Агеева, Д. Г. Давиденко, А. И. Мраморнова. – М.: Издательство «Спасское дело», 2020. – 136 с.

11. Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Воспоминания. 1869-1920: в 2 т. / В.А. Оболенский; российское ист. о-во, Федеральное арх. агентство, ФКУ "Гос. арх. Российской Федерации". – М.: Кучково поле, 2018. – (Живая история). – Т. 1. – 2018. - 566, [1] с. – Т. 2. – 2018. – 478 с.

12. Постановление Святейшего Патриарха Тихона и Священного Синода [Электронный ресурс]. URL: <https://drevo-info.ru/articles/6102.html> Дата обращения: 12.01.2021.

13. Дмитрий Путилов. На обломках старого мира. Воспоминания бывшего помещика о положении дел в деревне в 1918–1919 гг. // Хроники жизни в Советской России. 1917-1921 гг. воспоминания очевидцев / сост. и авт. предисл. М.А. Ерохова. – М.: Б.и., 2020. – С. 407-496.

14. Рождественский А., прот. «Патриарх Тихон» (воспоминания) [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/iz_vosp_o_patr_tihone/ Дата обращения 23.06.2021.
15. Ундриц М. В тисках (1918-1919) // Хроники жизни в Советской России. 1917-1921 гг. воспоминания очевидцев / сост. и авт. предисл. М.А. Ерохова. – М.: Б.и., 2020. – С. 35-106.
16. Феодосий (Алмазов К. 3., архимандрит). Мои воспоминания: (Записки соловец. узника) / подгот. текста и публ. М. И. Одинцова; примеч. и коммент. И. В. Соловьева; О-во любителей церков. истории. – М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1997. – 259 с.
17. Хирьякова Е. Детский интернат в Совдепии // Хроники жизни в Советской России. 1917-1921 гг. воспоминания очевидцев / сост. и авт. предисл. М.А. Ерохова. – М.: Б.и., 2020. – С. 302-307.
18. Хроники жизни в Советской России. 1917-1921 гг. Воспоминания очевидцев / сост. и автор пред. М.А.Ерохова. – М., 2020. – 624 с.
19. Шиллинг Н. Н. Из моих воспоминаний с 3 марта 1917 г. по 1 января 1919 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. – М., 1997. – С. 327-328.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации: Путеводитель: в 5 т. Т. 5: Личные фонды Государственного архива Российской Федерации (1917–2000 гг.) / сост. О.В. Маринин, М.Е. Голостенев, А.В. Добровская, О.Н. Копылова, Н.С. Зелов, Т.Н. Котлова и др.; Ред. С.В. Мироненко. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 672 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Путеводитель: в 6 т. Т. 4. Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции / ред. С. В. Мироненко; сост. А. В. Добровская (отв. сост.), Н. И. Владимирцев, Б. Ф. Додонов, О. Н. Копылова и др. М., 2004. 793 с.; Т. 5. Личные фонды Государственного архива Российской

Федерации (1917–2000) / [сост.: М. Е. Голостенев и др.]; ред. С. В. Мироненко. – М.: РОС-СПЭН, 2001. – 672 с.

3. Документы к истории русской и украинской эмиграции в чехословацкой республике (1918–1939) / сост. Зденек Сладек, Любовь Белошевская. – Прага: Славянский институт АН ЧР, 1998. – 344 с.

4. Краткий путеводитель по бывшему спецхрану РГАЛИ: (По состоянию на 01.10.93) / Рос. гос. арх. лит. и искусства; ред.-сост. С. Шумихин. – М.; Париж: Б. и., 1994. – 96 с.

5. Русский заграничный исторический архив (Прага). Фонды русского заграничного исторического архива в Праге: Межархив. путеводитель / отв. ред. Т.Ф. Павлова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 670, [1] с., [6] л. ил., портр., фот.

6. Электронные описи ГА РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://statearchive.ru/383>. Дата обращения 12.11.2020.

7. Электронные описи РГАЛИ. [Электронный ресурс]. URL: <https://rgali.ru/type/stocks>. Дата обращения 12.11.2020.

ИССЛЕДОВАНИЯ

ДИССЕРТАЦИИ, АВТОРЕФЕРАТЫ

1. Абдулов Н.Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: 1917-1991 гг.: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02. – Уфа, 2006. – 303 с.: ил.

2. Балыбердин А.Г. Государственно-церковные отношения в 1958-1964 гг.: По материалам Кировской области: диссертация кандидата исторических наук: 07.00.02. – Киров, 2004. – 212 с.

3. Бакшеева Е.Б. Политика Советского государства по отношению к Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке России: Октябрь 1922-июнь 1941 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Хабаровск, 2004. – 205 с.

4. Бардилова Ю.П. Государственно-церковные отношения на Кольском Севере в первой трети XX века: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Мурманск, 2000. – 198 с.

5. Беглов А.Л. Церковное подполье 1920-1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Москва, 2004. – 249 с.

6. Белковский С.В. Мемуары политработников Вооруженных Сил СССР как источник изучения деятельности Коммунистической партии по военно-патриотическому воспитанию воинов в годы Великой Отечественной войны: Дис. канд. ист. наук. – Горький, 1989. – 220 с.

7. Гайлит О.А. Религиозная политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви в конце 1920-х в 1930-е гг.: На материалах Западной Сибири: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Омск, 2002. – 191 с.

8. Гераськин Ю.В. Взаимоотношения Русской Православной Церкви, общества и власти в конце 1930-х - 1991 гг.: на материалах областей Центральной России: диссертация ... доктора исторических наук: 07.00.02. – Рязань, 2008. – 558 с.: ил.

9. Евсеев Н.Н. Русская Православная Церковь в контексте взаимоотношений с государственной властью в 1917-1927 гг.: на примере Тульской епархии: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Тула, 2018. – 186 с.: ил.

10. Зорина Н.А. Становление государственно-церковных отношений на Урале: 1917-1925 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Москва, 2003. – 206 с.

11. Литвинко М.В. Государственная власть и Русская православная церковь в СССР в зеркале персональной истории: на примере общественной и церковной деятельности митрополита Гурия (Егорова): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Литвинко Михаил Васильевич; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. – Краснодар, 2018. – 175 с.

12. Мазин К.А. Эмиграционные процессы и формирование русского зарубежья в XVIII в.: автореферат дис. д. и. н. – М., 2010. – 41 с.
13. Майорова Н.С. Государство, церковь, школа и их взаимоотношения в 1917 - 1929 гг.: На материалах Верхнего Поволжья: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Кострома, 2000. – 318 с.: ил.
14. Малюкова Э.Д. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и Советской власти в 1918-1937 гг.: на примере Пензенского края: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Пенза, 2010. – 196 с.
15. Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX – начала XX веков. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2006. – 26 с.
16. Павловская С.В. Воспоминания и дневники отечественных историков как исторический источник изучения общественно-политической и научно-педагогической жизни России конца XIX - начала XX веков: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09. – Нижний Новгород, 2006. – 293 с.
17. Петров С.Г. Документы делопроизводства высших партийных органов как источник по истории Русской церкви, 1922-1925 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.09. – Новосибирск, 2000. – 313 с.
18. Подмарицын А.Г. Взаимоотношения Русской Православной Церкви и государственных органов в Самарском регионе: 1917-1941 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Самара, 2005. – 252 с.
19. Поляков А.Г. Церковно-государственные отношения в 1917-середине 1920-х гг.: на материалах Вятской губернии: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Киров, 2007. – 194 с.

20. Сафонов Д.В. Патриарх Тихон и советская власть: К проблеме государственно-церковных отношений в 1922-1925 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 09.00.13. – Москва, 2004. – 277 с.
21. Тюрина Л.В. Государство и русская православная церковь: эволюция отношений. 1917 - 2000 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Курск, 2000. – 150 с.
22. Шестаков С.П. Расколы в Русской Православной Церкви в 1924-1926 гг. в контексте государственно-церковных отношений: диссертация ... кандидата исторических наук: 09.00.13. – Москва, 2006. – 232 с.
23. Яковлева Т.А. Политическая история газет П.Б. Струве, П.Н. Милюкова, А.Ф. Керенского в 1920-1930-е годы: Дисс.канд. ист. наук. – Иркутск: ИрГУ, 1995. – 228 с.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В XX В.

1. Алчущие правды: Материалы церковной полемики 1927 года / сост., авт. вступ. ст. свящ. А. Мазырин, О. В. Косик. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2010, 2011. – 424 с.
2. Антонов В.В. Приходские Православные братства в Петрограде (1920-е гг.) / В.В. Антонов // Минувшее. Исторический альманах. – М.: Прогресс, Феникс, 1994. – Вып. 15. – С. 424-445.
3. Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб»: церковное подполье в СССР / Алексей Беглов; Российская акад. наук, Ин-т всеобщей истории. – М.: Издат. Совет Русской Православной Церкви: Арета, 2008. - 349 с.
4. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции; Истоки и смысл русского коммунизма / Николай Бердяев. – М.: АСТ: Хранитель, 2006. – 445, [2] с.
5. Бычков С.С. Большевики против русской церкви. Очерки по истории Русской церкви (1917–1941 гг.). Т. II [Электронный ресурс] / С.С. Бычков. – М.: [Б.и.], 2006. – 432 с.: ил.

6. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства. 1943-1948 гг. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 212, [2] с.
7. Гордиенко Н.С. Эволюция русского православия (20-80-е гг. XX ст.) / Н.С.Гордиенко. – М.: Знание, 1984. – 64 с. – (Новое в жизни, науке, технике) (Научный атеизм).
8. Два эпизода борьбы с церковью в Петрограде (Публикация М.В. Шкаровского) // Звенья: Ист. альманах. – М.; СПб., 1992. – Вып. 2. – С. 556-579.
9. Иванов А.И., Лобазов П.К. Политика Советского государства по вопросам религии и церкви / А.И. Иванов, П.К. Лобазов. – М.: Знание, 1973. – 63 с.
10. Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: сб. док. из фонда Реввоенсовета Республики / Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т, Рос. гос. воен. арх.; сост.: диак. Александр Мазырин, В. А. Гончаров, И. В. Успенский. – М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2006. – 303 с., [24] л. ил., портр.
11. Иоанн (Снычев), митр. Митрополит Мануил (Лемешевский). Биографический очерк. – СПб.: Царское дело, 1993.
12. История единоверия // Правда православия. Периодическое издание единоверческой общины храма архангела. – 2012. – № 2 (73). – С. 5-10.
13. История Русской церкви: [В 9 кн.]. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1994 –. Кн. 9: 1917-1997 / Протоиерей Владислав Цыпин. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. – 830, [1] с., [16] л. ил.: ил.
14. История Русской Православной Церкви - от Восстановления Патриаршества до наших дней. – Т. 1. 1917-1970 / под редакцией Данилушкина М. Б. – СПб.: Воскресение, 1997. – 1020 с.

15. Кашеваров А.Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советской власти и Русской Православной Церкви, 1917-1945 гг. – СПб.: СПбГТУ, 1995. – 138 с.
16. Кашеваров А.Н. Православная Российская Церковь и советское государство (1917-1922). – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. – 440 с.
17. Кашеваров А.Н. Печать Русской Зарубежной Церкви / А. Н. Кашеваров; Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет журналистики, Кафедра истории журналистики. – СПб.: Роза мира, 2008. – 254 с.
18. Кашеваров А.Н. Церковь и власть. Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти / А. Н. Кашеваров. – СПб.: СПбГТУ, 1999. – 328 с.
19. Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862—1937) / отв. ред. прот. В. Воробьев. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. – 221 с.
20. Крапивин М. Ю. Непридуманная церковная история: власть и церковь в Советской России (окт. 1917-конец 1930-х гг.): Монография / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 1997. – 366 с.
21. Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917-1941 гг.). – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, Волгоград Перемена, 1993. – 100 с.
22. Клочков В.В. Закон и религия: от государственной религии к свободе совести в СССР. – М.: Изд-во политической литературы, 1982. – 160 с.
23. Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы. 1921-1945. Воспоминания. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/levitin_lihie_godi/ (дата обращения 10.01.2021).
24. Краснов-Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты: в 3 т. – INSTITUT GLAUBE IN DER 2. WELT. CH-8700

KÜSNACHT, 1978. [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/istoriya_rpc/levitin_shavrov_ocherki/ (дата обращения 02.11.2018).

25. Крапивин М.Ю. Противостояние: большевики и церковь (1917-1941 гг.). – Волгоград: Волгогр. гос. пед. ун-т, Волгоград Перемена, 1993. – 100 с.

26. Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве / В.А. Куроедов. – М.: Политиздат, 1981. – 263 с.

27. Лавров В. М., Лобанов В. В., Лобанова И. В., Мазырин А. В. Иерархия Русской Православной Церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. – М.: Русская панорама, 2008. – 376 с.

28. Luukkanen A. The Party of Unbelief: The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917-1929. – Helsinki, 1994. – 288 с.

29. Мазырин А.В. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х -1930-х годах: монография / иерей Александр Мазырин. – М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. – 441, [1] с.

30. Малявина Л.С., Чикурова О.В. Михаил Семенович Тюнин (1865 - после 1945 г.): персональная история в контексте эпохи перемен // Общество: философия, история, культура. Научный журнал. – 2017. - N. 7. – С. 87-93.

31. Материалы по истории церкви. – М.: Крутицкое патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 1992-. Кн. 35: Православная Российская церковь и Советское государство: (1917-1922) / А. Н. Кашеваров. – М.: Изд-во Крутицкого подворья: О-во любителей церковной истории, 2005. – 437, [2] с.: ил.

32. Мейендорф И.Ф., прот. Православие в современном мире / прот. Иоанн Мейендорф. – New York: Chalidze, 1981. – 230 с.

33. Митрофанов Г., прот. История Русской Православной Церкви. 1900 – 1927. – СПб.: Сатисъ, 2002. – 444 с.

34. Митрофанов Г. Русская Православная Церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы: К вопросу о взаимоотношениях Московской Патриархии и русской церковной эмиграции в период 1920-1927 гг. – СПб.: Изд-во «Ноах», 1995. – 144 с.
35. Мосс В. Православная церковь на перепутье (1917-1999г.г.) /В. Мосс; Пер. с англ. Ред. пер.: Т.А. Сенина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 405 с.: ил.
36. Одинцов М.И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917-1938 гг.) / М.И. Одинцов. – М.: Знание, 1991. – 266 с.
37. Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий (государственно-церковные отношения в истории советского общества) / М.И. Одинцов // На пути к свободе совести / сост. и общ. ред. Д.Е. Фурмана и О. Марка. – М.: Прогресс, 1989. – С. 29-71.
38. Одинцов М.И. Русская православная церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом / М.И. Одинцов. – М.: ЦИНО, 2002. – 312 с.
39. Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917-1953 гг. / М.И. Одинцов. – М.: РОССПЭН, 2014. – 421 [1] с.: ил.
40. Одинцов М.И. Русские Патриархи XX в. (Судьба Отечества и Церкви на страницах архивных документов) / М.И. Одинцов. – М.: РАГС, 1999. – 334 с.
41. Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории Русской церкви (1921-1925 гг.) / С. Г. Петров; Отв. ред. Н. Н. Покровский; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. – М.: РОССПЭН, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 406, [2] с.
42. Петров С.Г. Русская православная церковь времени патриарха Тихона: (источниковедческое исследование) / С. Г. Петров; отв. ред. Н. Н. Покровский; Российская акад. наук, Сибирское отд., Ин-т истории. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отд-ния Российской акад. наук, 2013. – 405, [1] с.

43. Польский М., прот. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей / протоиерей Михаил Польский. – Джорданвилль, 1948. – 194, [2] с.
44. Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке / Д.В. Пospelовский. – М.: Республика, 1995. – 512 с.
45. Пospelовский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. Учебное пособие / Д.В. Пospelовский. – М.: Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 1996. – 402, [1] с.
46. Приль Л.Н. Ф.Е. Мельников: вехи сибирской биографии // URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/63-1-0-1219> (Дата обращения 08.06.21)
47. Ради мира церковного: Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника: в 2 кн. / сост. И. Г. Менькова при участии диак. А. Мазырина и Е.И. Большаковой. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2005-2006.
48. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. 1917 – 1945. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. – 632с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=445>. Дата обращения: 10.09.2020.
49. Решетников Л.П. Русский Лемнос: исторический очерк. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Общество развития русского исторического просвещения «Двуглавый орёл»; Изд-во М.Б. Смолина (ФИВ), 2008. – 184 с.: ил.
50. Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь / Розенбаум Ю.А.; отв. ред.: Лазарев Б.М. – М.: Наука, 1985. – 174 с.
51. Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. – М.: Изд-во Сретенского м-ря, 2008. – 800 с.: ил.
52. Русская Православная Церковь в советское время (1917-1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Г. Штриккер. – М.: «Пропилеи», 1995. – 400 с.

53. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы / сост. О.Ю. Васильева. – М.: Изд. Библ. богосл. ин-та Ап. Андрея, 1996. – 352 с.
54. Русское православие: вехи истории / науч. ред. А. И. Клибанов. – М.: Политиздат, 1989. – 719 с.
55. Ситников М.Г. Дмитрий Васильевич Болдырев: философ, ученый, публицист и организатор Дружин Святого Креста // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 45–67. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-45-67.
56. Соловьёв И., свящ. Штрихи к историческому портрету «обновленческого» митрополита Александра Введенского // XIX Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: материалы. – Т.1. – М., 2009. – С 300-307.
57. Сорокин В.У. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова) / прот. В. Сорокин. – СПб.: Князь-Владимир. собор, 2005. – 734, [1] с.: ил., портр.
58. Стратонов И.А. Происхождение современного устройства Русской Патриаршей Церкви / И.А. Стратонов. – Paris: YMCA-press, 1933. – 15, [1] с.
59. Стратонов И.А. Русская церковная смута / И.А. Стратонов. – Берлин: Парабола, 1932. – 204 с.
60. Тальберг Н.Д. Церковный раскол / Н.Д. Тальберг. – Париж: Изд-во «Долой зло», 1927. – 50 с.
61. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.2. – М., 1994. – С. 53-128.
62. Фирсов С.Л. «Время в судьбе: Святейший Сергей, патриарх Московский и всея Руси. К вопросу о генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века». – СПб., 1999. – 260 с.

63. Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории». – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ин-т, 2014. – 474 с., ил.
64. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. Учебник для православных духовных семинарий. – М.: Издат. дом «Хроника», 1994. – 252 с.
65. Цыпин В., прот. Русская православная церковь (1917-1925). – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1996. – 336 с.
66. Цыпин В., прот. История Русской церкви. 1917-1997. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 831 с.
67. Цыпин В., прот. Русская православная церковь. 1925-1938. – М.: Издание Сретенского монастыря, 1999. – 430 с.
68. Шкаровский М. В. Единоверческие общины Санкт-Петербурга (Ленинграда) в 1900-е-1930-е гг.// Христианское чтение. 2020.– № 1.– С. 153-173. URL: https://scientific-journals-spbd.ru/f/13-shkarovskij_hch-1-2020_pr.pdf Дата обращения 03.06.2021.
69. Шкаровский М.В. История русской церковной эмиграции [Текст] / М.В. Шкаровский; Арх. ком. Санкт-Петербурга, Центральный гос. арх. Санкт-Петербурга. – СПб.: Алетейя, 2009. – 358, [1] с., [4] л. цв. ил.
70. Шкаровский М.В. Советское государство и «советская церковь». [Электронный ресурс]. URL: <http://spbd.ru/publications/m-v-shkarovski-sovetskoe-gosudarstvo-i-sovetskaya-cerkov/> (дата обращения: 05.06.2018).
71. Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917-1945. – СПб.: Лики России, 1995. – 208 с.
72. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече: Лепта, 2010. – 478, [1] с., [8] л. ил.
73. Шкаровский М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. – СПб.: Сатисъ, 2006. – 590 с.

74. Шмеман А.Д., протопр. Церковь и церковное устройство. Сб.ст. / протопресвитер А.Д. Шмеман. – М.: Практика, 2018. – 376 с.

МЕМУАРИСТИКА, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

1. Георгиева Н.Г. Мемуары как феномен культуры и как исторический источник // Вестник РУДН, сер. История России. – 2012. – № 1. – С. 126-138.

2. Гюбиева Г.Е. Мемуарно-автобиографическая литература в 70-е гг. ХУШ в. // Учен. зап. / Труды кафедры русской литературы МОПИ им. Н.К.Крупской. 1968. – Вып. 12. – С. 65-68.

3. Дмитриев С.С. Мемуары как феномен культуры // История СССР. –1981. – № 6. – С. 125-132.

4. Житомирская С.В. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 г. – М., 1977. – С. 41-59.

5. Зайончковский П.А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: в 13 т. Т. 1 / науч. ред. тома проф. П. А. Зайончковский, сост. Г.А. Главатских, Т.Г. Анохина, Г.А. Петрова. – М: Книга, 1976. – С. 4-11.

6. Гарскова И.М., Симонженкова Е.М. О формализованной методике анализа комплекса мемуарных источников // Историческая информатика. – 2019. - № 1. – С. 169-188.

7. Голиков А. Г. Источниковедение отечественной истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 464 с.

8. Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 13, № 3(2), 2011. – С. 501-509.

9. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. – М.: РГГУ, 2000. – 701 с.
10. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / А.К. Соколов, Ю.П.Бокарев, Л.В. Борисова и др.; под ред. А.К. Соколова. – М.: Высш. шк., 2004. – 687 с.
11. Источниковедение СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1981. – 496 с.
12. Кабанов В.В. Между правдой и ложью: Отечественные мемуары XX века / РАН, Ин-т рос. истории. - М.: ИРИ РАН, 2004. – 284 с.
13. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2003. – 486 с.: ил.
14. Козлова Н.Н., Сандомирская И.Л. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: Опыт лингвосоциологического чтения. – М.: «Гнозис», «Русское феноменологическое общество», 2006. – 255 с.
15. Козлова Н.Н., Сандомирская И.Л. «Наивное письмо» и производители нормы // Вопросы социологии. – 1996. – №7. – С. 152 – 186.
16. Колесникова Л.А. Историко-революционная мемуаристика (1917-1935). – Н. Новгород: Б.и., 2004. – 540 с.
17. Купреянова Е.Н., Макагоненко Г.П. Национальное своеобразие русской литературы / Е.Н. Купреянова, Г.П. Макагоненко. – Л.: Наука, 1976. – 276 с.
18. Курносоев А.А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей.1976 / гл. ред. Н.И. Павленко. – М.: Наука, 1977. – С. 5 -25.
19. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1979. – 294 с.
20. Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера // История СССР № 6, ноябрь, декабрь. – 1979. – С. 55 - 70.

21. Минц С.С. Мемуары и российское дворянство: источниковедение историко-психологического исследования. – СПб.: Нестор, 1998. – 259 с.
22. Минц С.С. Идентичность мемуаристов как показатель перехода от традиционного общества к обществу современного типа // IX Конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. – Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2011. – С. 364.
23. Павловская С.В. Мемуары историков XX в. и их отношение к советской системе власти // Преподавание истории в школе. – 2012. – № 5. – С. 43-48.
24. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. – М., Наука, 1980. – 266 с.
25. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII-первой половины XIX в. / АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1991. – 228 с.
26. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века: мемуары. – М.: Археографический центр, 1997. – 356 [1] с.
27. Теплинский М. В. К вопросу о достоверности мемуаров как историко-литературных источников // Казанский педагогический институт. Ученые записки. Вып. 149. – Казань: Изд-во КПИ, 1975. – С. 133-143.
28. Шайтанов И.О. Как было и как вспомнилось: (Соврем. автобиогр. и мемуар. проза) / И.О. Шайтанов. – М.: Знание, 1981. – 64 с.: ил.

ЭМИГРАЦИЯ, РОССИЙСКИЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

1. Айвазян М.И. К вопросу о формировании фондов русской эмиграции 1917-1940 // Культурное наследие российской эмиграции 1917-1940. – Кн.2. – М., 1994. – С.402-408.
2. Козлов В.П. Выявление и возвращение зарубежной архивной России: Опыт и перспективы // Вестник архивиста. – 1993. – №6 (18). – С.11-23

3. Мазин К. А. Российская эмиграция и российское зарубежье. XVIII век: политический и культурный феномен / К.А. Мазин; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский гос. обл. ун-т. – М.: МГОУ, 2009. – 382 с.
4. Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. – 1990. - № 1. – С. 19-29.
5. Павлова Т.Ф. Архивы российской эмиграции // Проблемы изучения российского зарубежья: Сб. статей. – М., 1993. – С.78-85.
6. Павлова Т.Ф. Перспективы собирания документов российской эмиграции. Опыт изучения документов и материалов Русского заграничного исторического архива в Праге и Донского казачьего архива // Проблемы зарубежной архивной России. – М., 1996. – С.58-66.
7. Павлова Т.Ф. Предисловие // Фонды Русского заграничного исторического архива в Праге: Межархивный путеводитель. – М., 1999. – С.5-28.
8. Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе /отв. ред. Б.В. Левшин; Рос. акад. наук, Арх. АН СССР. – М.: Наука, 1992. – 398, [2] с.: портр.
9. Петрушева Л.И. Документы пражской коллекции в научно-справочном аппарате Государственного архива Российской Федерации // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов (Прага, 14-15 августа 1995 г.): Сб. докл. – Прага. – 1995. – Т. 1. – С. 91-97.
10. Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии/ Е.И. Пивовар. – М: РГГУ, 2008. – 545 с.
11. Попов А.В. Архивная россика в зарубежных и отечественных архивах: учебное пособие / А. В. Попов. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2019. – 174, [1] с.

12. Попов А.В. История русского зарубежного православия в отечественных и зарубежных архивах / А.В. Попов // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее (Труды Историко-Архивного Института Т. 36). – М.: РГГУ, 2005. – С. 130-150.
13. Попов А.В. Русское зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания и использования / Материалы к истории русской политической эмиграции Вып. IV. – М.: ИАИ РГГУ, 1998 – 392 с.
14. Попов А.В. Русское зарубежье и зарубежная архивная Россия / А.В. Попов // URL: http://zarubezhje.narod.ru/texts/popov_rossica.htm. Дата обращения 16.12.2020.
15. Попов А.В. Российское православное зарубежье: История и источники. С приложением систематической библиографии / А.В. Попов. – М.: ИПВА, 2005. – 619 с.
16. Попов А.В. Фонд Н.А. Троицкого в ГА РФ. Опыт архивного обзора / Материалы к истории русской политической эмиграции. Вып. 1. – М.: ИАИ РГГУ, 1994. – 96 с.
17. Пронин А. А. Историография российской эмиграции: моногр. / А. А. Пронин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 188 с.
18. Пронин А.А. История изучения российской эмиграции в диссертационных исследованиях 1980-2005 гг.: монография / А. А. Пронин. – М.; Берлин: Direct MEDIA, 2015. – Ч. 1. - 2015. - 541, [2] с.: ил., табл. – Ч. 2. - 2015. – 525, [3] с.
19. Пронин, А. А. Источники по истории эмиграции из России: моногр. / А. А. Пронин. – Уфа: Издатель А. А. Словохотов, 2016. – 310 с.
20. Пронин А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ: моногр. / А. А. Пронин. – Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. – 360 с.

21. Российское православие за рубежом: библиографический указатель литературы и источников 1918-2006 гг. / авт.-сост.: Попов А.В. – М.: ИПВА, 2007. – 630, [1] с.
22. Сабенникова И.В. Русская эмиграция (1917-1939): Сравнительно-типологическое исследование / И.В. Сабенникова. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 551 с.
23. Сабенникова И.В. Русская эмиграция и сохранение национальной памяти / И.В. Сабенникова // История и архивы. – 2019. – № 3. – С. 29-34.
24. Серковская Л.В. Русский заграничный исторический архив в Праге (1923-1945 гг.): монография / Л. В. Серковская. – Воскресенск: Серебро Слов, 2015. – 288 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи.
2. Арх. – Архиерей.
3. АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
4. ГА – государственный архив.
5. ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
6. ГАУ МВД СССР – Главное архивное управление Министерства внутренних дел.
7. Гг., г. – годы.
8. ДКА – Донской казачий архив.
9. Земгор – Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов.
10. КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога.
11. Л. – лист.
12. М., митр. – митрополит.
13. МВД – Министерство внутренних дел.
14. МИД – Министерство иностранных дел.
15. Млн. – миллион.
16. НКВД – Народный комиссариат внутренних дел Союза Советских Социалистических Республик.
17. О. – отец.
18. Прил. – приложение.
19. Прот. – протоиерей.
20. РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота.
21. РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

22. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.
23. РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
24. РГИА – Российский государственный исторический архив.
25. РГИАДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока.
26. РЗИА – Русский заграничный исторический архив.
27. РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.
28. Табл. – таблица.
29. УК – Уголовный кодекс.
30. ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.
31. ЦГАСА – Центральный государственный архив Советской армии.
32. ЦГАФ СССР – Центральный государственный архив Союза Советских Социалистических Республик.
33. ЧК – Чрезвычайная комиссия.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Источниковый массив дневниково-мемуарного комплекса Русского заграничного исторического архива

№ п/п	архивный шифр (фонд, опись, дело)	Автор, название (по описям)	Примечание
1	РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 5.	Алпатин А.М. Февральская революция 1917 г. Воспоминания. Рукопись.	Л. 22. Была середина Октября, и все ждали большевистского выступления. Но все эти дни прошли благополучно, и правительство самонадеянно утверждало, что никакого выступления не будет, так как им приняты меры подавить такое выступление в самом его зародыше. <...> Наступило 22 Октября, об`явленное <так у автора> днем Советов. В этот день казаки, эти единственные, остававшиеся верными правительству воинские части, задумали устроить крестный ход. Правительство крестный ход запретило, и казаки подчинились, но собравшийся народ потребовал его, и вышла импровизированная манифестация. Народ хотел было идти к Правительству протестовать, но Митрополит отговорил.
2	ГА РФ. Ф. Р5819. Оп. 1. Д. 5	Воспоминания Бобринской В.Н. «Хроника моей жизни» (1864- 1930). Машинопись. 5 л.	Л. 114. <Упоминает об избрании патриарха>. Л. 115. <Описывает случай знакомства с американцем Крейном, который заинтересовался Россией и хотел познакомиться с патриархом Тихоном, нелегально пересёк границу во Владивостоке и потом приехал к нему в Москву>. Л. 140 <о значении церкви для русских> там, где 50-60 русских сразу же возникает церковь.
3	ГА РФ. Ф. Р5829. Оп. 1. Д. 10.	Воспоминания Лукомского А.С. «Поездка на Дальний Восток 1924-1925 гг.» (3 тетради).	Л. 182. Епископ Иона, будучи во время революции 1917 г. в Москве архимандритом, пострадал от большевиков; был арестован, избит прикладами, и ему сильно повредили голову. Едва выжив, ещё больным он пробрался в Сибирь и был в отряде оренбургского атамана

		Рукописи. 215 л.	Дутова. После крушения фронта адмирала Колчака епископ Иона пробрался в Маньчжурию.
4	ГА РФ. Ф. Р5853. Оп. 1. Д. 1-31.	Лампе А.А. Дневник.	
5	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 73.	Очерк Алмазова Ф. «Мои воспоминания» (религиозно-церковного содержания 1917-1931 гг.). Рукопись. 271 л.	Изданы: Материалы по истории церкви. – М.: Крутицкое патриаршее подворье: О-во любителей церковной истории, 1992. - Кн. 13: Мои воспоминания: (записки соловецкого узника) / архимандрит Феодосий (Алмазов); подготовка текста М. И. Одинцова. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 1997. - 259 с.
6	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 80.	Воспоминания Богдановича Ив. «Записки правозащитника» (Москва, 1918-1919 г.г.) Рукопись. 9 л.	<Чернила. Датированы 25/06/22 Берлин. В 1918 г. автор отправился из Москвы в Симбирск. Там произошло крестьянское восстание>. Л. 6. Восстание крестьян, как и надо ожидать, было подавлено - начались массовые расстрелы. Помню эту воистину «страстную» неделю. Мы собираемся к заутрене - завтра Пасха. Раздаются выстрелы... «Слышите, И.В., опять стреляют» - говорит мне старушка-мать моего хозяина. «О, Господи, Господи! Неужели у них Бога нет? Завтра такой великий праздник! Ведь только в четверг вечером расстреляли пятьдесят. Да когда же это кончится?» В результате этого мартовского восстания крестьян, за это короткое время, в Сеньгилеевском уезде и городе, насчитывающем по последним статистическим данным (таблицы 1913-14 гг.) 176.000 населения, считая женщин и детей, было расстреляно около 400 человек, в том числе священников (по требованию крестьян служили молебны перед выступлением) и несколько женщин.
7	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 81.	Борман А. В списке врагов. Воспоминания о советской стране в	<Воспоминания очевидца. 1918 год, неприятие большевиками пасхальной службы. Слухи о репрессиях относительно священства>. <По косвенным данным воспоминания написаны через двадцать лет после описанных

		период 1918 года. Машинопись. 95 л.	событий: л.82 «начал создаваться тот служилый класс, благодаря которому большевики существуют более двадцати лет». Описание событий зимы-весны 1918 г.> Л.1. Во второй половине марта 1918 года я приехал в Москву с юга, где потерял в степях следы Добровольческой Армии. Шёл пятый месяц большевистской власти. Уже был подписан Брест-Литовский мир. Советские центральные учреждения пережали из Петрограда в Москву. Забыть существование совестной власти невозможно - город окружён кольцом продовольственных отрядов, по улицам то и дело проходят отряды молодцеватых латышей. Кремль для обывателей уже почти недоступен. Большевики в своих газетах упорно твердят об осуществлении всех своих программ. Л. 28. Пасху мы провели в Курске. Какие-то шутники /не помню кто/ уговорили Ракревского разговляться. В зале Дворянского Собрания был подготовлен пасхальный стол. В пасхальную ночь город словно забыл о большевиках. Я побывал в нескольких церквях, всюду полно. Особенно торжественною соборе, не протиснуться, стоят плечом к плечу. К концу службу с хор раздался крик: - Прекратите этот обман, довольно над нами издеваться – кричал, перевесившись через перила матрос. Городские мещане его здорово бы избили если бы не подоспели на помощь товарищи. Л. 90. Везде чувствовалась мертвящая рука большевиков. Судов почти не видно, пустые пристани, голодные города. Кириллов и Белоозёрск - они не на Шексне, но живут ею. Рассказы о расстрелах и разгромах монастырей. <...> Когда я возвращался назад то на какой-то пристани сел местный комиссар, не то из унтеров, не то из учителей. Мне успели шепнуть что на его душе уже много расстрелов. Особенно свирепо он расправился с Кирилловнами духовенством.
8	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 93.	Добровольская Е. «Записки заключенной», охватывающие период с 18 ноября 1920 по 19 ноября 1921 гг.	Ничего не пишет о себе, кроме того, что л. 1. «служила корреспонденткой» у владельца квартиры, у которого и жила. После его ареста 28 ноября 1919 г. Л. 3 «заялась разноской продуктов и хлеба». Арестована л. 3. «23 декабря 1919 года»>. <Отвезли на Гороховую, после ночного допроса> Л. 6 Проснулась я в восемь часов,

		Машинописный экземпляр. 75 л. <...>, я увидела, что нахожусь в небольшой комнате сплошь уставленной кроватями с ужасными, грязными, покрытыми насекомыми матрасами <...>, и когда я приподнявшись на локте оглянулась назад, то к величайшей своей радости нащупала на спинке кровати маленькую иконку Николая Чудотворца, привязанную розовой ленточкой к кровати. Наведя справки у соседок чья это иконка и узнав, что владелицы ее уже нет в живых, я решила ее сохранить, видя в этом перст Божий, - пославший мне в минуту тяжкого испытания это утешение и действительно с иконкой я уже больше не расставалась с этой иконкой, она сопровождала меня на всех принудительных работах и теперь находится еще у меня. Л. 7. Ночью с 25-го на 26-е была объявлена экстренная отправка на Шпалерную <...> между иными выкрикнули и мою фамилию Л. 12. БОГОСЛУЖЕНИЕ В ТЮРЕМНОЙ ЦЕРКВИ В большевистский сочельник было назначено богослужение в тюремной церкви; комиссар обошел все камеры, объявив в очень корректной форме (он был человек довольно хороший - и его даже любили арестованные женского отделения) что просят арестованных соблюдать тишину и порядок – при малейшем беспорядке или обмороке, виновные будут посажены в карцер; после такого предупреждения арестованные, которые рвались все в церковь, несмотря на различие вероисповеданий, выбрали себе подходящую пару и по команде «стройся», стали в колонки; нас окружили конвойные и повели мимо мужских одиночек и общих камер, откуда на нас с любопытством глядели мужчины, арестанты, в тюремную церковь; но, Боже, что представилось взорам нашим: громадная, когда то видно роскошная церковь, теперь вся ободранная, на столе стоит один образ Николая Чудотворца, над ним на шнуре висит одна лампочка электрическая, вся церковь же освещена крайне скупо, с такими же висячими на шнуре лампочками; тут же в углу стоят четыре-пять железных кроватей, пара столов, всякая рухлядь и хлам – одним словом – ужас сплошной; тк.кк. церковь не отапливается, то с отсыревших стен течет вода ручьями и становясь на колени, опускаешься прямо в воду. С потолка на голову арестованным текла вода – и все вместе взятое производило жуткое впечатление. Через десять минут после нас
--	--	--

			привели под конвоем мужчин – причем нас от них отделяла цепь красноармейцев, но несмотря на это, каждый старался отыскать глазами близких и родных, хотя комиссар и его помощники зорко наблюдали за порядком и за тем, чтобы арестованные не смогли передать какой-нибудь записочки. Пел хор из арестованных мужчин, который стоял совершенно отдельно, поближе к воображаемому алтарю, окруженный двойной цепью стражи, ибо пели участники последнего заговора, все приговоренные к смерти, и знавшие об этом; впечатление было столь жуткое и ужасное, что несмотря на угрозу попасть в карцер, женщины не выдержали и когда вошел батюшка, и прерывающимся от волнения голосом стал уговаривать всех арестованных смириться перед волей Божьей, покорно нести свой крест, а в случае смерти верить в загробную жизнь, где правые найдут свою защиту, а виновные понесут заслуженную кару, раздались вопли, превратившиеся в сплошной вой – мужчины слыша вопль женщин также не выдержали, все, как один человек, опустились на колени и раздались душераздирающие крики: Господи спаси нас и наших близких от гибели сохрани и помилуй, батюшка страшно взволнованный всем происходящим не выдержал и как сноп повалился на церковный пол. Произошел переполох, женщины стали падать в обморок – и немедленно стража выступила вперед скомандовала «неси упавших» и вся процессия двинулась обратно, неся обморочных на руках. Так окончилось первое богослужение. По камерам разнесли обморочных, где товарики приводили их в чувство в ожидании медицинской помощи, и ожидая наказания за нарушение дисциплины; но очевидно, не желая обострять этого инцидента, комиссар прийдя в камеру, объявил всем строгий выговор, сказав, что в виду того, что арестованные не умеют собой владеть, они больше в церковь не пойдут; мужчины по слухам, очень многие угодили в карцер, ибо с ними вообще обращались строже. Батюшка же, как элемент неподходящий был смещен – ибо не его дело было-де рассуждать, кто прав, а кто виноват. Так встретили праздник на Шпалерной несчастные заключенные. <автор была приговорена к смертной казни, но 15 января смертную казнь отменили> Л. 17 советская власть дала подписку отменить
--	--	--	---

			для всех смертную казнь заменив ее пожизненным заключением; ликованию заключенных не было конца, решили по этому поводу вознести Господу благодарственную молитву, и арестованная ежевечерне читавшая перед сном молитвы, которые мы машинально за ней повторяли – ибо мозг у всех в данный момент работал в одном направлении – спасены-спасены <...>. Л. 34. ПАСХА. ПЕРЕДАЧА. ЗАБОЛЕЛА. Наступала Пасха, в пятницу и субботу на Страстной разрешили приносить передачи, и вот я с нетерпением ждала, принесут ли мне что-нибудь, ибо имея приговор на руках, я написала еще моей посаженной матери и просила на Пасху что-нибудь прислать; наконец вызвали мою фамилию, вручили передачу и я обрадованная вернулась в камеру – но этим дело не кончилось, я в этот день получила три передачи, из которых одна была конфискована за то, что в ней было положено письмо – от кого она была, я так и не узнала – угостив своих товарок кормивших меня эти пару дней я и сама приложила конечно с усердием к моим передачам – но организм мой не выдержал и я захворала; пришлось вызвать врача и в результате у меня отняли передачи на время; между тем комиссар объявил, что в Страстную субботу будет богослужение, чтобы к 11 часам ночи все были одеты и стали в колонку, чтобы не было ни слез, ни обмороков, но чтобы все сохраняли спокойствие – мы все обещали вести себя достойно и комиссар ушел. БОГОСЛУЖЕНИЕ В ОДИНОЧКАХ К 11 часам все повязав головы белыми платочками Л. 35 и шарфиками, принарядивших кто во что мог, причем все поделили между своими товарками, выстроились в колонку и наконец нас повели – но повели не в церковь а в мужские одиночки, громадное холодное здание; войдя туда мы увидели кордон красноармейцев отделявших нас от приведенных из общих камер арестованных мужчин, окошечки в одиночках были также открыты и оттуда выглядывали бледные, изможденные лица заключенных одиночников; опять стол с иконами, убогая лампочка на шнуре, но батюшка уже другой; началось Богослужение, все заключенные пели, пели скрепя сердце, одиночники пели тоже – и впечатление получалось столь ужасное и столь жуткое, что описать его я лично не в состоянии; скажу только одно, что одиночник,
--	--	--	--

			полуосвещенный, посреди стол с убогой иконой, дрожавший, бледный батюшка (очевидно он говорил по конспекту комиссара) прерывающиеся голоса певших арестованных, сдерживаемые рыдания и восковые лица мужчин в окошечках одиночек; но скоро нервы у арестованных не выдержали напряжения, люди стали беззвучно падать, также беззвучно их выносили и разносили по камерам, батюшке очевидно был дан приказ окончить богослужение – скомандовали двигайся и мы пошли; пошли мимо одиночек, где на нас с тоской глядели лица заключенных стараясь в масседвигающихся женщин разглядеть своих родных и близких, ибо обыкновенно при аресте одного члена семьи, для дополнения следствия арестуют и других, вместе живущих. Наступило Светлое Христово Воскресение; настроение у всех было радостное, на улице было лето – нам дали две прогулки по одному часу лишнего хлеба, густого супа с кониной кроме того еще не все передачи были съедены и у нас в камере было весело – сытость у арестованных всегда на первом плане – а мы были Л. 36 сыты; арестованных в этот не приводили, а освобождения закончились в пятницу, ибо ордера с Гороховой писанные в четверг ночью привезли на Шпалерную в пятницу утром и так воцарились тишина и спокойствие – даже за обмороки в виду наступивших праздников никто наказан не был. В конце нашей святой недели, наступили опять какие то еврейские праздники, и меня опять обдали, ибо и я значилась с еврейской Пасхи – это было очень кстати, и я до сих пор благодарна еврейской общине за то, что она, не делая различия между евреями и христианами два раза накормила меня, чем облегчила мое ужасное, голодное существование. <отправка в Кресты> Л. 37 я повесила свою иконку <в новой камере в Крестах>, встала на колени и горячо помолилась Богу, не забыв в своей молитве упомянуть о дарованном Богом здоровье и счастье моему доброму следователю; моих истязателей я больше никогда не видала. <В Крестах была как рабочая> Л. 39 меня назначили по уборке сада. <затем попросилась дежурной сестрой, взяли> Л. 48 Приближалась Троица, арестованные радовались предстоящему отпуску домой, на отпускные выдаче добавочного пайка – надеждой жил весь 1-ый корпус. <автора в
--	--	--	--

			отпуск не пустили>. <Затем переведена в 3-ий лагерь, 1-ая Женская Трудколония. Там православных праздников не праздновали. Стала советской служащей после освобождения>.
9	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 103.	Иванов Н.К. Епархиальный съезд в Москве для выборов членов собора 1923 года. Воспоминания. Машинопись. 19 л.	Опубликованы: URL: http://www.odinblago.ru/path/1/9_3/ . Дата обращения: 10.11.2021.
10	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 109.	Воспоминания Лазаревской В.В. «Мое участие в советском просвещении» (1920-1922 гг.). Рукопись. 88 л.	<В Балаклаве>. Л. 15. Не могу не упомянуть о лекторе Профессоре Линдетреме, - он вел Л. 16 себя самым недостойным образом. Делал все, чтобы выдвинуться и быть в почете у большевиков, но почему-то у <зачеркнуто> не везло <так у автора>, хотя он и составил себе лекции на животрепещущую тему «отделение Церкви от Государства» - 5 лекций по 2 часа каждая. В этих своих лекциях он ругал Бога самыми последними словами, так что в клубе на Татарской слободке однажды бабы схватились с мест и хорошо его изб< неразборчиво> но ему удалось убежать. <описание подробностей об убитых в 19 году большевиками приехавших в Балаклаву женщинах и священник Л. 16 <...> вместе с ними был застрелен священник, т.н. гимназический, т.е. не тот, который совершал службу в церкви, а преподаватель Закона Божия в гимназии. Л. 18 Что касается погибшего священника так действительно все говорили, что ему предварительно выкололи глаза, а потом убили.
11	ГА РФ ф. 5881 оп. 1 д. 122.	Путилов Д. «На обломках старого мира». Воспоминания бывшего помещика о положении дел в деревне в 1918–	<100 листов>. Странно и непривычно было не видеть на станции, как обычно, нашу белую тройку с бывшим московским «лихачом» Николаем на козлах. Я знал, что нашей тройки, как и конного двора, где я провел столько незабываемых, чудных часов в моем детстве, не существует, что долгий путь в 15 верст от станции к нам нужно

		1919 гг. Письмо профессора Одинцова Б.Н. управлению русского исторического архива в Праге от 20 сентября 1942 г. с предложением купить рукопись Путилова. Машинопись.	проделать пешком впервые в жизни. Я знал также, что идти прямо в разгромленную нашу усадьбу нельзя, что идти туда, в сущности, не к кому. Потому я направился к другу нашей семьи, сельскому священнику, жившему от нашей усадьбы в трех верстах. Не забуду этой вынужденной прогулки в послеобеденные часы чудного дня в конце апреля, когда после столичной тягостной сутолоки душа и глаз наслаждались тишиной и прелестью деревни, грудь раскрывалась навстречу привольному ветру, гулявшему, как обычно, по нашим рязанским полям, ухо ловило первые песни жаворонков, в знакомых лесах береза первой облекалась в свой скромный девичий наряд, готовясь к весеннему балу. По дороге я быстро обходил стороной знакомые усадьбы помещиков. Что стало с ними и с их обитателями, я знал только понаслышке и правильно решил, что лучше мне, не зная броду, не соваться в воду – не заходить в эти дома, полускрытые первой листвой распускающейся зелени садов и парков. Во всех трех имениях, вблизи которых лежал мой путь, и дома, и парки еще сохранились. Через год с небольшим не станет ни того, ни другого. Наш батюшка, отец Василий Смирнов встретил меня как родного, как кого-то, к кому нужно быть особенно милым. Мы были сброшены с наших жизненных позиций – он был на очереди. Не очень приятно священнику в деревне в те времена оказывать приют отпрыску соседней дворянской семьи. Но наши отношения были таковы, что он сразу оставил меня у себя, а я не мог отказаться, не обидев его, даже если бы думал уйти. Впрочем, всеми этими вопросами я нисколько в тот момент не занимался, всецело отдавшись прелести ужина, настоящего деревенского, с обязательной пшенной кашей, с копченым салом, ватрушками и обилием молока. После Петрограда это был рай земной, я все время моего пребывания у отца Василия не противоречил матушке Анне Федоровне, поставившей своей целью «поддержать», как она говорила, меня. В первый же вечер меня ввели в курс событий нашей округи, я узнал точно, какая судьба постигла нашу усадьбу, имения соседей, узнал, кто из них находится в деревне. Узнал, что председателем страшной для всех жителей округи уездной чрезвычайки состоит всем нам хорошо известный калека-нищий, из года в год, разъезжавший на старой кляче в
--	--	--	---

			бедной скрипучей телеге и собиравший подаяние. Читатель, если он знает деревню средней России, вероятно, помнит таких нищих. Не без чувства робкого удовлетворения я вспомнил, что у нас чекист-нищий всегда пользовался добрым приемом, был накормлен и снабжен продуктами и деньгами. Поможет ли это? В деревне новости распространяются с большой быстротой. Вечером я ужинал у нашего отца Василия, а утром, часов в 9, когда я встал, ко мне пришли первые гости: один за другим два крестьянина нашего села, оба из зажиточных. Оба стоявшие лично от нас далеко, оба беспартийные, в революции активного участия не принимавшие. У каждого под мышкой был изрядный сверток с продуктами питания: салом, яйцами, пшеном. Оба бочком, сконфуженно вручали подношения, прося прощение за скромность дара и обещая муку и хлеб. Пришли порознь и разговор с каждым велся отдельно с глазу на глаз. По праздничным дням особого назначения и уже во всяком случае на Рождество и Пасху из года в год, пока мы жили круглый год в деревне, к нам в усадьбу являлся весь деревенский сход с поздравлениями. На Пасху – обязательное троекратное лобызание со всеми без исключения крестьянами. Для моего отца это была довольно мучительная процедура: деревня наша была заражена сифилисом, и среди пожилых крестьян некоторые были страшно обезображены этой болезнью. Культурно-просветительский кружок в Строевском закрылся, а моя мать была из него, как знает читатель, предварительно изгнана. Однако она не принадлежала к людям легко сдающимся. Пока она не добилась места учительницы, она решила создать кружок из юной молодежи нашего села, чтобы подготовить культурный праздник на Рождество. От совета были получены разрешение и даже немного дров для временного отопления зала, и в течение целого месяца к нам бегали ребятишки из села и читали наизусть стихи. В нашей небольшой деревне среди детей моя мать уже не нашла исполнителей для программы. Мой отец и мы все порядочно раздражались этими визитами, но зато в День Рождества наш зал был натоплен, окна подправлены, и после обеда потянулась детвора, а с ней и старшие, посмотреть на редкое, невиданное зрелище.
--	--	--	---

		Устроено празднество было без всякой задней мысли, исключительно с целью действительно привнести какой-то культурный вклад в жизнь наших соседей. Если принять во внимание, что как раз именно эти соседи весьма не по-соседски обошлись с нами, то читатель, может быть, признает, что выше, в начале этих воспоминаний, я говорил правду, утверждая, что против крестьян у нас не было злого чувства. Потом в жизни мне приходилось не раз наблюдать, как имущие классы или группы расстаются с их имуществом; право же, справедливость требует признать, что с нами это было сделано не худшим образом. Правда, тут был и свой элемент слабости. У многих из людей, мною описываемых, или, скажем, у некоторых, может быть, в наибольшей степени у таких людей, как мой отец, уже не было уверенности в оправданности своего социального положения. Это состояние, может быть, плохо характеризует с точки зрения его неизменности класс, в котором рождаются такие настроения, но редко плохо характеризует представителей его, у которых оно рождается. Не хочу этим сказать, что мы исповедовали чистое непротивление злу или не считали это злом. Но до простой классовой или групповой слепой ненависти ни на один день мы не опустились, и в этих воспоминаниях я считаю себя вправе это отметить. Начинание моей матери имело и доброе последствие в смысле непосредственных сношений с крестьянами. Большинство разобралось в его мотивах и оценило их полностью. Какая-то моральная позиция была выиграна, а в такие критические времена моральный выигрыш часто значительно реальнее, ибо реальное сегодня перестает им быть завтра. Впрочем, не наша цель заниматься тут социальным философствованием доморощенного характера. Назад, к нашим картинам из жизни. В этой смутной обстановке быстро меняется вековой быт. Барин ниспровергнут, церковь объявлена глупостью, царь убит, собственность, не только ненавидимая помещичья, но и близкая, дорогая, своя крестьянская, трудовая колеблется, деньги текут рекой, но на них ничего нельзя купить, молодежь не хочет слушаться, так как город и власть несут ей
--	--	--

			новые заповеди, которых она не знает еще, но в которых есть для нее привлекательные мотивы. Прибавьте к этому мутный самогон, рекой льющийся в деревне, несмотря на все запреты и кровавые кары; прибавьте комиссаров, жестоких и все же своих, мужицких, которых можно ночью перепилить пополам и от которых можно ждать поголовного истребления целых.
12	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 134.	Воспоминания Сувориной Е. «Годы революции на Кавказе» 1917-1921 гг. Рукопись. 67 л.	Л. 2. Захват власти большевиками застал меня на Кавказе, на Черноморском побережье, где мы жили на своей даче, в окрестностях Туапсе. До нас еще не дошел слух о перевороте, как вдруг неожиданно к нам нагрянули 6 человек каких-то господ, которые, предъявив свои мандаты, объявили себя членами Революционного комитета с председателем во главе. Они заявили, что приехали делать обыск. - Какой Революционный комитет? Кто же вы такие? спросила я. - Мы большевики. Временное правительство свергнуто. Мы должны сделать у вас обыск. У вас, наверное, есть оружие. Имущество мы не трогаем. Просим, чтобы никто не выходил из дома под страхом расстрела. Л. 4. У меня в шифоньере стояла небольшая шкатулка-касса. - Что у вас в этой шкатулке? спросил меня председатель комитета, по типу офицер. _ Документы некоторые и деньги. _ А, револьвера там нет? _ Нет. - Откройте. Я открыла. Он пощупал и сказал: - Закройте. Я только собиралась закрыть, как через мое плечо просунулась рука и выгребла все содержимое шкатулки. Я обернулась и увидела удаляющегося матроса. Л. 5. Оглянувшись, я заметила, что у меня со стола исчезли большие золотые мужские часы, которые висели у моей кровати и разные золотые вещи из туалета. В это время с криком сбежалась со всяких сторон прислуга. Горничная кричала, что из буфета матросы высыпали все серебро в привезенные ими чемоданы; няня рыдала, что матросы сорвали золотые иконки с детских кроваток; бонна злым тоном заявила, что у нее украли из ее комода кошелек с деньгами и ее золотые вещицы. Л. 189. Реквизиция церквей. 1922 год.

			Я возвращалась с детьми из летнего сада и когда мы завернули с набережной на Литейную, я увидела у Сергиевского собора громадное скопление народа, преимущественно женщины. Стоял вопль, плачь, крик... У самого собора сплошной стеной, плечо к плечу стояли красноармейцы с ружьями наперевес; штуки ослепительно блестели на солнце. Подойдя поближе, я стала различать отдельные голоса. - Преподобного Сергия грабят! Господи, не допусти! Крестилась старая женщина. - Да как они могут посягать на нашу святыню? Все отняли... все... дорогих, близких, имущество... а теперь последнее отнимают... наш оплот! Нашу веру! ... Ругаются над церковью!.. Да что же это такое?! Да ведь нельзя... нельзя этого!.. истерически кричала молодая, Л. 190. красивая дама с изученным лицом. Я вдруг увидела, что к ней подошли два какие-то человека, взяли с двух сторон под руки и потащили. Она сразу стихла и с беспомощной <неразб.> улыбкой оглядывалась по сторонам. Группа детей испуганно смотрели на штыки и следили как они время от времени быстро выдвигались вперед. - Ой! заколят! визжала одна девочка, лет десяти. Ой, боюсь! боюсь! заколят! Около самого собора делалось что-то невероятное. Толпа, с криком: «не допустим! не позволим!», бросалась на паперть, на сплошные стены, выдвинутые вперед штыков, отгоняла их назад. Перепуганные мои внуки стали плакать, и я поспешила, обойдя толпу, перейти Литейную. На Сергиевской я увидела интел- Л. 191. лигентного вида старичка, который беспомощно опустив руки и весь как-то согнувшись, смотрел на собор и время от времени утирал глаза. - Скажите пожалуйста, обратилась я к нему: - это, наверно, Сергиевский собор обирают. - Да, грабят нашего Сергия Преподобного. Уже сколько церковей обобрали! Собирают ризу и в мешки грязные складывают, да и ногой еще притоптывают, чтобы побольше вошло. Я сам видел, своими глазами, да и папиросы при этом курят, плюются, ругаются, шутки отпускают похабные, как обирали Николая Чудотворца, все видели своими глазами. Кошунствуют над святыней! Вот, говорят, на Сенной, у Спаса Преображения бунт был народный, но только
--	--	--	--

		усмирили. Л. 192. А что сделали с Казанским Собором!.. Старичок хотел еще что-то сказать, но я, заметив, что к нам приближаются какие-то двое людей, поспешила с детьми уйти. Вечером я пошла ко всенощной в церковь «Всех Скорбящих» на Шпалерную. Большая церковь была набита битком. Среди молящихся было много мужчин, были и красноармейцы. Чувствовалось какое-то особенно напряженное состояние. Все будто чего-то ждали и к чему-то готовились, важному, большому. После службы никто не уходил... вышел на амвон уже разоблачившийся старичок-священник. Вдруг молящиеся, как один человек, пали на колени и слышались голоса, взволнованные, рыдающие голоса: - Батюшка! не попустите! Л. 193. Священник, сам сильно взволнованный, со слезами на глазах, дрожащим голосом стал успокаивать своих прихожан и сказал, что он хлопчет, что одна, стоящая у власти, особа, обещала ему устроить так, чтобы драгоценную ризу Богородицы взяли в музей, как историческую редкость, так как эта церковь построена Натальей Алексеевной, сестрой Петра II, а икона пожертвована им. Священник не мог говорить от слез, прихожане плакали, стоя на коленях; слышались истерические рыдания. Священник успокаивал и просил ничего не говорить лишнего и положиться на волю Божию. Молящиеся стали неохотно расходиться. Много было несдержанных разговоров и, говорили потом, что многих увели на Гороховую. Вскоре после этого старичок-священник был арестован и его сослали куда-то. Говорили, что в Вятку. Л. 194. Сходила я в Казанский собор. Ни одна церковь не поразила меня так своим опустошением, как Казанский собор. Прямо сделалось жутко при виде ободранного серебряного иконостаса, вместо которого мрачно темнело дерево, ничем даже не покрашенные. Меня охватило чувство такого мрачного уныния, такой гнетущей тоски, что я совсем не могла молиться и поспешила скорее уйти. На Сергиевской была богадельня для престарелых интеллигентных тружениц. у меня была там одна знакомая и я иногда навещала её. Прихожу однажды и вижу, что икона Спасителя,
--	--	--

			висевшая над входными дверями в киоте, заменена портретом Ленина и портрет окружён венком из цветов. Вхожу в комнату моей знакомой; она сидит и горько рыдает. - Вы видели? <неразб.> видели как заменили Христа? Л. 196. Да, видела и ... поразилась! - И венок сняли с плащаницы и нацепили Господи! да что же это такое? рыдала старушка. - и церковь нашу домовую разрушили, говорит – какой-то дом будут устраивать. До чего мы дожили? ... Хоть-бы умереть поскорее!.. Но обо все не напишешь. Церкви были ограблены. Распространяли, что для голодающих. Не знаю, много ли попало голодающим, но в Эстонии я сама видела, своими собственными глазами, поломанные ризы с икон, которые спекулянты из России приносили в обмен на спирт. Л. 197. Живая церковь. Александр Введенский. 1922 год. В 1922 году я шла недалеко от Таврического сада и церковь Захара и Елизаветы была совсем близко, так что я часто ходила туда со своей внучкой. Однажды, в воскресенье, подойдя к церкви, я прочла объявление о том, что сегодня литургию будет служить Александр Введенский. Я об нем слышала уже и раньше, что он, будучи по профессии присяжным поверенным, сделался священником с идеей освободить старую церковь от рутины и создал «Живую церковь». Меня это очень заинтересовало, но многие, прочитав извещение, поворачивали спины и, с видимым неудовольствием, уходили. На амвоне появился молодой, красивый, южного типа священник, с коротко остриженными волосами, с небольшой бородкой и усиками. Из-под ризы Л. 198 виднелась ослепительной белизны рубашка и галстук, ботинки были безукоризненны. Он звучным, красивым голосом, выговаривая чисто по-русски, не делая ударения на о, произносил молитвы. Я простояла всю обедню и никакой особенной разницы в службе не заметила, исключая вышесказанного. После обедни он стал говорить проповедь, но это была не проповедь, как мы привыкли понимать, а речь, блестящая речь даровитого оратора, в которой он доказывал, что в старой церкви
--	--	--	---

			сохранилось много ненужной рутины, и что сущность веры не в обрядностях, а в самой вере и значении ее. Говорил он красиво, убедительно и умно, но опять так повторяю, что была блестящая речь с кафедры, а не проповедь с амвона. Когда он вышел из церкви, одетый очень щегольски, за ним повалили Л. 199 толпы молодых девушек в белых косыночках и, окружив его, пошли его провожать. В следующее воскресенье я пошла в церковь Николая Чудотворца. Эта церковь считалась старообрядческой; там пели оперные артисты, конечно, бесплатно, как они пели и во многих церквях, чтобы поддержать церкви, на которые уже пошли сильные гонения. На дверях церкви Николая чудотворца был наклеен план, в котором объявлялось, что сегодня, совместно со старообрядческим священником, будет служить Александр Введенский. Имя его уже становилось популярным и церковь была переполнена народом. Мне удалось пробраться на свое обычное место, близ клироса, так что я все хорошо видела. Отец Александр Введенский с старообрядческим священником, уже пожилым, служили вместе, причем Введенский исполнял все, что полагалось по старообрядческим обрядам, т.е. крестился Л. 200 двуперстным крестом и молитвы произносил по старообрядчески. Старый священник отец В. во всю обедню был очень смущен и избегал смотреть на прихожан и после этой обедни я его больше никогда не видела; говорили, что он заболел и больше служить не будет. После обедни Введенский опять говорил речь, в которой он доказывал, что обрядности – это отсталые понятия и решительно все равно как креститься двуперстным или трехперстным крестом, а также и слова молитвы не имеют большого значения и вот в доказательство этого он, Введенский, служил сегодня со своим «коллегой», старообрядческим священником. Речь его опять была блестяща, убедительна и умна, но на слушателей действовала различно: одни проникались ею и делались его сторонниками, другие же, наоборот, отреклись, отплевывались и звали Введенского богоотступником. Л. 201. Молодых девиц в белых косыночках прибавлялось все больше и больше, так что,
--	--	--	---

			когда я его потом встречала и довольно часто, он был окружен такой большой белой свитой, что его самого совсем не было бы видно, если бы не его высокий рост, который позволял видеть его красивую, тщательно убранную голову, его смелые смеющиеся темные глаза. Его сильный голос звучал весело. О чем он так оживленно говорил со своими «ангелами», как в народе прозвали девиц в белых косыночках, я не знаю, но только в этой толпе чувствовалось большое оживление и явный восторг, и поклонение со стороны девушек. Видела я и как он совершал обрядности: свадьбы, крестины. Никакой разницы я в службе не замечала, только опять таки разве это, что оно говорил чистым русским языком и держал себя как-то Л. 202 через чур просто, как бы фамильярно и весело. Он старался доказать, что различия в догматах церкви быть не должно и что сущность в самой вере, в учении Христа. Вскоре я сама была свидетельницей в одном из таких доказательств. Однажды, в субботу, я пошла ко всенощной к Николаю Чудотворцу. Пришла в обычное время, в церкви уже было порядочно народу, но служба не начиналась. Прошло пол часа. Ничего. Некоторые из молящихся стали расходиться, думая, что службы не будет совсем. Я осталась. У меня было тяжело на душе, не хотелось идти домой и я, забившись в угол, на скамейку, решила еще побыть в церкви, пока ее не закроют. Вдруг дверь открылась и вошли какие-то три девицы, одетые по моде и очень вычурно. Они стали чего-то приказывать церковному сторожу. Тот поставил посреди церкви аналой и зажег лампады и свечи. Одна из девиц стала перед аналоем, положила на него книги и, взяв зажженную свечу в руку, стала мелодекламировать какие-то псалмы-стихи. Я, конечно не могу передать их содержание, так как все забыла, но одну могу сказать, что она читала что-то, совершенно для меня незнакомое. Две другие девицы, поместившиеся на клиросе, запели тоже совсем неизвестные мне псалмы стихи, очевидно переведенные на русский язык. Что это было, я не знаю. Опять открылась дверь и в церковь вошел какой-то бритый человек в пальто. С виду он похож был на актера. Он прошел в алтарь и вышел оттуда в облачении священника. Потом он встал посреди церкви перед аналоем; ему подали
--	--	--	---

		зажженную свечу и книгу. Л. 204. Девушка, которая мелодекламировала, встала возле него и пальцем показала, что надо читать. Он стал читать почти по складам на ломанном русском языке. Потом девушка ему сказала: «довольно» и с клироса опять раздалось пение переведенных на русский язык псалмов. Потом мелодекламация, потом опять пение, потом опять, по указке девушки, чтение «священника», на ломаном русском языке. Принесли пять хлебов, и священник стал их благословлять. Эта служба тянулась часа полтора. Мы, молящиеся, были в полном недоумении. Я сидела в своем углу, старалась что-нибудь понять, но ничего не понимала. Рядом со мной стояла дама с девочкой-подростком. - Но мамочка, говорила девочка, ведь это же какая-то комедия; это точно в театре. С какой л. 205 стати все это происходит в православной церкви? Пойдем, мамочка, я не хочу оставаться. - Подожди, нетерпеливо отвечала мать, останемся до конца, все-таки интересно чем это кончится. В углу две старуху спорили – нужно или не нужно подходить под благословение к бритому? - А я тебе говорю – грех идти под благословение, потому разве не видишь, что это актер и ролю играет, кипятилась одна из старушек. На меня, признаться сказать, «бритый» тоже произвел впечатление актера, знающего очень плохо свою роль, который без суфлера не может сказать ни одного слова. Но я решила остаться до конца. В конце службы «священник» пошел в алтарь и вынес крест. К кресту приложились только двое каких-то мужчин; остальные все забились в темные углы. Потом священник разделся в алтаре, вышел оттуда в своем пальто и, вместе с тремя девушками, вышел из церкви. Я подошла к церковному сторожу и спросила его: - Какая это служба была? и кто служил? Сторож сердито посмотрел на меня и отвернулся. Потом он проворчал: - Церковь надо освятить. Вот что. После этого церковь была закрыта и в ней службы не было совсем, по крайней мере при мне, пока я была в Петербурге. Как я ни старалась узнать среди знакомых, что
--	--	--

			это была за служба, никак не могла, никто ничего не знал. Предполагали некоторые, что, может быть, это был украинский священник, но это были только предположения. Л. 207. Летом 1922 года я очень часто встречала Введенского, всегда в белоснежной рясе, с сиявшим свежестью воротничком, окруженного сонмом «ангелов». Потом я его видела, как он служил обедню, уже в митре. О деятельности Александра Введенского я здесь говорить не буду, он достаточно всем известен.
13	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 138.	Ундриц М. «В списках» Воспоминания, охватывающие период с 1916 по 1920 гг. Рукопись и машинопись. 257 л.	<Отмена трамвая на Троицу, отказ крестьян работать на Троицу уже в коммунистической России>. Л. 71. Картофель прорастал, прорастали также замоченные семена, а тут на беду подошли и праздники, - Троица. Церковные праздники хотя и были отменены, но рабочие, несмотря на голодовку, на за что не хотели работать в эти дни. <...> Под мелко сиявшим дождем, рано утром, пешком, так как в Коммунистическом Петрограде, на Троицу не шёл трамвай, я притащилась на участок.
14	ГА РФ. Ф. Р 5881. Оп.1. Д. 161.	Записки воспоминания жандармского офицера (1905-1920) о службе и т.д.	<о приходе в Одессу добровольцев и аресте красных>. Л.43. <...> и 10 китайцев - красноармейцев, которых нашли в городе напротив станции, где была из православного монастыря сделана казарма китайцев красноармейцев.
15	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 582.	Дневник белоэмигрантки Нины Н. (фамилия полностью не указана) за период времени с 1917 г. до 1923 г. 42 л.	Л. 3. <...> Но вскоре Гучков ушел, на место его был назначен Керенский. – Керенского я прекрасно знала. Его сыновья, Олег и Глеб, были лучшими товарищами моего детства. Олег был старше меня всего на 20 дней, а Глеб моложе на 3 года. Россия, Россия, куда ты исчезла? <...> Теперь у нее большевики. <...> Боже мой! Так развратить страну! Дисциплины нет. Религий нет, ничего нет. <...> разве может существовать страна без религий, без веры. Мой папа был в числе лиц, значащихся в

			списке. И поэтому папа скрывался. Мамы не было, она в это время была в П. Что я переживала! Единственным утешением для меня была Церковь. В Уфе был удивительный архиерей. Я перед ним просто преклонялась. Как я его любила и уважала! Он, по-видимому, тоже любил; так, по крайней мере, говорил нам девочки, да и я сама видела. Никогда не забываются такие люди. И теперь он остался в Уфе, а что если придут большевики, нет, не могу об этом писать...
16	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 769.	Воспоминания (автор не установлен) о положении в Советской России в 1918-1921 гг. Рукопись. 54 л.	<Университетский преподаватель, профессор> Л.13. У нас была даже устроена потихоньку елка для детей, плохонькая, почти без игрушек, с двумя-тремя огарками... Но в это вечер нашего праздника, мирной радости, мы услышали издали приближающийся нестройный гимн «интернационала». ... Двери открыли. К нам ввалилась толпа горластых, растрёпанный, красных от мороза людей. Они втаскивали с собой в комнаты огромное красное знамя, как символ власти. Елку потушить и спрятать не успели. Нас поймали на месте «преступления». ... Л. 14 ... товарищи притихли, нерешительно мялись, превратившись в тихих деревенских ребят и, стесняясь, отказываясь, мирно усаживались за стол. Как хорош был этот рождественский вечер, как мирно и славно мы беседовали о том - о сём с этими молодыми, буйно ввалившимися к нам ребятами, теперь пившими чай с сахаринном. ... С Рождеством Христовым, - говорили наши гости-коммунисты, поднося рюмки к губам. - С праздничком.
17	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д.771.	Воспоминания (автор не установлен) о гражданской войне в Сибири и о бегстве после	<Выглядит как письмо, есть обращения к адресату. Воспоминания, дневниковые записи. Автор в чине полковника>. О развале армии Колчака. Л. 2. Пошли на последнюю героическую меру - проф. Болдырев редко честный и упорный человек предложил формировать дружины св.

		разгрома Колчака в Китай.	Креста - я записался сейчас же и поехал в Иркутск с приказанием поднять там религиозное движение и сформировать ополчение с которым придти на фронт. <...> Должен сказать, что результаты были блестящи, записывались масса, части крестоносцев были безукоризненны, дрались отчаянно и умирали героями - но было уже поздно ... была каша и хаос. Л. 11. Боже мой, что за наслаждение было устроиться в купэ кочегара, на деревянной лавке при ярком свете электрической лампочки. Это было 24-го Декабря по с.ст. т.е. в сочельник. <...> Через пять минут какая-то черномазая фигура вылезла и подошла ко мне - «Разрешите представиться поручик Воинов», еще немного погодя также представился и капитан. Они пристроились в поезде еще в Иркутске. Достали веточку елочки, купили копченой селенги - знаменитой байкальской селенги, черного хлеба, разрезали свечку на множество кусочков и... зажгли елку. Поезд плавно покачивало, было как-то особенно уютно и чисто... Буфетчик «Высокого Комиссара» Кавказский человек, попавший сюда еще с японской войны, как-то пронюхал про нас и притащил бутылку отличного коньяку, который «по знакомству» уступил недорого. Так встретили 1919 год. Я вышел на площадку: Байкал горел словно серебро, под лучами Луны узкой лентой обвивала его железная дорога, зияли чёрными пастями бесконечные туннель - их было так много, кажется 42: поезд то нырял в темноту и страшно громохкая нёсся в каменном коридоре, то вылетал оттуда словно чудовище какое-то. Описание эмигрантской жизни в Харбине, исключительно омерзительное жалкое общество. Л. 16. С замиранием сердца читаем о Врангеле и его армии. - Я верю в Россию. Верю в ее величие, верю в то, что в этом адском испытании выкуется русская государственность, патриотизм и все то, чего у нас не было. Я верю, что Россия будущего будет крестьянской, мужицкой Россией, без «латифундий», бездельников, прожигающих жизнь за границей, с здоровой интеллигенцией, служилой интеллигенцией, с здоровым офицерством, с поумневшими помещиками, которые убудут работать, а не мечтать о возврате земель и мести. Мы сильно виновны, еще более виноват весь этот средний класс, учителя, чиновники, г.г. революционеры, вся эта сволочь, которая чего-
--	--	----------------------------------	--

			то начиталась, что-то знала, но в сущности ничего не знала и умела лишь пакостить - хуже ничего нет этой русской интеллигентщины - вот из их среды вышли и прапорщики, которые так охотно повернули революцию в сторону большевизма и которые наполовину создали красную армию. Это все Верховенские, Смердяковы, Лебядкины... и как вот в беженстве они «специфичны» и выделяются какой-то своей особой гаденькой окраской.
18	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 267.	Боярский П.М. «Воспоминания» (материалы из семейной хроники 1870-1925). 105 л.	Л. 86 <С. 161 хроники> «В Пятигорском сквере у Собора стоит памятник Лермонтову. Когда приходилось мне проходить мимо него, то вспоминал я всегда слова поэта: «Настанет год, России черный год, Когда царей погибнет род, Забудет чернь к ним прежнюю любовь И пищу многих будет смерть и кровь». Кстати, о соборе. На наружной стене у входа была большая из плит мозаики икона. Был как-то такой случай, если хотите, назовите его чудом, ибо возвращались, когда солнце взошло, после обычного пьянства красноармейцы с девицами. У собора одна из них сбежала по ступеням и приблизилась к Иконе Спасителя, приложила розу к Лику и сказала: «если ты Бог роза не упадет». Роза не только не упала, но когда прибежали на крики испуганной <л. 87> девушки «товарищи», розу нельзя было снять, после чего у них изошел хмель, стали они креститься, послали за священником, собрался народ, служили молебен, т.к. весть об этом разнеслась по городу и все устремились в собор, пришли и большевики, народ разогнали, поставили стражу, а Собор на время закрыли...
19	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 294.	Вирен Н.Ф. «Записки вдовы адмирала Вирена о событиях в Кронштадте». 15 л.	28 Февраля 1917 г. <Кронштадт восстал, матросы подошли к дому адмирала. Жену адмирала, ее сестре и дочери предложил приют Директор Классической Гимназии, живший напротив них, но они не решились разлучиться с главой семьи>. Л. 12. Я сбежала наверх, принесла икону Николая Чудотворца, которою мы все его благословили, и я одела ее ему на шею. Дом наш был окружён, но ничего грозного не творилось. <...> Несколько раз только, в течение

			этих часов муж говорил мне: «Молись» и, коленопреклонённый, как и все мы слушал слова моей молитвы.
20	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 327.	Душеньковский П.И. «Мои воспоминания о том, как я ходил в Советскую Россию и что я там видел». Воспоминания. 96 л.	Л. 40. Светало. Мы вышли в густой лиственный лес. Свернули под косогор. Замели следы, где сворачивали и спустились в глубокое ущелье, заросшее терновником и дикой малиной. Слезли с лошадей и начали спускаться по крутой <неразб.> в какую-то нишу с забранным брёвнами и хворостом потолком. На право вела дощатая дверь, через которую мы вошли в большую длинную комнату со сводчатым потолком /вид пещера/. По середине комнаты стоял длинный стол, накрытый пестрым ковром, а по бокам вдоль стояли в два ряда койки. На стенах висели музыкальные инструменты и оружие. В восточном углу висел большой образ Воскресения. У подножия образа стоял аналой, покрытый синей парчой. Стояло два больших серебряных подсвечника, уставленных тонкими восковыми свечами, и их красные огоньки отражались в Божественном лике Спасителя. У аналая стоял коленно преклоненный священник и читал молитву. Мы все трое: атаман Задорожный, Дорошенко и я, подошли к самому аналою и тоже опустили на колени. Наконец священник кончил молитву, поднялся, <л. 41> взял крест и начал крестить комнату. Мы подошли и приложились ко кресту. Священник с бледным аскетическим лицом, обрамленным седой бородой и темно-кариими глазами, в длинной коричневой рясе и епитрахили, поднял крест для целования и заговорил: - Слава тебе Господе! Слава тебе! Я дуже за вас беспокоился и решил отслужить молебн. Ну як все благополучно? Жертвы есть? - Вашими молитвами пан отче, все як не треба лучше и без жертв, тильки оден казак лехко раненный в ногу. – весело заговорил от Задорожный – позвольте нет отче Вам представить нашего узника и блудного, но верного сына нашего многостраденной родины... Л. 42 – с Великой радостью мы примем нашего сына, оденем его в лучшие одежды и заколем откормленного теленка... Ласково говорил св. от. Гавриил. Заключив меня в свои объятия -Пане атамане! Нужно зараз мне отслужить благодарственный молебен Господу сил о чудесном избавлении от уз диавола! – потрудися распорядится, щоб пришли пивчи! сказал от.

			Гавриил. - спасиди пан-отче, що не забули про цесвятие дило. Карпо Васильевич пиди покличь пивчих и вси казаки свободны не хай прийдут – помолимся мирком. Карпо Васильевич вышел, а я принял осматривать комнату-пещеру – она показалась даже ухоженной. Окна были в потолке и сквозь них л. 42 падали снопы света, при котором я хорошенько разглядел атамана Задорожного: молодой человек лет двадцати восьми, бритый без усов и бороды с большим выпуклым лбом <...>. В комнату вошли шесть человек молодых казаков певчие, а за ними стройно в две шеренги входили казаки и становились стройными рядами против аналая. Начался молебен, отлично спевшийся хор под управлением Дорошенки пел торжественно и стройно. После молебна пропели вечную память всем жертвам, павшим за отчизну. Молебен кончился. Отец Гавриил опустился на колени. - Боже великий! Боже правый! Боже сильный! Боже Всемогущий! Услышь плач и рыдание младенцев наших сирот и вдов; и ниспошли страждущей стране нашей мир и тишину. Яко да препрославлено все святое и великолепое имя твое, от нас, из-за нас и через нас» со слезами на глазах говорил отец Гавриил. Глаза казаков тоже были полны слез. Эту молитву я слышал первый раз и поэтому постарался её выучить наизусть. По окончании молебна отец Гавриил сказал высокоторжественную духовно-нравственную речь, которой растрогал меня до слез. После отца Гавриила говорил Задорожный. <описание, как встречали героя восп. Казаки, пили чай без спиртного, выделили комнату, познакомили с рыцарским уставом и правилами борьбы с сов. властью>. Л. 52. 26 марта 1924 года я приехал в Киев поселился на конспиративной квартире у моего бывшего профессора... Л. 53. Парки и сады вырублены на дрова самими жителями в период 21гг 22 года. Монастыри упразднены. <...> успенская церковь Лавры открыта, как приходская общинная. Л. 54. На первой неделе Великого поста, был Вторник, я зашел в Софийский собор. Служил сам Украинский Митрополит Василий. Он стоял коленопреклоненный посреди храма и читал на Украинском языке канон Андрея Критского. Было много молящихся, преимущественно
--	--	--	--

		стариков, старух и духовенства молодежи мало. На клиросе пели по великопостному «помилуй мя Боже» то там, то сям по углам слышались плач и восклицания, и удары лбом о каменные плиты пола. По окончании канона ко мне подошел священник и шепнул на ухо: «Вас просит Владыка, зайти до него в сим годим <неразб.>вечира». Зашел. Он повидимому меня дожидался, потому что сейчас же принял как только келейник ему доложил. Принимал в келии, так как другой комнаты оказывается у него нет. Владыка, лет шестидесяти Василий Липковский бывший протоиерей и настоятель какой-то Церкви в Киеве же. Солидный, но с лицом аскета. Усадил меня рядом на диванчик и начал засыпать вопросами о жизни эмиграции, а главным образом церкви заграничной. Я как-то невольно, прежде чем ему отвечать, оглянул келию... она представляла одно убожество. На Владыке ряса была потертая ряса и стоптанные сапоги. - Скажите мне, пожалуйста, заговорил он шопотом: - правда ли, что высшее церковное Управление за границей во главе с Митрополитом Антонием предало меня Анафеме? - Я только об этом слышал от других лиц, но верно ли это я утверждать не берусь, – ответил я. Владыка перекрестился. - Меня почему-то заграницей считают Иудой предателем? Какие у них для этого данные, мне не известно? Я принял на себя этот сан как тяжелый крест по настоянию и просьбе двадцати пяти киевских общин верующих. Моим подвигом - я считаю, что это подвиг! – я спас сотни священнослужителей и церковные реликвии... Они меня считают Самосвятом, пусть так, но за это меня будет судить Бог и церковь. Совесть моя как архипастыря чиста. Владыка прослезился. Я сохранил от окончательного разложения церковь, не допустив в нее никакой ереси, обновленчества, кроме украинского языка, а молиться Богу каждый имеет право на том языке на котором он умеет!.. Много мне говорил Владыка о пережива<неразб.> Церкви и я вынес такие впечатления, что украинизация церкви была необходима, как выход из положения. От Владыки я ушел с окрыленными надеждами на будущее. На другой день состоялся диспут на тему: миф о Христе. В здании педагогического института. Со стороны антирелигиозной говорил
--	--	--

		еврей Коган. Он говорил шаблонно, выражался цинично. Ему аплодировала «галерка», но было слышно шиканье и свист. – речь его успеха не имела. - Сегодня будет говорить епископ Арсений. «Арсений будет говорить» шопотом пронеслось по аудитории. Наступила гробовая тишина! Все ждали, что появится солидная фигура в регалиях в золотой митре и вдруг разочарование: На кафедре оказался маленький щупленький монах с лицом аскета. В поношенной рясе и сильно помятом клобуке. Он отвесил глубокий поклон в сторону аудитории, поднял кверху глаза и в продолжение двух часов говорил с поднятыми к небу глазами. Наступила тишина как редко бывает в советских аудиториях, даже галерка затаила дыхание и все внимание тысячной публики было обращено на говорившего и слышны были истерическое рыдание и плач. Владыка говорил: «Жесточайшие в мире люди, Нерон, Тиберий были потому, что они пролили много крови, это история признает за факт. Александр Македонский, заливший кровью Европу – это факт, факт, Наполеон Бонапарт факт, наконец, коммунизм проливший море невинной крови, это тоже факт, мы очевидцы этому. А Христос, призывавший народы: к миру, к братству, и любви к ближнему и даже врагу своему – это миф!?? Посыпался гром аплодисментов и пение стиха, л. 57 «спаси Господи люди твоя»... На кафедру вышли четыре человека представители ГПУ и потребовали от епископа потребовать прекратить явно проповедь и немедленно удалиться. Но со стороны аудитории раздались громкие и смелые крики протеста: «Опять насилие! Не смейте трогать нашего пастыря!.. Чекисты замялись и освищенные вышли. Владыка закончил речь, опустил на колени и запел: - Под твою милость припадаем Богородице Дево. Весь зал рухнул на колени и подхватил слова Владыки. 1924 г. Описание праздника Пасхи в Москве. Л. 71. В Святой праздник я прожил в Москве. Но было как-то нерадостно как прежде! Официальные учреждения не праздновали и все сосотрудники должны были идти на службу. Никто никому никаких визитов не делал. На второй день, однако, были в театрах праздничные постановки. В оперном театре шла опера «Фауст». Мы с приятелем пошли на
--	--	--

		Фауста. 1925 г. В Самаре. Л. 86. Был я знаком с <нерзб.> богачом и благотворителем Лаврентием Семеновиче Аржаповым <старообрядец>. Узнал, что старик еще жив, я зашел к нему. Узнал меня и принял очень радушно, но живет в нищете. Говорили о былом прошлом и настоящем. Наконец заговорили о царе: - Царь жив, серьезно сказал старик, но где он в настоящее время живет, - извините я не знаю? <Далее пишет о возвращении на Украину, об украинизации, о толках об отделении Украины от СССР>. Л. 91. Пасху я провел в Киеве. В Великий четверг были произведены аресты славянских епископов Михаила и Алексия, но по требованию рабочих многочисленной публики ПП УПУ их освободили. В Светлую заутреню я был в Софийском соборе. Богослужение совершалось на украинском языке. Митрополит Киевский и всея Украины Василий в сослужении с многочисленным духовенством. Великолепно пело два отлично спевшихся хора. Евангелие на литургии читалось на двенадцати языках. Храм был переполнен молящимися. Первый и второй день правительственные учреждения не работали. Магазины были тоже закрыты. Зато были открыты все театры и многочисленные кинематографы. В оперном театре шла первый раз опера на украинском языке «Иван Мазепа» и насколько я могу судить об искусстве, опера прошла с большим успехом. Л. 93. К вечеру тоже дня я пошел на Владимирскую горку послать прощальный привет Днепру. По опустевшим аллеям ходили парочки влюбленных. Мимо памятника Владимиру святому прошли два красноармейца под руку с дамами: _ Смотри Гришка Боржуйский святой стоит князь, А святой! Да, брат дурили нашего брата но не обдурили! Прошло то времячко! Давай л. 94. подождём немного здесь, посмеркнеет, а потом сыграем в четыре коленки у этого святого! Дамы дико хохотали. Навстречу нам дряхлый монах. - Гришка смотри боржуйский бог идет, пойдя поклонись ему в пол и попроси значит благословения, что бы разрешил нам сыграть в четыре коленки около евоного святого громко кричали красноармейцы с наглой физиономиею. С. 95. Все записанной мной в этой тетради не
--	--	---

			есть плод фантазии, а факты, пережитые мною лично. На этом заканчиваю мои воспоминания, так на пути моем еще растут колючие шипы. Поручик Российской императорской армии. Бывший Польский губернский староста Гетманского правительства и губернский комиссар Правительства Украинской директории, Начальник Александровского уезда, правительства генер. Врангеля. Прокофий Иванович Душеньковский. 2 июня 1927 года. Прага.
21	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 351-355.	Зеньковский В.В. «Пять месяцев у власти. Воспоминания.	Опубликованы: Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти. (Воспоминания) / под редакцией М. А. Колерова. - М.: Издательский дом REGNUM, 2011. - 648 с. - (Серия «Исследования по истории русской мысли». Том 15). <Об Украинском соборе 1918 г. Об организации церковной жизни. О вопросах своеобразия украинской религиозной жизни. Характеристики митр. Евлогия, Антония, Платона>.
22	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 441.	Куракин И.А. «1918-1922» Воспоминания. 69 л.	Л.5 <пишет о волнениях в Архангельске и как люди спасались> Спасалась эта дама с детьми в церкви, видела воочию все события, ежедневно пробиралась да провизией и потом сумела вывести детей <жена командира одной из военных частей>. Л.16. В ночь на Пасху мы никак не могли добраться в церковь к заутрени, происходила какая то задержка, население было постоянно занято обязательными и добровольными подвозами продовольствия и предметов снабжения фронта и я вошёл в церковь уже к концу обедни, вскоре услышать Христос Воскресе было большим утешением, только через три или четыре недели снова попал в церковь, а на душе было так смутно и беспокойно. Л. 17. По дороге по русскому обычаю, особенно в ночь на Пасху, нам очень хотелось разговеться крутым яйцом, но в Архангельской губернии это большая роскошь, кур мало, несутся они скудно. <...> Когда большевики отступали из Усть-Цильмы, то взяли с собой многих заложников, в том числе почтенного и уважаемого старика протоиерея У., которого с парохода, на котором их везли, связав руки бросили в воду; я сам видел его вдову, и с ней беседовал; больно было видеть, в каком виде они оставили этот

		своеобразный и богатый край. Л. 25 – 26. В с. Щугоры была церковь, но священник должен был скрыться во время пребывания большевиков, так что службы не было; комендант меня пригласил посмотреть, в каком виде оставлены была церковь, в которой <...>, мирянами была отслужена пасхальная заутреня и пропет пасхальный канон. Храм был разделён на две половины, задняя у входа зимняя церковь с отоплением, передняя летняя, холодная церковь. Когда красные объявили, что хотят из церкви сделать казарму, то крестьяне посоветовавшись между собою, заявили, что они сами вынесут все из зимней церкви и запрут в летнюю; так и сделали... Появились в церкви нары, красноармейцы принимали своих возлюбленных там, где собирались для молитвы; через несколько времени обнаружены была кража, проломана смежная перегородка разделявшая обе церкви и наиболее ценная утварь унесена. Наряду с этим, когда в один из больших православных праздников был организован местным населением процессия с крёстным ходом, красноармейцы без шапок взяли иконы и пошли в крестном ходе; такова спутанность понятий у этих невежественных и сбитых с толку людей, очевидно идти прямо против Бога они не смели и решили, что иметь Его за собою все - таки полезно; умиловать же Его можно, просто пойдя с иконой, психология скверная языческая - умиловительное жертвоприношение. Л. 26. <Гор. Гордынь> В городе имелся женский монастырь, где было монахинь до 30 под руководством дельной и энергичной матери Ангелины, которую я потом уже видел во Владивостоке. Удалось там помолиться и хорошо поговорить с настоятельницей...в это время большевики ещё церковь открыто не преследовали, но старались сбить с толка всех верующих: между прочим для разделения монастыря в духовно - нравственном отношении были вытаны пропагандисты, собиравшиеся митинги и старавшиеся внушить молодым монахиням неуважение к старшим и к порядкам, заведённым в монастыре. Игуменья мне говорила, как ей было трудно, не прекращая ежедневную службу по содержанию монастыря и по приисканию пропитания, противодействовать влиянию красных; она по ночам собирала сестёр и целые ночи напролёт с ними говорила и молилась. Она достигла своего,
--	--	--

			монастырь уцелел и тот факт, что ее уже отвели под арест и придержали короткое время, только ещё более сплотил монахинь. Все беседы большевиков велись на тему о несуществовании Бога, о несовременности таинств и отрядов и о ненужности монастырей, как таковых. Л. 28. <...> в Перми узнал о гибели от рук большевиков нашего ярославского епископа Андроника, о потоплении Епископа Василия и его спутников, приехавших по поручению патриарха делать расследование об этом Убийстве и о многих других зверствах.
23	ГА РФ. Ф. Р5881 Оп. 2 Д. 483.	Мельников Ф.Е. Восстание в селе Красеньком и Троицком Воронежской губернии в 1919 г. Рукопись. 1927 г. 10 л.	Л.5. Послышался звучный удар колокола. Звонили в набат. Все оживились. Было видно, как из дворов выскакивали люди на улицу, а потом куда-то исчезали. По селу прошлось человек десять конных. Набат вскоре замолк и снова, как-бы все успокоилось... Казачьи сотки остановились. Ожидали распоряжений...
24	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 505.	Минх А.А. «Из пережитого». Воспоминания. 93 л.	История эвакуации на о. Лемнос в 1920 г. Рукопись. Член С-ой губернской архивной комиссии А.М. Минх Л.1. <воспоминания написаны на основе дневника, который он вёл во время эвакуации беженцев в марте 1920 года из Новороссийска на о. Лемнос> Л. 20. 25 марта отслужили обедню на острове, а 26 разыгралась буря и пришлось чтение 12 евангелий слушать на палубе «Габсбурга». Все поголовно на пароходе спрашивали батюшку исповедоваться. Я уверен, что все, кто был на этой исповеди, не забудут этого дня во всю свою жизнь. Это была действительно всеобщая страстная мольба к Творцу. Исповедь, по предложению отца Георгия, была общей. Тихая, звёздная ночь. На палубе собрались все от мала до велика. Гробовая тишина. Отчётливо, проникновенно говорит своё слово, перед началом исповеди, отец протоиерей. Л.21. Наступает минута молчания, каждый уносится мыслями к молитве, молится от всего сердца, от всей души, просит простить его грехи, не оставить его, простить и помиловать их близких, спасти тех, кто остался на родной земле. Катятся слезы по лицу отца Георгия, плачут служившие с ним отцы Феодор и Константин, отец протодиакон и диакона. Блестят слезы на щеках у стоявшего впереди

			хора и слышатся всхлипывания и горькие рыдания среди молящихся. Дрогнувшим голосом даёт отец Георгий отпущение грехов, служба продолжается и надрывно, со слезами звучат голоса хора. Тихо, молча расходятся беженцы, после окончания молитвы, по своим углам. На страстную субботу, все пришли к Причастию, а вечером служили заутреню и радостное Христос Воскресе хора неслось по всей бухте и слышалось с других пароходов отклик - Воистину Воскресе. На тех пароходах не было хора, и мы получали приглашение на «Браугсбурга» <название не разобрать> и во время обеда отец протоирей служил молебен там. Разговелись не Бог весть чем. Получили по 1/2 хлеба и по 1/2 яйца.
25	ГА РФ. Р5881 Оп. 2 Д. 515.	Мордвинов А.А. Флигель-адъютант императора Николая 2. «В затишье и буре». Отрывки из семейных воспоминаний. Машинопись. 21 ноября 1927 г. 130 л.	<Написаны в Граце. Записки адресованы дочери>. Ч. 5. Мои тюрьмы. <Описание первого ареста очень лаконичное: ни года, ни названия тюрьмы нет>. Л. 2. Меня и брата ввели в комнату Председателя уездного Совдепа. Это был некий Кольцов, молодой крестьянский парень <...>. В дни революции, с присущим ему озорством и наглостью, он выдвинул сам себя на роль вершителя судеб огромного уезда, равного почти трети Франции. Л. 9. Одной из особенностей этой тюрьмы, в сравнении с моими другими, было то, что в ней принуждали заключённых молиться! Молиться так сказать для порядку в отместку за прежнее. Стража наша, состоявшая из прежних солдат и бывших преступников, и вероятно не раз испытывавшая на себе тюремные распорядки прежних дней, считала себя настоящим заправским начальством и старалась нам это внушить с забавной строгостью: «Ну вы там! Чего расселись, становись теперь на молитву, забыли штоль порядки то... читай, кто там «Отче» аль «Богородицу». Происходило это обыкновенно по вечерам, когда мы сидели почти в темноте, при компоте недававшей света, крошечной жестяной лампочки. Л. 10. В те месяцы еще неволью чувствовалось, что в сознании, вернее в бессознании этих людей слагалось постепенное крепкое убеждение, что большевики пришли к власти не бунтом и захватом, а каким-то хотя и

			непонятным, но законным путём, иначе, почему бы это временное Правительство теперь бездействовало и так легко уступало своё место другим. Новое большевистское начальство забыло отменить прежние тюремные порядки, и они следовали им с былой серьезностью исполняемого долга. <описание тюремных работ в городе> Л. 11. Этот последний <Кольцов> не знал действительно удержу и даже в то время, когда о местных чека еще не было и помину, нас известили, что был расстрелян один епископ, кажется Преосвященный Исидор или Григорий из Новгородской епархии, два архимандрита и несколько священников. О других менее заметных и не упоминалось. Хотя над духовенством и издевались всевозможными способами, но церковные службы, даже в нашей тюремной церкви еще шли. Служили по очереди монахи местного монастыря, где находилась известная на всю Россию чудотворная икона Божьей матери. Во время одной из таких церковных служб в день Воздвижения, мне и брату удалось даже причаститься. Для такого случая нас даже допустили стоять в самой церкви. Остальные должны были молиться в темной без окон комнате, куда выходила церковная дверь. Л. 14. А в самом нашем Лапине за моей женой следили особенно настойчиво. <автор был отправлен на Гороховую, затем в Трубецкой бастион, затем перевод в больницу в женскую тюрьму, следующие события там>. Л. 79. Вскоре после ухода сестры Милосердия камера наша проснулась и произошло мое первое знакомство с новыми товарищами по несчастью. <...> я запомнил рослого и моложавого Архимандрита Алмазова, старенького соборного протоиерея от Петербургской стороны, бывшего нашим старостой, <...>. Л. 86. Особенно в эти дни все надеялись на ожидавшееся наступление немцев и совместно с ними какого-то образовавшегося в Эстляндии или Латвии белогвардейского отряда. <...> В нашей камере был только один скептик и скептик упорный - архимандрит Алмазов. Но бывали дни, но бывали дни, когда желанный отряд, поддержанный, якобы, большими силами немцев, доходили уже до Луги и двигались дальше на Петроград, а наши тюремные большевики суежились особенно сильно. Тогда и
--	--	--	---

			Алмазов поддавался всеобщему воодушевлению и верил скорой свободе не менее крепко, чем все мы. Освобождение. Л. 92. «Мой Толя», слышался в темноте дорогой, милый голос жены. Мы обнялись и заплакали... Это было вечером 27 Ноября 1918 года в день празднования явления образа Знамения Пресвятой Богородицы. Эта Икона Божией Матери издавна чтилась в нашем Мордвиновском роде. Почти три века назад, в такое же смутное время междуцарствия, она спасла в наших Новгородских лесах двух из Мордвиновых от неминуемой гибели от разбойников. Было еще не поздно. Мы всей семьей отправились в Знаменскую церковь и отслужили молебен. <Попытка побега за границу с помощью подкупленного комиссара>. Л. 99. Комиссар был дома и нас ждал. Его старушка мать встретила нас необычайно приветливо и сейчас же провела в маленькую, чистую комнату самого не большевицкого вида с образами и лампадкой в углу. <Попытка побега не удалась, автор с семьей был арестован>. Л. 105. У меня был взят с собой небольшой образ складень, с которым я никогда не расставался. Мне его подарили солдаты моего кирасирского эскадрона, когда я сдавал командование над ними Великому Князю Михаилу Александровичу. На оборотной стороне этого складня была четко выгравирована надпись: «дорогому командиру, ротмистру Мордвинов 1-му, от нижних чинов эскадрона Ея Величества». Эта милая надпись могла стать для меня в те минуты лишь роковой, так как с очевидностью выдавала мое офицерское звание и мой расстрел был бы тогда неминуем. Поэтому я тихонько во время раздевания вынул складень из бокового кармана своего нижнего костюма и хотел незаметно положить его на подоконник за своей спиной. Мое движение все же не укрылось от зорких глаз комиссара, смотревшего, как мне казалось совершенно в другую сторону. «А это что у Вас?» Сейчас же с живостью спросил он и потянулся за складным. «Самый простой, но очень памятный мне образок», отвечал я, раскрывая складень. Он только вскользь посмотрел на внутреннюю сторону иконки и не
--	--	--	--

			оборачивая ее на переднюю, где была надпись отдал ее в раскрытом виде обратно. «Ну, это можете оставить себе», сказал пренебрежительно комиссар и продолжил обыск белья. Закончив его, он придвинулся вплотную на своём стуле ко мне. На мне ничего, кроме цепочки с крестом несколькими маленькими образками уже не было. Один из них, благословение моей бабушки все же заинтересовал чекиста. Он был больше остальных, в золотой оправе, финифтяный и очень выпуклый с обеих сторон. Комиссар взял снова нож и распластал икону на две части. Не найдя в ней ничего подозрительного, он мне, наконец, приказал одеваться <...>. Л. 120. Я вспоминаю, как однажды, когда одного из наших заключённых с баронской фамилией революционный трибунал приговорил за бегство к немедленному расстрелу <...>. Жуткие были эти минуты, когда приговоренного к смерти привели под усиленным конвоем из трибунала, выделили от нас остальных и заперли в маленький карцер по соседству с теньями другими смертниками. Но особенно невыносимыми они стали для нас под вечер, когда уже наступал срок казни, когда несмотря на все хлопоты Л. 121 коменданта председатель трибунала, злобный эстонец, упорствовал и не соглашался на отсрочку. «Давайте все вместе помолимся, каждый про себя за несчастного», сказала в тот час Лаппо-Данилевская <одна из заключённых>. Вся их Женская камера поднялась тогда со своих нар и все стали тихо молиться. И эта искренняя молитва всех за одного действительно помогла. В тот поздний вечер барона не казнили, а под утро, хотя его и увезли, но не на казнь, а в Гатчинском, где имелся какой-то высший трибунал, заменивший осуждённому расстрел пожизненным заключением. <...> Но первый день Пасхи принёс нашей семье не только эту, но еще и другую громадную радость, о которой мы тогда не могли и мечтать. Именно в этот день наше затерянное в Озерсковской тюрьме положение окончилось и мы, неожиданно, получили первую передачу из дома.
26	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2.	Мороз Ф.А. «104 дня владычества	<Страстная неделя и Пасха 1919 года в отвоёванной у большевиков местности>

	Д. 518.	большевиков в Вильно в 1919 году». Воспоминания. 51 л.	<История завоевания Вильно большевиками в 1919 г., а затем их отступления>. Л. 23. Наступила Страстная Неделя. В церквах шли обыкновенные великопостные богослужения; приближался Великий Праздник. Настроение было далеко не праздничное, однако, покорный обычаю и привычке, я тоже стал готовиться к встрече. За невозможностью получить в городе необходимые для пасхального стола Продукты, я еще дня за три до праздников после толкавшегося при Штабе и ровно ничего не делавшего красноармейца в деревню за покупками, дав ему на расходы триста рублей. С тех пор я не видел больше ни посланного красноармейца, ни денег. Прошла и Страстная Пятница. <большевики были изгнаны> Л. 35. Ночь прошла спокойно. Наступило утро 22-го Апреля. Светлое Христово Воскресенье. Ясный, теплый, солнечный день. С самого утра улицы уже были полны оживленной, радостно настроенной толпой. Мне еще никогда, ни до того времени, ни впоследствии не приходилось видеть у людей такого восторга, такого полного, искреннего и такого всеобщего выражения счастья, какое я наблюдал тогда, в первый день после освобождения города от большевиков. Совершенно незнакомые люди бросались друг-другу в объятия, поздравляли один другого с избавлением от несчастья и позора, и смеялись и плакали от радости. Впрочем, казалось, в этот день не было незнакомых людей; казалось, что все давно и хорошо знают друг друга; что все это члены одной большой и дружной семьи, где счастье одного является счастьем и радостью другого, радостью всех. Торжественно и вдвойне празднично гудели колокола.
27	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 552.	Отдельнов А. «В Ростове-на-Дону в октябре 1917 г.» Воспоминания. 16 л.	Л. 2. <О Гражданской войне на Дону под предводительством Каледина, казаки митинговали, и тогда призвали учащихся старших классов, «98 процентов учеников встали под ружьё». О расстрелах и других бесчинствах, творимых большевиками в Ростове>. Л. 14. <Накануне Пасхи> К 12 ночи все стихло <обстрел города артиллерией>. Набожные жители отправились в городские церкви святить Пасхи. Пусто было. В городе. Звонили колокола и трубили рожки

			пожарных у горевших эшелонов. <...>. «Щербачевцы повели наступление на город. Где-то были слышны крики «ура». Ростов превратился в сплошной ад. Жители, захватив куличи, Пасхи и всю прочую снедь, мчались домой из церкви. На первый день Пасхи к Ростову подошли и немцы, которые вступили в город без боя. Л.16. В дни большевистской власти люди не улыбались, говорили вполголоса, так как каждую минуту могли быть арестованы. Улыбнулись только на первый день Пасхи 1918 года и сказали друг другу Христос Воскресе Ибо в этот день Он воистину воскрес в сердцах обездоленных людей.
28	ГА РФ. Ф. Р5881. Оп. 2. Д. 592	Ретивов М.И. Записки врача-эмигранта. Воспоминания. 78 л.	<события в Харькове во время революции> Л.10. Приближалась Пасха. Утомленное, измученное население искало утешение в церкви - они были полны. По отзывам самих священников никогда еще до сего религиозное чувство населения не достигало такой высоты. Все классы населения, кроме конечно, того, кто чувствовал себя господином положения, были одинаково глубоко проникнуты им. Профессора, студенты, учителя, офицеры, врачи, купцы – вот, обычный контингент, наполнявший церкви. В то время священнослужители и храмы Божии не были еще на положении гонимых. Тогда еще не созрела дьявольская мысль о комсомолах, о проповеди против религии. Советская власть признавала ее опиумом для народа, но не шла открыто против неё. Она ее терпела, хотя и стесняла на каждом шагу, так, например, священники не имели права провожать покойников на кладбище без особого всякий раз разрешения, устраивать крестные ходы. Домовые церкви, за исключением немногих, были закрыты. А те, которые продолжали функционировать, должны были быть зарегистрированы, как принадлежность определенного прихода, общины, которая ее и содержала. Церковная статистика о рождаемости, смертности, брачующихся перешла в ведение особого комиссариатства, в котором сидело несколько молодых людей, по преимуществу евреев. Церковный обряд бракосочетания объявлен был необязательным. Достаточно было записи в вышеуказанном комиссариате. Ещё легче давался развод. Было ясно, что советская власть объявила поход

			против семьи, как основу всякой государственности. Л.10 – 11. На все выпады советской власти против церкви население отвечало особо сильным религиозным подъемом. Священник стал еще ближе, церковь дороже, чем прежде. - Религия получила глубокий смысл, какого раньше не придавало ему население, занятое повседневными заботами. К этому, единственному теперь источнику утешения, прибегало население. Только в Божьем храме оно отдыхало и успокаивалось. Огрубленное, полуголодное, постоянно оскорбляемое представителями господствующего класса и власти, население туда несло всю свою безысходную тоску. Кругом был произвол насилия, террора, издевательства, расстрелов и расхищения материальных и духовных ценностей великого народа. Выбитая из обычной колеи, жизнь потеряла смысл, красоту и ценность. <...> Ждали чудесного избавления от власти, которая опутала всех сетью шпионства, и поэтому с особою страстностью и верою пели «Христос Воскресе» в пасхальную Заутреню. Редко мы все переживали такие светлые моменты духовного очищения и надежды, как в памятную Заутреню и обедню. <...> Вернулись домой, сели разговляться и за один присест съели все, что было заготовлено к Пасхе. Мало было всего. Негде и не на что было покупать. И так во всех семьях. Л. 17. <об освобождении из ЧК после прихода добровольцев в Харьков> Когда открыли двери и появились вооруженные, рассказывал мне один священник, который томился в тюрьме три месяца, мы все решили, что пришёл наш последний смертный час. <...> Точно Ангелы сошли с неба и дали нам свободу. Л. 19. <приход добровольцев в Харьков> У всех на устах «Христос Воскресе». Л. 20. На 13 июня было назначено молебствие на соборной площади и парад.
29	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 595.	Ржевусский А.А. «Пережитые тягостные дни». Воспоминания. 51 л.	Л.2. начало осени 1917 года в Киеве проходило сравнительно спокойно, ничто не предвещало испытаний, которые должны были в скором времени выпасть на долю «матери городов» обширной и, в то время, могучей, России. Л. 3. В это время я, после переворота выйдя в отставку и покинув театр военных действий, поселился в Киеве. И в настоящий период

			постараюсь дать отчет о всех событиях, пережитых мною и прошедших перед моими глазами в стенах этого злополучного города. К сожалению, все приходится восстанавливать по памяти, а потому не могу ручаться за ошибки <...>. О движении за самостийную Украину. Петлюра. Л. 44. <Заключение в ЧК> Каждую ночь приходили комиссары, почти все жида, и вызывали несколько человек, после вывода которых вскоре поблизости раздавались ружейные залпы. <...> И вдруг днем еще раз зашли комиссары и объявили всем оставшимся, что Л. 45 все заключённые кроме девицы Р. Должны готовиться к смерти, так как будут казнены в течение наступающей ночи. <...> Двое заключенных сделали попытки лишить себя жизни, из коих один умер на глазах у всех, а другому не удалось отравление, и он корчился в страшных страданиях, один приговоренный и одна женщина сошли с ума, многие громко рыдали, другие молились. Предполагая, что Р. будет освобождена, все спешили передать ей посмертные поручения к оставшимся на свободе родным, родственникам и близким и, вдруг, один молодой человек став перед ней на колени, обратился со следующими словами: «Я знаю, что до нас не будет допущен священник, - моя мать может быть не будет даже знать что ее сына казнят, но мне не хотелось бы покинуть землю без чьего нибудь благословения. Вы остаетесь в живых: благословите меня! Рыдая, перекрестила Р. просившего ее благословения, после чего в камере последовали примеру молодого человека, и юному существу выпала, по всей вероятности, не имевшая примера в истории человечества роль, которая не могла не оставить тяжелых последствий на всей нервной системе Р. В течении ночи все заключенные были расстреляны, а Р. была освобождена и тогда на следующее за ужасной ночью утро узнала причину ускоренной массовой казни: Польские войска вступали в Киев, а большевики стремительно оставляли город, перед бегством решив отомстить свое поражение на <неразб.> заключенных.
30	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 600.	Рудич В. «Уроки прошлого». Воспоминания.	<Об исповеди подлаживавшегося к красной власти мужика Павло. О богослужениях и церковных праздниках в деревне, переходившей от красных к белым, к петлюровцам, к латышам. Об изменении в экономических отношениях

		425 л.	священства и крестьянства. Об изменении матерных ругательств, изменении их в атеистическом ключе. О службе католиков в православном храме> <Выезд из Петербурга в Витебск за продовольствием. Действие происходит в Волыни. Автору на момент написания воспоминаний пятьдесят лет>. Л. 57. 23 Апреля. В самый Страстной Четверг, когда тетина семья собиралась к двенадцати евангелиям, в усадьбу к ним приехало двое фуражиров-большевиков. Первая подлинная, а не по слухам встреча с большевиками на Волыни. Вошли вооруженные винтовками, револьверами, пашками и грубо сказали: - Давайте обедать! Тетя - вспыльчивая и решительная - возмутилась: - Обедать? Какой обед вечером? <...> К закуске с села подошли атаман, староста и плут мужик, Павло, который всегда умел приспособиться ко всякой л. 58 власти и своей бесшабашностью держал в страхе всю деревню: - Запалю село, а сам уйду - мне терять здесь нечего. Утром в церкви перед Причастием Павло устроил «демонстрацию»: пожелал исповедоваться не в пример другим перед самым выносом св. даров для причастия. И робкий по натуре о. П. вышел и исповедал его, боясь скандала в церкви. Вечером, когда в столовой в усадьбе шла выпивка и закуска, и Павло обнимался с большевиками, старая экономка тети, неся яичницу с салом, к которой и Павло потянулся, спросила: - А как же Павло, вы оскоромитесь после причастия? Большевики грянули хохотом: - Как? Он причащался? - С нами вместе, - ответила экономка и опять к Павло: - А свинья у вас в животе не закричит? Большевики хохотали над смутившимся Павлом. Л. 59. О.А. зашёл сегодня и рассказывал, что в наше село бегут из соседних крестьяне, евреи, священники, потому что по сёлам грабят теперь какие-то шайки, зовущие себя большевиками. Л. 62. оказалось, что никаких большевиков в селе нет, а принесла какая то нищая из соседней
--	--	--------	---

			К. записку «перековывавшему» у о. А. тамошнему священнику о. В. от его жены, которая в К. прятались где то у крестьян, после наезда грабительской шайки из недалёкого леса. В записке стояло, что в одной из соседних деревень убили, говорят, священника, матушку заставили под граммофон танцевать с евреем и выломали ей руку. Вскоре после того, как эта история дошла до усадьбы, на горе, по грязной дороге от церкви показались две черные фигуры. Это шли о. В. и наш о. А. Поравнявшись с забором нашего сада, куда подошла я - они растеряно и смущенно заявили: - Бежим от всяких ужасов. -Куда? -Куда-нибудь. Вёрст за двадцать пять. Они спешно пошли дальше по вязкой дорожной грязи, подбирая полы ряс, а за ними скоро проехала телега с матушкой, дочерью их и узлами. У Школы <...> собирался сход, на который был приглашён атаман из л. 63 из соседней волости на совет - как встречать грабителей, по слухам обещавших в этот день быть в нашем селе. Скоро Яков принёс на кухню и решение схода: - Если придут грабовать до батюшки или до двора - то пусть. А если пойдут к крестьянам - убивать их на месте. Атаман, говорят, не одобрил решение, сказав: - Сначала ограбят батюшку и панов, а потом и вы их не сбудетесь. Лучше совсем не пускайте в село. Л. 64. Важное дело оказалось в том, что о. А. забыл деньги и теперь письмом просил П. зайти в дом, вынуть их из шкафа и отдать посланному. Вся семья бесплодно совещалась об этом деле весь вечер и утром послала за Наташей. Слухи передавали, как в недалеком селе грабители били псаломщика, говоря: - Это ты спрятал попа, давай его нам. Этого было довольно, чтобы дом о. А. стал опасным местом, в которое войти, чтобы потом не били грабители. Л. 84. Возвращавшиеся вчера с ярмарки в Т. говорили, что утром туда явились сечевики, разоружили большевиков и конфисковали обоз, где оказались целые мешки серебряных ложек, бабьих коралов, церковной утвари, женской и детской одежды. У о. А. ночевала учительница из Киева. Жаловалась, что ученики теперь «не обязаны
--	--	--	---

			ходить в школу», но Учитель отвечает за успехи: - Вы должны так учить, чтобы они сами стремились на уроки, как пчёлы на Цветы. Рассказывала, что в страстную Неделю в гимнастической церкви запрещено было служить. - Раньше я в церковь редко ходила, - прибавила она, - а когда ее так гнать стали - каждый праздник иду. Л. 93. 8 Июня. Троица. Вчера вечером пахло ненадолго прежней мирной деревенской жизнью: из деревни повалила в усадьбу молодежь за липовыми ветками и сиренью, украшать хаты на Зеленые Свята, и я охапками носила из сада нарезанные ветки, а Еничка раздавала их желающим. Л. 140. Слухи говорят, что петлюровцы уже в К. Они, будто бы, вывешивают объявления: - Священники, берите всю свою землю. Помещики - не бойтесь. Жиды - убирайтесь. Селяне - прибирайтесь хлебами. Л. 181 Большевики довели ругань до такой степени, что наши украинцы плюют и негодуют: к обычной «матери» в обычной фразе солдаты прибавили «Христову». Л. 189. К о. А. Недавно заезжал священник. Он был в Одессе и рассказывал: - Я плакал от умиления, когда был там с деникинцами: говорят "дорогу батюшке", я старый, так в вагоне на руках посадили. А приехал в Проскуров - петлюровцы всего начисто обобрали. О.А. говорит: - Я прежде всегда за требы брал сколько дадут. Ну, а теперь привезут покойника - "давай два пуда ячменя". - Я потом привезу, батюшка. - "Ну и похороню потом". "Много это, проше батюшки. "Так вези в другое село, где у священника землю не отбирали при большевиках, он тебе за два рубля похоронит". - "Тогда сам похороню /похороню/. - А ховай сам". Приносит два пуда муки. Л.191. Был о. А. К нему приезжал школьный товарищ-священник. Когда, конечно, заговорили о большевиках, он посмотрел на целую обстановку в нарядных комнатах матушки и сказал: - Да у вас ангелы были, а не большевики. У нас вот. И пошло обычное: стекла разбиты, мебель в щепках, из амбара все забрали, грозили расстрелом.
--	--	--	---

		Но мелькнула и оригинальная подробность: - Когда пришли таращанцы - у меня стоял штаб, а во дворе стоял воз и на нем пять-шесть большевиков, а кругом караул. Командир полка сказал: - "Это - наши леопарды. Но вы, батюшка, не бойтесь - они у нас всегда под стражей. Л. 194. 28 нояб. Крестьяне рассказывают, что когда на сходе вчера они разложили требуемый с села скот на всех - от поляков пришло распоряжение: - У католиков не брать, только у православных. Крестьяне говорят: - Уйдут поляки - мы своим ляхам попомним. Л. 195. А у о. А. вчера поляки взяли кабана, сказали: - Вы, батюшка, два шлюбадасте <так в источнике> - вот и будет вам на кабана. Матушка говорит: - Верно кто из недовольных крестьян "навел". <...> Об о. А. крестьяне начинают говорить: - Все теперь дорого, а всего дороже - умирать. Батюшка за похороны берет два пуда пашни /хлеба/. А когда большевики его грабовали - мы сбежались, не дали. Ну л. 196 нехай, но опять большевики придут. Л. 196. Рассказывал он, что много мрет народу от тифа. Из К., где нет священника, возят каждый день в соседние С. по два-три "мерца", по одному батюшка там и не хоронит. Л.207. 1920 г. 7 января. Наше Рождество. О. А. за ектениями поминает "богохранимую страну нашу". Л.218. Когда говорила про эти дела с о. А. и выбрала Д-ча о. А. сказал: - Скоро и меня станете так бранить. Это он о том, что собирается требовать через начальство хлеб, который роздал займы крестьянам, а теперь они не отдают, оправдываясь: - Хиба батюсци треба! Но он только озлоблен теперь на крестьян за обиду не материальную, а нравственную: везде по селам при большевиках не отнимали церковной земли, а у него взяли. А он всегда именно особенно хорошо относился к крестьянам и за требу всегда брал "сколько дадут". Л. 223. Бывшая "наша" Антося никак не могла уехать от бывшего "нашего" <потому что он взял её вещи. Но батюшка припугнул, что так
--	--	---

			как он католичка, а он православный, их расстреляют за межконфессиональный брак, и он отдал Антосе её вещи>. Л. 252 29 мая. Троица. Опять шла деревня вчера к вечеру за зелёными ветками и цветами на Зеленыя Свята. Целые охапки зеленого и белого душистого /цветут жасмины/ груза носили мы с Наташей на двор, где Еникале выстраивала пришедших «в очередь» и раздавала ветки. <...> В прошлом году на Духов день прошли первые петлюровцы, а потом скоро было и их отступление, и леопарды. Теперь слухи тоже твердят, что «большевики дэсьблызько». Но так привыкли уже ко всем и ко всему - что слухи перестали затрагивать нервы. Л. 253 Матушка так и брызжет негодованием и так как в газетах недавно было воззвание Брусилова, чтобы Л.254 русские офицеры шли в красную армию спасать Россию и было сообщение, что священники в России благословляют кр.армию в поход - матушка уже «хочет большевиков». Л. 284а. Была у о. А. Он утром проводил своего Жоржа (сын) из отпуска «на позицию». Бедный о. А. Так тяжело переживает службу сына в красной армии, что /говорила матушка/ навзрыд плакал, провожая его. Л. 284. Была матушка - за красноармейца Жоржа крестьяне не хотят о. А. отдать третий сноп на церковной земле. Л.340 Из рассказов поляков-офицеров: - Мы притиснули их /большевиков/ к реке. Накануне они зверски убили моего ордонанса. Я велел не брать пленных. Они побросали винтовки и кричали: «Господи спаси душу раба Твоего». Я закричал им: «А, мерзавцы, вы же говорите, что Бога нет!». Они кричат: «нас обманули, нас обманули». Л. 346. В воскресенье после нашей обедни полковой ксендз служил в нашей церкви свою, католическую. Вечером он пришёл к о. А. попросить разрешения. Хотел служить на престоле, но о. А. твёрдо сказал, что на престоле инославным нельзя, по нашим обычаям, служить и поставил ему в л. 347 в царских вратах аналой. Музыка полковая - она у них в таких случаях заменяет орган - играла в Т. в костеле, то так и впечатление в деревне большое: все деревенские ляхи были в церкви. Наши «братчики» рассказывают, что солдаты пересмеивались и шептали, что надо от лампад папироску зажечь - но ничего в действии враждебного проявлено не
--	--	--	--

		было. О. А. запретил своим жене и дочери идти в церковь послушать. Л. 374. 6 янв. (1921г.) Приехал наш знакомый ксендз. Хочет просить разрешения служить в нашей церкви и обедню для деревенских ляхов. Юля повела его к о. А. Тот сказал, что надо спросить братчиков-крестьян. Ксендз рассказывал, что его зовут «большевицкий ксендзом» и большевики дают ему «по колеи» подводы ездить по другим сёлам. Между братчиками вышел спор - одни говорили - «пускай служат в церкви», другие вспомнили: - Колясь то мы разложили по селу сбор на ремонт нашей церкви - так ляхи не хотели его платить. Ксендз просил разрешения служить в нашем амбаре, но мы конечно предложили в комнате у нас. Он сказал: - А от большевиков вам ничего за это не будет? Перед вечером прихожанки уже начали сносить ксендзу молоко, масло. К нам заехало два красноармейца, - «нет ли чего покушать?» <Описание католического богослужения в доме и реакции крестьян>. Л. 381 Политрук рассказал, что в России сам застрелил трёх «мятежных священников», а уезжая от о. А., говорил: - Если этого батюшку кто обидит - за двести верст приеду его спасать. <...> Рассказывал Политрук добродушно и с грустью, что в Б. священник боялся его одного, как дикого зверя, изю всего штаба: - Коммунист. Но когда под Новый год коммунист говорил политическую речь, а батюшка слушал за дверью, успев уже выпить - Л. 382 то после конца речи не вытерпел, забыл страх, вбежал в комнату и крикнул: - Да здравствуют концессии! Но ничего ему за это не было. А протрезвившись он очень боялся. Рассказывал коммунист, что у Колчака были Полки «Пресвятой Богородицы», «Иисуса Христа» - чтобы солдаты не решались в них стрелять, будто бы. Л. 382. 14 янв. Наш старый Новый год. Приходили ряженые, по здешнему обычаю <...> Л. 383 И - «вспомнив старый обычай» /слова регента-учителя/ пришёл весь церковный хор и церковные власти.
--	--	--

			Жаль, угощать теперь нечем их - водки у нас нет - дали им тридцать рублей. А недавно мы дали на церковь два пуда семени на масло для лампад - а Староста церковный /он у нас «американец»/ принёс церковного меду. Выглядывают иногда из-под большевизма старые времена. Л. 386. Недавно на похоронах молодого хлопца его товарищи - сельские музыканты проводили гроб с музыкой до кладбища. Теперь к о. А. приходят недовольные этим старики и бабы. Он отвечает: - Военных с музыкой хоронят, а перед Богом и военные Л. 387 и вольные равны. Почему же мне было запрещать? Бабы недовольны, что играли «свободу» / «Вы жертвою пали»/, а не церковное. Л. 387. Пришёл за книгами учитель из О., сын священника, которого поляки били и гнали на машину молотить. Говорил, что пришло в их школу распоряжение «снять иконы и не читать молитв». А крестьяне на сходе сказали: - Правит теперь народ, значит и мы - а мы хотим, чтобы наши дети, молившись в школе и иконы висели. Л. 388. В волости у них было сняли икону, но они потребовали, чтобы опять повесили: - Это присутственное место, а не конюшня, так чтобы в шапках не шли и не свистели там: прежде царский портрет висел, так его боялись. Л; 396. А к батюшке этому потом заезжал коммунист-политрук. Кричал: - «попов вешать надо, это они виноваты, что наши реформы затягиваются среди крестьян». Л. 400. Среди крестьян новая легенда: поляки оттого заберут Волынь, что вместо денег, который большевики должны им отдать по мирному договору, те дали полякам слитки золота и серебра. Но поляки увидали, что эти слитки - все из окладов икон и церковной утвари и будто бы сказали: - Такого золота мы не возьмём, за него нас Бог накажет. И теперь вместо золота отдают им нашу Волынь. Л. 407. О.А. ездил по делам в Е. Там рассказывал ему священник, что недавно венчал командира красного полка - венчал после исповеди и причастия жениха, все как следует. А когда тот забыл поцеловать Чашу и пошёл уже - вернул его и заставил поцеловать. Но теперь этот командир уже арестован /и бежал в Польшу/ - именно за «совершение церковного обряда». У нас недавно была газета с отчетом о
--	--	--	--

			предполагаемом вскоре «пересмотре коммунистической партии». Там чёрным по белому стоит, что исключены будут из партии первое - уличённые в грабеже, второе - в разврате и третье - в исполнении церковных обрядов. Пока о. А. был в Е. - с утра приехала свадьба - невеста наша, в-ска, а жених из К. И у него в сватах был большевик. Когда о. А. вернулся около пяти часов - большевик пьяным явился объясняться: - Теперь не прежнее время, чтобы заставлять народ ждать. О.А. ответил, что ездил по делам благочиния и предупредил отца невесты, когда вернётся. Большевик сказал: - Это - другое дело. Извиняюсь. Но минут через пять опять явился: -Почему же вы не идёте в церковь, когда вы уже приехали? -А у нас обычай, что староста церковный приводит сначала свадьбу записаться у батюшки на дому, а потом все вместе идут в церковь. О.А. объяснил ему это. - Можно и в церкви записать. - Там ни пера, ни чернил. - Можно и карандашем. Но тут пришёл американец-староста и взял дело в свои руки. Пока шло венчание, - матушка вся волновалась. Прибежала посланная на разведки Ульяна. - Комиссар ходит под церковью и говорит: «батюшку арестую». Но наши люди упростили, и он сказал «ну, на этот раз так оставлю, но чтобы больше этого не было». Бедная матушка накинула платок и побежала к церкви - но о. А. уже шёл домой, а за ним церковный причт и староста возбужденно рассказывал, как большевик в шапке лез в церковь, как он его не пустил, как Л. 409 тот шептал отцу невесты «давай им советские - не возьмут, и я их арестую». Но отец заплатил «новенькими русскими».
31	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 618.	Сербинов Г.К. «Воспоминания. 1917-1920 гг.» 19 л.	< Помещик, владелец вальцовой мельницы. Об изменении самосознания неграмотного крестьянства. О революции и переменках в крестьянстве>. Л. 1. Да не будет взыскателен, благосклонный читатель, к моим воспоминания о жизни в России в первые годы революции, сделанным по памяти, описывающим некоторые случаи из

			моей тогдашней повседневной жизни, /.../ жизни помещика собственника, владельца вальцовой мельницы, представителя некоторых иностранных машиностроительных заводов земледельческих маши и орудий, и наконец, бедного эмигранта, бывшей великой России. /.../ имение мое было в Киевской, а мельница в Херсонской губерниях. Л. 3. Уравнение всех в правах, уничтожение классов, и вообще все новые права дарованные революцией, довели моих бедных односельчан до того, что, один из ярых крикунов, фронтовик, бывший затем в большевистский переворот председателем Исполнительного комитета, солдат Влас Лень, в одно из воскресений во время обедни после возглашения «и всех православных христиан», остановил священника и заявил, чтобы тот «не смел» больше никогда употреблять слово «христиан», а заменил бы его словом «граждан», так как мол теперь уж нет крестьян, а все граждане. Как ни старался объяснить ему священник его несуразность, ни что не помогло, а вечером на сходке было вынесено «единогласное» порицание всему причту, а похвала солдату Леню. – Такова была логика и понятие наших мужичков.
32	P5881 Оп. 2 Д. 621	Скобцев Д.Е. Годы революции и Гражданской войны на Кубани (1917-1920 гг.) Воспоминания. Ч.1. Машинопись	<О предпасхальных хлопотах на стороне белых несмотря на военные действия. О деятельности кубанского казачества в борьбе с большевизмом. О Кубанском походе. Об организации самоуправления на Кубани>. 1917 г. Л. 2. Впрочем, все эти революционные и военные волнения не были в состоянии разрушить той особой пасхальной сосредоточенности, которой обычно жила станица в последние две недели Великого поста. Дома чепурились хозяйки, - приклеивали и примазывали хаты. В степи пахота, сев. На выгонах скот еще не ходит большими табунами, и овец не согнали в отары, но небольшими гуртами уже водили их мальчишки-пастушки. От одного зеленеющего пригорка к другому, временами звучали пищики, в ложбинках белели нарастающие куски снега. Протяжным Великопостным звоном звучали церковные колокола. <После Пасхи, к концу Святков - деление года>.

33	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 686.	Тюнин М.С. Воспоминания. 351 л.	Л. 110. Встреча иконы Николая Чудотворца в г. Сарапуле. Из года в год 7 июля, по старому стилю, накануне дня празднования иконы Казанской Божьей Матери, в продолжении долгого времени в Сарапул приносили из села Николо-Березовки, что на р. Каме в 40 верстах ниже города, особо чтимую в крае икону Святителя Николая Чудотворца, или как обыкновенно называли – Николая Угодника. ... Л. 113. Красивое зрелище представляла из себя эта встреча. Вдали на лугах, над идущим народом появляются развеивающиеся красные знамена, блестят золотые ризы образов, несут металлические подсвечники в виде блюда, в которых горят восковые свечи, склеенные между собой толстым пучком. Слышится пение. Идут довольно быстрым шагом. Вы видите, что-то место, где несут иконы и идут духовенство, окружено цепью или солдат, или добровольцев, которые держат в руках жгут из холста, представляющие из себя движущий барьер, препятствующий публике напирать на тех, которые несут иконы. Для порядка, кроме присутствующей на встрече пешей полиции, в город обыкновенно вызывались из уезда несколько конных урядников, которые и ехали, сняв свои фуражки, впереди с боков, несущих иконы и духовенства, возвышаясь над толпой. В 1918 году при советской власти, когда уже не было полиции, верхом на лошадях также ехало несколько человек, не то из чинов милиции, не то начальства.
34	ГА РФ. Ф. Р5881.Оп.2. Д.719	Хирьякова Е.А. «Детский интернат в Совдепии». Воспоминания. Рукопись. 4 л.	Советы придумали специальные дома для детей, чьих родителей в основном они же и уничтожали. Назывались эти заведения «интернатами». Это совсем иное место, нежели воспитательные дома в старые времена. В один из таких интернатов, обустроенных недалеко от Петербурга, я устроилась на службу. Жить мне было не на что, аттестат домашней учительницы у меня имелся, работать с детьми, как мне казалось, я умела. <...> Моя служба в интернате, помимо голода и сложных детей, к которым я никак не могла найти подход, запомнилась мне более всего диким гонением на религию и добычей дров.

			Расскажу кратко о своих самых ярких, хоть и тяжелых, воспоминаниях. Детский интернат размещался в домиках, служивших долгое время дачами. В самой большой из них был организован так называемый Дом просвещения, в котором располагались лекционный зал и библиотека. В Доме просвещения устраивались танцевальные вечера и читались антирелигиозные лекции. Танцы и лекции проводились в одном большом зале, но для лекций он заставлялся стульями, а для танцев, напротив, освобождался от всякой мебели. Мне пришлось быть с детьми на лекции Водовозова «Достоверно ли Евангелие?», возмущившей не только меня и мне подобных, но и заводских рабочих. Подобные лекции повторялись на каждом большевистских праздниках в детских учреждениях и экскурсиях, непременно в присутствии всех детей с воспитательницами. Мы, воспитатели, приходили в ужас от услышанного, но не смели возразить, а дети не отличались восприимчивостью. Они были закрыты как от обучения, так и от любых агитационных выступлений. Это удивительно! В то время жившие в окрестностях Петербурга и в самом городе люди сильно голодали; ходили слухи, что в детских интернатах кормят хорошо (хотя на самом деле это было не так, и мы голодали так же, как все), поэтому некоторые родители пытались устроить своих детей в интернаты. Им казалось, что в интернате и еда, и уроки, как в гимназии, и тепло. Таким путем в интернате появились дети заводских рабочих. Родители редко навешали своих отпрысков, их приезды часто совпадали либо с танцами, либо с лекциями. Так что все эти антирелигиозные выступления слушали рабочие, но тоже почему-то не возражали. С раннего утра до поздней ночи воспитательницы были при детях, только два дня в неделю считались свободными, но в эти
--	--	--	---

			свободные дни «отдыхающие» назначались на дежурство по школе или по кухне, или на общественные работы, которые проводились обычно к праздникам. Помню, на Страстной неделе, в четверг, был праздник Благовещения. Всех свободных от дежурства отправили с 8 часов утра убирать двор и мусорные ямы. Я, пользуясь тем, что мне было 58 лет (по декрету женщины посылались на работы до 40 лет), не явилась на работу, а пошла в церковь. Возвращаясь из церкви, встретила коменданта. - Почему вы не на работе? - Мне 58 лет - я не должна выходить на работы. - В своем учреждении все должны работать - завтра с утра выходите на работу. И вот в Великую пятницу я и другие подобные мне вышли чистить мусорные ямы. Сильно мы все торопились, чтобы поспеть в церковь на вынос плащаницы. Священник по нашей просьбе служил несколько позже. Еще нельзя не обратить внимания на то, что весь Великий пост детям и всем работникам выдавалась на обед мясная пища, особенно на Страстной неделе, даже иногда гуси, но с очень сильным запахом. В течение года мы голодали, и еда была скудной, но в Великий пост — мясо или птица. На второй день Пасхи обязательно селедка. К Пасхе детям давали по яйцу, остальным же ничего не выдавалось.
35	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 745.	Шиллинг Н.Н. «Из моих воспоминаний с 3 марта 1917 г. По 1 января 1919 г. Воспоминания. 71	Л. 3. В первый день святой Пасхи я, совместно с полковым священником, пошел в 8 часов в окопы и обошел все роты, христосуясь с каждым солдатом. <...>. Изданы: Шиллинг Н. Н. Из моих воспоминаний с 3 марта 1917 г. по 1 января 1919 г. // 1917 год в

		л.	судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 327-328.
36	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 761.	Эверт Н.И. «Жизнь в Советской республике. 1918-1921 гг.» Воспоминания. ч.2. 46 л.	<Записано 11 августа 1928 г. 46 л.> Устройство в Москве. Москва в 1922-1923 г. Положение Церкви. Моя преподавательная деятельность. <...>. Москва после смерти Ленина в 24 и 25 г. Жилищные товарищества. Отъезд за границу и хлопоты, связанные с ним. Л. 10. Но, по видимому, ни нужда, ни физическое утомление, ни моральный гнет не могут убить в русском человеке его духовные стремления: библиотеки – а в Москве их много – всегда были полны; взаимному обучению тогда ничто не препятствовало – забегали друг к другу хотя бы и поздно вечером и со своим хлебом и сахаром; религиозное чувство не только не падало, но заметно повышалось. Правда, что духовенство шло в этом отношении навстречу: в редком приходе не служилась ранняя обедня, т. что всякий верующий мог перед службой зайти Л. 11 помолиться, приободриться, отслужить панихиду, а у Иверской молебны служились каждый день и часовня всегда была полна. Несмотря на материальное оскудение церквей, духовенством братства старались придать как можно более благолепия храмам. Через братства, священник и его приход – причем свободный приход, а не по месту жительства – составляли как бы одно духовное целое, да впрочем, и не только духовное, - оказывалась и материальная взаимная поддержка, так например во времена материальных кризисов у входов и выходов церквей ставились ящики, и священники призывали жертвовать, как бы в кружку от того, что у кого было, и затем этот сбор распределялся между более нуждавшимися; кроме того были постоянные сборы продуктами, одеждой и деньгами на заключенных, и по просьбе прихожан, всегда оказывали помощь тому, на кого они указывали; я знаю это из личного опыта: однажды нас оповестили из Бутырской тюрьмы о

			предполагаемой экстренной высылке в Соловки одного знакомого заключенного, и что у него ничего нет теплого. У нас тоже ничего запасного не было. Я пошла в церковь, заявила лишь словесно и, не позже, как через 1-2 ч., мне выдали валенки, рукавицы, кокой-то ватник, съестное припасов и немного денег, одним словом, оказали существенную помощь. Мы приехали в Москву в недоброе для Церкви время – в разгар гонения на нее: всюду шла антирелигиозная пропаганда, устраивались кошунственные зрелища, а по улицам такие же шествия. Однажды, возвращаясь от знакомых, я случайно натолкнулась на одно из них, а потому была невольной свидетельницей отношения к ним проходящей публики. Посреди кортежа ехала колесница с ряжеными в архиерейские и священнические облачения, с хоругвями и, якобы, с иконами, но как на тех, так и других были какие-то кошунственные изображения – какие именно не разглядела, уж очень было противно; колесницу окружали певчие; напев и слова, конечно, соответствовали всему остальному. Прохожие останавливались, как бы пропуская шедших, но ни смеха ни одобрения слышно не было, и в этом молчании было что-то недоуменно-презрительное; вдруг недалеко от меня заговорили громко, не стесняясь: «Вот и до скоморохов дожили, как во времена Иоанна Пророка!», другой женский голос подхватил: «Вестимо так, ишь что выдумали черти проклятые!» Возражений не последовало. Повидимому, в Москве антирелигиозные повсеместно имели одинаковый Л. 12 успех, так как в самом непродолжительном времени их запретили. Если не ошибаюсь, - кажется, на Вербной неделе-, произошло т.наз. «изъятие церковных ценностей: являлись товарищи», обдирали иконы, снимали лампы, отвинчивали крышки с евангелий и распятия с крестов. Само собой разумеется, что не везде это сошло
--	--	--	---

			благополучно, хотя и производилось в часы, свободные от церковной службы, следовательно в присутствии одних лишь церковнослужителей, но автомобили и стража у церквей не могла не привлечь внимания прохожих: местами произошло столкновение с народом, нашлись громко протестующие, а в результате – много арестованных, заключённых, а впоследствии и расстрелянных (противодействующие священники). Священнослужители относились разное к «изъятиям», одни противодействовали явно, призывая паству к защите, - сила была, конечно, не на их стороне и они поплатились жизнью; другие противодействовали молча, тайно образуя: т. напр. в Левшинской Церкви (Покрова на Левшина) на Страстной неделе уже по-прежнему горели перед каждым образом лампы; В Великий Четверг 12 евангелий читались по старенькому с простой деревянной крышкой евангелию, и прихожане с грустью ожидали запреты – звон в церквях запрещен, крестные ходы тоже, а тут еще и внутри церкви все нищенское, не по-праздничному, но тем не менее народу набралось много, и вдруг – во главе крестного хода появляется священник с крестом, обвитым живыми цветами и с большим серебряным евангелием. Не помню до Пасхи или вскоре после нее распространился слух, что такой-то день будут снимать ценности с иконы Иверской Божией Матери, - в ночь, накануне объявленного дня, по странному стечению обстоятельств, все ценности были украдены, и вор скрылся. Приблизительно в это время Правительство решило реквизировать Престол в Храме Спасителя. С амвонов церковью раздалось воззвание патриарха Тихона к верующим о пожертвовании в 3 х дневный срок серебра, требуемого – (в каком количестве не помню) – Правительством взамен Св. Престола, - и в продолжение 3х дней все церкви были открыты с утра до позднего вечера и, как во времена Минина и Пожарского, каждый нес последнее,
--	--	--	---

		из сохранившегося у него серебра. Престол отстояли, но, увы, вскоре Храм Спасителя перешел в руки живоцерковников. 12 мая 22 года в Малом зале Московской консерватории состоялся религиозный диспут. В это <Л. 13> время шел суд, или только что кончился – точно не помню – над Патриархом и привлеченными вместе с ним духовными лицами, из которых некоторым угрожал расстрел, - вот как бы при стремлении спасти их, проповедники Живой Церкви с Введенским и Красницким во главе объявили религиозный диспут. Начали с довольно спокойного обмена мнений; затем, выступил Введенский и с истерическими выкриками произнёс речь, смысл которой заключался в том, что бедные узники томятся в тюрьме и не сегодня-завтра <неразб.> казнь. «Гибнут люди», - выкрикивал он: «приносятся человеческие жертвы и ради чего? Ради внешних оболочек Церкви! Нет, мы будем просить, умолять, но наш долг спасти их!» - крикнул он. «Церковь» - закончил он истерическим возгласом – «это невинная молодая девушка, закованная в цепи, пора снять с нее эти цепи, и, свободная, она приведёт нас ко Христу!» На эту речь раздался голос из публики: «А сидящие в тюрьмах уполномочивали вас спасти их какой бы то ни было ценой?» Вслед за этими возражениями, сменивший Введенского новый оратор подхватил раздавшиеся слова: «Высказанное публикой воззрение вполне справедливо, - пастыри во имя высокой идеи добровольно приносят себя в жертву. Вы слышали на суде их смелые речи, - а Вы хотите загрязнить эту жертву, отнять у них последнее укрепление». Передаю, конечно, только смысл, точные слова этой речи не помню, но окончание ее запомнила дословно: «Вы поэтично сравнили Св. Церковь с невинной девушкой, закованной в цепи; но, освобожденная вами, как бы эта самая чистая девушка не превратилась в продажную женщину, ходящую по рукам». В зале раздался гром рукоплесканий и одобрительные возгласы.
--	--	---

			Вслед за этим оратором на кафедру вышел следующий и начал что-то тянуть гнусавым голосом, но поднялся такой шум, свист, топанье ногами, что ни одного слова не было слышно; оратор все же силился говорить, но публика начала прямо-таки освистывать и доносились отдельные выкрики: «Это чекист, вон его, не дадим говорить!» - но в это время в проходе стали появляться <неразб.> в черных крутках с портфелями подмышкой – и мы сочли за благоразумие удалиться. В Православной Церкви, по-видимому, назревал раскол, и Патриарх для сохранения, по всей вероятности ее единства и прекращения дальнейшего ее преследования, письменным актом признал ошибочность прежних своих действий, приняв всю вину Л. 14 исключительно на себя, и объявив, что признавая впредь Церковь аполитичной, не будет больше бороться с относящимися к ней правительственными распоряжениями. После этого акта (упорно носились слухи, что он был написан под давлением Английского Правительства) Патриарх и приговоренные к расстрелу духовные лица были освобождены. Патриарх – не знаю по собственному ли желанию, или по принуждению – поселился в Донском монастыре. Не берусь судить, прав или неправ был Парт. Тихон, но мысль о том, что он стремился лишь сохранить жизнь свою и своим подданным, не приходила в голову даже самым отъявленным скептикам, следовательно, если донеслось подобное мнение, то оно шло исключительно из враждебного Церкви лагеря. Но сочувствующих поступку Патр. сначала было немного; большинство, наоборот, почувствовало разочарование, и это разочарование сразу отразилось и на положении Церкви: многие священники перешли в Живую Церковь, православные храмы опустели и стали оскудевать. Но истинные приверженцы Парт. не
--	--	--	---

			унывали, оставшись на своих постах, они повели борьбу в указанном им новом направлении; с амвона они Л. 14 призывали свою паству к борьбе, но уже другим оружием, исключительно духовным – упорством в вере, твердым отстаиванием своих религиозных убеждений и свободным их исповеданием; они объясняли сомневающимся, что для Патр. легче было умереть, чем пойти на ту жертву, которую он принес, но что вряд ли его смерть укрепила бы веру в народе, наоборот, неизбежное после нее усиление репрессий – преследования верующих, закрытие храмов – препятствовало бы распространению веры. Дальнейшая политика Правительства показала, насколько убеждающие были правы: всякие преследования прекратились, т.наз. Тихоновская Церковь стала возвеличиваться и вскоре одержала полную победу над Живой. Вернулись и отпавшие священники; их далее бойкотировали, но духовенство Тих. Церкви приняло их под свое покровительство и примирило с прихожанами. Похороны Патр. показали, что большевистк. правительству не только не удалось вытравить веру в русском народе, но получилось обратно, - она укрепилась в нем. Один из представителей Английск. <неразб.> присутствующей на похоронах, высказал даже поэтому поводу свое удивление, т.к. их уверили, что рус. народ антирелигиозен. Описывать похороны не берусь, т.к. по болезни мне Л. 15 лично не пришлось на них присутствовать, знаю лишь из рассказов очевидцев – сына и дочери, но уже тот факт, что рабочие возложили покров на гроб Парт. и что они отказались в день похорон работать, желая своим присутствием почтить память покойного, служит верным показателем настроения народа, - не даром после похорон Патриарха большевики притихли! Не знаю, удалось ли мне в достаточной мере осветить отношение к религии в Церкви в России 22-25 г.г.; я остановилась на этом
--	--	--	--

			вопросе, быть может, несколько дольше, чем следовало бы, но я считаю своим долгом опровергнуть распространенное сочинение на эту тему католического епископа М. d'Herbiny, прожившего некоторое время в Москве, но давшего – по недостатку ли наблюдений, или же по другим каким-либо соображениям совершенно ложное освещение этому вопросу.
37	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 774.	Голубцов Г.С. «Поездка на Всероссийский церковный Московский Собор». Дневник. 190 л.	Опубл.: Голубцов Г.С. Поездка на Всероссийский церковный Московский Собор. Дневник // Дело великого строительства церковного. Воспоминания членов Собора 1917-1918 годов. - М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – С. 160-289.
38	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 803.	Уваров М.А. Дневник. 200 л.	<Продолжал посещать богослужения на территориях белых, несмотря на революцию. Генерал-майор генерального штаба Михаил Андреевич Уваров. Верующий человек пишет много о причастии и службах> Л. 267. 30 Марта. В вербную субботу 21 Марта причастился, а Пасху 29 Марта был в Феодосийском соборе. Я всегда один и это очень угнетает меня. Л. 268. 17 мая. Сегодня Троицын день, а на душе у меня отчаяние; я подобен обломку разбитого корабля.
39	ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 805.	Хирьяков. Выписки из дневника. 39 л.	1919 год Л. 3. Нет ничтожных явлений. Как гора состоит из маленьких песчинок, так и широкие исторические картины создаются из мельчайших чёточек, отражающих жизнь. Л.3. 25. Октября. Жизнь становится все труднее и труднее. Вся энергия уходит на добывание пищи. А пища эта какая-то бутафорская. С.А. Венгеров говорит, что он только теперь понял все значение слов: «Хлеб наш насущный дождь нам днесь». Надо полагать, что не менее важны и слова: «избави нас от лукавого». Л. 8. 5 мая. Передают, что недавно, кажется на пасхальной неделе Луначарский читал публичную лекцию антирелигиозного характера и, между прочим, с особенным жаром

			опровергал воскресение Христа. По окончании лекции, он обратился к слушателям с предложением возразить, если кто не согласен. Сперва никто не решался, но потом поднялся какой-то старенький священник: - Прошу слова. - Пожалуйста, обрадовался Луначарский, только я вас очень прошу, нельзя ли покороче, так как я должен поспеть еще на одно собрание, да и кроме того может быть еще кто -нибудь захочет высказаться. - Я не задержу.- Священник неторопливо прошёл между рядами, поднялся на кафедру, оглядел собравшихся, спокойным внушительным голосом произнёс: - Христос Воскрес! - Воистину Воскрес!- дружно ответили слушатели Священник сделал глубокий поклон и сошёл с кафедры. Возразил ли что-нибудь Луначарский и что именно история умалчивает. Л. 8. 24 мая. Толстую освободили 21 мая. Перед самым своим выходом, когда Толстая в последний раз в сопровождении двух вооруженных винтовками конвойных выносила из камеры вонючую парашу и спускалась с ней по лестнице, она встретила, подымавшегося тоже под конвоем, дряхлого, лет восьмидесяти священника с мешком вещей. - Такое милое, милое лицо, - передавала Александра Львовна, - поклонился нам. И мы поклонились. Едва переводит дух, задохнулся, спрашивает: «что еще высоко подыматься? Сил нет. Тяжело...» Один из моих конвойных покачал головой и, точно вслух подумал, прошептал: «Грех то, грех то какой...» Л. 20. 27 Сентября. Вчера получил от жены Н. письмо, которая сообщает о его смерти. Старого, больного и слабого его потащили, как бывшего офицера, на фронт. Там у него сделалась диссентерия, от которой он вероятно и умер. Он был очень религиозный человек, православный и умер без причастия, без напутствия священника и был зарыт в общей могиле без панихиды, без молитвы. Л. 37. 20 Апреля 1922 год. Встречал Пасху в маленькой затерявшейся в горах южного берега церкви. Было что-то очень трогательное в этом немногочисленном крестном ходе, слабо освещённом несколькими фонарями. Точно древние христиане, тайком собравшиеся на богослужение в глухом месте и
--	--	--	---

			ночью. Хорошо было слушать в этом сумраке у закрытых церковных дверей победную и радостную песнь о воскресении Христа. В душу закрадывалась Надежда, что быть может воскреснет из мертвых и Россия. Несётся клич из глубины небес: Христос, божественный Мессия, Христос, Христос воскрес... Воскреснет и Россия». 1 Июля. Сейчас узнал очень взволновавшую меня новость. Оказывается, что, в поисках за церковными ценностями, были вскрыты гробницы царей в Петропавловской крепости. Ценностей никаких не оказалось. Но что самое интересное и что меня особенно поразило так это то, что гроб Александра I оказался совершенно пустым. 1 Апреля 1923. Ездил в Феодосию. По дороге вспомнил, что была вербная Суббота - Лазарево Воскресенье. Под влиянием этих мыслей сложились следующие строки: В тесном гробу я лежал. Горе, отчаянье, злоба... Голос всевластный воззвал: Лазарь. Изыди из гроба.» Падают склепа затворы, Жизнь обновлённую жду... Верой сдвигаются горы... Господи. Верю. Иду.
40	ГА РФ Ф. Р5919 оп.1 д.74	Фонд митрополита Евлогия (Георгиевского). Письмо Ольги Крюковой из Падуи (Италия). Автограф.	Глубокоочтимый Высокопреосвященнейший Владыко, С чувством любви и глубокой преданности к Святой Православной Церкви ведомой Святейшим Патриархом Тихоном и Его последователями благоговейно целую Вашу благословляющую руку и прошу Ваших Святых молитв и наставлений. Год тому назад в конце декабря я приехала из России, заболела и только теперь собралась написать Вашему Высокопреосвященству. - Исполняя наказ настоятеля церкви Святой Троицы, в городе Новочеркасск на Дону передать Вашему Высокопреосвященству, как главе Православной Церкви за границей просьбу о помощи гонимой Православной Церкви Российской. А также сообщить положение Церкви на Дону и просить Ваших святых молитв. Всех перепетий, всей борьбы и захвата церковной власти на Д. живоцерковниками я конечно не могу сообщить в письме, слишком сложна гибель церковной иерархии на Дону, как и везде. Сообщу только о Троицкой Церкви, в которой я была членом

			церковного совета с самого возникновения советов. Троицкая церковь, после перехода почти всех священнослужителей собора к живоцерковникам, где главенствовал присланный из Москвы живоцерк. еп. Мильхиседек, Троицкая церковь стала центром противодействия большевицкой живой церкви. Собор первый обнаружил свою нравственную болезнь и вся его паства верная Патриарху Тихону – перешла к нам. Свято исполняя повеления Патриарха Тихона и руководимая епископом, Преосвященнейшим Митрофаном, который уйдя из Собора перенес всю стойкость своего духа в Тр.Цер. и укрепил в ней дух веры и разума в борьбе с Живой Церк. Тр. Цер. смело, но разумно вела борьбу с большевиками и их ставленником еп. Мильхесидеком и перебежчиком бывш. епископом Модестом (лично знаю и по сведениям уважаемых людей об этой ситуации). С самого начала разрухи, Волею Божией, Троицкая Церковь, руководимая кротким, но стойким, незабвенным Епископом Митрофаном, стала центром, куда стекались со всей епархии верные Патриарху Тихону священники и руководились его постановлениями по указанию, сначала – Епископа Митрофана, а по ссылке его в Соловки, непосредственно от Патриарха Тихона через верных людей посылавшихся в Москву. После ссылки Епископа Митрофана Церк. осталась без епископа. В Ростове Архиепископ Арсений был также сослан в Соловки.- Тр. Церк. просила у Патриарха епископа и Святейший Патриарх, тайно, прислал к нам Архиепископа Инокентия, который в сослужении с митрополитом Донской епархии Митрофаном, почти при закрытых дверях, посвятил во Епископа, бывшего ключаря собора о. Захария. Архиепископ Инокентий, также незаметно, благополучно уехал. Епископ Захарий совершал в Тр. Цер. богослужения при больших стечениях народа, но через несколько месяцев живоцерк. узнали о нашем событии, конечно немедля донесли и у епископа Захария был обыск, конечно у него ничего контрреволюционного не нашли, обыск был почти закончен, когда агент попросил у замужней дочери Епископа, стакан воды, она вышла оставив его у раскрытого комода, который он осмотрел уже с ней, она не оставляла его ни на секунду, зная их обычай
--	--	--	---

			подсовывать то, что им нужно найти для обвинения и, во время ее отсутствия за водой, он всунул в белье послание Патриарха Тихона от 1918 г, и когда она вошла со стаканом воды; он продолжая рыться в белье вытащил послание и арестовал епископа Захария и сослал его в Москву. Паства опять осталась без Епископа. - Что касается главы Дон. Епар. Митрополита Митрофана, то он являет собой тягостную и обидную для Церкви историю компромиссов и равнодушия, он чужд паствы, как и она всегда была чужда ему, занятому личными интересами и личной безопасностью. - Сын его форменный большевик - священник перебежчик, способный на такие тяжкие дела для совести и сана священника, что тяжело вспоминать. Прошу Ваше Высокопреосвященство простить меня за эти тяжелые сообщения, не в осуждение пишу об этом, но считаю обязанностью ознакомить Вас Владыко со всеми скорбными делами церкви, проходившими передо мной, так как я член совета Тр. Церкви с самого возникновения советов. В каких тяжелых цепях, в какой страшной покинутости Православная Церковь, что-же будет дальше родной Владыка? Вот уже несколько месяцев я не имею оттуда известий и боюсь писать туда, судя по газетам, опять идут аресты, а мой духовный отец был несколько раз арестован и находится под надзором также и староста, и некоторые члены совета и все кто получает письма из заграницы. Я уехала легально и в анкету внесены мои родные, оставшиеся там, им я не пишу тоже, а по письмам узнают и знакомых и могут и их арестовать. Но были дорогой Владыка и незабываемые святые переживания. - Было одно время в Церкви период такой растерянности и страха, когда городские священники, все кто был верен Патриарху, Тихону, под давлением большинства перебежчиков в живую церковь, ушли из храмов, пока советы и паства боролись с живоцерковниками, Тр. Церковь также осталась без священника - когда явился живоцерковник, назначенный в нашу церковь Мильхиседеком. - Было так, один наш священник перешёл к живоцерк. и ушёл из нашего храма (самый старый священник), другой миссионер, был сослан в Соловки, третий, Настоятель Отец Димитрий - его, может и паства упростила уйти на время пока выяснится положение Церкви. - Живоцерковник захватил наш храм, паства волновалась, большинство
--	--	--	---

			перестало ходить в храм - явились новые прихожане и происходили бурные стычки наших, с новыми. Совет конечно не ушёл, но замкнуто, настойчиво боролся всеми возможностями и через паству, и через большевицкий же законы. Дьякон, живший при церкви, отказался служить с живоцерковником, происходили каждый день столкновения паствы и совета - с живоцерковником, ему грозили, упрекали и всячески теснили, волка - овцы. Словом, Храм Божий сделался ареной страстей - да простит нас Милосердный Господь, ибо мы боролись за Святую Православную Каноническую Церковь, возглавляемую Патриархом Тихоном - и Господь не оставил нас. Живоцерковник вздумал заняться посевом (дело было весной) и уехал с свою станицу. Мы воспользовались его отъездом и заперли храм и не пустили его заместителя, заявив ему, что паства желает на основании закона о свободе выборов, сама избрать себе священника. - Нам грозили запереть храм, отобрать его если мы в ближайшие же дни не изберём себе священника. Все были озабочены найти стороннего священника, так как нашего Настоятеля Мильхиседек грозил арестовать, наконец нашёлся священник, но просил заручиться в ГПУ согласием - совет избрал меня и еще одну даму тоже члена совета и мы отправились в ГПУ хлопотать , но ГПУ уклонилась от этого дела и послало нас в Церковный комитет к живоцерковникам. Мы конечно не пошли, священник испугался и ушёл. Мы падали духом, приближался срок, каждый день с часу на час ждали милицию живоцерк. и в это то тяжкое время, Милосердный Господь не оставил нас - вдруг явился маленький, худенький, бледненький священник и сказал: «Я верный Патриарху Тихону, изгнанный живоцерк. из станицы. Я буду служить в вашем храме. Я не боюсь, что Господь даст». Милостью Божией он спас наш храм, собрал рассеявшуюся паству и была у нас великая радость. Все полюбили его, за его кротость, смирение и стойкость и были все едины со своим новым пастырем. Прошла волна насилия живоцерк. нашли себе места - захватив у слабых духом советов и паствы храмы. Затем живоцерк. занялись борьбой с паствой, которая не хотела знать нового стиля, их храмы пустовали, а ТрЦерк была переполнена. К нам шли со всех приходов, учились у нас, расспрашивали, как мы устояли и
--	--	--	---

		в свою очередь боролись с живоцерк и некоторых выгнали и опять установили своих старых. Вернулся наш дьякон, вернулся о. Настоятель, Богослужения проходили благоговейно, торжественно, составилась хороший хор, многие священники изгнанные приходили молиться в наш храм и была у всех святая радость, но враги не уставали делать зло. - Батюшку нашего, спасшего Милостью Божией наш храм - арестовали. Не забыли злодеи, вспомнили, отправили и его в Ростов, в тюрьму. Несколько месяцев держали в тюрьме и все предлагали ему поступить в ГПУ быть им осведомителем иначе грозили ему отправить в Москву, но ошиблись, Батюшка был верный Божий слуга и Господь спас его, через детей его. Батюшка многосемейный - дети его при помощи совета стали смелее настойчиво хлопотать, ездили в Ростов то дочь, то сын просили, требовали суда над Отцем, требовали сказать за что его арестовали и держат без суда и обвинения и так надоели ГПУ, что вдруг Батюшку буквально выгнали из тюрьмы, без всякого суда или какого либо обвинения, в один благословенный день сказали ему: «берите ваши вещи и убирайтесь на все четыре стороны» - ни конвоя, ни бумаги, - никто этого не ожидал, даже моего дети. И вот в один будний день после вечерни и акафиста паства слушал слово о. Настоятеля, дети заключённого тоже были в храме - вдруг, в дверях храма освященных солнцем, показался отец Модест, сначала все смотрели и не понимали, даже его дети, потом все бросились к нему и радость и слезы и молитвы. И он поведал нам что ему предлагали и чем грозили. В настоящее же время я ничего не знаю, что с ними со всеми и с дорогим храмом Святой Троицы, Покрова и Креста Господня (у нас три придела). Простите Владыка, что пишу карандашом у меня руки больны ревматизмом, плохо пишу чернилами очень пачкаю. Боюсь утруждать, но все же буду просить - Высокопреосвященнейший Владыко пришлите мне и детям, и внукам моим Ваше Святое благословение - я буду знать, чувствовать, что все же я в общении с Святой Церковью, что не совсем отринул меня Господь, примите мою душу в Ваш Сергиевский приход. Здесь нет Православной Церкви и нет русских. Душа моя изнемогает без святого Богослужения, без исповеди и причастия, я лишена здесь этого
--	--	---

			святого утешения - мне привыкшей и горе, и радости переживать со Святой Церковью очень тяжело здесь, на чужбине, среди чужих духом людей, враждебных Церкви. Бывает так тяжело, что хочется взять котомку, посох, и идти искать православный Божий храм, но вспомнишь про визу и с тоской смотришь на родимый сквер. Думаю, что если бы не было виз, то многие русские предпочли бы идти пешком в страны, где есть Православные храмы и русские - очень тяжело одиночество на чужбине. Вот захотели мы, я и сын послать свои голоса на зарубежный съезд, по первому конечно списку, послали в Рижский комитет по организации и нас не приняли - пишут, что выборы были только от организованных, но ведь и мы организованные, - с высшей конечно точки зрения, ибо Иисус Христос сказал «где двое или трое соберутся во Имя Мое, Я с вами» и нам это очень тяжело, мы здесь точно в плену, отрезанные от всех, - ждём каждый день «Возрождение» Петра Бернардовича Струве, как дорогого родного, дай Бог ему здоровья и сил. Осмеливаюсь приложить к письму мои стихи - молитвы - мое утешение - которое я грешная осмеливаюсь думать, послал Милосердный Господь на старости лет мне. (Их пощадило Одесское ГПУ). Вот пишу это письмо Вашему Высокопреосвященству; а у самой сердце болит – что, если оно не дойдёт до Вас Владыко, а попадёт в злые руки врагов Святой Церкви - Спаси Милосердный Господь, да не погублю своих духовных отцов. Прошу Вас Владыко, не замедлите уведомить, что письмо в Ваших руках. Ожидая Высокопреосвященнейший Владыко Ваше святое благословение, остаюсь Вашей покорной слугой. Ольга Крюкова. Падуя, ул. Монтэ Граппа 7 бис, Италия
41	ГА РФ. Р5955. Оп.1. Д.4.	Берлинский дневник Н.Н. Чебышева. 24 декабря – 18 сентября 1923 г. 479 л.	<Слухи о разграблении храмов евреями. Воспоминания очевидца. О разговоре с девочкой из Советской России - зачем верить в Бога. Вырезка из газеты. Размышления о противоречиях между РПЦЗ и РПЦ>. Л. 52. Горький подтвердил достигнутую крайних пределов в России ненависть к евреям, как можно видеть по его рассказу, умышленно обостряемую большевиками. Большевики посылают в православные церкви за ценностями евреев и вообще во всех посягательствах на православные святыни заставляют евреев играть первенствующую роль. Номер 2 «Голоса

			России», где эта беседа была напечатана, весь скуплен большевиками. В типографии допечатали. Большевики опять скупили. Л. 58. Ирочка Васильева, 8-ми летняя, внучка Mme Г., дочь «советского» следователя. /.../ Л. 59 Рассказывает, что в Москве воруют детей и делают из них прислуг. - Воруют также красивых женщин. Из них мужчины делают себе жён. - Тебя водят в церковь? - Нет. Зачем? - Как зачем?.. Богу молиться. - Я не верю в Бога. - Почему? - Я его никогда не видела. - Тебя крестили? - Да. Крест я потеряла. Отец девочки православный, мать караимка. Л. 61. Вырезка из газеты «Письма из Берлина». (Корреспонденция «Нового времени»). Министерство иностранным дел потребовала от церк. приз. Совета немедленной передачи посольской церкви, которая передаётся представительству Р.С.Ф.С.Р. 16 июня передача состоялась /.../. За последнее время ни один тяжкий грех перед национальной Россией не был так болезненно воспринят русскими, как отдача посольства, составляющего ценность Царской Семьи, явным ворами и передача православной церкви грабителям и осквернителям наших святынь. Л. 128. 12 февраля. Неделю тому назад в здании аэроклуба чествовали архиепископа Елевферия, заключенного в монастырь и высланного из Польши по проискам митрополита Георгия, объявившего автокефалию православной Церкви в Польше. Вчера в газетах телеграмма об убийстве холмским архимандритом Смарагдом митрополита Георгия... Для меня под вопросом, можно ли считать, что патриарх Тихон управляет заграничной церковью, в том числе Польской митрополией, какова польза такой фикции, и не спрячется ли за ней удобно директива большевиков и "живой Церкви". Л. 148. Приехала сестра В.К. с мужем врачом из Москвы. Рассказы: патриарха перевели из ГПУ /Лубянка/ обратно в Донской монастырь.
--	--	--	---

42	ГА РФ. Ф. Р5971. Оп. 1. Д. 112.	Менделеев П.П. «Свет и тени в моей жизни» за 1917-1919 гг. Воспоминания (революция). Тетрадь № 6. 178 л.	Л.13. 2 марта, рано утром, дали ему знать, что войска вышли из повиновения, а рабочие уже двигались из-за Волги на Дворец. Тотчас Софья Михайловна Бютинг с дочерьми и кое какими вещами переехала в Серебряную Общину Красного Креста. Прислуга разбежалась. Остался Бютинг один в пустом дворце. Протелефонировал Епископу Арсению, который, по его просьбе, по телефону исповедовал его и отпустил ему грехи. Л.31. В начале Августа покинул Тверь и Архиепископ Серафим. Ему, бедному, пришлось пережить много очень тяжелых минут во время нашего Епархиального съезда, созванного для выборов членов Поместного Церковного Собора. Я участвовал на съезде в качестве одного из выбранных уполномоченных Соборного прихода. Никогда до того не случилось мне присутствовать на таком бурном собрании. Л.32. Буря эта имела скорее чисто личный, чем политический характер. Все недовольные, обиженные Архиепископом Серафимом, - а таких оказалось довольно много, особенно среди сельского духовенства, - дали волю накопившимся злобным против него чувствам. Неистовствовало, главным образом, несколько дьяконов и псаломщиков. Архиепископа не допустили до председательствования на съезде. Настроение было таково, что он не мог туда даже показаться. По настоянию съезда, председательствование взял на себя Преосвященный Арсений. Это вызвало негодование Архиепископа, который находил, что Арсений должен был отказаться и постигнуть съезд. С этой минуты, между Архиереями создались самые враждебные отношения. Они усилились еще после того, как съезд вынес постановление о том, что Владыко Серафим должен немедленно покинуть Тверскую епархию. Разгневался Преосвященный и на архимандрита Венямина, который, со свойственной ему непосредственностью и живостью чувств, прилетел со съезда к Архиепископу, бухнулся ему в ноги и умолял подчиниться воле народной. На счастье Владыки, ему и без того время было отправляться в Москву, на предсоборные епископские совещания. В Тверь он не вернулся. Все же еще несколько месяцев управлял
----	---------------------------------	--	--

			епархией из Москвы. А на Арсения подал жалобу в Собор Архиереев. Оба епископа, с которыми я был в очень хороших отношениях, все время жаловались мне друг на друга и брали меня в судьи того, кто из них прав. Л.33. Вскоре Арсения перевели в Таганрог или Ростов на Дону. А Тверь получила выдающегося иерарха, Епископа Иоанна. Латыш по рождению, еще молодой, высокого роста, весьма красивый, благолепной наружности, он обладал выдающимся умом и исключительным даром слова. Вёл настоящий монашеский, аскетический образ жизни. Сразу сделался кумиром Твери, центром ее духовной жизни. В тяжелые времена, Храм Божий явился прибежищем даже для тех, кто раньше никогда его не посещал. Все стремились туда со своим житейским крестом, надеясь найти утешение и поддержку в общей молитве. Церкви были переполнены молящимися. Но, чтобы попасть в собор, когда служил там епископ Иоанн, надо было забираться Часа за два до начала службы. А служил он почти каждый день. Читал акафисты. Проповедовал. Необыкновенно искусны были его проповеди: почти всегда на события дня, горячие, проникновенные, а вместе с тем, большевикам трудно было найти в них к чему придраться. Во время последних моих наездов в Тверь, мне удалось провести в его обществе довольно много времени. Беседа с ним всегда была интересна и содержательна. В настоящее время, архиепископ Иоанн управляет Православной епархией в Латвии. И там пользуется громадным авторитетом и любовью среди своей паствы. Но громит теперь большевиков уже без всякого стеснения. Он же состоит и членом местного парламента в качестве Председателя русского меньшинства. Л. 34 – 46. Глава 16. Конец 1917 - 1918 Церковный поместный собор – Москва – большевики - отъезд на Украину. Московский поместный собор - единственное, кажется, светлое явление среди общего мрачного хаоса того времени. Созыв его - одна из немногих заслуг Временного Правительства и первого Министра исповедания В.Н. Львова. Не буду подробно останавливаться на работах собора, продолжавшихся, с переменами, более года. Отмечу только, что он добросовестно выполнил поставленную ему
--	--	--	---

			Временным Правительством задачу - обеспечить Православной Церкви полную независимость от государства. Собором выработаны основы автономного Церковного Управления, внесены значительные облегчения в правила о разводах, дан толчок оживлению приходской жизни, а главное, восстановлен Российский Патриарх. Для занятий собора приспособлено было одно из крупнейших епархиальных зданий. Заседания проходили в очень большом зале, который раздвижной перегородкой отделялся от довольно поместительной домашней церкви. Спинной к этой перегородке, на спускающей несколькими ярусами эстраде, сидели Епископы по обе стороны длинного стола президиума. Л. 35-46 <ход заседания, присутствовавшие, описывает характеры и характеристики основных выдающихся ораторов>. Л.42. Мы потом делились нашими ощущениями. Оказалось, что все мы во время литургии испытывали одинаковое смутное чувство недоумения: не знали кому желать избрания. Смущали неуравновешенность и крайности Антония, резкость и излишняя прямолинейность Арсения, недостаточная яркость, чрезмерная скромность - Тихона. Но когда слышали имя этого последнего, каждый из нас почувствовал, что именно Тихон и должен быть Патриархом. Действительно избрание это оказалось весьма удачным. Несмотря на мягкость характера, Патриарх Тихон сумел проявить энергию и твердость для Защиты Православной церкви от большевистского натиска. С редким величием духа переносил он выпавшие на его долю тяжкие гонения и испытания. Л.44. <чудо с разорванием материи, которая закрывала икону нами кремлевской стене>.
43	ГА РФ. Ф. Р5972. Оп. 1. Д. 21а.	Воспоминания Н.В. Брусиловой. Рукопись, машинопись № 2. 421 л.	Воспоминания Н.В. Брусиловой. Рукопись, машинопись. Опубликовано: Брусилова Н.В. Воспоминания, записки, впечатления. 1870-1930-е: в 2 т. М.: Кучково поле, 2015.
44	ГА РФ. Ф. Р5973. Оп.	Рождественский А. «Патриарх Тихон» (воспоминания). г.	Опубл.: http://www.odinblago.ru/iz_vosp_o_patr_tihone/

	1. Д. 98.	София. 13 л.	
45	P6422 1 11	Воспоминания члена кадетской партии Новосильцева Л.Н. (10 апреля 1918 – сентябрь 1918 г.). 1918.	Л. 8. Подходили к станции Егорлыкская, церковь уже горела огнями. Мы только успели поставить лошадей, как началась церковная служба. 4-ю Пасху уже встреча на чужбине, в походах, и теперь в этот период Гражданской войны. Большая церковь станицы была полна народу, много наших были в церкви во главе с командным составом. Шла пасхальная служба, поразило меня то, что в церкви со свечой в руках стоял магометанин Хаджиев, бывший адъютант Корнилова – и его потянуло на чужую для него пасхальную службу. Простояли заутреню, вернулись домой.
46	Г А РФ. Ф. Р6143. Оп. 1. Д. 16	Воспоминания Пурина А.А. «Дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае 1917-1922».	О деятельности духовенства в переходное время Гражданской войны> Л. 4. 4 марта Преосвященным Нестором в Петропавловском соборе был отслужен молебен, после которого Губернатор обратился к присутствующим с речью. Призывая всех объединиться вокруг Временного Правительства. Л. 5. В Наяхоне Иеромонах Алексей объявил себя пожизненным защитником, ходатаем и представителем инородцев пред Правительством, на каковой пост он будто был избран 5000 коряк. Этот же самый иеромонах долгое время безобразничал в Гижигинском уезде, не подчиняясь ни духовной, ни светской власти и причинял всем массу хлопот. Оседлое население постоянного на него жаловалось. То он выгонял из церкви неугодивших ему лиц, то отказывался отпевать и хоронить бывшего сельского старосту, труп которого в продолжение двух недель оставался без погребения, пока шли переписки. Подобного рода поступками и не подчинением даже Архиепископу он довёл до того, что Областной комиссар и комитет вынуждены были отдать приказ об его аресте и высылке иеромонаха Алексия во Владивосток в распоряжение духовной власти, что к великой радости населения и было сделано. Л.16. <о реформах, проводимых в Камчатском крае, которое проводилось на областном съезде> Школа должна быть свободной от религии. Что же касается воспитания в молодом поколении религиозных чувств, то это дело церкви.

			Л. 88. Остановлюсь теперь на фактах из духовной жизни России. Насилия проводились и над религией. Александрович Невская Лавра была занята красногвардейцами и ими был убит Архимандрит.
47	ГА РФ. Ф. Р6247. Оп. 1. Д. 10.	Рукопись белоэмигранта Новицкого И.В. «Дневник «скитальца», с приложением фотографии, газетных вырезок и других документальные материалов (1917-1921 гг.)», ч. IV, тетр. 1-4, 1917-1920 гг. 423 л.	Опубликован: Новицкий И. В. Всероссийский церковный собор (1917-1918 гг.) / публикация священника Евгения Агеева, Д. Г. Давиденко, А. И. Мраморнова. — М.: Издательство «Спасское дело», 2020. — 136 с.
48	ГА РФ. Ф. Р6247. Оп. 1. Д. 12-13.	Рукопись белоэмигранта Новицкого И.В. «Всероссийский церковный собор (1917-1918 г.), г. Москва».	Опубликовано: Новицкий И. В. Всероссийский церковный собор (1917-1918 гг.) / публикация священника Евгения Агеева, Д. Г. Давиденко, А. И. Мраморнова. — М.: Издательство «Спасское дело», 2020. — 136 с.
49	ГА РФ. Ф. Р6247. Оп. 1. Д. 15.	Статья белоэмигранта Новицкого И.В. «Церковь и государство». 7 л.	Л.2. «Революция не принесла Церкви свободы, хотя и провозгласила «свободную Церковь в свободном государстве»; обер прокурор этого периода, Л.3. вошедший в историю последних дней весьма двусмысленной ролью, полусумасшедший В.Н. Львов, в отношении иерархии и Синода лишь усугубил практику своих предшественников по власти и повёл себя немногим лучше теперешних большевиков - врагов церкви и религии, к которым он впоследствии и сам перешёл на службу, предварительно сыграв роль провокатора в столкновении г. Корнилова с Керенским. Он врывался в дома членов Синода,

			кричал на них, требовал их отставки, произвольно сменял неугодных ему членов Синода, натравливал на них буйную толпу и привёл церковное управление к полной дезорганизации. И вот в такое тяжкое для Церкви время в августе 1917 г., в период полной переоценки всех ценностей в Москве был созван Всероссийский Церковный Собор на самых демократических основаниях, с полной свободой выборов и с преобладанием мирян. После первой же Соборной молитвы на заседаниях Собора почувствовалось тихое влияние благодати Св. Духа, умиротворяющее человеческие страсти; с каждым днем росло и крепло церковное самосознание членов Собора, которые все глубже и глубже входили в понимание величия и святости того дела, по которому их призвали. И что всего удивительнее, - церковно-каноническое настроение среди мирян нередко проявлялось гораздо ярче и полнее, чем в кругах клира. Собор произвёл коренную реформу Русской Церкви; кажется не осталось никакой стороны, в которой не было бы внесено обновление. Л.3. Отношение Церкви к Государству, Церковное Управление-высшее и епархиальное; Церковный суд, организация Прихода; богослужение и дисциплина, церковное хозяйство, учебные заведения, монастыри и монашество, церковная миссия - все это подверглось самому тщательному и серьезному преобразованию, в соответствии с канонической догмой и жизненными потребностями, и таким образом, все здание Русской Церкви было переустроено сверху донизу. Главнейшее из деяний Собора - это преобразование Высшего Церковного Управления, избрание Патриарха и организация церковного Прихода, что дало Русской Церкви крепостью устойчивость, с которыми она не только выдержит до конца нападения большевиков, но и выведет народ на светлую дорогу его духовного и вместе с тем и национально-политического возрождения. Патриарх является не только носителем высшей власти Церкви, но и духовным вождем, отцом - средоточием всей ее жизни, объединительным всех ее разрозненных, распылённых сил, выразителем ее нужд, скорбей и желаний; страшно подумать, - что было бы, если бы
--	--	--	--

			грозное большевистское Гонения обрушилось на Церковь, когда она находилась в состоянии дезорганизации и распада своих сил. Объединение и сплочение живых церковных сил началось в основных, начальных ячейках церковного общества, - в приходах, где в приходских собраниях и советах закипела работа; приходские общины стали объединяться всюду и, таким образом, церковно-общественная жизнь начала слагаться в проясняться и мощную организацию. Л.4. Русские люди поняли, что среди всеобщего разрушения всех основ и устоев общественно-государственной жизни Церковь осталась единственным прибежищем для объединения; поняли - и потянулись к ней. Но это поняли также и те, кто все разрушал в Русской жизни, и началась систематическая, беспощадная борьба с Православной Церковью: у Церкви было отнято все ее имущество и все ее учреждения; Закон Божий был изгнан из Школы; в литературе началась жестокая, дикая травля Церкви, под лозунгом - «религия есть опиум для народа». Все было сделано, чтобы подвергнуть самому злему осмеянию, самому кощунственному издевательству и глумлению все, что было связано с религией и Церковью. Все, что было святого для народной души; все, перед чем она склонялась в глубоком благоговении, - все было осмеяно, унижено, оплёвано и облито грязью: ведь надо было убить Бога в душе народной, опустошить ее, вырвать с корнем и вытравить из неё всякое религиозное чувство, которым 1000 лет жил наш народ. Началось разгромление и осквернение храмов, монастырей и св. мощей; но и это большевикам показалось мало: чтобы физически обессилить и парализовать Церковь, - началось массовое истребление епископов и священников; убито и замучено 28 епископов и более 1200 священников; много из оставшихся в живых до сих пор томятся в тюрьмах и подвергаются истязаниям. Даже глава Русской Церкви, Московский Патриарх, - не раз подвергался аресту и оскорблениям; а ныне он находится под судом, угрожающим ему тяжкой карой (смертью) за его твёрдость в защите Церкви. Как же отвечает Церковь на этот сатанинский поход, воздвигнутый против неё? Под террором и дамокловым мечом
--	--	--	---

		большевиков Церковь не молчит и не безмолвствует: она творит своё великое дело созидания души народной и вместе с тем спасения нашей замученной Родины. Все усилия Патриарха и церковных деятелей, группирующихся около него, направлены к возрождению веры и нравственности, приведённых большевиками в крайний упадок: они развратили народ, отравили его совесть, своим примером погубили все Святое и оправдали самые гнусные злодеяния - воровство, грабежи, Убийство и проч. И не выбраться народу из этой пропасти, где он сейчас погибает, пока не произойдёт исцеление души его от этого страшного недуга; враги России расточатся тогда, когда она снова станет «богоносцем». И вот на эту именно сторону и направляется теперь деятельность Русской Церкви и вся энергия ее деятелей. Духовенство наше, доселе бывшее - в качестве чиновников ведомства - инертным и обезличенными, - теперь напрягает все свои творческие усилия, чтобы стать как можно ближе к народу и своим прихожанам, чтобы объединиться с ними для взаимной нравственной поддержки и для проведения в жизнь христианских начал. И народ охотно идёт на призыв пастырей, - Церкви переполнены Л. 5. молящимися; приходит с молитвой и покаянием даже интеллигенция, доселе холодная к вере и равнодушная к Святой Церкви. Измученные, страдавшие души ищут утешения в общей церковной молитве и в слезах покаяния. Но общей церковной молитвой не ограничиваются: в приходах начинают создаваться и возрастают прочные организации - просветительские, благотворительные и даже хозяйственно-экономические, которыми спасено много святынь и жизней человеческих. Новый исторический процесс собирания Православной Руси развивается в 2-х направлениях, - в сторону очищения народной совести и по пути Развития церковной общественности. В обстановке современной жизни Русской Православной Церкви мы черпаем также и указания на построение взаимоотношений ее с государством в будущем: разгромив Церковь и ограбив ее имущество, большевики натолкнулись на ее несокрушимый, могучий дух, который создан лишь тогда,
--	--	--

			когда Церковь освободилась от расслабившей ее правительственной опеки, когда получила каноническое устройство в своём управлении, когда возглавила Патриархом вверху и объединила живые силы в низах церковной жизни - в приходах. История заповедала нам союз Церкви с государством; и хочется верить, что, когда Государство Русское вновь восстанет из груды безобразных развалин, - оно увидит Церковь в сердцах всего русского народа, увидит своих граждан объединёнными в могучий союз «Братства во Христе», тесно сомкнутый во имя воскресения народного духа. Этот союз во Христе, как думал Достоевский, спасёт Россию и, конечно, грядущему Русскому государству, обеспечена жизнь и процветание именно в прочной связи и этой сплоченной русской душой и сердцем вокруг имени Божия. Думается, что в нужный момент Русская Церковь свободно скажет своё подлинное, веское слово по делу государственного устройства; и это слово властно, как благовест в Пасхальную ночь, отзовётся в сердцах русских людей и поведёт их за собой в светлое будущее новой Свободной России... Вывод. Восстановление разрушенного Русского государства возможно только в тесном историческом союзе его с Православной Церковью, устроенной на канонических началах, с Патриархом во главе и организованными приходами, причём в своей внутренней жизни Церковь должна быть свободна и независима от Государства. Прага 12-4 (месяц)/22-23 г.
50	ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 11.	Рукопись фон Рауха Г.О. «Первая зима большевизма в Петрограде». 156 л.	Л.24. <О создании Треповского кружка в Петрограде, который хотел поднять мятеж против большевиков> Вскоре после этого стала наклеиваться весьма подходящий для нас мотив для провокации, а именно - действия большевиков против Александро-Невской лавры. Это был первый антирелигиозный акт и на этом можно было бы хорошо сыграть и именно в смысле провокационного мотива для поднятия наших солдат, ибо возбуждало всеобщее возмущение.
51	ГА РФ. Ф. Р6400. Оп.	П.С. Бобровский «Из Крыма в	Л.76 <Работал в учреждении, окна которого выходили на красную площадь, это 1918 год.>

	1. Д. 8а.	Москву и обратно». (Воспоминания о 1918 г.). Машинопись. 77 л.	Обыкновенно внимание наше привлекала Иверская с большой толпой молящихся перед ней. <...> Однажды, в один из дней Страстной недели, насколько помню в среду, я вышел на балкон и был удивлён зрелищем огромного числа трамвайных вагонов, стоявших неподвижно в проезде у Исторического бульвара дальше вдоль Александровского сада. Со всех сторон в проезде и в Воскресенские ворота шли оживленные группы людей. Заинтересовавшись, что там происходит, я сейчас же вышел на улицу и пошёл на Красную площадь. Все начало ее по левую сторону Исторического музея было занято плотной толпой, стоявшей с непокрытыми головами. Толпа была возбуждена, всюду говорили о каком-то чуде. Потолкавшись, я пробрался к Варваринским воротам. Тут толпа была особенно плотная и была особенно возбуждена. Она-то и не пропускала трамваи. Я не сразу понял, в чем было дело. Ясно было только, что речь идёт о каком-то чуде, происшедшем у Варваринских ворот, и что ждут духовенство, чтобы служить молебен. Наконец какой-то студент объяснил мне происходившее. На Варваринских воротах, как и на других в Кремле, висела икона, пострадавшая от выстрелов в октябрьские дни. За 2-3 дня перед этим праздновалось 1 мая, и Кремлевские стены и башни были украшены огромными знамёнами и полотнищем красной материи, еще не снятыми в тот день. Одно из этих знамён целиком закрывало икону. Так вот, чудо заключалось в том, что это знамя, будто бы само собой разорвалось на мелкие кусочки, попадавшие вниз, и икона, освободившись от покрова, стала снова видна. Действительно, когда я подошёл к Варваринским воротам, икона её не была закрыта полотнищем знамени, а наверху торчали веревки от знамени. В толпе из рук в руки передавали небольшие куски полотнища, один из которых побывал и у меня в руках. Это был совсем небольшой кусочек покрытого какой-то краской толстого холста. Обращала на себя его форма - это был довольно правильный продолговатый прямоугольник. Толпа кругом меня гудела. Женщины истово крестились на икону, которая «сама себя освободила от сатанинского покрова» - примерно в таких словах определял произошедшее чудо высокий, тощий, очень древний на вид старик. Какой-то маленький
--	-----------	---	--

			студент с огромной рыжей шевелюрой пытался доказывать старику, что это кем-то подстроено, что чудес не бывает, но старик так зычно закричал на него: «Сгинь, проклятый!», что студент поспешно ретировался и исчез в толпе. Надо сказать, что преобладающее настроение в толпе было явно сочувствующее чуду, и возражать против этой веры в чудо было небезопасно. Обращает внимание то обстоятельство, что нигде в толпе, ни на Красной площади вообще - не было милиции, и толпа была вольна вести себя как ей заблагорассудится. Ждали духовенство, которое вскоре и появилось. Притащили откуда-то помост, поставили у самых кремлевских ворот и молебен начался. (ворота эти, как и большинство кремлевских были закрыты наглухо). Я ушёл в комитет, так как неловко было долго отсутствовать. Через час полтора толпа стала еще больше и молебны шли один за другим, служились беспрерывно. Но власти уже приняли меры - появилась милиция. «Граждане разойдитесь, нужно пропустить трамваи». «Вы вчера праздновали свой праздник (1 мая), не работали магазины и не ходили трамваи, и вы нам не мешайте праздновать свой - отвечали из толпы». Поехали трамваи, а рядом с вереницей вагонов раздавались возгласы и пение православного богослужения. <Автор отмечает отношение толпы к власти - враждебное, но терпящее ее, как чужую власть>.
52	ГА РФ. Ф. Р6421. Оп. 1. Д. 3.	Гольдовская Р.М. Дневник за март 1917 г. 118 л.	Л. 5. 6 марта. О войне не говорят, о ней точно забыли... Все увлечены волшебным превращением рабской «Пошехонии» в свободнейшую на земном шаре страну. В церквях больше не возглашают долголетия «благочестивейшему»... и «всему царствующему дому»... Поставщики сбивают гербы со своих лавок. Мрачный М[иша] на это возразил: — Подождите! Революции, начинающиеся бескровно, обыкновенно оказываются самыми кровавыми... <...> Л.6. 14 апреля (1 апреля). Суббота. Завтра Пасха. Первое Светлое Воскресенье свободной России... Когда и как всё «образуется» — ни один мудрец не скажет. Одно несомненно: совершилось нечто до того великое, мифическое, что оно исключает всякий поворот к прошлому. Может быть, нам придется

			пережить весь ужас террора и все мы, сегодняшние «граждане» [нрзб-] окажемся des «<i>si-devant</i>» [прежними, бывшими (фр.)], будем голодать и прятаться от новых сыщиков пуще чем от старых. И все же «старое в землю зарыто» — а за это можно и претерпеть... ...Целый день народ. Устаешь слушать рассказы, читать газеты. Вся жизнь сейчас — фантастический синематограф... Как гудят колокола! Как-то особенно торжественно... Вся Москва у заутрени... Наши все ушли. Дома только я да Юлия Ивановна — наша старая латышка». Л.7. «15 апреля (2 апреля). Воскресенье. ...Совсем тепло, — [нрзб-] а солнца нет. Первая Пасха свободной России... [нрзб-] С утра льется «малиновый» звон кремлевских колоколов. Кому только они на своем долгом веку не звонили, кого не отпевали, кого не венчали! Так хочется уловить в этих [нрзб-] с детства родных переливах — новые звуки... Так хочется верить, радоваться, а на душе печаль и трепет перед Неизвестным. ...Был Борис О. В 1905 г. он был пылкий студент-«кадет», живой, остроумный, член [нрзб-] гонимого полицией студенческого «центрального органа». После университета он скоро выделился из алчущего «практики» легиона помощников присяжных поверенных — и занял видное место в [нрзб-] рядах уголовных и политических защитников. Теперь он — восходящая политическая звезда, высмеивает меньшевиков и большевиков на всех митингах, он уверяет, что никакой поножовщины у нас не будет, ну погромят немножко, кое-где пограбят, но что русский мужичок слишком умен и «марксисты» его не обойдут, [нрзб-] скорее, «ён» сам любого марксиста надует. Что Было бы разумеется лучше, говорит он если б рабочие теперь не «лодырничали», а солдаты не удирали с фронта, но все это «с похмелья» — и скоро войдет в берега. Так приятно было среди всеобщей растерянности [нрзб-] услышать [нрзб-] наконец бодрую, самоуверенную речь. Борис О. рассказывал много пикантных анекдотов из текущей действительности. Так, Совет рабочих депутатов не понравился был крайне «шокирован» посланной в армию формой присяги Временному Правительству. [нрзб-] Совершенно неуместными находили слова: «Именем Бога»... — Зачем Бог?.. Это старый «пережиток», которым «буржуи» пугали
--	--	--	--

			народ... Нам не нужен ни Бог, ни поп, ни царь... И вот, Совет [нрзб.] послал в армию свою «формулу» — [нрзб.] перл блестящего пера тов[арища] Нахамкеса (Стеклов тоже). Поставил об этом в известность Совершив сей политический «акт» — довел о нем до сведения кн[язя] Львова — через того же Нахамкеса. Львов сказал, что он уже об этом извещен. — Каким образом, изумился тов[арищ] Нахамкес-Стеклов. — Да с телеграфа прислали проверить, можно ли посылать эту бумажку, спокойно ответил Львов. [нрзб.] Борис О. передавал этот диалог между премьером и Нахамкесом с особенным вкусом, как доказательство, что «Совет» никакого серьезного значения [нрзб.] не имеет. Но... меня это не убеждает. Зато другой его рассказ о раздавшемся из Тверской тюрьмы поэтическом крике какого-то уголовного мне очень понравился: «Не верю я тому народу И не шлю ему привет, Который политическим дал свободу, А уголовным — нет!...»
53	ГА РФ. Ф. Р6546. Оп. 1. Д. 5	Стремоухов П.П. Всё в прошлом. Воспоминания. Т 4. Революция 1917-1935 гг. Машинопись. 1935. 234 л.	<Описание митр. Питрима, о его обнищании после революции. О семейной реликвии, образах, и отказе свящ. принять их на хранение в храм. О религиозных чувствах помощника коменданта чрезвычайки, о несовместимости с его совестью похода на первомай>. <Год написания 1935, к этому моменту автор уже 13 лет за рубежом. Придворный. Информация об императоре и императрице>. Л. 31. Многие столетия Государство и Православная Церковь были одни и тем же, стремясь к одной и той же цели - величию Русского народа. Но и в церковь нашу ворвалась государственная апатия: нельзя считать единственным способом поддержания монархического принципа многочисленные ектении, произносимые во время Богослужения; можно было найти и другие приемы воздействия на народную душу. Так или иначе Церковь перестала быть деятельным фактором государственности старого строя. <...> Прошу обратить внимание на то, что лозунгом предреволюционных эпох всегда бывает Отделение Церкви от государства, т.к. те, кто делают революцию, понимают, что в их целях во что бы то ни стало оторвать их друг от друга,

			ведь это тоже, что вынуть душу из тела. Л. 59. Под игом большевиков. Март 1918-1919 г. На Пасху мы были у заутрени в подворье местного монастыря на Романовской, впрочем, переименованной в «Проспект Свободы» улице. Утреню и обедню служил митрополит Питирим [бывший Петроградский], живший в подворьи. На следующий день Боярский уговорил меня пойти к митрополиту с визитом. Преодолев свою л. 60 антипатию, я пошёл к Питириму. Надо сказать правду, он влачил жалкое существование. Комнатушка у него была не более квадратной сажени. Служка при нем был нахальный и грубый и более шпионил за митрополитом, чем ему прислуживал. Денег у Питирима не было совершенно, и он пил чай без сахара и ел белый хлеб лишь тогда, когда таковой ему приносили. Невольно вспоминались митрополичьи палаты в Александрово-Невской Лавре и последнее торжественное богослужение, на котором я присутствовал в Казанском соборе, когда Питирим служил, окружённый сонмом иерархов и перед ним возносили бриллиантовый крест, отличие, редко выпадавшее на долю самых заслуженных митрополитов. Теперь, когда сидел передо мной этот жалкий старик, ничего не понимавший во всем том, что совершалось кругом него, совершенно непонятно было, за что его, в своё время, могли превознести так высоко. Л. 70. Человек я верующий, но, грешным делом, мало соблюдал церковные обряды. Не знаю почему, но меня вдруг потянуло погореть в совершенно необычное время (август). Я предупредил об этом жену, и это ее очень взволновало, т.к. она заподозрила меня в каком-то предчувствии. Ранним утром я пошёл в церковь, исповедовался и уже подходил к св. Причастию. Кажется, я стоял по очереди пятым. Инстинктивно оборачиваюсь и вижу стоит наша старушка няня, бледная, как полотно. Я подошёл к ней и спросил в чем дело. Она объяснила мне, что ее прислала жена, предупредить меня, что у нас обыск, что бы я не возвращался домой, а ожидал результата в указанном месте. Выслушав няню, я подошёл ко св. Причастию в полной уверенности, что в такой момент дома не может произойти ничего страшного. Так оно и оказалось. Обыск произведён был самый поверхностный; у нас ничего не нашли, ничего не взяли и указанием жены, что я уехал во Владикавказ, удовлетворились.
--	--	--	--

			Дня через три, ночью, полковник Лихтанский сообщил нам, что у Степанова опять обыск. Я вновь успел кое-что уничтожить. Вскоре к нам вошли три красных солдата со старшим во главе и все у нас обшарили, забрав много сапог, белья и платья. На шкафу у нас стоял чемодан с десятком ценных образов. - Что у вас там? Спросил молодой красноармеец. Жена ответила, что образа. Красноармеец влез на стул и начал рыться в чемодане. Тогда старший, степенный немолодой уже мужик, сказал: «Брось, я сам посмотрю». Он тоже полез на шкаф, удостоверился, что в чемодане действительно только образа, хоть и в ценных золоченых окладах, и приказал своим спутникам чемодана не трогать. Были, значит, и между красноармейцами порядочные люди. <...> По поводу моих образов не могу не отметить одного эпизода. Я говорил выше, что образа мои были небольшой фамильные, старинные, но и ценные. Мне было бы весьма прискорбно, если бы их отобрали, что было весьма возможно ввиду ценности окладов. Поэтому я пошёл к соборному протоиерею и просил его принять их л. 71 в церковь с тем, что, если я останусь жив и вернусь лучшие времена, то я их возьму обратно, внося известный вклад в церковь, если же нет, то они останутся ее достоянием. И что же? Настоятель ответил мне, что без попечительного комитета он сделать ничего не может. С другой стороны, мне надо было припрятать мой послужной список, некоторые фотографии и ордена. У меня был приятель, некий ротмистр Литвин, живший рядом с нами. Он был католик. Литвин взялся припрятать мои вещи при посредстве сакристина католического костела. В этом костеле было несколько фигур святых, сделанных из гипса, во весь полых внутри. И вот сакристин спрятал мои вещи в брюхе одной из этих статуй. При приходе добровольческой армии вещи были мне возвращены в полной сохранности. Предоставляю читателям делать выводы. Л. 81. Я говорил выше о помощнике коменданта чрезвычайки Х., который проявил столько благожелательности относительно меня и моей жены. Поэтому мы задумали как-нибудь его вознаградить. Дать ему деньги мы не решились, т.к. опасались его обидеть. В виду сего, мы решили подарить ему довольно ценный золотой крест в том расчете, что если он человек
--	--	--	--

			религиозный, то этот подарок будет ему дорог морально, а если нет, то он оценит его по стоимости металла; форма же подарка, во всяком случае, исключала всякую возможность обиды. Сообразив, где можно встретить Х., я его в сумерки подкараулил. Остановив Х., я сказал ему: - Послушайте, Х., вы мне сделали много добра, а потому жена моя прислала вам маленький подарок. Лицо Х. Сделалось суровым, и он вымолвил: - Никаких подарков мне не нужно. Я так поступил, потому что хотел так поступить! - Не сердитесь; вы всегда называли мою жену «мать», и вот она, как мать, посылает вам за ваше доброе дело в благословение золотой крестик. Теперь нам было плохо; может быть и вам будет когда-нибудь тяжело, и тогда материнское благословение вас спасёт. По суровому бритому лицу большевика протекла слеза. - Коли так, отец, сказал он, благослови меня! Я его перекрести и надел на него крест. И что же? Помощник коменданта чрезвычайки поцеловал мою благословляющую руку. Л. 83. Хотя и еврей по происхождению, Липец проявлял себя ярким православным и оказывал нам, буржуям, нередко большие услуги. <...> Чтобы обратить меня в пролетария, он зачислил меня фиктивно к себе в конторщики и записал меня в профессиональный союз. Последнее давало мне много гарантий от неприятностей, но имело и свою обратную сторону. Прошло две недели, как по поводу какого то революционного праздника появился декрет, что все профессиональные союзы должны принять участие в торжественной манифестации с красными флагами, революционными песнями и т.п., причём, по обыкновению, декрет заключался угрозой революционным судом лицам, уклонившимся от его исполнения. Как бы ни были опасны для меня эти угрозы, я не мог заставить себя встать под красные знамёна и, чего бы мне это ни стоило, решил от демонстрации уклониться. И не быть бы моему счастью, если бы чужое несчастье мне не помогло. Как раз в это время у Липца умер его старший приказчик. Липец устроил похороны в самый день манифестации и испросил у совдепа разрешение своим служащим в ней не участвовать, чтобы иметь возможность отдать
--	--	--	---

			последний долг своему товарищу-пролетарию. Я горячо помолился о душе усопшего раба Божия Ивана, избавившего меня от большой опасности, но решил искать других путей для уклонения от участия в революционных торжествах. <Описание перемен, произошедших в положении и самосознании женщин, в их круге обязанностей и внешнем виде>.
54	ГА РФ. Ф. Р6559. Оп. 1. Д. 1 б.	Дневник генерала Замбржицкого В.А. и копии документальных материалов Донской армии. 1918 г. 203 л.	<Пример помощи от духовенства людям> Л.3. Попробую написать отцу Александру Чуеву. Он принял в нас такое сердечное участие, что я верю он поможет. Да и его Меланья Семёновна такая прелесть старушка <по поводу помощи в вывозе семьи из большевистской территории> Л. 73. <Приводит прошения заштатного священника Николая Тихонова пойти в войска на любую работу, хочет послужить делу освобождения от большевиков Дона, он вдов, дочь вдовица - муж погиб на Минском фронте в борьбе с немцами>.
55	ГА РФ. Ф. Р6559. Оп. 1. Д. 1 б.	Дневник Ильина И.С. за 1935 г. с прилож. газетных вырезок. Ч 2. Рукопись.	<Газетные вырезки. Осуждение безбожной власти большевизма>. Вырезки касаются событий в азиатской Части мира, Ниппон, Харбин. В т.ч. О праздновании Рождества в Ниппоне эмигрантами. Л. 111. Газетная вырезка. ХАРБИН, 5 Января 1936 г. Здесь и там. ПРИБЛИЖАЮТСЯ ДНИ ОДНОГО ИЗ САМЫХ БОЛЬШИХ ПРАЗДНИКОВ У РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ - РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА. <...> Более того, по примеру прошлых лет мы знаем, что везде, в каждом доме и у каждого Русского человека будет на душе подлинная радость отдыха и праздника. Тот, кто одинок и беден найдёт в каждом другом доме и радушный приём, и обильный стол, и праздничное веселье, и дружеское собеседование. <...> НЕ ТО ТАМ!.. Миллионы Русских людей в эти дни не имеют права даже вспомнить о празднике, даже шопотом произнести имя Иисуса Христа и в жалких лохмотьях, в сырых и холодных

			уплотнённых квартирах голодные и обиженные, страдавшие и униженные будут только со слезами вспоминать золотые дни Императорской России. ВОТ, ЧТО ПРИНЁС С СОБОЙ КОММУНИЗМ. ВОТ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБЕЩАННОЙ ИМ СВОБОДЫ!
56	ГА РФ. Ф. Р6599 Оп.1 Д. 4.	Дневник Ильина И.С. за 1920-1926 гг. Копия. Машинопись. 261 л.	Опубликованы: Ильин И.С. Скитания русского офицера: Дневник Иосифа Ильина. 1914-1920 / Иосиф Ильин; [подгот. текста, вступ. ст. В.П. Жобер, примеч. В.П. Жобер и К.В. Чашина, разработка карт-схем Т.В. Русиной]. — М.: Книжница: Русский путь, 2016. — 480 с.: ил. С. 199. 1 апреля. Врангелевка. Итак, Пасха [19] 17 года. Пойдем опять к заутрене, пропоют «Христос воскрес». Весна в полном разгаре, тепло, даже жарко на солнце. Этот праздник — праздник весны, и потому-то он так хорош и светел. С. 200. 5 апреля. Врангелевка. Хорошо, тепло, солнечно, все начинает распускаться. Но праздник не в праздник. Чувствуется, что что-то не то. Появилась масса самых омерзительных журналов с карикатурами, подчас неприличными, на Царя и Государыню. Николая иначе как «кровавым» не зовут — вот и свобода печати, нечего сказать! 4 октября. Проскуров (Разговор с каким-то полковником) С. 231-232. — Ну и что же, полковник, делать, как же быть?! Неужели все пропало?! — Отчего пропало! Для нас с вами, конечно. Надо складывать чемоданы и удирать, куда глаза глядят. Вот слышали, пятая армия вся идет и по дороге громит винные склады, церкви, убивает и бесчинствует. Пойдут все так! Будьте покойны, русская религиозность — анекдот, выдумка наших интеллигентов да мягкотелых сентименталистов — никогда русский не был религиозным; загаживают алтари, иконы, громят церкви. Наша истинная религиозность выращивалась в скитах, да у отшельников — это статья другая, в широкой же массе был казенный поп, который сам не верил ни в черта, ни в кочергу, да официальная церковь... <В том же диалоге краткий анализ «Бесов» Достоевского>. С. 244. 26 декабря. Врангелевка Младший Зарембо рассказывал, как солдаты громили церкви, как в одной нарочно нагадили в

			алтаре, разбивали винные склады. 23 января. Самайкино (1918) С. 254. Амбразанцевым хуже: их выселили, все отобрали, а усадьбу, церковь и больницу сожгли. 5 сентября. Омск С. 393. Был на докладе Д[митрия] Васильевича] Болдырева относительно истории русского религиозного движения и православия. Он доказывал, что вся русская культура, как и государственность, группировалась около церкви и что в критические минуты жизни России всегда выступала на сцену церковь, которая и выводила страну из тупика несчастий и бедствий. С. 394. 21 сентября. За Новониколаевском около станции Тайга Итак, еду в Иркутск. Я хочу верить, что мне удастся хорошо и честно выполнить возложенную на меня задачу, тем более что я вполне искренно верю в то, что возрождение придет через религию, через истинное понимание Бога и церкви. С. 399 11 октября. Иркутск (1919) Утром было совещание в покоях епископа Зосимы, на котором я выступил по вопросу о добровольческих формированиях, прося духовенство оказать мне содействие и заявив, что все или очень многое, во всяком случае, зависит именно от духовенства, которое должно взять на себя почин в развитии религиозного движения, — мы же можем быть лишь техническими исполнителями. С. 399-400. Смертники все в нижних камерах. Мы подходим к первой. Надзиратель открывает «волчок», оттуда выглядывают два глаза. — Исповедоваться будешь? — Буду, — отвечают два глаза. Надзиратель звякает ключами, камера открывается, и туда входит батюшка. Мне становится жутко. Я не могу никак представить себе, что вот эти глаза, которые только что смотрели в «волчок», уже глаза обреченные, по существу, уже не живые, ибо через полчаса их не станет!.. Из камеры неслось заглушённое бормотание. Батюшка вышел. Подошли к следующей двери. Опять надзиратель открывает «волчок». — Исповедоваться будешь? — наклоняется батюшка. В отверстие глядят злые красивые черные глаза: — Пошел ты к ...! — несется отборная площадная ругань. — Поп проклятый, сволочь!.. Батюшка отходит. — Малиновский, самый что ни на есть каторжный, — говорит надзиратель. Останавливаемся у
--	--	--	--

			третьего «волчка». Опять тот же вопрос. Глаза смотрят растерянно, и плаксивый голос говорит: — Буду, батюшка, буду! Опять жуткая тишина и бормотание из камеры. Наконец исповедь кончена, всех троих выпускают, и они выстраиваются, каждый перед своей камерой. С. 405. 16 октября. Иркутск, «Итальянское подворье» Вчера объезжал местных коммерсантов, общественных деятелей и всем объяснял свою миссию, подчеркивая, что никаких узкорелигиозных целей движение не преследует, что никакой нетерпимости быть не может и не должно быть, что каждая национальность вправе выступать в защиту своей церкви и своей религии. <...> Сегодня было по моей просьбе в Харлампиевской церкви общее собрание членов союза приходов под председательством протоиерея М[ихаила] Александровича] Фивейского. На повестке дня поставили два вопроса: о формировании добровольческих дружин Святого Креста и о питательных пунктах для больных воинов. Я выступил первым и изложил собранию все, что касается положения о дружинах Святого Креста, указав, что духовенство может в этом сыграть решающую роль. С. 407. 19 октября. Иркутск День прошел отлично. Я даже не ожидал, что так все будет хорошо и удачно. Сначала в церквях и монастыре шли службы, после которых произносились проповеди. Перед церквями стояли столы, у которых производилась запись добровольцев. Затем начался крестный ход по городу, с хоругвями, во главе со всем духовенством
57	ГА РФ. Ф. Р6611. Оп. 1. Д. 1.	Челищев В.Н. На службе суду и общественности (факты и размышления). Воспоминания, охватывающие 1896-1920. 1930 г. 456 л.	Л. 294. Я забыл сказать, что после заключенного с большевиками-победителями мира побежденные с честью хоронили павших в боях юношей. Похороны были торжественными. Храм Большого Вознесения был переполнен. Гроба утопали в цветах. Похоронный кортеж сопровождался огромной толпой паствы. Большевики не чинили никаких препятствий, их просто напросто не было нигде видно. Мы, сопровождавшие, вовсе не имели вида побежденных, ибо впереди было Учредительное собрание <...>.

			Л. 311. Религиозные настроения. Чудо. Крестный ход к Никольским воротам. <Описанные события относятся к 1918 г. > Происшедшая катастрофа повысила во мне, как и во всех религиозные настроения. Посещая сой приходский храм в М. Николо-(Михайловском округе – неразб.), невольно вглядывался в богомольцев и видел, что состав их значительно увеличился и значительно качественно изменился. Церковь тогда была всегда полна, а так называемого (слово неразб.) народа в ней почти не было. Теперь толкались новые кадры униженных и оскорбленных, и они потянулись к Богу за помощью и защитой. Все храмы были переполнены, только в Кремле в Успенском соборе, где служил патриарх Тихон, было сравнительно пусто, ибо надо было получать особые пропуски, а это было и хлопотливо, и не всем доступно. Я бывал там несколько раз благодаря любезности старосты Успенского собора, приславшего мне пропуски. Патриарх Тихон служил великолепно, торжественно, но без актерства, а вся его фигура, его благообразное лицо и одеяние, его добрые, бесконечно глубокие глаза, приковывали к себе молящихся, впитывавших в свои души всякое слово его молитвы. Уходя, бывало, после окончания службы успокоенным, освеженным и не страшны были большевистские козни. Как-то, в конце апреля или в начале мая – хорошо не помню, я проходил Красной площадью и был удивлен, увидев толпу народа, собравшихся у Никольских ворот. Толпа росла и топталась на одном месте; все были без шапок и шляп, многие крестились и все смотрели на образ Николая Чудотворца над серединой арки Никольских ворот. Это старинная икона. Она уцелела в 1812 году, когда разрушилась арка ворот, или (слово неразб.) часть арки. Большевики затянули икону красной тряпкой, как сделали это со всеми другими иконами на воротах Кремля. И вот очевидцы рассказывали, как случайно проходя мимо и обернувшись, чтобы перекреститься на эту икону, они увидели, что красная тряпка рвется и кусками спадает с иконы, пока наконец не открылась вся икона. Это чудо передавалось из уст в уста и на потрясенные нервы действовало чрезвычайно сильно: слышался плач, истерические вопли женщин. Я близко подошел к воротам и могу удостоверить: сверху иконы оставались куски-лоскуты материи и следовательно (два слова не
--	--	--	---

			читаются), что порывом Л. 313 ветра могло сорвать красный занавесу, и унести ее прочь. Я же своему религиозному опыту признаю чудо, я наблюдал и пережил в себе живые события, которые по истине носили в себе печать чудесного и сверхъестественного и потому легко и с радостью отдавался настроению толпы. Домой я пришел взволнованный, а ум весь день думал о свершившемся чуде, знала его вскоре вся Москва. Патриарх Тихон по этому поводу сделал распоряжение, чтобы после всенощной под великий Николин день священники предложили прихожанам общую исповедь, причастили исповедавшихся за обедней в самый Николин день, а затем крестным ходом шли бы от всех церквей на Красную площадь, где перед иконой св. Николая Чудотворца, он, патриарх, отслужил молебствие. Кажется заутреня пасхальная не собирала такое количество народа, какое собралось в храмах под Николин день. Все были в (слово неразб.) и торжественно-молитвенном настроении, которое достигло высшего подъема, когда после всенощной священник вышел на амвон и предложил желающим исповедоваться опуститься на колени и мысленно каяться в грехах. Опустились на колени все без исключения, водворилась гробовая тишина, а, когда священник стал тихо говорить: - Кайтесь перед Господом, вспоминайте грехи свои, открывайте душу вашу, надейтесь и верьте в милосердие Создателя и т.д. – вздохи, глубокие, всхлипывания потом плач прервали благоговейную тишину. Как сильна была волна религиозного подъема, этого рассказать нельзя, это надо пережить и перечувствовать тому, кому доступны такого рода эмоции. Этот подъем не ослабевал и на другой день, он, может быть, еще возрос во время причастия и (слово неразб.) во время крестного хода. Вся Красная площадь полна была сошедшимися на неё крестными ходами, блестели на солнце хоругви и кресты, а от Казанского собора двигался патриарх с епископами под сенью Корсунских святынь. Л. 314. Москва звонила всеми колоколами своих сорока сороков а, когда Патриарх приблизился к Никольским воротам, замолк колокол на Казанском соборе и за ним замолкли остальные. Началось молебствие при гробовой тишине многотысячной толпы. Возвращаясь с крестным ходом к своей церкви,
--	--	--	---

			я ощущал сознание какой-то громадной силы, под обаянием которой был сам и были участники крестного хода. Я хотел установить для себя характер этой силы и мне стал ясен после того, как я приметил фигуры красноармейцев, сновавших плечо о плечо на кремлевской стене, щетинившейся штыками винтовок. Вот этих винтовок и штыков, смерти, которую они могли причинить, толпа не боялась, ибо готова была умереть, приготовилась к смерти. В этом и только в этом была та громадная сила, в способности претерпеть до конца.
58	ГА РФ. Ф. Р6768. Оп. 1. Д. 2.	Акацатов М.Е. Воспоминания «маленького человека». Рукопись. 27 л.	Л. 2. И так февраль стал страшным судом над моей несчастной родиной. Л.3. Мой отец, узнав об отречении царя заплакал. <на возражения ответил> Эх глупенький, ведь больно видеть поруганные идеалы, я уже старик, но ты еще увидишь, как наша любимая Родина мчится под откос. Л. 16. Мы стали расспрашивать отца, оказывается брат просил отца благословить его, говоря, что его могут расстрелять, и он так и умрет без благословения.
59	ГА РФ. Ф. Р9431. Оп. 1. Д. 41.	Дневник белогвардейца шталмейстера Бурукова. Подлинник. 1918-1919. 238 л.	<Рукопись. Начат 27 Декабря 1918 г. Ростов. Формат дневника. Пишет о перевороте Колчака. Очищение Сибири от большевиков японцами>. Л.17. 1919 год 1 Января. Предавшись воспоминаниям старого доброго времени! Говорили о выходах в зимнем дворце под Новый год и путешествии Государя в 1913 г. на Волгу и о красотах наших храмах, Ростова-Великого, Суздаля, Переяславль Залесского, Ярославля из коих многие разрушены, обезображены большевиками. Л.17. Вчера были с А.Л. Казем-Беком в старом соборе, служили новогодний молебен. Старый относительно, конечно, собор очень хорош и красивый новогодний молебен доставил мне радость и грусть. Л.49. Как все-таки странно: всегда проповедь монархическая, за восстановление или установления монархического строя идёт от духовенства. Духовенство и у нас сыграет еще свою роль, и мы увидим его впереди монархических рядов.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Информация о Церкви в дневниках А.А. фон Лампе

Шифр	Аннотация	Темы вырезок
P5853 1 1	Дневник, книга № 24 (29). С 1 июля (ст. ст.) по 19 сентября 1919 г. и с 3 октября 1919 г. по 18 февраля (н. ст.) 1920 г. Царицын-Новороссийск-Ростов-на-Дону-Харьков-Ростов-н/Д-Таганрог-Новороссийск-Ростов-н/Д-Харьков-Киев-Белая Церковь-Голта-Одесса-Константинополь. Записи в дневнике с приложением писем и газетных вырезок о положении белой армии, о ходе военных действий, о рейде К.К. Мамонтова, о разложении Добровольческой армии, о В.В. Шульгине и работе в «Киевлянине» и «Родине», о назначении гр. Игнатьевым А.А. фон Лампе представителем в Комитет народной обороны и охраны Херсонской губернии и г. Одессы в январе 1920 г., о назначении и поездке в Константинополь в распоряжение представителя вооруженными силами Юга России ген.-лейтенанта В.П. Агапеева. Политические сводки отдела пропаганды Особого совещания при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России с 2 октября по 6 ноября, доклады, рапорты и газетные вырезки по вопросам: Добрармия, Дон, Кавказ, адмирал А.В. Колчак и Сибирь, армия Н.Н. Юденича и Сев.-Западный край, Север России, монархия, русские социалисты, еврейский вопрос, «Совдепия», Польша, «Союзники», отдельные государства. Доклад начальника разведывательного отделения Управления генерал-	1. Епископ Митрофан (о репрессиях по отношению к духовенству) 2. Л.329. Английский журнал о расстреле большевиками духовенства

	квартирмейстера штаба войск Киевской области о положении на внутреннем фронте Киевской области и повстанческом движении. Интервью о событиях в Сибири. Перечень приложений к тетради. ㉔	
P5853 1 2	Дневник, книга № 25 (30). С 19 февраля по 14 июля 1920 г. Константинополь. Записи в дневнике о жизни эмигрантов на островах Халка и Лемнос, о ходе военных действий в Крыму, о назначении А.А. фон Лампе в Германию и отъезде из Константинополя, личного характера и по другим вопросам. Приказы представителя Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России при союзном командовании в Константинополе 28 апреля – 13 (26) июня 1920 г. Сведения о состоянии органов б. ОСВАГА на Балканах Информационные сводки политической части Штаба Главнокомандующего.	1. Ген. Врангель у епископа Вениамина 2. Отъезд епископа Вениамина 3. Духовная делегация
P5853 1 3	Дневник, книга № 26 (31). С 15 июля (н. ст.) по 16 сентября 1920 г. Константинополь-Берлин. Путевые впечатления по дороге из Константинополя в Берлин, записи о встречах с отдельными эмигрантами – А.И. Гучковым, П.Н. Красновым и другими, о деятельности Б.В. Савинкова в Польше, о военных действиях врангелевской армии в Крыму, о материальном положении эмигрантов, личного характера и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, П.Н. Шатиловым, А.И. Гучковым и другими об отъезде в Копенгаген для временного исполнения должности военного агента в Дании, о взаимоотношениях эмигрантов в Германии. Записки А.А. фон Лампе по вопросу об отправке	1. Л.131 статья «Ясные души» (епископа Вениамина о грядущем царе) и отрицательная реакция Лампе на нее

	русских офицеров из Германии в Крым, о положении в Берлине и о русских, проживающих в нем. Инструкция начальнику русской делегации по делам военнопленных и беженцев в Германии. Приказы Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России. Справка о количестве русских эмигрантов, проживающих в лагерях, по состоянию к началу января 1922 года. Обращение Главноуполномоченного Российского общества Красного Креста по Петрограду проф. Б. Цейдлера к комитетам Красного Креста всех стран о помощи Петрограду, протокол заседания технического совещания от 24 января 1920 г. в Выборге (Финляндия) с приложением докладов о санитарном состоянии Петрограда в 1920 году.	
P5853 1 4	Дневник, книга № 27 (32). С 17 сентября по 26 декабря 1920 г. Копенгаген. Записи в дневнике об отъезде из Берлина и прибытии в Копенгаген, личные впечатления от Дании, о приеме дел военного агента в Дании от Потоцкого, о военных действиях и эвакуации белой армии из Крыма в ноябре 1920 г., о размещении частей Русской армии на о. Лемнос и в Сербии и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, В.В. Шульгиным, Е.К. Миллером, А.С. Лукомским и другими. Вырезки из газет. Открытки. Перечень переписки и приложений.	1. Л. 368. Расстрелы в Архангельске 2. Анти - большевистский блок 3. Гонения на Церковь 4. Раскаявшийся епископ 5. Л.468. Осквернение мощей преподобного Сергия 6. Л. 122. Послание Временного высшего церковного управления на юго-востоке России
P5853 1 5	Дневник, книга № 28 (33). С 27 декабря 1920 г. По 7 октября 1921 г. Копенгаген-Будапешт. Записи в дневнике о поездке в Берлин, Белград, Константинополь, Будапешт, о посещении в Берлине П.Н. Краснова, о встречах с чинами врангелевской	1. Л. 62. О поездке в купе с митрополитом Антонием, Лампе характеризует его самого и патриарха с его слов как слабого человека. 2. Л. 63. Митрополит Антоний рассказывает о соборе. 3. Гонения на русскую церковь в

	армии, о материальном положении эмигрантов, о работе в качестве военного представителя при правительстве Венгрии, личного характера и по другим вопросам. Переписка с А.И. Гучковым, П.Н. Красновым, Новицким и другими. Обзор положения в Венгрии. Вырезки из газет по разделам: армия, монархия, социалисты, Дальний Восток, кадеты, голод в России, большевики, отдельные государства, исторические справки.	Польше 4. Л. 233. Крестный ход в Петрограде 5. Коммунизм и религия 6. Воззвание патриарха Тихона 7. Л. 487. Воззвание папы
P5853 1 6	Дневник, книга № 28 (33) и 29 (34). С 12 февраля 1921 г. По 25 апреля 1922 г. Сведения о боевом составе Русской армии к 12 февраля 1921 г., о численном ее составе и состоянии к 20 октября 1921 г. и записка о численности и расположении Русской армии. Информация о Русской армии и флоте на чужбине, о положении русского контингента в Болгарии. Сводки сведений военного представителя в Венгрии, рапорты и переписка с П.Н. Врангелем, с военным агентом в Королевстве Сербии, Хорватии и Словении Потоцким, с П.Н. Шатиловым, П.А. Кусонским и другими о положении эмигрантов в Венгрии, о переброске частей армии из лагерей в Турции и приеме их в Венгрии, о получении виз для въезда и по другим вопросам. Обзоры венгерской прессы и политического положения в стране. Записка о деятельности русских монархистов в Венгрии.	Информации о церкви нет
P5853 1 7	Дневник, книга № 29 (34). С 8 октября 1921 г. по 25 апреля 1922 г. Будапешт. Записи в дневнике о переговорах с немцами по вопросу о ведении борьбы с большевиками, о приеме в Венгрию 1000 эмигрантов	1. Обращение русского заграничного церковного собора всем чадам РПЦ в рассеянии и изгнании. 2. Послание русского заграничного церковного собора.

	(галлиполийцев), о политической ситуации в Венгрии, об отдельных эмигрантах, о назначении на работу в Берлин, личного характера и по другим вопросам. Сводки сведений и рапорты о событиях в Венгрии, о деятельности русских монархистов в Венгрии. Письма к П.Н. Врангелю, П.А. Кусонскому и другим лицам. Вырезки из газет.	
P5853 1 8	Дневник, книга № 30 (35). С 26 апреля по 31 июля 1922 г. Будапешт-Берлин. Записи об отъезде из Будапешта в Берлин, об организации въезда в Венгрию 1000 эмигрантов, о взаимоотношениях среди командного состава врангелевской армии, о материальном положении эмигрантов, об аресте и высылке их из Болгарии, о встречах с П.П. Скоропадским и другими лицами. Переписка с И.А. Хольмсенем, Е.К. Миллером, П.Н. Красновым, В. Иловайским и другими. Сведения о событиях в Венгрии в 1922 г. и о положении в Югославии. Вырезки из газет по разделам: Дальний Восток, Генуэзская конференция, церковь, монархия, специалисты, смена вех, большевики, евреи и др.	1. Л.35 (2801). 12 смертных приговоров 2. Отречение патриарха Тихона. 3. Патриарх Тихон отстранился от управления церковными делами. 4. К отречению патриарха Тихона. 5. Л.36. Привлечение патриарха к суду 6. Дело княжны Гагариной. 7. Л.201 (2989). Протест Барту. Арест патриарха. 8. Девять смертных приговоров. Арест патриарха Тихона. 9. Письмо французского посланника в Венгрии к митрополиту Антонию. 10. Л. 188(3007). Правда о вскрытии мощей преподобного Сергия. 11. Л. 190. Величайший соблазн (об испытаниях церкви в России). 12. Утверждение смертного приговора митрополиту Вениамину. 13. Одиннадцать смертных приговоров. 14. Протест рабочих против 11 смертных приговоров. 15. Письмо кардинала Мерсье. 16. Л. 191 (3009). Изъятие церковных ценностей. 17. Изъятие церковных ценностей из петроградских синагог. 18. Церковный съезд на Украине. 19. Какой ценой Тихон отказался от патриаршества. Дела церковные. 20. Большевики и церковь. 21. Ограбление чудотворной иконы Киево - Печерской Лавры. 22. Патриарх Тихон. 23. Л.192. Начало петербургского процесса. 24. Новое кощунство. 25. Указ высшего русского церковного управления за границей. 26. Л. 193. Красные иерархи.

		27. Живая Церковь. 28. Дела Церкви. Вокруг смертного приговора. 29. Беседа с Калининым. 30. Л. 194. Утверждение 5 смертных приговоров. 31. Расстрел священников. 32. Арест архиепископа Константина. 33. Отстранение митрополита Вениамина. 34. Пятеро осужденных не помилованы. 35. Советский ответ архиепископу Кентерберийскому. 36. Временное церковное управление об эмигрантском духовенстве. 37. Отлучение от Церкви. 38. Ответ Кентерберийского епископа. 39. Л.195. Кто такой проф. Белков. 40. Изъятие церковных ценностей. 41. Прогрессивное Духовенство. 42. Л. 196 Архиепископ Кентерберийский и патриарх Тихон. 43. Ватикан и советское правительство. 44. К делу патриарха Тихона. 45. Л. 197. Церковные процессы. Сложение сана патриарха Тихона. 46. Подобности церковного процесса. 47. Воззвание прогрессивного духовенства. 48. Л. 198. Свидетель Василий Иванович Белавин. 49. К отречению патриарха Тихона. 50. Последние шаги патриарха. 51. Кандидатуры на патриарший престол. 52. Л. 199. К преданию суду патриарха Тихона. 53. Последнее слово подсудимых. 54. Проект упразднения церковной иерархии. 55. Л. 380. Воззвание русских заграничных организаций к народам, правительствам, христианским церквам и всем религиозным общинам.
P5853 1 9	Дневник, книга № 31 (36). С 1 августа по 30 ноября 1922 г. Берлин-Будапешт-Белград-Будапешт-Берлин-Гарц-Берлин-Будапешт. Записи в дневнике по вопросу об организации	1. Л. 780. Поступление церковных ценностей. 2. Епископ без клобука. 3. Процесс рыбинского духовенства. 4. Новый большевистский епископ. 5. Утверждение смертного приговора

русского представительства в Берлине, об отношении к выступлениям в. кн. Кирилла Владимировича, о поездке в Вену, Будапешт, о встречах с эмигрантами – А.Г. Шкуро, Л.Ф. Бичераховым и другими, личного характера и по другим вопросам. Переписка с П.А. Кусонским, А.И. Деникиным, П.Н. Красновым, Б.А. Штейфоном и другими об объединении казачества, о прибытии в Венгрию первой группы галлиполийцев, об образовании в Венгрии Общества галлиполийцев, о столкновениях с русскими монархистами, о положении эмигрантов в Болгарии. Меморандум по вопросу о переброске в Венгрию русских эмигрантов из состава русской армии. Протоколы заседаний совета русского монархического объединения в Венгерском королевстве, рапорт А.А. фон Лампе ген.-лейтенанту Е.К. Миллеру о перемещении в Мюнхен Высшего монархического совета и переписка с председателем Русского монархического объединения. Приказы главнокомандующего Русской армией ген. П.Н. Врангеля и сведения о положении армии в Болгарии и Югославии. Обзоры германской прессы и сводки информации по Германии. Список русских организаций, входивших в Совещание объединенных учреждений и общественных организаций в Германии. №№ журнала «Русская Правда». Вырезки из газет по разделам: русская армия, повстанцы, интеллигенция, репатриация, смена вех, Дальний Восток, монархисты, эсеры, анархисты, большевики, церковь, фашизм, Большая Антанта, отдельные	священников. 6. Процесс хищников церковных ценностей. 7. Приговор по делу хищников церковных ценностей. 8. Английская декларация о Палестине. 9. Л. 781. Архиепископ Антонин о судьбе митрополита Вениамина. 10. Новый стиль в Церкви. 11. Всероссийский съезд живой Церкви. 12. Телеграмма епископа еп. Брента Ленину. 13. Большевики и Церковь. 14. Л. 782. Совецание в Карловцах. 15. Раскаявшийся епископ. 16. Совецание в карловцах. 17. Л. 783. Всероссийский съезд живой Церкви. 18. Воззвание съезда Живой Церкви. 19. Митрополит Вениамин. 20. Л. 784. Подробности убийства митрополита Вениамина. 21. Версия о казни митрополита Вениамина. 22. Л. 785. В защиту русской церкви. 23. Митрополит Вениамин. 24. Успех красной церкви. 25. Смерть митрополита Вениамина. 26. Арест заместителя патриарха. 27. Церковь и большевики. 28. Патриарх Тихон в заключении. 29. Церковь и большевики. 30. Тайные церковные съезды. 31. Женатые епископы. 32. Протесты против ограбления церкви.
---	--

	государства.	
P5853 1 10	Дневник, книга № 32 (37). С 1 декабря 1922 г. по 31 марта 1923 г. Будапешт-Берлин. Записи в дневнике и переписка с А.П. Кутеповым, Е.К. Миллером, П.А. Кусонским, П.Н. Красновым, В.В. Шульгиным и другими о пребывании в Будапеште, об организации Общества галлиполийцев, о встречах с А.Г. Шкуро, П.М. Бермонтом и другими эмигрантами, о поддержке организации А.Г. Шкуро «Союз активной борьбы за родину», о деятельности и взаимоотношениях различных политических групп эмигрантов, о положении галлиполийцев в Будапеште, о материальном положении и по другим вопросам. Протокол совещания старших начальников Русской армии и представителей Сметно-распорядительной комиссии и Финансово-контрольного комитета при Главнокомандующем в г. Белграде от 20 января 1923 г. Информационные сведения о событиях в Болгарии и Германии. Списки русских организаций в Берлине и организаций, входивших в Совет Объединения русских учреждений и общественных организаций в Германии. №№ журнала «Русская Правда» за январь-март. Вырезки из газет по разделам: русская армия, Дальний Восток, студенчество, церковь, монархия, еврейский вопрос, эсеры, смена вех, большевики, фашизм, конференции, отдельные государства.	1. Л. 492. Мощи св. Сергия Радонежского. 2. Л. 493. Красные святки. 3. Л. 531. Закрытие костелов в Петербурге. 4. Папская энциклика. 5. Разрушение церквей. 6. Л. 532. Перст Божий. 7. Современное положение церкви в сов. России. 8. Судьба патриарха Тихона. 9. Суд над Богом. 10. Л. 533. К убийству митрополита Георгия. 11. Великие державы и судьба патриарха Тихона. 12. Л. 534. Воинские почести митрополиту Георгию. 13. Убийство митрополита Георгия. 14. Батумский собор передан комсомолу. 15. Л. 535. Православный собор в Варшаве на сломку. 16. Комиссия Вл. Львова. 17. Разгром грузинской церкви. 18. К убийству митрополита Георгия. 19. Л. 536. Из письма (по поводу суда над одним священником). 20. Пропаганда соединения церквей. 21. Митрополит Шептицкий у Пуанкаре. 22. Смертный приговор. 23. Процесс архиепископа Цепляка.
P5853 1 11	Дневник, книга 33 (38). С 1 апреля по 30 июня 1923 г. Берлин. Записи информационного характера о политической работе различных	1. Л. 81. Покаяние Тихона (реакция Лампе на покаяние патриарха). 2. Освобождение патриарха. 3. Текст заявления Тихона.

групп эмигрантов, о жизни эмигрантов в Берлине, их взаимоотношениях, встречах с отдельными эмигрантами – В.В. Шульгиным, А.И. Гучковым и другими, о поездках в Будапешт и Белград, личного характера и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, П.А. Кусонским и другими лицами. Записки о материальном положении военных миссий (эмигрантских) в Берлине и в Венгрии, информации о положении русских в Мюнхене, о галлиполийцах в Болгарии, об отъезде из Галлиполи последних галлиполийцев. Список организаций, входивших в Объединение русских учреждений и общественных организаций в Германии. Обзоры германской прессы и политического положения страны. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, эмиграция, фашизм, евреи, смена вех, большевики, Англия, убийство Воровского, повстанцы, Балканы, Польша, Германия.	4. Освобождение патриарха Тихона. 5. Л. 348. Сибирское духовенство и патр. Тихон. 6. Дело патриарха Тихона. 7. Реквизиция Троице-Сергиевской лавры. 8. Процесс патриарха Тихона. 9. Интересный документ. 10. От временного архиерейского синода РПЦ за границей. 11. На всероссийском поместном церковном соборе (живоцерковников). 12. Опровержение константинопольского патриарха. 13. К суду над архимандритом Смарагдом. 14. Л. 349. Патриарх Тихон предан. 15. На церковном соборе. 16. Исторический документ о личности Иисуса Христа 17. Л. 350. Церковный собор. 18. Фактические убийцы прелата Буткевича. 19. Подготовка приговора над Тихоном. 20. Церковная группировка. 21. Л.351. Советскому митрополиту Антонину. 22. В защиту патриарха Тихона. 23. Всероссийский церковный собор. 24. Антонин на церковном соборе. 25. К делу патриарха Тихона. 26. Л. 352. Московский епархиальный съезд. 27. Церковный раскол. 28. Судьба заместителя патриарха. 29. Л.353. К процессу патриарха Тихона. 30. Протест против преследования патриарха Тихона в Праге. 31. Митинг протеста против преследования церкви. 32. Л. 354. Подготовка к расправе над патриархом Тихоном. 33. К процессу патриарха Тихона. 34. От временного архиерейского синода РПЦ за границей. 35. Л. 355. К процессу патриарха. 36. Воровский в Лозанне. 37. К лишению сана патриарха Тихона. 38. Предатели. 39. Л. 356. Убийство (прелата Буткевича).
--	---

		40. Достойная отповедь мегаломанам. 41. Казнь Буткевича. 42. Л. 357. Дело архиепископа Цепляка. 43. К судьбе патриарха Тихона. 44. Вокруг дела архиепископа Цепляка. 45. Л. 358. Отголоски дела архиепископа Цепляка. 46. Л. 359. Неуместное напоминание. 47. Перед разгромом Киевопечерской лавр. 48. Заместитель патриарха Тихона при смерти. 49. Поляки угрожают. 50. Сумасшествие В.Н. Львова. 51. Дело католиков. 52. Л. 360. Новая провокация (по поводу дела патриарха). 53. Дела церковные. Послание патриарха. 54. Патриарх Тихон о своем низложении. 55. Мнения зарубежной иерархии. 56. Л. 361. Наглость живоцерковников. 57. Послание патриарха. 58. От московского Священного Синода ПРЦ. 59. Положение патриарха Тихона.
P5853 1 12	Дневник, книга № 34 (39). С 1 июля по 30 сентября 1923 г. Записи в дневнике и переписка с Е.К. Миллером, П.А. Кусонским, Н.Н. Чебышевым, П.Н. Шатиловым и другими о встречах с отдельными эмигрантами, о выступлении конституционных монархистов, о внутреннем состоянии армии, о материальном положении представительств, об объединении эмигрантов вокруг вел. кн. Николая Николаевича, личного характера и по другим вопросам. Сведения о работе монархических организаций за границей, сводка о положении русских в Мюнхене, обзоры германской прессы и политического состояния страны. №№ журнала «Русская Правда» за июль-сентябрь 1923 г. Вырезки из газет по разделам:	1. Л.55. О борьбе патриарха Тихона с обновленцами. 2. Л.492. Обращение кардинала Мерсье. 3. Высший церковный совет против патриарха. 4. Тревога живоцерковников. 5. Письмо Тихона. 6. В коминтерне тоже смущены борьбой РКП против Бога. 7. Отступление на религиозном фронте. 8. Дело Тихона продолжается. 9. Л.493. Вокруг заявления Тихона. 10. Выступление Тихона. 11. После освобождения патриарха Тихона. 12. Богослужение (о службе после освобождения патриарха из заточения). 13. Л.494. После освобождения патриарха Тихона. Церковные обновленцы. 14. Патриарх Тихон и советская власть.

	русская армия, церковь, монархия, убийство Воровского, повстанчество, смена вех, социалисты, еврейство, большевики, конференции, Дальний Восток и Япония, отдельные государства, разные статьи.	15. Поворот во французской политике. 16. Лозанская конференция. 17. Л. 495. Патриарх подвел. 18. Л. 496. Заявление Тихона. 19. ВЦУ о патриархе Тихоне. 20. Патриарх и белое движение. 21. Л.497. Патриарх Тихон. 22. Еще одно раскаяние. 23. Заметки. 24. Праздник Преображения – день отдыха. 25. Л.498. Святейший синод. 26. Мученики Православной Церкви. 27. Обновление икон. 28. Л.499. Компания против Патриарха Тихона. 29. Синод против Тихона. 30. Закрытие Церквей. 31. Компания против Патриарха. 32. Чудесное обновление церквей. 33. Митрополит Антоний об обновлении икон. 34. Советские имена. 35. Аресты старообрядцев. 36. Мученики православной Церкви. 37. Л.592. <Рассуждения А.Ф. фон Лампе о суде и преследовании патриарха Тихона>
P5853 1 13	Дневник, книга № 35 (40). С 1 октября по 31 декабря 1923 г. Берлин-Будапешт. Записи в дневнике об экономическом и политическом положении Германии, о П.Н. Врангеле, о жизни эмигрантов, о работе миссии в Германии, личного характера и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, П.Н. Шатиловым, В.В. Марушевским, Е.К. Миллером и другими. Выписка из протокола заседания Центрального комитета Русского народно-монархического союза от 20 июля 1922 г. о руководстве монархическим движением, политические обзоры Германии, обзоры германской прессы, справка о работе миссии в Германии. Вырезки из газет по	1. Л. 322. Митрополит Антоний об обновлении икон. 2. Усиление православия <после выхода патриарха из тюрьмы>. 3. Л. 323. Религиозный подъем. 4. Налоги с Церквей. 5. Л.380. Послание митрополита Платона пастырям и пасомым (по новому стилю). 6. Защитники православия. 7. Синод и митрополит Антонин. 8. Л. 382. Митрополит Антоний и живая Церковь. 9. Дело архимандрита Смарагда. 10. Новый стиль в православной Церкви. 11. Обращение митрополита Евдокима. 12. Переход в католичество русского архимандрита. 13. Распоряжение святейшего патриарха. 14. Л. 384. Большевики в роли защитников православия.

	разделам: русская армия, церковь, монархия, Дальний Восток, убийство Воровского, казаки, повстанцы, репатриация, интеллигенция, смена вех, отдельные государства, исторические справки. №№ журнала «Русская Правда».	
P5853 1 14	Дневник, книга 36 (41). С 1 января по 31 марта 1924 г. Будапешт-Берлин. Записи в дневнике и переписка с П.Н. Врангелем, П.А. Кусонским, Е.К. Миллером, В.В. Шульгиным и другими о взаимоотношениях эмигрантов, о характере работ военных агентур, об отношениях с Высшим монархическим советом, о Советской России, о пребывании в Париже, о встречах с отдельными эмигрантами, личного характера и по другим вопросам. Протокол общего собрания союза русских офицеров-участников войны от 20 января 1924 г. Обзоры германской прессы и политического положения страны. Рапорт о политическом положении Венгрии. №№ журнала «Русская Правда» за декабрь 1923 г., январь, февраль 1924 г. Вырезки из газет по разделам: армия, монархия, дело Конради, казачество, повстанцы, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, признание Советской России, исторические справки.	ДНЕВНИК ПОВРЕЖДЕН И НЕ ВЫДАЕТСЯ
P5853 1 15	Дневник, книга 37 (42). С 1 апреля по 30 июня 1924 г. Берлин. Записи в дневнике и переписка с П.Н. Врангелем, А.П. Кутеповым, Е.К. Миллером, Н.Н. Чебышевым и другими о взаимоотношениях отдельных эмигрантских политических группировок, о столкновениях с «кириллистами», о	1. Л.379. Пасха в России (о религиозном подъеме несмотря на гонения). 2. Л. 383. Перед очами Бога (о гонениях на церковь и страданиях верующих). 3. Л.393. Разоблачение бывшего члена Красного Синода (архиепископа Николая). 4. Л.502. Одна из причин постоянных

	монархическом движении среди эмигрантов, о встречах с отдельными эмигрантами, о положении офицерских союзов в Германии и Венгрии, личного характера и по другим вопросам. Приказы ген. П.Н. Врангеля и военного представителя Главнокомандующего русской армией при правительстве Венгрии. Копия распоряжения ген. П.Н. Врангеля № 82 от 8 сентября 1923 г. о положении русских эмигрантов и объединении, и руководстве деятельностью всех офицерских союзов и обществ в разных государствах (лл. 7057-7060) и доклад о проведении в жизнь приказа Главнокомандующего в Венгрии и Германии. Заметки о Высшем монархическом совете. Сводки о положении офицерских союзов и жизни офицерства, информации о политическом положении среди русских организаций и событиях в Париже, о политическом положении Венгрии, обзоры германской прессы и политических событий в Германии. №№ журнала «Русская Правда» за апрель-июнь 1924 г. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, Дальний Восток, казачество, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, исторические справки.	расторжения браков. 5. Фокстрот и чудеса (об обновлении икон). 6. Л.503. Русский Православный собор в Америке. 7. Ликвидация «Живой Церкви». 8. Синод против патриарха. 9. Патриарх Тихон и Живая Церковь. 10. Разрушение висбаденского храма. 11. Дело об архиереях беженцах. 12. Л.504. Митрополит Евлогий об архиепископе Николае. 13. Дело архимандрита Смарагда. 14. Послание архиепископа Николая. 15. Л. 505. Ответ Григорию. 16. Расстрел в Петрограде. 17. ГПУ против патриарха. 18. Абортная вакханалия. 19. Вселенский собор.
Р5853 1 16	Дневник, книга № 38 (43). С 1 июля по 30 сентября 1924 г. Берлин-Будапешт. Записи в дневнике и переписка с П.Н. Врангелем, П.А. Кусонским, Н.Н. Чебышевым, А.М. Драгомировым и другими о взаимоотношениях отдельных политических группировок эмигрантов, о поддержке Лиги Обера	1. Л.25. о панихиде по умученному царю. 2. Л. 339. Голос пленной русской церкви <О выступлении епископа Николая после выезда за границу> 3. Л. 350. Христопродавцы <о живоцерковниках> 4. Л. 508. Расправа с родственниками архиепископа Николая. 5. Архиепископ Николай и митрополит Платон.

	(Лига борьбы с III Интернационалом, возглавлявшаяся Обером), об образовании Обще-русского воинского союза, о деятельности эмигрантских военных представительств, о деятельности военного представительства и положении эмигрантов в Венгрии, по вопросам политики Германии и Англии в отношении Советской России, личного характера и по другим вопросам. Приказы военного представителя Главнокомандующего русской армии при королевском правительстве Венгрии. Сведения о положении офицерских союзов и жизни офицерства, информации о деятельности эмигрантских организаций и справка по Высшему монархическому совету и Лиге Обера. Политические обзоры событий в Германии. №№ журнала «Русская Правда» и вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, интернационал Обера, казачество, повстанцы, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, исторические справки.	6. Воззвание заграничного Синода. 7. Л. 509. Дело епископа Николая. 8. Л. 510. Беседа с епископом Николаем. 9. Л. 511. Обращение Красницкого к патр. Тихону <о прощении и принятии в общение>. 10. Кутежи митрополита Евдокима. 11. Патриарх Тихон – единственный глава Российской Православной Церкви. 12. Л. 512. Прощальное письмо епископа Николая <перед отъездом в Аргентину> 13. Л. 515. Заявление прот. Соколовского. 14. Л. 516. К расстрелу кутаисского митрополита Назария. 15. Разоблачение еп. Николая. 16. Предательство протоиерея Соколовского. 17. Л. 516. Епископ Никола Кашинский 18. Л. 528. Послание епископа Николая в Москву с обличением живоцерковников и гонений на святую Церковь.
P5853 1 18	Дневник, книга № 39 (44). С 1 октября по 31 декабря 1924 г. Будапешт-Берлин. Записи в дневнике об отъезде из Будапешта в Берлин, о приеме А.А. фон Лампе у Хорти, сведения об отдельных эмигрантах, о пребывании П.Н. Врангеля в Париже и Берлине, личного характера и по другим вопросам. Переписка с Е.К. Миллером, П.А. Кусонским, Н.Н. Чебышевым, П.Н. Шатиловым и другими. Справка о Семенове и Магомаеве. Сводка о жизни союзов во II отделе РОВС к 1 декабря 1924 г. (Германия и Венгрия), политический	1. Л. 443. От вр. исп. об. Председателя Архиерейского синода русской церкви за границей <по вопросу отстранения патриарха от власти>. 2. Послание митрополита Антония к Русской армии от имени Архиерейского Собора РПЦ за границей. 3. Л. 444. Красный иерарх <(по поводу деяний епископа Николая Кашинского)>. 4. Л. 445. Провокация церковного раскола <про живоцерковников>. 5. Провокация в деле патриарха Тихона <о начале гонений на патриарха>. 6. Л. 447. Послание митрополита от имени собора архиереев к армии. 7. Письмо Кирилла Владимировича к

	обзор событий в Германии к 25 октября 1924 г. Вырезки из газет по разделам: армия, монархия, казачество, повстанцы, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, исторические справки.	митрополиту Антонию. 8. Л.448. Тайны живоцерковного собора.
P5853 1 19	Дневник, книга № 40 (45). С 1 января по 31 марта 1925 г. Берлин. Записи в дневнике по вопросам организации работы Русского общевойскового союза в Берлине, о встречах с отдельными эмигрантами, их взаимоотношениях, материальном положении, личного характера. Приглашение на обед А.А. фон Лампе к японскому полковнику Хасимото. Переписка с П.Н. Врангелем, П.А. Кусонским, Н.Н. Чебышевым, Шевич, Б.А. Штейфоном и другими по вопросам издания сборника «Белый архив», о Лиге Обера, об образовании Комитета представителя Лиги наций в Венгрии, о материальном положении эмигрантов и по другим вопросам. Приветствия на имя П.Н. Врангеля от представителей белоэмигрантских организаций ко дню пятилетия командования им Русской армией, списки лиц, подписавших приветственные телеграммы. Циркуляры РОВС о закреплении связи с лицами, покидающими службу в штабах и управлениях, о запрещении участвовать в гражданской войне в Албании. Рапорт генерала от кавалерии П.Н. Шатилова по вопросу организации связи с русскими армейскими рабочими группами, прибывающими из Балканских государств во Францию. Список армейских рабочих групп на территории Франции и Бельгии. Протоколы заседаний совещания при	1. Л. 461. Ценности в подвале Киево Печерской Лавре <якобы о найденных ценностях на миллионырублей>. 2. Дружественные письма «святителя» Кедровского. 3. Лишение сана св. Соколовского. 4. Секретные протоколы Живой Церкви. 5. Опровержение Соколовского о лишении его сана. 6. Л. 463. <Ответ патриарха на заметку известий о нахождении ценностей и опровержение что он имеет к этому отношение>. 7. Л. 464. Резолюция патриарха Тихона. 8. Протест лозаннского православного прихода.

	председателя II отдела РОВС от 29 января, 15 февраля, 27 марта 1925 г. (копии). Распоряжения по II отделу РОВС 14-30 января 1925 г. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, вел. кн. Николай Николаевич, казачество, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, исторические справки, Дальний Восток.	
P5853 1 20	Дневник, книга № 41 (45). С 1 апреля по 30 июня 1925 г. Берлин. Записи в дневнике по поводу обысков немецкой политической полицией у А.А. фон Лампе и в берлинских белоэмигрантских учреждениях, о взаимоотношениях и политической борьбе в Германии, личного характера и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, Е.К. Миллером, П.А. Кусонским, Н.Н. Чебышевым и другими об издании в Париже новой газеты под редакцией П.Б. Струве, о деятельности «кириллистов» в Германии, о работе РОВС, о политической ситуации в Германии и по другим вопросам. Переписка со старшим галлиполиейцем в Венгрии полковником Соколовым и Розеном. Записка о положении русской эмиграции в Германии. Сводка о жизни союзов во II отделе РОВС 1 апреля 1925 г., обзор событий в Германии. Распоряжения по II отделу от 20 мая-20 июня 1925 г. Протоколы заседаний совещания при председателе II отдела РОВС от 25 мая и 15 июня 1925 г. Список секретных сотрудников врангелевской контрразведки и сведения о них. Положение о внепартийном национальном	1. Л 52 (9126) <Я признаюсь, что не знаю как отнестись к факту смерти Патриарха – потеря это или нет – он не дал нам красоту личности и сопротивления воли насилию большевиков, а мне кажется что он должен был сделать хотя бы ценою гибели и его естественная смерть есть недостаточно яркий штрих в борьбе со злом> 2. Л. 198. Советская наглость. 3. Слухи об отравлении патр. Тихона. 4. Очередная гнусность большевиков (о продаже Церкви в Харбине). 5. Похороны патриарха Тихона. 6. Погребение патриарха. 7. Акт патриарха Тихона. 8. Предотвращенное кощунство <не разрешение уничтожения посольской церкви в Турции> 9. Л.199. Провозглашение автокефалии ПЦ в Польше. 10. Заявление митрополита Петра Крутицкого <по поводу завещания патриарха>. 11. Патриарх Тихон почил (некролог). 12. Л.200. Патриарх Тихон почил. 13. Л.201. Большевики о завещании патриарха Тихона. 14. О болезни и конине патриарха. 15. Л.202. Памяти патриарха Тихона. 16. Л.303. Обращение митрополита Евлогия (по поводу кончины патриарха).

	объединении русских в Германии. Материалы, собранные А.А. фон Лампе по обвинению его членом прусского ландтага Кенкелем в шпионаже в пользу Франции. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, вел. кн. Николай Николаевич, Дальний Восток, лига Обера, повстанцы, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, исторические справки.	
P5853 1 21	Дневник, книга № 42 (47). С 1 июля по 30 сентября 1925 г. Записи в дневнике о жизни и взаимоотношениях эмигрантов, о создании кружка друзей русского национального студенческого союза, по делу А.А. фон Лампе, обвиняемого в шпионаже, и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, П.А. Кусонским, Е.К. Миллером, П.Н. Шатиловым, герцогом Лейхтенбергским и другими лицами. Сводка о жизни союзов во II отделе РОВС, распоряжения по II отделу от 10 августа-1 сентября 1925 г. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, Дальний Восток, лига Обера, казачество, повстанцы, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства.	1. Л.639. Арест священника. 2. Л.639. Выселение митрополита Платона. 3. Л.640. Церковные торжества в Англии. 4. Л. 641. Воззвание местоблюстителя патриаршего престола. 5. Л. 642. Окружное послание митрополита Антония. 6. Л.643. Нью - йоркский собор. 7. Послание митрополита Петра от 31 августа 1925 г.
P5853 1 22	Дневник, книга 43 (48). С 1 октября по 31 декабря 1925 г. Берлин. Записи в дневнике о Зарубежном съезде, об издании сборника «Белый архив», по обвинению А.А. фон Лампе в шпионаже, о взаимоотношениях эмигрантов, о встречах с отдельными лицами, личного характера и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, П.А. Кусонским, Н.Н. Чебышевым, В.В. Малама, Е.К. Миллером, И.С. Лукашем по вопросам деятельности союза, о	1. Л.60. Варшавский собор. 2. Л. 60 (10632). Разборка Варшавского собора. 3. Л 548. (11084) Вопрос о патриаршем престоле <по вопросу местоблюстителя>. 4. Л.548. Радостный день <по поводу посольской церкви в Копенгагене>. 5. Л.548. Русская церковь в Копенгагене возвращается приходу. 6. Л.549. Клеветическая компания живоцерковцев <о лже-соборе 2 -3 октября в Москве и нападках на митрополита Петра>.

	соблюдении особой осторожности в отношении всех чинов армии П.М. Бермонта, о литературно-издательской работе, о материальном положении и по другим вопросам. Сводка о жизни союзов во II отделе РОВС, протокол совещания при начальнике II отдела РОВС от 30 октября 1925 г., распоряжения по II отделу от 5 октября-31 декабря 1925 г. Статья «Русская армия за границей». Сведения автобиографического характера (л. 10947). Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, Дальний Восток, казачество, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, исторические справки.	
P5853 1 24	Дневник № 44 (49). С 1 января по 31 марта 1926 г. Берлин. Записи в дневнике об издании сборника «Белый архив», о самозванстве Чайковской, выдававшей себя за дочь Николая II в. кн. Анастасию, о выборах на зарубежный съезд, о смерти А.А. Брусилова, Заиончковского, Сухомлинова, о встречах с отдельными лицами и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, герцогом Лейхтенбергским, П.А. Кусонским, Н.Н. Чебышевым и другими. Распоряжения по II отделу от 15 декабря 1925 г. – 16 марта 1926 г. Доклад ген. А.А. фон Лампе о причинах неудачи вооруженного выступления белых. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, Дальний Восток, лига Обера, казачество, восстания в СССР, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, Зарубежный съезд,	1. В защиту русской Церкви <обращение архиерейского синода за границей по поводу ареста митрополита Петра и новых арестов духовенства>. 2. Л. 356. Арест митрополита Петра Крутицкого. 3. Новые символы веры обновленческой церкви. 4. Л. 356. Протест Русского национального комитета против гонений на православную церковь <факты гонений на церковь, в том числе арест митрополита Петра и прочее>. 5. Л.357. Разгром Соловецких святынь со слов свидетеля. 6. Л. 358. Обезглавление Церкви <по поводу ареста митрополита Петра>. 7. Л.359. Письмо аббата Кэнэ по поводу прекращения помощи русским.

	исторические справки. №№ журнала «Русская Правда».	
P5853 1 25	Дневник, книга 45 (50). С 1 апреля по 30 июня 1926 г. Берлин-Мюнхен-замок Сееон. Записи в дневнике о встречах с отдельными лицами, о взаимоотношениях и жизни эмигрантов, об издании сборника записок и дневников «Белый архив», о привлечении к ответственности А.А. фон Лампе по обвинению его в шпионаже и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, П.А. Кусонским, Гусаковым, кн. А.П. Ливеном, проф. И.А. Ильиным и другими служебного и личного характера. Распоряжения по II отделу РОВС от 18 апреля – 1 июня 1926 г., сводка о жизни союзов во II отделе РОВС, копии приказов №№ 1-2 всем русским войскам, находившимся на территории Германии, лагерь Ламсдорф, 18 и 19 февраля 1919 г., приказ по войсковой группе ген.-майора князя Авалова 24 декабря 1919 г. в г. Берлин. Рапорт председателя Правления Отделения общества галлиполийцев при правительстве королевства Венгрии о жизни галлиполийцев в Венгрии. Вырезки из газет по организации и открытию Российского зарубежного съезда, общий список делегатов съезда, доклады. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, Дальний Восток, лига Обера, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, отдельные государства. №№ журнала «Русская Правда».	1. л. 5. (1756). О прекращении помощи католиков русским эмигрантам. 2. <4 апреля пишет, что большевикам прощают убийства католических священников, а нам не могут простить выступление какого-то фанатика>. 3. Монсиньоршаталь А.В. Карташеву. 4. л.7. Обращение прихожан к митрополиту Евлогию. 5. Воззвание берлинского прихода к православным людям. 6. Письмо митрополита Евлогия митрополиту Дионисию. 7. Во власти религии (об антирелигиозной работе в армии). 8. Способ научного согласования юлианского календаря с григорианским. 9. К разрушению варшавского собора.
P5853 1 26	Дневник, книга № 46 (51). С 1 июля по 30 сентября 1926 г. Замок Сееон-Берлин. Записи в дневнике об отдельных чинах Русского общевойскового союза, личного характера и	1.5-6 сентября заметка о церковном расколе за границей, который «сходит в окончательную стадию» по словам Лампе л. 86. 2. К церковному спору.

	по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, П.А. Кусонским, А.П. Кутеповым и другими о деятельности Союза, по вопросам издания Летописи белого движения, по поводу обвинения депутатом прусского ландтага Кенкем А.А. фон Лампе в шпионаже в пользу Франции и Польши. Распоряжения по II отделу от 10 июля – 13 октября 1926 г. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, казачество, интеллигенция, социалисты, евреи, большевики, отдельные государства, исторические справки.	3. Карловацкий живоцерковец. 4. Раскол заграничной церкви. 5. Церковный раскол. 6. Раскол зарубежной церкви л. 326 (12641). 7. Постановление архиерейского синода л. 333 (12647). 8. Архиерейский собор и митрополичьи округа. 9. Разногласия между иерархами. 10. л. 331 (12646). Обращение митрополита Платона и митрополита Евлогия 11. л. 331. К архиерейскому Собору. 12. Церковно канонические осложнения. 13. Управление Западно - европейской церковью. 14. Русское духовенство о борьбе с большевизмом. 15. Запрещение священнослужения епископ Тихону. 16. Митрополит Петр местоблюститель патриаршего престола в заключении. 17. л. 348 (12663). Прихожанам берлинской церкви. 18. Уладыки беседа с митрополитом Евлогием. 19. л. 350 (12663). К церковному расколу. 20. К церковному расколу. 21. Церковный раскол. 22. л. 352. Прихожане митрополиту Евлогию. 23. Речь графа В.Н. Коковцева. 24. Письмо митрополита Антония.
Р5853 1 27	Дневник, книга № 47 (52). С 1 октября по 31 декабря 1926 г. Брюссель-Берлин. Записи в дневнике о свиданиях с А.Г. Шкуро, о жизни эмигрантов, личного характера и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, А.П. Кусонским и другими лицами. Сводка о жизни союзов во II отделе Русского общевойскового союза к 1 декабря 1926 г. (л. 12960). Распоряжения по II отделу РОВС. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, казачество, повстанцы, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства,	1. л. 91. <говорит в дневнике о попытке примирения митрополита Евлогия и епископа Тихона>. 2. с л. 218. раздел Церковь - газетные вырезки. 3. Церковное торжество в Берлине по поводу освящения нового храма митрополитом Евлогием. 4. л. 219. Письмо синодальной канцелярии. 5. К церковному расколу за границей. 6. л. 220. Открытое письмо митрополиту Антонию <по поводу церковного раскола>.

	исторические справки.	7. л. 221 (13051). Письмо Синодальной канцелярии по поводу раскола за границей. 8. Спор по поводу церкви в Берлине. 9. л. 222 (13053). К выяснению причин несогласия в РПЦ за границей. 10. Указ митрополита Евлогия об отстранении старосты берлинского прихода. 11. Откуда пошла церковная смута. 12. Письмо в редакцию по поводу вопроса канонического подчинения митрополиту Евлогию или еп. Тихону. 13. л. 225. Дела церковные по поводу раскола в Берлине. 14. л. 225 (13055). Церковная смута в Берлине.
P5853 1 29	Дневник, книга № 48 (53). С 1 января по 30 апреля 1927 г. Дневник с приложением переписки с П.Н. Врангелем по вопросу об издании «Белого дела», с П.А. Кусонским, Б.А. Штейфоном и другими лицами о материальном положении эмигрантов, об исключении Б.А. Штейфона из членов РОВС и по другим вопросам. Распоряжения по II отделу РОВС от 24 ноября 1926 г. – 19 марта 1927 г. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, Дальний Восток, казачество, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, исторические справки.	ПОВРЕЖДЕН И НЕ ВЫДАЕТСЯ
P5853 1 30	Дневник, книга № 49 (54). С 1 мая по 31 августа 1927 г. Берлин. Записи в дневнике об интригах в среде эмигрантов, о развертывании РОВСом политической деятельности,	1. Л. 95 (13723) <24-28 августа пишет о признании митрополитом Сергием советской власти>. 2. Обращение соловецких епископов к советской власти по поводу

	о встречах с вел. князем Николаем Николаевичем и П.Н. Врангелем, личного характера и по другим вопросам. Переписка с П.Н. Врангелем, П.Н. Шатиловым служебного и частного характера. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, Дальний Восток, казачество, повстанцы, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, конференции, исторические справки.	заявления митрополита Сергия. 3. О заточении митрополита Сергия. 4. Л. 97(13725). Как поступит митрополит Евлогий. 5. Кесарево – кесарю. 6. Церковь и советская власть. 7. л. 98. Обращение временного патриаршего синода 8. Московская патриархия и русские православные за рубежом. 9. 117 арестованных и сосланных православных епископов в СССР 10. Л. 294 – 300. Правда о церковной смуте.
P5853 1 31	Дневник, книга № 50 (55). С 1 сентября по 31 декабря 1927 г. Берлин. Записи в дневнике о жизни эмигрантов, о состоянии воинских организаций, о впечатлениях от поездки в Париж, личного характера и по другим вопросам. Письмо В. Сибирского из Берлина для редакции о 10-летию Добровольческой армии. Переписка с П.Н. Врангелем, П.А. Кусонским, Н.Н. Чебышевым и другими. Распоряжения по II отделу РОВС от 20 августа – 13 декабря 1927 г. Вырезки из газет по разделам: армия, церковь, монархия, Дальний Восток, казачество, интеллигенция, социалисты, смена вех, евреи, большевики, отдельные государства, исторические справки.	1. Митрополит Антоний о трагичности захвата власти большевиками в России. 2. Окружное послание Архиерейского синода за границей. 3. Собор в Сремских Карловцах. 4. Заявление митрополита Сергия об отсутствии гонений на церковь. 5. Ответ митрополита Сергия митрополиту Евлогию. 6. Митрополит Сергей и митрополит Евлогий. 7. Ответ митрополита Сергия. 8. Обращение митрополита Сергия к митрополиту Дионисию. 9. Обращение митрополита Евлогия к пастве. 10. Церковные дела <Щавельский об епископе Тихоне>.
P5853 1 32	Вырезки из газет по разным вопросам	1. Л. 34. Святители и святые о чуде в Воронеже.